

ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

№ 11 '99

ИНДЕКС ПОДПИСКИ 73118

МАЙКЛ КОУНИ
Я ПОМНЮ ПАЛЛАХАКСИ

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ
ДЖОН СЛЕЙДЕК
ДЖИМ КОУЗН

КИР БУЛЬЧЕВ:
РЕЖИССЕРЫ
И СЦЕНАРИСТЫ

ВНИМАНИЕ!

**ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛ «ЕСЛИ».
НЕ ОПОЗДАЙТЕ!**

Как всегда,
журнал «Если»
можно найти
в объединенном
каталоге Госкомсвязи
(том 1, раздел «Журналы»).

Индекс — 73118

Стоимость полугодового комплекта журнала — 144 рубля (плюс стоимость почтовых услуг, которую можно узнать только в своем почтовом отделении). Цена одного номера — 24 рубля.

**ТОЛЬКО ПОДПИСКА
СПОСОБНА УБЕРЕЧЬ ВАС
ОТ ИНФЛЯЦИИ!**

РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Александр
ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛИ РЕДАКТОРА:

Елена БОСОВСКАЯ,
Эдуард ГЕВОРКЯН.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Татьяна СЫЧЕВА.

РЕДАКЦИЯ:

Екатерина АРОЯН,
Дмитрий БАЙКАЛОВ,
Владимир ГУБАРЕВ,
Михаил КОМАРОВСКИЙ,
Татьяна МУРИНА,
Людмила ЩЕКOTOBA,
Анна ЮРЬЕВА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Юрий БРАЙДЕР,
Кир БУЗЫЧЕВ,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Андрей СТОЛЯРОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ,
Николай ЧАДОВИЧ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Ольга ДУНАЕВА,
Алексей ФИЛИППОВ,
Сергей ШЕХОВ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:

«Любимая книга»,
ЗАО «Асмэр».

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 125057, а/я 28.

АДРЕСА В ИНТЕРНЕТ:

<http://www.rusf.ru/esli>
<http://www.deol.ru/culture/esli>
E-mail: esli@rusf.ru

КОНТАКТНЫЙ ТЕЛЕФОН:

245-78-08.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ: --

Торговый дом «Любимая книга»,
тел. 245-78-11.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

«Логос-М», «ОД»,
«Сегодня-Пресс», «Артисс»,
«Желдорпресс», «Моспечать»,
«Пресс-сервис», «Центр прессы»,
«Метропресс» (СПб),
«Балтпресс» (СПб).

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство № 656.

Отпечатано ЗАО «Красногорская
типография».

Тираж 10500 экз. Зак № 3185.

В розницу цена свободная.

Подписка по Объединенному

каталогу ФСПС РФ.

Перепечатка материалов

допускается только

с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются

и не возвращаются.

Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.

© «ЕСЛИ», 1999

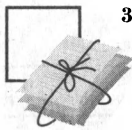
ФАНТАСТИКА

№ 11 '99(81)

ISSN 0136-0140

63 Майкл КОУНИ**Я ПОМНЮ ПАЛЛАХАКСИ**

Это — новая детективная история знаменитого фантаста, разгадку которой следует искать в глубине веков и в лучшем произведении мастера, где действуют давние предки нынешних молодых героев. Роман читатели «Если» прочтут одновременно с зарубежными поклонниками фантастики.

3 Роберт СИЛВЕРБЕРГ**ТОРГОВЕЦ****ИНДУЛЬГЕНЦИЯМИ**

И в двадцать первом веке будут в ходу средневековые способы купить счастье и свободу. Впрочем, столь же безуспешные.

23 Джим КОУЭН**ЛОПАТА РАЗУМА**

Если глубоко копать в математике, то из бездны чисел может всплыть такое!..

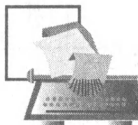
41 Джон СЛЕЙДЕК**МАЛЬЧИК НА ПАРОВОМ ХОДУ**

«Не лезьте в прошлое — будущего этим не исправите!» — рекомендует читателям автор в своем знаменитом рассказе.

50 ВИДЕОДРОМ

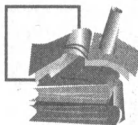
Рассказ о французской кинофантастике... Баллада о носатом пришельце... Их ответ на «Звездные войны».

249 Вл. ГАНОВ

ЗАТМЕНИЕ СВЕТИЛ

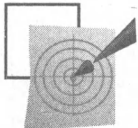
Подведение итогов в конце века и тысячелетия — неблагодарное занятие. Нередко оно превращается в перечень заблуждений и ошибок.

259 Леонид ШКУРОВИЧ

«МЫ — ОПТИМИСТЫ!»

Издательство ЭКСМО — громадье планов и проза жизни.

263 РЕЦЕНЗИИ

Новые книги В. Васильева, М. и С. Дяченко, А. Лазарчука и М. Успенского, Б. Бетке и других авторов.

284 КУРСОР

Награды находят своих героев.

270 Кир БУЛЫЧЕВ

КАК СТАТЬ ФАНТАСТОМ

Если вы прочтете последнюю часть воспоминаний знаменитого писателя и не станете фантастом, то, вероятно, уже не будете им никогда.

287 ПЕРСОНАЛИИ

Отдел справок работает без выходных!

Р О Б Е Р Т С И Л В Е Р Б Е Р Г

ТОРГОВЕЦ

ИНДУЛЬГЕНЦИЯМИ

естнадцатая позиция, Омикрон Каппа, алеф второго разряда, — вот так я доложился сторожевой программе у ворот «Альгамбра» в Стене города Лос-Анджелеса.

Программы, по сути своей, не подозрительны. Эта вообще была не слишком умна. Она сидела на здоровенных биочипах (я ощущал, как они вибрируют под электронным потоком), но сама-то была заурядной поделкой. Типичный софт привратников.

Я стоял и ждал. Пикосекунды шелкали — миллион за миллионом. Наконец привратник потребовал:

— Назовите свое имя.

— Джон Доу.* Бета Пи Эпсилон, десять-четыре-три-два-четыре-икс. Ворота открылись. Я вошел в Лос-Анджелес.

Это было простенько. Все равно, что сказать «Бета Пи».

Толщина стены, окружающей Лос-Анджелес, метров 30 — 50. Проходы в ней смахивают на туннели. Когда убедишься, что стена окружает весь Л.-А. с окрестностями, от Сан-Габриэль-Вэлли до Сан-Фернандо-Вэлли, что она тянется через горы, вниз к побережью и к дальнему концу Лонг-бич и что в ней не меньше двадцати метров в высоту, что она везде одинаково мощная — вот тогда до тебя доходит, сколько в ней веса. И ты соображаешь, какой в нее был вложен чудовищный труд — человеческая работа и человеческий пот, пот и работа. Я об этом не раз думал.

На мой взгляд, стены, построенные вокруг городов, в основном служат символами. Определяют разницу между городом и сельской местностью, между гражданином и негражданином, между порядком и хаосом — точно так, как это было 5000 лет назад. Но главное их назначение — напоминать нам, что теперь мы в рабстве. Стену нельзя не замечать. Нельзя притвориться, что ее нет. *Мы вам велели нас построить*, — вот что говорят стены. — *И не забывайте об этом. Никогда.* Тем не менее в Чикаго нет стены высотой в 20 метров и толщиной в 50. И в Хьюстоне нет. И в Фениксе. В этих городах обошлись меньшим. Но Л.-А. — главный город. Я думаю, что лос-анджелесская Стена служит декларацией: «МЫ ЗДЕСЬ ХОЗЯЕВА».

Стену воздвигли не потому, что Существа опасались нападения. Они знают о своей неуязвимости. Мы тоже об этом знаем. Они просто захотели малость украсить свою столицу. Мерзавцы — не они по-

* Джон Доу — в США соответствует русскому обороту «имярек».
(Прим. перев.)

тели на строительстве. Потели мы. Конечно, не я, но все же мы.

Прямо за стеной бродило несколько Существ, занятых, как всегда, неизвестно чем и не обращающих никакого внимания на людей. Это были Существа низкой касты — те, у которых по бокам светящиеся оранжевые пятна. Я обходил их стороной. У них есть милая манера — подхватывать человека своим длинным языком, как лягушка муху, поднимать в воздух, и пусть качается, пока не рассмотрят его желтыми глазами размером с блюдце. Это не по мне. Вреда никакого, однако мало удовольствия, когда тебя подвешивает над землей этакая диковина вроде пятиметрового осьминога, стоящего на кончиках щупальцев. Однажды меня прихватили — в Сент-Луисе, очень давно, — и я не спешу пережить подобное ощущение снова.

Оказавшись в Л.-А., я первым делом нашел машину. Всего в двух кварталах от Стены, на бульваре Вэлли увидел «тошибу эльдорадо» 2031 года, она мне понравилась, так что я определил частоты ее замка, проскользнул внутрь и потратил еще 90 секунд, чтобы ввести в программу управления данные своего обмена веществ. Предыдущий владелец, кажется, был жирный, как бегемот, и к тому же диабетик — невероятный уровень гликогена и ужасающие фосфины.

Неплохой мобильчик; правда, с неважной приемистостью, но чего можно ожидать, если на нашей планете последние автомобили были выпущены в 2034 году? Я распорядился:

— На Першинг-сквер.

У машины была отличная информационная емкость: наверное, около 60 мегабайт. Она сейчас же свернула к югу, нашла старое скоростное шоссе и покатила к центру города. Я собирался между делом поторговать (соорудить две-три индульгенции, чтобы не терять навыка), найти гостиницу, поест и, возможно, нанять себе кого-нибудь для компании. А затем подумать, что делать дальше. Была зима, лучшее время для жизни в Лос-Анджелесе. Золотистое солнышко и теплый ветер, стекающий из ущелий.

Долгие годы я не бывал на Западном побережье. В основном работал во Флориде, в Техасе, иногда в Аризоне, то бишь на Юге. Терпеть не могу холодов. В Л.-А. не появлялся с тридцать шестого года. Порядочный срок, но возможно, я намеренно держался отсюда подальше. Точно не знаю. От последней поездки в Л.-А. остались тягостные воспоминания. Одна женщина хотела получить индульгенцию, а я продал ей фальшивку. Время от времени приходится обманывать покупателей, иначе окажешься чересчур хорошим, а это опасно, и вот, она была юная, миловидная и так на меня надеялась, а я мог обдурить еще

кого-то вместо нее, но поступил так, как поступил. Временами вспоминал об этом, и на душе становилось скверно. Возможно, это и держало меня в стороне от Л.-А. все последние годы.

В центре города, километрах в трех к востоку от большой развязки движение замедлилось. Может, впереди что-то случилось, может, дорожная заставка. Я велел «тошибе» съехать со скоростного шоссе. Понимаете, это скучное и трудное дело — пробираться через дорожный контроль. Хотя я и знаю, что могу обдурить любую программу на контрольном пункте и уж наверняка обману полицейского-человека, но зачем нарываться на неприятности, если их можно миновать?

Я спросил у машины, где мы находимся. На экране появилась надпись: «Аламеда вблизи от Бэннинга». Пешком до Першинг-сквера далековато. Я вышел из мобиля на Спринг-стрит и распорядился:

— Заберешь меня в восемнадцать тридцать. На углу... Шестой и Хилл.

Машина уехала на стоянку, а я направился к скверу — торговать индульгенциями вразнос.

Хорошему торговцу индульгенциями нетрудно найти покупателей. Их можно определить по глазам: едва сдерживаемый гнев, затаенное негодование. И еще что-то неуловимое — чувствуется, что в человеке остался один-другой лоскут честности, искренности, и это заявляет о себе напрямую. Перед тобой человек, готовый многим рискнуть ради относительной свободы.

Через 15 минут я уже был занят делом.

Первый оказался бывалым серфингистом — выгоревший на солнце парень, грудь колесом. Дело в том, что Существа уже 10 — 15 лет не разрешали серфинга. Выцеживая из моря необходимые им белки, они понаставили неводов для планктона прямо у берегов, от Санта-Барбары до Сан-Диего, так что все местные парни, любители попрыгать по волнам, кипели от злости. А этот человек был сущим дьяволом в своем деле. Стоило на него посмотреть — как он шел через парк, слегка покачиваясь, словно компенсируя неправильности вращения Земли, — и становилось понятно, каков он некогда был на воде.

Парень сел рядом со мной и принялся за свой ленч. Мощные, огрубевшие руки. Строитель Стены. Желваки ходили ходуном — в нем клокотал гнев: еще градус, и вскипит.

Я подтолкнул его к разговору. Да, серфингист. Все ушло, все позади. Вздыхая, он стал рассказывать о легендарных пляжах, где волны свивались в туннели и серфингисты проскакивали их насквозь.

— Трестл-бич, — бормотал он. — К северу от Сан-Онофре. Мы туда пробирались через Кэмп-Пендлетон. Моряки иногда постреливали, просто для предупреждения. Или Холистер-ранч, рядом с Санта-Барбарой... — Его бледно-голубые глаза затуманились. — Хантингтон-бич. Окснард. Приятель, я побывал везде. — Он взмахнул огромным кулаком. — И теперь эти долбаные Существа заграбастали все побережье. Ошалеть можно! Это их *собственность*, понимаешь? А я, как дурак, буду десять лет строить Стену — уже второй срок, семь дней в неделю!

— Десять лет? — переспросил я. — Поганые дела.

— А у кого дела не поганые?

— Кое-кто откупается.

— Верно.

— Это можно устроить.

Поздирительный взгляд. Неизвестно, кто может оказаться боргманом. Эти вонючие предатели шастают повсюду.

— Как устроить?

— Нужны деньги, — сказал я.

— И торговец.

— Правильно.

— Которому можно доверять.

Я пожал плечами и ответил:

— Тебе придется ему поверить, приятель.

— Да. — Он помолчал. — Я слышал об одном парне, он купил индульгенцию на три года вместе с пропуском за Стену. Уехал на север, устроился на траулер и зарулил в Австралию, к Большому рифу. Никто не собирается его искать. Он выпал из системы. Просто выпал из их долбаной системы. По-твоему, сколько это стоит?

— Примерно двадцать штук.

— Круто! Полагаешь, так много?

— И я не могу ничего устроить насчет траулера. Будешь сам за себя отвечать, когда окажешься за Стеной.

— Двадцать штук только за то, чтобы выйти за Стену?

— И освобождение от работы на семь лет.

— Мне выпало десять, — пробормотал он.

— На десять не получится. Программа этого не допускает, понимаешь? Но семи достаточно. За это время ты сумеешь убраться так далеко, что они тебя потеряют. Черт побери, хватит времени, чтобы вплавь добраться до твоей Австралии. Спускайся к югу, за Сидней, там нет неводоов... Могу я проверить твои активы?

— У меня семнадцать с полтиной. Полторы тысячи живых, остальное под залог. Что можно получить за семнадцать с полтиной?

— Как сказано: пропуск за Стену и освобождение на семь лет.

— Эй, а как же условия сделки?

— Возьму то, что можно получить. Давай сюда свое запястье.

Я нащупал его имплантант — вживленный банк данных — и соединил со своим. Как он и сказал: полторы тысячи в банке и шестнадцать тыщенок залоговых денег. Теперь мы оба пристально смотрели друг на друга. Как я вам говорил, никогда не знаешь, кто окажется боргманом.

— Ты можешь это сделать прямо здесь? В парке? — спросил он.

— Вполне. Откинься и закрой глаза, будто дремлешь на солнышке. Делаем так: сейчас я беру тысячу наличными и пять штук из залоговых прямой долговой распиской. Когда пройдешь за Стену, я получаю пятьсот наличными и еще пять тысяч — плата за безопасность. Остальное будешь выплачивать, где бы ты ни был, по три тысячи в год, плюс проценты, поквартально. Я все запрограммирую, включая напоминание о сроке выплаты. Твое дело, как устроить себе путешествие — помни, я делаю индульгенции и пропуска за Стену, и только. Я ведь не бюро путешествий. Договорились?

Он откинул голову, закрыл глаза и проговорил:

— Действуй.

Работа была самая привычная — прямая эмуляция, мой обычный хакерский прием. Я выудил идентификационные коды серфингиста, под ними вошел в центральный банк данных, отыскал его файлы. Действительно, парень влип — от него ожидался налог на зарплату за десять лет работы на Стене. Я выписал индульгенцию на первые семь лет. По чисто техническим причинам пришлось сохранить запись о трех последних годах, однако через семь лет компьютеры не смогут его отыскать. Кроме того, я выписал парню пропуск за Стену: для этого пришлось присвоить ему новую квалификацию — программиста третьего разряда. Он был совсем не похож на программиста, но электронная охрана Стены ничего не понимает в таких вещах. Итак, я сделал парня членом привилегированной группы, горстки людей, которая может свободно входить в города, обнесенные стенами, и выходить из них, когда пожелает. В обмен на эту маленькую любезность я перевел все, что он накопил за свою жизнь, на разные счета. Частичная оплата сейчас, остальное потом. У парня не оставалось и пяти центов за душой, зато он стал свободным человеком. Не такая уж плохая сделка.

К тому же индульгенция была действующая. Я решил не жульни-

чать здесь, в Лос-Анджелесе. Искушение — сентиментальное, можно сказать, — того, что я сделал с одной женщиной много лет назад.

Понимаете, время от времени абсолютно необходимо выписывать фальшивки. Чтобы не выглядеть чересчур добросовестным, чтобы не дать Существам повода открыть на тебя охоту. И нельзя выписывать слишком много индульгенций.

Конечно, я бы мог вообще не возиться с этими индульгенциями. Мог бы просто велеть системе платить мне в год, скажем, 50 или 100 штук и жить себе спокойненько. Но это скука смертная.

Так что я зарабатывал на индульгенциях, но ровно столько, сколько мне нужно на жизнь, и временами оформлял фальшивки, чтобы казаться таким же неумелым, как остальные, — чтобы Существа не начали меня выслеживать, фиксируя характерные приемы моей работы. Угрызения совести меня не слишком донимали. В конце концов, это вопрос выживания. Кроме того, большинство индульгентщиков — окончательные мошенники. Со мной, по крайней мере, у вас куда больше шансов получить то, за что вы заплатили.

Следующей была японка классического типа — тонкая, хрупкая куколка. Она столь неистово рыдала, что я было подумал, не переломит ли ее пополам. Седовласый старик в потрепанном деловом костюме (по виду дед этой женщины) пытался ее успокоить. Прилюдный плач — верный показатель, что у человека серьезные неприятности. Я спросил: «Нужна помощь?». Они даже не пытались осторожничать.

Старик оказался отчимом, а не дедом. Ее мужа убили грабители год назад. Она осталась с двумя малышами. Сегодня вытянула уведомление о новой работе. Испугалась, что ее собираются послать на строительство Стены. Конечно, это вполне возможно, назначения сплошь и рядом делаются наобум, но Существа не сумасшедшие: какой толк заставлять женщину весом с перышко ворочать каменные блоки? У старика были осведомленные друзья, которым удалось прочесть код на уведомлении. Компьютеры не посылали эту женщину на Стену, нет. Ее послали в Пятый район. И дали классификацию Т.Н.У.

— На Стену было бы лучше, — сказал старик. — Там бы сразу поняли, что она не годится для тяжелой работы, и нашли бы что-нибудь полегче. Но Пятый район... Оттуда живыми не возвращаются.

Я спросил:

— Вам известно, что такое Пятый район?

— Зона медицинских экспериментов... И еще эта пометка, Т.Н.У. Я знаю, зачем ее ставят.

Женщина снова начала плакать. Я не мог ее осуждать. Т.Н.У. означает «тест на уничтожение». Существа хотели установить, сколько работы мы в состоянии выполнить, и решили, что единственный способ — пропускать нас через проверки, показывающие предел физических возможностей.

— Я погибну, — сквозь рыдания кричала она. — А мои дети?

— Вы знаете, что такое индულгентщик? — спросил я у мужчины.

Мгновенная взволнованная реакция: дыхание перебилось, глаза блеснули, голова резко вскинулась. Столь же быстро волнение исчезло, уступив место отчаянию.

— Все они обманщики, — пробормотал он.

— Не все.

— Откуда мне знать? Берут деньги, а взамен — пустышка.

— Вы же знаете, что это неправда. Бывает так, бывает иначе. Словом, за три тысячи долларов я могу убрать Т.Н.У из ее уведомления. Еще за пять могу сделать освобождение от работы до времени, когда ее дети пойдут в старшие классы.

Сентиментальность. Скидка в 50 процентов — а я даже не проверил его счета. Сначала мне показалось, что этот ее отчим — миллионер. Но тогда бы он добывал индულгенцию, а не сидел в Першинг-сквере.

Он смерил меня долгим, внимательным, недоверчивым взглядом — обывательская практичность взяла свое. Спросил:

— Как нам убедиться в этом?

Можно было ответить, что перед ними король в своей профессии, лучший из всех индулгентщиков, гениальный хакер с магической хваткой, который может войти в любой компьютер и заставить его плясать под свою дудку. И это было бы чистой правдой. Но я сказал одно: они должны решать сами, а я не могу предъявить никаких удостоверений и рекомендаций, но если он пожелает, могу все сделать, хотя, с другой стороны, мне все равно, если его дочь останется при своем Т.Н.У.

Они отошли в сторону и минуту посовещались. Вернулись. Он молча отвернул рукав и подставил свой имплантант. Я проверил его кредитный счет: 30 штук. Восемь переправил на свои счета — половину на счет в Сизтле, половину на лос-анджелесский. Затем взял запястье женщины — оно было не толще двух моих пальцев, — вошел в ее компьютер и внес туда индулгенцию, которая спасала ей жизнь. Для пушей уверенности дважды проверил надежность записи — ведь можно обмануть клиента совершенно случайно. Правда, со мной такого

еще не бывало, но я не хотел, чтобы эта клиентка стала первой.

— Уходите, — сказал я. — Поезжайте домой. Ваши ребятишки проголодались.

— Если бы я могла вас отблагодарить...

— Мой гонорар уже в банке. Уходите. Если повстречаемся, не здоровайтесь.

— Это сработает? — спросил старик.

— Вы сказали, у вас есть друзья, которые кое-что могут. Обождите семь дней, затем сообщите в банк данных, что дочь потеряла уведомление. Получите новое и попросите своих приятелей его декодировать. Тогда и убедитесь.

Думаю, он не поверил. Думаю, он был почти уверен, что я отжулил четверть того, что старик накопил за долгую жизнь. Его глаза сверкали ненавистью. Что ж, мне не привыкать. Через неделю узнает, что я действительно спас жизнь его падчерице, и рванет в сквер, чтобы извиниться за свое гнусное отношение ко мне. Но тогда я буду уже не здесь, а далеко-далеко.

Они потащились к восточному выходу из парка, раза два останавливались и оглядывались, словно я мог обратить их в соляные столбы.

Этих заработков мне должно было хватить на неделю, которую я собирался провести в Л.-А. Однако я стал оглядываться, надеясь подработать еще немного. И зря.

Этот клиент был настоящей серой мышкой — из тех людей, которых вы ни за что не выделите в толпе: серые редееющие волосы, кроткая, извиняющаяся улыбка. Но в глазах некое сияние. Не помню, то ли он первым заговорил со мной, то ли я с ним, но и минуты не прошло, как мы стали обиняками прощупывать друг друга. Он сказал, что живет в Сильвер-Лейк. Я ответил безразличным взглядом. Откуда мне знать всю эту кучу лос-анджелесских пригородов? Он добавил, что приехал, чтобы встретиться кое с кем в доме правительства на Фигероа-стрит. Очень хорошо: видимо, подает апелляцию. Клиент?

Затем он пожелал узнать, откуда я прибыл.

— Путешествую, — сообщил я. — Ненавижу сидеть на одном месте. — Чистая правда. Мне необходимо пиратствовать, иначе я рехнусь, но если стану работать в одном месте, то фактически приглашу полицию выйти на мой след, и тогда все, мне конец. Этого я ему не сказал. Ответил: — Приехал из Юты вчера вечером. До того был в Вайоминге. Может, поеду в Нью-Йорк. — И то, и другое, и третье было ложью.

Он взглянул на меня так, словно я собрался на Луну. Здешние не часто выбираются на Восток. В наше время большинство никуда не ездит.

Зато он понял, что у меня есть пропуск либо я могу каким-то образом получить его. Именно это он и хотел вызнать. Минуты не прошло, а мы уже приступили к делу.

Он сказал, что вытянул новое направление на работу — шесть лет, мелиорация соляных залежей около Моно-Лейка. Народ мрет, как мухи.

Чего он хочет? Направления в пристойное место, вроде Отдела эксплуатации и развития, непременно внутри Стены, предпочтительно в каком-нибудь округе у океана, где воздух чист и прохладен.

Я назвал цену, и он без колебаний согласился.

— Давайте свое запястье, — велел я.

Он протянул мне правую руку, вверх ладонью. Пластинка имплантанта у него была установлена на обычном месте — бледно-желтая, но более округлая и с чуть более гладкой поверхностью, нежели стандартные. Я не придавал этому значения. Приложил свою руку к его руке, как делал тысячу раз до того. Запястье к запястью, контактная зона к контактной зоне. Наши биокомпьютеры соединились, и я мгновенно понял, что попал в беду.

Люди имплантировали биокомпьютеры лет 40 назад — во всяком случае, задолго до вторжения Существ, — и большинство принимает их как данность, вроде следов от прививок оспы. Используют компьютеры в тех целях, для которых они предназначены, и секунды лишней о них не думают. Для обычных людей биокомпьютер — всего лишь бытовой инструмент, вроде ложки или лопаты. Надо иметь психологию хакера, чтобы превратить свой биокомпьютер в нечто большее. Поэтому, когда явились Существа, и подмяли нас, и заставили возводить стены вокруг наших городов, люди в большинстве повели себя просто как овцы, как стадо — позволили себя огородить и вежливенько оставались внутри ограды. Теперь свободно передвигаться можем только мы, хакеры; только мы умеем манипулировать большими компьютерами, с помощью которых нами управляют Существа. Нас немного. И я сразу определил, что попался на удочку хакера.

В самый момент контакта он ворвался в меня, словно ураган.

По силе сигнала я понял, что встретился с чем-то особенным. А главное, он и не собирался покупать индульгенцию. Он искал дуэли. Хотел показать новому мальчику, какие фокусы знают в этом городе.

Никогда еще ни одному хакеру не удавалось со мной совладать.

Ни разу. Мне было жаль этого парня, но не слишком.

Он бабахнул в меня пакетом сигналов — закодированных, но простых, — определяя мои параметры. Я перехватил сигналы, запомнил и прервал его. Теперь моя очередь запустить проверку. Пусть он посмотрит, кого пытается одурачить. Но едва я начал процедуру, как он заткнул меня. Такого еще никогда не случалось. Я взглянул на него с некоторым уважением.

Обычно любой хакер оценивал мой сигнал за первые же 30 секунд и прерывал состязание. Ему становилось понятно, что продолжать незачем. Но этот парень либо не сумел оценить меня, либо ему было наплевать, кто я такой. Поразительно! И поразительные штуки он пустил в ход.

Принялся прямо за дело, по-настоящему пытаюсь взорвать мою систему. Поток сигналов хлынул в меня, прямо в гигабайтную зону.

ДКОСТЛЬ АБМАРКЕР. ЧДНВШИ ИЗУМЛГР.

Я парировал и ударил вдвое сильнее.

МАКСЛЯГУШ. МИНХИТР НАБЛДТ ДКОСТЛЬ.

Он ничего не имел против.

МАКСДОЗ НПАКЕТ.

МПАКТ.

ПРЕПАК.

НЕПАК.

Ничья. Парень все еще улыбался. Ни капельки не вспотел. В нем появилось что-то жуткое. Странное. И я внезапно понял: это хакер-боргман. Работает у Существ, прочесывает город, ищет вольных стрелков вроде меня. Хотя он и был мастером, настоящим мастером, я его презирал. Хакер, ставший боргманом... По-настоящему гнусный тип. Надо его осадить. Прикончить. В жизни не испытывал такой ненависти.

Но я ничего не мог с ним поделать.

И это я — владыка информации, мегабайтное чудище! Всю свою жизнь мне не составляло труда свободно плавать по миру, закованному в цепи, и открывать любой замок. И сейчас из меня вил веревки этот серенький. Он парировал любой мой удар и давал все более причудливые ответы. Использовал алгоритмы, с которыми я прежде не сталкивался; их едва удавалось распутывать. Скоро я перестал понимать, что он со мной делает — не говоря уже о том, как надо защищаться. Да что там — я едва мог пошевелиться.

Он неотвратимо толкал меня к крушению.

— Кто ты?! — завопил я.

Он только рассмеялся.

И продолжал лить в меня *это*. Оно грозило целостности моего имплантанта, проникало на микроскопический уровень, атаковало сами молекулы. Сковывало оболочки электронов, меняло заряды, уродовало валентности, превращало мои сети в желе. Компьютер, вживленный в мозг, представляет собой множество органических молекул. Но и мозг построен из них же. Если боргман будет продолжать, полетит мой компьютер, за ним последует мозг, и остаток жизни я буду пускать слюни в желтом доме.

Это не было спортивным состязанием. Дело шло к убийству.

Я бросился за резервами, пустил в ход все доступные мне защитные средства. В жизни их не использовал, но они были на месте и утихомирили его. На момент он перестал лупить меня и даже отступил, и я смог вздохнуть и подготовить несколько защитных комбинаций. Но прежде чем смог их запустить, он снова сшиб меня и опять потащил к обрыву.

Что-то невероятное!

Я заблокировал его. Он вернулся. Я врезал наотмашь — он направил удар в какой-то нейтральный канал и там загасил.

Еще удар. И снова полная блокада.

А затем уже он врезал мне: я полетел кувырком и едва смог собрать себя из кусочков, когда оставалось три наносекунды до края пропасти.

Я начал готовить новую комбинацию. Но в это же время разбирался в тонусе его информационного багажа и обнаружил абсолютную и холодную уверенность. Он был готов к любому моему ходу. Среднее между простой уверенностью в себе и совершенной самоуверенностью.

Вот что получалось: я был способен не давать ему разрушить меня, но с отчаянными усилиями. Взять его самого за глотку не мог. Казалось, у него неистощимые ресурсы. Он был неутомим. Он спокойно принимал все, что я мог выдать, и колотил меня сразу с шести сторон.

Впервые до меня дошло, как чувствовали себя хакеры, которых я мутузил. Некоторые, наверное, воображали себя настоящими боевыми петухами, пока не нарывались на меня. Тяжело проигрывать, когда думаешь, что ты мастер. Когда знаешь, что ты мастер. Людям такого сорта, если они проигрывают, приходится перепрограммировать все свое восприятие Вселенной.

У меня были две возможности. Сражаться, пока не кончатся силы, и он меня добьет. Или сдаться сразу. В конце концов, ведь все сводится к «да» или «нет», к единице и нулю, не правда ли?

Я глубоко вздохнул. Уставился в пропасть. И сказал:
— Ладно. Я проиграл. Сдаюсь.

Оторвал свое запястье от его руки, согнулся и рухнул наземь. Меня трясло. Через минуту подскочили пятеро легавых и скрутили меня, как индейку. Руку с имплантантом оставили вне упаковки — с браслетом безопасности на запястье, словно боялись, что я начну вытягивать информацию прямо из воздуха.

Место, куда меня отвезли — здание на Фигероа-стрит, черного мрамора, в 90 этажей, — было домом марионеточного городского правительства. Наплевать. Я впал в оцепенение. Хотя в канализацию спускайте, мне наплевать. Повреждений я не получил (автоматический контроль системы работал, все в норме), но оскорблен был невыносимо. Чувствовал себя сокрушенным. Уничтоженным. Хотел только одного: узнать имя хакера, который со мной расправился.

В здании на Фигероа-стрит помещения высотой в шесть метров, так что Существа могут свободно ходить по всем комнатам. В такой кубатуре голоса людей реверберировали, как в пещере. Легавые посадили меня в коридоре, по-прежнему связанного, и куда-то надолго ушли. Неясные звуки прокатывались по длинному коридору. Хотелось от них спрятаться. Мозг буквально саднило. Вибраций я нахватался выше крыши.

Временами через холл парами проходили Существа, огромные, как башни. Громко переговариваясь, шли с обычной своей странной грацией на кончиках щупальцев. За ними семенила небольшая свита из людей, которых они, как всегда, полностью игнорировали. Они знали, что мы обладаем разумом, но не снисходили до разговоров с нами. Переговоры поручали своим компьютерам — через интерфейс Боргмана, продавшего нас всех... чтоб его сигнал навсегда заглох! Да, они все равно покорили бы нас, но Боргман невероятно облегчил задачу, показав им, как соединять наши малые биокomпьютеры с их огромными машинами. Могу поспорить, он даже гордился собой: хотел убедиться, что его изобретение работает, и плевать ему на то, что он продал нас в вечное рабство.

До сих пор никто не представляет себе, зачем явились Существа и чего они хотят. Они здесь, и все тут. Осмотрелись. Покорили. Реорганизовали. Заставили нас работать — выполнять чудовищную и непосстижимую задачу. Как в дурном сне.

И не находилось никакого способа от них защититься. Поначалу мы петушились, хотели начать партизанскую войну и выместить мерзав-

цев с планеты, но скоро стало понятно, что надежды нет, что они нас подмяли. Не осталось людей, имевших хотя бы видимость свободы, кроме горстки хакеров. Но у нас не хватало куража для серьезного бунта. Мы чувствуем себя триумфаторами уже потому, что можем прокрадываться из города в город, не нуждаясь в разрешении.

Похоже, для меня это время кончилось. Но в тот момент я чихать на все хотел. Все еще пытался сообразить, как вышло, что меня побрили. Не оставалось во мне мегабайтов, чтобы разработать программу для предстоящей жизни.

Кто-то спросил:

— Где индულгентщик?

— Вот он.

— Она хочет его видеть. Немедленно.

Рука на моем плече. Мягкий толчок, приказ:

— Вставай, приятель.

Я прошаркал по коридору к огромной двери, ведущей в гигантский кабинет с таким высоким потолком, что любому Существо не пришлось бы пригибаться. В дальнем конце за широким столом сидела женщина в черном платье. В этой колоссальной комнате стол казался игрушечным. И женщина казалась игрушкой. Полицейские оставили меня наедине с ней. Я был так обмотан, что не представлял для нее опасности. Она спросила:

— Джон Доу?

Я стоял посреди комнаты.

— Для программы привратника не имеет значения, какое имя я назвал.

— Итак, вы ввели стражу в заблуждение. Должна вас предупредить, вы находитесь под следствием.

— Вам известно все, что я могу рассказать. Ваш боргман-хакер поплавал в моих мозгах.

— Будет лучше, если вы согласитесь сотрудничать. Человека, назвавшегося именем Джон Доу, обвиняют в незаконном входе в город, незаконном использовании транспортного средства и незаконном пользовании интерфейсами. Хотите сделать заявление?

— Нет.

— Вы отрицаете свою торговлю индულгенциями?

— Не отрицаю и не подтверждаю. Какой смысл?

— Посмотрите на меня, — сказала она. В ее голосе была странная взвинченность. — Мы знаем, что вы индულгентщик. И я знаю, кто ты такой. Ты...

И она назвала имя, которым я очень давно не пользовался.

Я смотрел на нее. Таращился. Тяжко было поверить в то, что я видел. Воспоминания обрушились, затопили. Мысленно я редактировал ее лицо — где-то убрал несколько морщинок, поубавил немного плоти в нескольких местах, а кое-где добавил. Снимал годы, как одежду.

— Да, — проговорила она. — Именно так. Это я.

У меня отвисла челюсть. Это было хуже, чем нападение хакера. Гораздо хуже.

— И вы на них работаете? — спросил я.

— Индальгенция, которую ты мне продал, никуда не годилась. Ты ведь это знал, верно? В Сан-Диего меня ждал один человек, но когда я попыталась пройти за Стену, меня тут же схватили. Я просто визжала. Готова была тебя убить. Ведь я должна была уехать в Сан-Диего, мы собирались пробраться на Гавайи в его лодке.

— Я не знал насчет парня в Сан-Диего.

— С какой стати? Тебя это не касалось. Ты взял деньги за индальгенцию. Мы заключили сделку.

У нее были серые глаза с золотыми искорками. Больших усилий стоило смотреть в эти глаза.

— Все еще хотите меня убить? — спросил я. — Сейчас?

— Нет и нет, — ответила она и снова назвала меня по имени. — Сказать не могу, как я удивилась, когда тебя ввели. Мне доложили: индальгентщик, Джон Доу. Торговцы индальгенциями — это мой отдел. Их всех приводят ко мне. Когда-то давно я все думала, что будет, если притащат тебя, но потом сообразила: нет, невозможно, он за миллион миль и никогда сюда не вернется. Но вот они приводят Джона Доу, и я вижу тебя.

Я спросил:

— Вряд ли вы поверите, но я чувствовал себя виноватым. Вы точно не поверите. Но это правда.

— Убедена, что ты терпел нескончаемые муки...

— Поверьте, пожалуйста. Верно, я многих людей обманывал, иногда жалел их, иногда — нет, но вас я забыть не мог. Это правда.

Она задумалась. Не знаю, поверила ли она мне хоть на долю секунды, но задумалась — я это видел. Потом спросила:

— Почему ты это сделал?

— Я обманываю людей потому, что не хочу казаться совершенством. Выдаешь индальгенцию, и каждый раз идет молва. Постепенно ты становишься известен. О тебе узнают повсюду, и раньше или позже Существа тебя хватают. Так что я постоянно делал кучу фальши-

вок. Говорил людям: сделаю все, что смогу, но не даю никаких гарантий — иногда не срабатывает.

— Ты сознательно меня обманул.

— Да.

— Так я и думала. Ты выглядел таким спокойным. Настоящий профессионал. Мастер. Уверена была, что индульгенция действующая. Представить не могла, что она не сработает. Но у Стены меня схватили. И я подумала: этот ублюдок меня продал. Он слишком хорош для того, чтобы обмишулиться. — Она говорила спокойным тоном, но в глазах все еще был гнев. — Ты что, не мог обжужить еще кого-нибудь? Почему выбрал меня?

Я долго смотрел на нее. Потом ответил:

— Потому что я вас любил.

— Чушь. Ты меня совсем не знал. Я была случайным человеком, который тебя нанял.

— Именно так. Но я вдруг размялся — безумные фантазии насчет вас, неизвестно откуда они взялись, я был готов перевернуть свою чудесную, благоустроенную жизнь ради вас, а вы видели только исполнителя. Я не ведал о парне в Сан-Диего. Знал только, что я вас хочу. Или, по-вашему, это не любовь? Ладно, называйте по-другому, как понравится. До тех пор я не позволял себе таких чувств. Думал, это неумно: связывает по рукам и ногам, риск слишком велик. Но увидел вас, поговорил с вами немного и подумал, что между нами может что-то возникнуть; я стал меняться, я подумал: да, да, пусть случится на этот раз, все может быть по-иному на этот раз. А вы ничего не видели, ничего — только лепетали, как важна для вас индульгенция. Потому я вас обманул. Но потом подумал: Господи, я загубил эту девочку, и всего лишь потому, что вышел из себя, а сделать-то было нужно какой-то пустяк. И с тех пор все время... Конечно, вы не верите. Я же не знал насчет Сан-Диего. Из-за этого мне еще хуже.

Она ни слова не проронила в ответ, молчание становилось невыносимым. Так что через секунду я попросил:

— Ответьте мне на один вопрос. Этот парень, что разделался со мной на Першинг-сквере. Кто он такой?

Она сказала:

— Никто.

— Что это значит?

— Он не «кто». Он — «что». Это андроид, мобильное устройство для ловли индულгентчиков, напрямую соединенное с большим компьютером Существ в Калверт-сити. Новые устройства, мы выпускаем их в город.

— Вот как...

— В отчете сказано, что ты задал ему трепку.

— Скорее, наоборот. Чуть мозги мне не расплавил.

— Ты пытался выпить море через соломинку. И было похоже, что тебе это удастся. Наверное, ты действительно хороший хакер.

— Почему вы пошли на них работать? — спросил я.

Она пожала плечами.

— На них работают все. Кроме таких, как ты. Ты взял все, что у меня было, и не дал мне индульгенции. Что мне оставалось делать?

— Понимаю.

— Это не такая уж плохая работа. По крайней мере, не работа на Стене. И не отослали на Т.Н.У.

— Да, — сказал я. — Наверное, неплохое занятие — если вы согласны работать в комнате с высоким потолком... Значит, вот что ожидает меня? Пошлют на Т.Н.У.?

— Не будь дураком. Ты слишком ценный работник.

— Для кого?

— Систему надо постоянно совершенствовать. Ты это знаешь лучше, чем любой из них. Будешь работать на систему.

— И вы думаете, я соглашусь стать боргманом? — изумленно спросил я.

— Тогда Т.Н.У.

Я умолк. Ее предложение — полная ерунда. Они будут ослами, если доверят мне хоть какую-нибудь ответственную работу. И окончательными ослами, если подпустят меня к своему компьютеру.

— Хорошо. Я буду работать. При одном условии. Позвольте мне сыграть еще раз с этим вашим андроидом. Мне надо кое-что проверить. А потом можем обсудить, для какой работы я больше подойду.

— У тебя не такая ситуация, когда можно выдвигать условия.

— И все же это моя ситуация. То, что я делаю с компьютерами... называйте это творчеством. Вы не заставите меня делать подобную работу против моей воли.

Она обдумала мой ответ.

— Зачем тебе это нужно?

— Меня никто не мог одолеть. Хочу попробовать еще раз.

— Но зачем?

— Давайте вашего андроида, и я покажу — зачем.

Она уступила. Может быть, из любопытства, может, по другой причине. Словом, она соединилась с компьютером — не прошло и минуты, как привели андроида, с которым я состязался в парке. Или дру-

гого с такой же физиономией. Он оглядел меня с симпатией, но без малейшего интереса.

Кто-то вошел, снял с моего запястья браслет безопасности и удалился. Женщина проинструктировала андроида, он подставил мне запястье. Мы вошли в контакт, и я сразу прыгнул в *глубину*.

Меня шатало и качало, я был изрядно помят, но знал, чего хочу, и знал, что должен действовать быстро. Задача: полностью игнорировать андроида — он был просто терминалом, прибором — и прорваться к тому, что помещалось за ним. Так что я обошел собственную программу андроида, она была толковая, но поверхностная. Миновал ее, пока андроид строил свои комбинации, нырнул в глубину, мгновенно ушел с уровня внешнего устройства на уровень большой машины и сердечно пожал лапу главного компьютера, что в Калверт-сити.

Господи, вот было удовольствие!

Там восседала сама власть, все эти миллионы мегабайтов, и я в них ворвался! Конечно, я чувствовал себя мышью, оседлавшей слона. Но вышло здорово. Может, я и был мышью, но она попала на роскошные гонки. Я вцепился крепче и летел вместе с ураганным ветром.

И на лету обеими руками отрывал от компьютера куски и разбрасывал в стороны.

Я не заметил, как прошла добрая десятая часть секунды. Так огромна была эта штукавина. Я был в ней и выхватывал большие блоки информации, радостно выдергивал и раздирал. А машина не замечала этого, потому что самый замечательный компьютер все-таки ограничен скоростью света, сигнал не может идти быстрее, чем 300 000 километров в секунду, так что минует порядочное время, пока колокол тревоги пройдет по всем нейронным каналам. Эта была *громдная* штукавина. Я сказал — мышь на слоне? Нет, больше похоже на амбу, оседлавшую бронтозавра.

Один Бог знает, сколько вреда я смог причинить. Конечно, защитные цепи сработали. Внутренние ворота захлопнулись, чувствительные области закрылись, и слон с величайшей легкостью сбросил меня со спины. Не было ощущения, что заготовлена ловушка, так что я спокойно вышел на свободу.

Андроид рухнул на ковер. Теперь это была пустая оболочка.

На стене кабинета вспыхивали огни.

Женщина была в смятении.

— Что ты натворил?

— Одолею вашего андроида. Это оказалось нетрудно, поскольку я знал, кто он такой.

— Ты повредил главный компьютер!

— На самом деле — нет. Просто малость пощекотал. Он удивился, когда понял, что я в нем орудную, вот и все.

— Тогда вопрос: почему ты не испортил его? Почему не сокрушил программы?

— Вы думаете, я способен на такие вещи?

Она изучающе посмотрела на меня.

— Думаю, да.

— Ну, может, и так. Или не так. Но понимаете, я не борец со злом. Мне нравится мой образ жизни. Это тихая жизнь. Я не затеваю революций. Если мне хочется фокусничать, я это делаю — но в меру. И Существа даже не знают обо мне. Но если я всуну палец куда не надо, они мне палец откусят... Так что я ничего не делал.

— Но можешь сделать, — проговорила она.

Мне стало неудобно.

— Не понимаю, о чем вы? — спросил я неуверенно.

— Тебе не нравится риск. Ты не хочешь находиться под подозрением. Но если мы отберем у тебя свободу, привяжем к Л.-А. и заставим работать, какого дьявола тебе останется терять? Тогда ты и ввяжешься. Начнешь фокусничать во имя добра. — Некоторое время она молчала. — М-да. Это реальный вариант. Теперь я понимаю, что у тебя есть такие возможности и здесь ты сумеешь их использовать.

— Что?

— Ты так поработаешь с их компьютером, что Существам придется начинать все сначала. Разве я не права?

Она видела меня насквозь. Я не ответил. А она продолжала:

— Но я не дам тебе такой возможности. Я не сумасшедшая. Здесь не будет никаких революций, и я не собираюсь становиться героиней, а ты не годишься в герои. Теперь я в тебе разобралась. С тобой опасно связываться. Если тебя задеть, ты непременно возьмешь реванш, не думая о том, какую беду принесешь другим. Ты можешь испортить компьютер, но тогда Существа на нас напустятся, и нам будет еще тяжелее, чем сейчас. Все будут страдать, но тебя это не затронет. Нет, нет... Моя жизнь не так ужасна, чтобы я позволила тебе ее перевернуть. Однажды ты это сделал. С меня хватит. — Она твердо смотрела мне в глаза, и казалось, ее гнев улетучился, осталось только презрение. — Ты можешь подключиться еще раз и устроить фокус с записью о твоём аресте? Стереть ее?

— Да.

— Сделай это. И уходи. Убирайся ко всем чертям, и быстро.

— Это серьезно?

— Вполне.

Я покачал головой. Все понятно. Я знал, что одновременно победил и потерпел поражение. Она нетерпеливо махнула рукой, словно отгоняла муху.

Я ощущал себя совсем маленьким. Кивнул и пробормотал:

— Хочу сказать... Ну, насчет того, как я жалею о том, что натворил — все это правда. До последнего слова.

— Может, и так. Слушай, отключайся и двигай отсюда. Из этого здания. Из города. И по-настоящему быстро.

Я порывлся в уме — что бы еще сказать, но ничего не отыскал. Подумал: уходи, если получил шанс. Она протянула мне руку, и я соединился с ее имплантантом. Когда наши запястья соприкоснулись, она задрожала. Совсем немного, но я это почувствовал. Думаю, теперь буду чувствовать каждый раз, когда замыслю обман — каждый раз. Когда бы ни решил обжулить.

Вошел, отыскал запись об аресте Джона Доу, уничтожил. Затем раскрыл ее файл государственного служащего, повысил ее в должности на два разряда и удвоил жалованье. Не такая большая компенсация. Но, черт побери, большего сделать я не мог. Затем уничтожил свои следы и вышел из программы:

— Все в порядке. Сделано.

— Прекрасно, — сказала она и вызвала своих легавых.

Передо мной извинились за неверную идентификацию, вывели из здания и выпустили на Фигероа-стрит. Наступил вечер, темнело, воздух стал холодным. Зима есть зима, хоть она в Лос-Анджелесе — на свой лад. Я подошел к уличному терминалу, вызвал «тошибу» со стоянки. Через десяток минут машина прикатила, и я велел держать на север. Ехал медленно — час пик, обычные дела, — но сейчас это оказалось к месту. Приехал к Стене, к воротам Сильмар, километрах в 80-ти от города. Привратник спросил, как меня зовут.

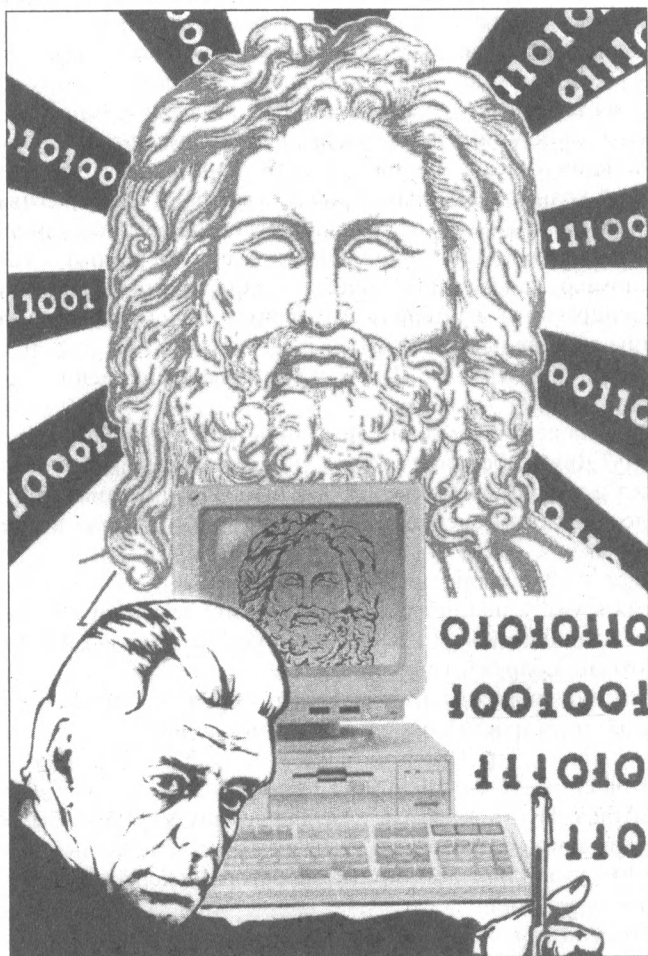
— Ричард Роу, — сказал я. — Бета Пи Эпсилон, десять-четыре-три-два-четыре-икс, место назначения Сан-Франциско.

В Сан-Франциско зимой сильные дожди. Но город все равно чудесный. В это время года я предпочел бы Лос-Анджелес, но черт с ним. Никому не удастся постоянно все делать по-своему. Ворота отворились, и «тошиба» покатила за Стену. Это было просто. Все равно, что сказать «Бета Пи».

*Перевел с английского
Александр МИРЕР*

Д Ж И М К О У Э Н

ЛОПАТА РАЗУМА

Когда я впервые сюда попал, сестры неправильно записали мою фамилию. В новый сияющий картотечный шкаф попала карточка на фамилию «С-а-х-т-о-п». С тех пор прошло четыре года, алюминиевый шкаф больше не блестит, а моя амбулаторная карта грозно раздулась.

Это будет последний наш ночной разговор. Я, как обычно, восседаю в пижаме в удобном старом кресле перед высоким, от пола до потолка, окном и любуюсь лужайкой, озаренной лунным светом. Пахучий ветерок слегка колеблет занавеску. Ты приходишь из теплой ночи, снимаешь пояс с инструментами, присаживаешься на угловую койку и берешь апельсин из моей вазы с фруктами.

Иногда наши беседы длились часами, иногда тебя звали чинить подтекающий кран или заменять пробку. Ты аккуратно застегивал свой пояс и уходил обратно в ночь, не спеша преодолевая расстояние до одного из соседних корпусов. Торопливость — помеха ремонту. Твои слова. Еще я помню, как ты приговаривал: всегда искать простейшие причины, не забираться в изотерику и устранять поломку с первого раза, не то сестры обязательно повторят вызов.

Я многое у тебя перенял, Пит. Больше, чем ты думаешь.

Помнишь наше знакомство? Помнишь, как ты развеселил меня в первую ночь? Другие больные уже спали, сестры пили чай на своем посту. Я сидел в гостиной. Телевизор был включен, но канал не работал. Я таращился на серый снег, засыпавший экран, и слушал потрескивание динамика.

— Привет, — сказал ты. — Меня зовут Пит.

Твое имя я уже успел прочесть: оно вышито красным на груди твоего синего комбинезона. Но я еще не знал, что ты механик третьей смены и что мы подружimsя.

Ты указал большим пальцем на сестер у тебя за спиной и спросил, знаю ли я разницу между ночной сестрой и слоном.

— Нет.

— Фунтов семь.

Я улыбнулся. Пусть это была немудрящая шутка, но то был период в моей жизни, когда я думал, что уже никогда не смогу улыбаться. Меня только что уволили с должности оператора суперускорителя: я получил восточку от Бога...

Но об этом потом. Я обещал поведать перед уходом всю свою историю и сдержу обещание. Через час встанет солнце, и ты обо всем узнаешь. Еще через час, в семь утра, я стану свободным человеком. Меня освободил тот же суд, который меня сюда отправил.

Многие ли могут похвастаться, что признаны нормальными по приговору суда?

Мой чемодан уже собран.

Я не всегда блаженствовал в этой чудесной угловой палате с высокими окнами. Сюда меня перевели из уважения, а также за примерное поведение. Я буду скучать по своей палате. Последние несколько месяцев я пристрастился к чтению классики; устав от чтения, я отдыхал, глядя на репродукцию Ван-Гога. На стене над кроватью можно разглядеть прямоугольное пятно — здесь висела репродукция. Перед выпиской я купил на почте специальную трубу, чтобы, уходя, положить туда репродукцию.

Солнечными днями я прогуливался перед корпусом, пересекал лужайки, бродил по усыпанным гравием аллеям под густыми деревьями. Мне нравилось оглядываться на солидные, осанистые корпуса из светлого кирпича. Это зрелище вселяло в меня уверенность. Теперь мне придется покинуть лечебницу. Так решил суд, и я подчиняюсь.

Моя палата расположена на нижнем этаже, но на окне нет решетки. Ночью я был волен открыть окно, пройти по так называемой Восточной лужайке, купаясь в лунном свете, и достичь темной полосы деревьев в миле отсюда, обозначающей дорогу.

За дорогой раскинулись плоские поля техасского хлопка. Дальше, за полями — горизонт, воображаемая линия, отделяющая землю от небес.

Воображаемая! Значит ли это, что линии не существует, ибо земля и небеса не смыкаются вовеки? Так говорил Фома Аквинский.

Или «воображаемая» она потому, что между небесами и землей нет границы?

Это я и вознамерился осуществить — исследовать пограничье между землей и небом. И попал в беду. Философские размышления сулят опасности, чреваты безумием. Возможно, человеку вообще не стоит пытаться постичь замысел Всевышнего. Гораздо спокойнее чинить краны.

Так или иначе, на моем окне решеток нет. День за днем я доказываю свою нормальность тем, что не вылезаю из окна.

В последнее время я сильно заинтересовался психиатрией, работой человеческого мозга и много читаю о физической природе мысли, нейробиологии.

Подумай об апельсине у тебя в руке, Пит. Ты видишь оранжевый шар, чувствуешь его восковую, в ямочках, поверхность. А теперь представь треск, который издаст апельсин, когда ты станешь сдирать с него шкуру, попробуй ощутить сок, вкус, запах, пощипывание языка. Разве не наполнился твой рот слюной, Пит? Это потому, что твой мозг

создал образ, воображаемую модель ощущений. Образ настолько реален, что у тебя сами собой текут слюнки.

Образ апельсина — все равно что работающая модель мироздания, позволяющая анализировать ситуацию, планировать, испытывать альтернативные стратегии, действовать, выживать. Такие модели делают нас теми, кто мы есть.

Но в некоторых головах рождаются искаженные модели. Такие головы поражены безумием. Об этом я знаю мало. Известно лишь, что один из видов безумия — не сознавать, что модель — это все, что нам суждено познать.

Ладно, коль уж без рассказа не обойтись, примусь за дело.

Мой проект родился рано, когда мне было всего три года. Я смотрел «Улицу Сезам» и, как все дети, учился буквам и цифрам. Помнишь? Каждая передача знакомила с тремя буквами и одной цифрой? Не помнишь? Стареешь, Пит...

В общем, моей любимой буквой была «Х», а цифрой — шесть. Буква «Х» в моей фамилии присутствовала и так, дело было за шестеркой. Внезапно меня осенило: фамилия пишется «С-а-х-6-т-о-н», только и всего! Шестерка не будет произноситься, как не произносится «е» в конце многих английских слов.

Через три года, в свой первый школьный день, я сказал учительнице, что знаю свою фамилию по буквам и могу ее написать.

— Покажи, — сказала она.

Я написал: «С-а-х-6-т-о-н» и объяснил:

— «Шесть» не произносится.

— Нет, шестерка здесь лишняя. — И мисс Смит заставила меня написать фамилию без шестерки.

Спустя несколько минут я поднял голову и увидел, что она наблюдает за мной с участливым любопытством, как за неисправимым чудачком.

В то время мои родители часто ссорились. Я поведал отцу о непронимой шестерке. Однажды, когда они с матерью отдыхали в кухне после очередной ссоры, он сказал:

— Сынок у нас умный, но... странный. Утверждает, будто в нашей фамилии между «Х» и «Т» стоит шестерка. Но ведь что удивительно: в детстве я тоже так думал.

Он засмеялся, но мать не перестала плакать.

А потом отец нас бросил.

Мать стала посещать церковь и брать меня с собой. Пока пастор читал молитвы, нам полагалось сидеть с закрытыми глазами. Иногда я

подглядывал за пастором, который молился с открытыми глазами, глядя в потолок. Это означало, что Бог находится там, наверху, но мне было страшно туда смотреть: я боялся увидеть Его. Я очень надеялся, что Господь вернет мне отца, но Он этого не сделал. Мы с отцом больше ни разу не виделись.

Но все же иногда Бог говорил со мной. Он подтверждал, что в моей фамилии после «Х» действительно должна быть шестерка.

Дедушка, мамин отец, подарил мне на десятый день рождения игру «Монополия». Увы, мать быстро устала со мной играть, а других партнеров у меня не было. Помню, как-то дождливым днем я затеял игру с самим собой. Я составил список цифр от двух до двенадцати и произвольно их перемешал. Потом я стал бросать кости. Я решил, что если за одиннадцать бросков получу записанные цифры в том же порядке, в каком они теперь расположены, то отец вернется домой. К этой игре я возвращался в часы досуга много лет подряд.

В старших классах я узнал, что вероятность расположить одиннадцать цифр в нужном порядке равна $1 : 2853670611$. Таковы были шансы, что отец вернется.

В младшей средней школе я познакомился с Эвелин. Это произошло в вестибюле, перед кабинетом школьного психиатра. Позже мы узнали, что у нас одинаковый диагноз: пограничное состояние перед шизофренией. Она была вроде меня: худая и веснушчатая.

Отец Эвелин преподавал в колледже математику. Мы знали про себя, что очень умны, и были правы: оба прекрасно проходили отборочные тесты, правда, только по математике.

Тогда же я отпустил длинные волосы и с тех пор хожу длинноволосый. В колледже я отрастил усы. Такие усы, как у меня, наверное, и сейчас не в моде, но мне нравится.

Эвелин стала одной из первых обладательниц компьютера «Эппл II Плюс». Отец подарил его на день рождения дочери. У него был процессор «Моторола 6502», 48 килобайт оперативной памяти, черно-белый монитор и дисковод на 128 килобайт. После школы я отправлялся к ней, и мы принимались мучить компьютер. Мы писали программы на языке «Эпплсофт Бейсик» — сущий кошмар, но нам это казалось чудом.

У этого компьютера был генератор случайных чисел. Функция $RND(1)$ давала произвольное число от нуля до одного, функция $RND(26)$ — число от нуля до двадцати шести, а $INT/RND(26)$ делало число целым. Нам ничего не стоило написать программу, в которой

1 = А, 2 = В и так далее. Мы не отвлекались на знаки препинания. Мы назвали свою программу «Обезьяна Моторола» и стали проверять гипотезу, что даже обезьяна, печатая на протяжении веков произвольные знаки, способна создать шекспировскую трагедию.

У «Эппла» уходило около четырех часов на заполнение одной дискеты «произвольным текстом». Загрузив перед сном программу, Эвелин выпускала «Обезьяну», утром меняла дискету и перед уходом в школу все начинала снова. Ее мать испугалась, что им будут приходить огромные счета за электричество, но я убедил ее, что экономнее на неделю оставить компьютер в работающем состоянии, чем каждый раз включать его, сотрясая и оглашая пискom весь дом.

После уроков мы просматривали получившуюся ахинею, гоняя ее по экрану, в поисках осмысленного слова, а то и целой фразы. После первого прогона мы изменили функцию на INT/RND(27), сделав из «27» пропуск: просматривать сплошной текст, без пробелов между словами, оказалось невозможно.

Я сказал «между словами»? Это я погорячился. Строки приобрели следующий вид:

GMJRDBRKMHDNFWVYNVE OQ FFFVH

После второго прогона мы изменили функцию на INT/RND(31), превратив дополнительные пять знаков в пробелы. В итоге цепочки букв разбились на похожие на слова куски:

GMJRD BRKMHDNF WVYNVE OQ FFFVH

Как видишь, дополнительные пробелы мало что дали.

Месяц шел за месяцем, и я постепенно уяснил, что поиск смысла в произвольном тексте «Эппла» равнозначен поиску в почтовом ящике отцовской весточки.

В шекспировской строке примерно тридцать букв. Вероятность получить хотя бы одну шекспировскую строку равнялась миллиардной доле процента. Но до нас с Эвелин это дошло только в выпускном классе.

Один раз мы увидели нечто вроде содержания учебника физики, опубликованного году этак в 2247, но тогда мы этого не поняли.

В общем, то был первый этап моего проекта, фаза «Эплл Бейсик». Так сказать, «Обезьяна номер один».

Гораздо позже я узнал, что никаких генераторов случайных чисел не существует и что все наши усилия были воистину мартышкиным трудом.

Я поступил в один из бостонских колледжей, нечто вроде технического училища, и стал специализироваться по компьютерам. Эвелин уехала куда-то изучать физику.

Таких друзей, как Эвелин, у меня больше никогда не было. Мне

больше не доводилось встретить человека, которого бы всерьез интересовало, открываем ли мы произвольные тексты или создаем их сами. С Эвелин можно было часами спорить на эту тему. Я полагал, что мы их открываем, она выступала за акт творения. Сошлись мы на том, что Ньютон свое исчисление открыл, а Шекспир «Гамлета» создал.

Однажды я наблюдал в Бостоне частичное солнечное затмение. Когда оно произошло, я шел по людной торговой улице. На тротуаре играли дети, смотревшие на солнце незащищенными глазами. Нашлись и взрослые не умнее их. Я оторвал от какого-то ящика кусок картона и в центре проковырял ручкой дырку.

Потом я поднял картонку над головой. Через дырку на тротуар упало изображение скукожившегося светила. Вокруг меня столпились любопытные. Я забрался на ступеньки, чтобы сделать изображение яснее. Дети кричали «браво», взрослые аплодировали моей догадливости. Я начал было объяснять азы небесной механики, чем рассеял толпу. Видимо, подошел к концу обеденный перерыв.

Ранним утром следующего дня мне позвонила мать, чтобы сообщить о смерти отца.

— Грузовик на заводе подавал назад и наехал на него. Ужасная случайность!

Я едва не сошел с ума окончательно.

На первом курсе колледжа я изучал основы математики и в итоге понял, что построить машину, генерирующую настоящие случайные числа, невозможно. Ты-то зарабатываешь на жизнь тем, что чинишь сломавшиеся механизмы, и, видимо, воображаешь, что Вселенная основана не просто на произволе, а на извращенном произволе. Но серьезные математики знают, что не существует такого фокуса, такого уравнения, чтобы создать по-настоящему произвольный числовой ряд. Нам с Эвелин было в свое время невдомек, что наша «Обезьяна Моторола» мертворожденная.

Вселенная — не большая машина, ловко собранная Космическим Часовщиком, и не колесо рулетки, где снуют, подобно белым шарикам, атомы, выстраивая нашу судьбу в соответствии с единственным случайным событием. Нет, Вселенная — это нечто другое, нечто среднее, нечто таинственное, настолько опирающееся на числа, что всякое предсказание исключено.

Вот пример. Вылей стакан воды в океан и подожди несколько лет, чтобы твоя вода смешалась с океаном. Потом снова ступай на пляж и зачерпни из океана стакан воды. В твоём стакане окажется несколько молекул воды, которую ты вылил десяток лет назад.

Странно? Но объяснить это легко. В одном стакане воды гораздо больше молекул, чем стаканов воды в целом океане. С числами можно проделывать поразительные вещи. Особенно с большими.

По той же логике, в каждом выпиваемом тобой стакане воды содержатся молекулы, бывшие когда-то в теле Иисуса Христа. Вот тебе математическое доказательство святого причастия.

Вообще-то я не склонен к мистике. Хочу познать Бога напрямую. Так сказать, Причастие Крупных Чисел.

Скоро ты поймешь, куда я клоню.

После гибели отца началась решающая фаза моего проекта — проекта всей жизни. Парень, живший напротив, купил новый телевизор и отдал мне старый, черно-белый, с двенадцатидюймовой трубкой. Кабеля в общежитии не было, поэтому прием оказался слабый: пара еле просматриваемых каналов и сплошные помехи на других программах.

Это навело меня на одну идею.

Помехи на твоём экране, когда по программе нет трансляции, — это фоновая космическая радиация, оставшаяся после Большого Взрыва. Странно, но захватывающе! Каждый вечер ты можешь наблюдать у себя на дому сотворение мира.

Я купил в магазине «Радио-Шек» разных деталей — из тех, что висают гроздьями и пылятся годами: интегральную схему аналого-цифрового конвертора с разводкой, набор сопротивлений и конденсаторов, 12-вольтный трансформатор и пустую плату, на которой хотел собрать мою схему.

Меня интересовала несущая частота из телевизионного тюнера. Вытащив тюнер из ящика, я присоединил его к компьютеру. Частота передавалась по шестидюймовому коаксиальному кабелю в аналого-цифровой конвертор. Я настроился на молчащий канал и наконец-то получил произвольный числовой ряд. Произвольнее не бывает.

В то время я работал на «эй-тишке» с 12-мегагерцевым процессором «Интел-286», винчестером на 40 мегабайт и двумя флоппи-дисковыми — самая совершенная техника, какую только мог тогда предложить рынок. Я переписал свою «Обезьяну Моторолу» так, чтобы она стала IBM-совместимой. Пришлось изрядно повозиться, соединяя мою схему с серийным портом компьютера, но в конце концов проблема была решена.

Скажи, Пит, тебе понятны мои занятия?

Эфирные помехи, оставшиеся от Большого Взрыва, то есть с начала времен, ловил и усиливал тюнером, конвертор переводил в цифры, потом компьютер — в буквы. На жестком диске появлялся конечный продукт — произвольный текст.

«Обезьяна» под номером два оказалась успешнее первой. До сих пор помню самый поразительный произвольный текст, который я открыл, или, как сказала бы Эвелин, создал:

«Один из величайших сюрпризов в истории науки — ознаменование конца двадцатого века концом эры разума и гибелью четырехсотлетней мечты рационалистов о Просвещении. В последние годы разум вырывается из разумных границ. Подготовленные люди обнаружили, что Вселенная содержит разумные ограничения, не подлежащие нарушению. Скорость быстрее скорости света невозможна; точно так же ряд параметров Вселенной не подвластен разуму. Идея не нова. В середине века философ-провидец Витгенштейн написал:

«Исчерпав доказательства, я наткнулся на коренную породу, от которой отскочила моя лопата».

Весь двадцатый век наука спотыкалась о фундаментальные, хитроумно построенные, неразрешимые загадки. Правота Витгенштейна постепенно стала понятна всем».

Запомнился еще один текст:

«Очередное полотно. Здесь все решит цвет. В этот раз — всего лишь моя спальня. Стены светло-фиолетовые, пол из красных плиток, кровать и стулья желтые, как свежее масло, подушки — светло-зеленого, лимонного оттенка. Покрывало алое, окно зеленое. Туалетный столик оранжевый, тазик голубой. Двери лиловые. Когда я взглянул на свои холсты после болезни, лучшим мне показалась «Спальня».

Как выяснилось, это были фрагменты из писем Ван-Гога его брату Тео. Эвелин догадалась, что раньше мы, возможно, натыкались на тот же отрывок, только по-голландски. Сколько еще тайн могла открыть наша «Обезьяна», когда выдавала что-то на незнакомых нам, мертвых, или еще не существующих языках? Нам оставалось только гадать.

Ван-Гог покончил с собой через несколько месяцев после того, как написал спальню. У старенького «Эппла» был черно-белый дисплей, зато у IBM — уже цветной, с разрешением 640x480, на шестнадцать цветов. Мы подумывали, не запрограммировать ли нам «Обезьяну-рисовальщицу», чтобы она заполняла экран разноцветными точками. Мы знали, что получили бы рано или поздно картину Ван-Гога, которую он сам написал бы, если бы не покончил с собой. Но проект так и не был реализован.

Меня всегда поражало, как мы натыкаемся на одну и ту же идею, пытаюсь подойти к ней с разных сторон, словно сама идея всегда присутствует и дожидается, пока ее найдут. В великом романе Германа Гессе «Игра в бисер» описана воображаемая страна, культура которой зиждется на игре: играющие сопоставляют фрагменты идей из различ-

ных дисциплин. Знатоки игры умеют открывать новые красоты, новые истины. Интерпретация произвольных текстов требует столь же легкого обращения со всем массивом человеческой мудрости, и то, что Гессе нафантазировал, мы с Эвелин открыли в совершенно другой сфере — в произвольных текстах. Произвольные тексты — это вариация «Игры в бисер» Гессе.

Должен процитировать еще один текст, способный помочь пониманию моего рассказа. Скорее всего, это отрывок из философского трактата, не поддающегося датировке. Может, он пришел из прошлого, может, из будущего, а может, вообще ниоткуда:

«В те темные годы, когда требовалось все больше усилий для получения все меньших знаний, неизвестный гений задался вопросом: «Зачем мучиться, устанавливая факты экспериментальным путем? Почему бы не поискать тексты из будущего, уже содержащие все эти факты?». Идеи всегда появляются ниоткуда. Творчество — вечная загадка. Произвольные тексты — всего лишь способ извлекать идеи из ниоткуда.

В наше время рациональная наука заняла подобающее ей место одного из инструментов в арсенале человеческой мысли. Произвольные тексты представляют собой неисчерпаемый источник идей, любую из которых можно испытать, сравнив с нашими. Отбор произвольных текстов, с высочайшей точностью описывающих мироздание, — вот задача для человеческого разума до конца времен. Выполняя ее, мы узнаем Бога, ибо такова и Его вечная миссия».

В высшей степени загадочно. То ли это текст шестнадцатого века, вышедший из-под пера сэра Фрэнсиса Бэкона, примечание к его «Новому Органону», то ли фрагмент еще не написанного религиозного текста будущего. Я рассказываю все это тебе, Пит, чтобы ты понял, что наше занятие — далеко не ерунда.

Мы много размышляли о том, откуда берутся произвольные тексты: из будущего, из прошлого, из информационного поля космоса? В любом случае, они могут быть и оригиналами, и подделками. Как же решить, заслуживают ли они доверия?

Существуют два метода, Пит.

Внутренняя логичность — а именно, связан ли текст? (Противоречивость лишает его достоверности.)

Внешняя логичность: как он соотносится с прочими истинами?

Первый текст соответствует обоим критериям. Конечно, внутренняя логика несколько хромает, но назвать его алогичным нельзя. Второй тоже годится. А вот третий... кто знает?

Позднее я понял, что эти тексты, при всей своей притягательности, всего лишь произвольные шумы. Прислушиваясь к затихающему эху

Большого Взрыва, мы так же можем надеяться на открытие истины, как на то, что новорожденный членораздельно произнесет парадокс Эйнштейна-Подольского-Розена.

Видишь ли, когда Вселенная лежала в колыбели, сам Бог ничего еще не знал.

Но я забегаю вперед.

Хотя моей специализацией была кибернетика, я также прослушал курсы математики и физики и записался на лекции профессора Куля «Гносеология науки: фундаментальные проблемы». Лекции читали в весенний семестр, по вторникам, и длились они два часа. Аудитория представляла собой амфитеатр, обшитый дубом, с выходящими на запад окнами. Клонящееся к закату солнце озаряло плечи студентов и пол под ногами у лектора.

Профессор был маленьким седым старичком в неизменном твидовом пиджаке с кожаными нашивками на локтях. От него пахло трубочным табаком, говорил он медленно, с сильным восточноевропейским акцентом. В голосе его слышалась печаль, тоска, невосполнимая утрата.

Курс представлял собой обзор математической физики и философии науки. Сначала, когда деревья за окнами еще стояли голые, профессор Куль развивал математическое доказательство относительности времени и пространства, индивидуальных для каждого наблюдателя. То есть Эйнштейнову теорию относительности.

Далее Куль показал, что мы не в состоянии одновременно определить точные координаты и инерцию частицы. Это принцип неопределенности Гейзенберга.

По мере удлинения светового дня профессор доказывал, что материя состоит одновременно из частиц и волн (в зависимости от нашего экспериментального подхода) и что произвольные колебания этих загадочных единиц являются основой всего сущего. Так выглядит квантовая механика.

Когда на ветвях появилась листва, профессор Куль доказал с мелом в руке существование истинных, но неосуществимых постулатов — теореме Геделя. Представь себе, Пит, что этот принцип применим ко всей Вселенной! А ведь теорема Геделя претендует именно на это. Теперь ты понимаешь таинственность всего сущего.

Наконец, уже в начале лета, он доказал, что поведение всех систем, за исключением самых примитивных, совершенно непредсказуемо. Подвесь один маятник к другому — и от всей нашей математики не остается камня на камне. Две струны и два отвеса приводят и всегда бу-

дут приводить в полное замешательство изощреннейшие умы. Теория хаоса.

Профессор Куль научил меня, что картезианское представление о Вселенной как сложном, но предсказуемом часовом механизме, ошибочно. Даже с теоретической точки зрения будущее совершенно непознаваемо. Не неведомо, а именно непознаваемо. Понятно, что разум дает возможность починить подтекающий кран, но Вселенная по большей части не подвластна разуму.

Разум. Элегантнейшая функция человеческого мозга.

Прибегнуть к разуму — значит использовать те же участки мозга, где перерабатываются ощущения и рождаются эмоции, ибо в голове, кроме них, ничего нет. На нейронном уровне мышление не отличается от чувствования.

Просто нам нравится воображать, что отличие есть, потому что интеллектуальный процесс улучшает настроение.

В нашем мозгу млекопитающего, — а другого у нас нет — забавным образом перемешаны поступающие ощущения, выходящие эмоции и внутренняя деятельность, которую мы именуем разумом.

Ты внимательно меня слушаешь, Пит? Надеюсь, твой пейджер сейчас не будет пищать, ведь я подхожу к самому интересному. Нынче полнолуние, и какой-нибудь псих в корпусе «Т», в полумиле отсюда, вполне способен по этому случаю запихнуть в толчок десять рулонов туалетной бумаги.

Знаю, как ты воспринимаешь подобные вызовы, видя в них кару свыше.

Математик Гаусс тоже был однажды подвергнут каре. Он был еще школьником, его класс задержали за какую-то провинность, и каждому ученику было велено сложить все цифры от одного до ста. Восемилетний Гаусс, ставший впоследствии величайшим математиком века, сумел дать правильный ответ после нескольких секунд размышления.

Ведь можно переписать все цифры и сложить, а можно воспользоваться формулой $n(n+1)/2$, которую Гаусс открыл за несколько секунд, мечтая побыстрее покинуть класс.

Сложение всех чисел от одного до ста — задача, которую математики называют «алгоритмически сжимаемой», то есть сводимой к формуле.

Слушая профессора Куля, я понял, что Бог сотворил алгоритмически несжимаемую Вселенную, будущее коей неведомо даже Ему. Разу-

меется, Вселенную можно исчислить, но ее исчисление алгоритмически несжимаемо. Здесь нет возможности «срезать путь», нет короткого способа получить ответ.

Все равно как если бы пришлось записать все существующие числа и сложить их. Секунда за секундой, атом за атомом, квантовое событие за квантовым событием... Нет, лучше сидеть сложа руки и ждать, что произойдет.

В конце концов я понял, чем объясняется печаль в голосе профессора Куля. Он скорбел по кончине Просвещения, великой мечты об использовании разума для понимания всего, что есть на Земле и в Космосе.

Позже, работая в библиотеке, я открыл, что идея алгоритмически несжимаемой Вселенной не нова. Двое польских братьев-клириков, живших в Риме в XVI веке, предположили, что Господь всемогущ, но не всеведущ. Братья Социане (Социны) утверждали, что по мере развития своего творения сам Господь приобретает знания и понимание. Братья были отлучены от церкви, их доктрина признана еретической.

А зря! Математики доказали их правоту.

Самое важное — это понять, что, как я уже говорил, когда Вселенная была молода, Бог ничего не знал. «Обезьяна» второго поколения вбирала и выпускала один мусор.

Я подолгу просиживал в библиотеке, размышляя о подобных вещах. Оказалось, что мы с Эвелин были не первыми, кто задумывался о произвольных текстах. Самые ранние из известных сочинений на эту тему — это работы ученого XIV века Луллия. Потом об этом писал философ Джон Стюарт Милль. Как ни странно, Милль ограничился произвольной музыкой, не замахиваясь на слова: его беспокоила исчерпаемость мелодии. Позже перспективы произвольных текстов исследовал Курт Лассвиц, мрачный немецкий фантаст XIX века.

Наконец, я открыл Борхеса, аргентинского писателя. В его рассказе «Вавилонская библиотека» герой описывает бескрайнюю библиотеку, в которой обречен трудиться до бесконечности. На полках этого бесконечного хранилища, состоящего из восьмиугольных залов, содержится все, что было, будет и не будет написано. На беду, книги расставлены по полкам без всякой системы, к тому же содержат всего лишь бессмысленные потоки букв с редко мелькающим связным словечком или фразой. Библиотекарь посвятил жизнь поиску хотя бы одного понятного текста. Роль чаши Грааля сыграет, естественно, библиотечный каталог. Он лежит на какой-то из полок... Рассказ кончается бегством героя из царства текстов.

У меня на полке есть книжка Борхеса. Вот, возьми.

Эвелин окончила университет со званием доктора ядерной физики и поступила работать на фирму «Пантекс» в Амарильо. Я навесил ее. Бывал когда-нибудь в Амарильо, Пит? При въезде в город висит щит с надписью:

АМАРИЛЬО МЫ ЗНАЕМ, КТО МЫ ТАКИЕ

Целый город счастливичиков!

«Пантекс» видишь издалека. Сначала вокруг одна пустыня, потом появляется колючая проволока по периметру участка в 16 тысяч акров, затем танк М-60 с грозно вращающейся башней. Выглядит страшновато.

Эвелин встретила меня у первых ворот. По ее словам, на «Пантексе» собирали ядерные боеголовки.

— Детонаторы, таймеры, высотомеры, парашюты — все это помещают вокруг нашего «физического объекта». Очаровательный эвфемизм. Правда, теперь мы их размонтируем.

Поэтому меня и пустили на территорию. Там побывали даже корреспонденты «Нью-Йорк Таймс». Фирма пыталась улучшить свой имидж.

Помогая мне натягивать защитный костюм, Эвелин объясняла, что стандартный термоядерный боезаряд состоит из шести тысяч деталей и что его демонтаж стоит около пятисот тысяч долларов.

Мы побрели, как роботы, в цех демонтажа — бункер с тридцатью тоннами грунта на крыше. В случае взрыва крыша рухнет, и возникнет радиоактивная могила.

Мы наблюдали за двумя работниками, орудовавшими с помощью сложного механизма электромеханическим манипулятором. Один зачитывал из учебника инструкции, другой медленно извлекал наружу блестящий предмет, похожий на стальной шар для кеглей.

— Плутоний, — сказала Эвелин. — Сейчас у нас в «Пантексе» заложено на безопасное хранение пять тысяч таких зарядов.

Хранилище было устроено в следующем бункере: это тридцатигаллоновые стальные цистерны, расставленные рядами в прохладной полутме.

— Мы постоянно контролируем возможность утечки. Пока что все спокойно.

Я настороженно слушал щелканье счетчика Гейгера.

В 1991 году я закончил аспирантуру и переехал в Ваксахачи, округ

Эллис, штат Техас. В 1979 году специалисты по физике высоких энергий обратились в федеральное правительство с запросом о создании «ускорителя частиц для изучения физики высоких энергий». Иными словами, им захотелось найти элементарные частицы материи, для чего потребовалась машина диаметром двадцать миль. Вообще-то для получения кварков лучше было бы воспользоваться машиной с поперечником в несколько световых лет, но это они от Конгресса утаили.

Аргументация была такова: сверхпроводящий ускоритель докажет, возможно, существование бозона Хиггса — неуловимой частицы, возникшей сразу после Большого Взрыва и сообщившей материи ее массу. Обнаружение бозона Хиггса станет новым шагом в ядерной физике, многое объяснит в гравитации и приблизит создание универсальной теории, известной как «теория всего». По словам физика и математика Стивена Хокинга, «получив всеобъемлющую теорию, мы познаем Божий промысел».

Сначала бозон Хиггса, потом Божий промысел. Улавливаешь последовательность?

К октябрю 1993 года на глубине две сотни футов под меловой поверхностью восточного Техаса было прорыто семнадцать шахт и одиннадцать миль тоннелей из запланированных сорока двух. На это было благополучно израсходовано два миллиарда долларов, полученных от налогоплательщиков. Каков прогресс на пути к познанию Божьего промысла! Тогда же конгрессмен от штата Огайо заявил: «Элементарные частицы Вселенной никак не изменят жизнь людей». Другие конгрессмены тоже подвергались давлению избирателей. Один избиратель заметил: «Если мне хочется постичь Божий промысел, я молюсь».

Конгресс закрыл проект.

Что сказал бы на это профессор Куль? Увы, он умер еще в 1991-м.

Ко времени закрытия проекта я работал в отделе моделирования частиц. На это подразделение ушло сто миллионов из двух миллиардов.

Мы отдавали 12 миллиардов команд в секунду; задействованные одновременно компьютерные мощности измерялись терабайтами. Наш отдел был уникальным в мире.

Уволив десять человек из тридцати, мой босс начал размышлять, как найти применение нашим гигантским компьютерным возможностям, а также 550 тысячам квадратных футов площадей, инфраструктуре на восемь миллионов долларов, персональным компьютерам общей стоимостью тринадцать миллионов и рабочим станциям на четырнадцать миллионов.

Босс отличался сообразительностью. Пока Консорциум сверхпрово-

дящего суперускорителя сдавал тоннели в аренду местным фермерам для выращивания грибов, отдел был передан в распоряжение штата Техас. Штат дал ему другое название и велел перейти на самоокупаемость путем предоставления компьютерного времени местным ученым. Я написал страницу для «всемирной паутины», что-то вроде рекламы для не стесненных в средствах ученых, финансируемых Национальным научным фондом. Помню, как это выглядело:

Высокопроизводительный компьютерный центр!

(2 картинки: помещения, забитые оборудованием)

Высокопроизводительный компьютерный центр предоставляет свои услуги бесплатно до следующего уведомления.

Спешите познакомиться с возможностями ВПКЦ, пока не вышло время.

Если вас заинтересовало бесплатное пользование услугами ВПКЦ, шлите заявки по адресу: saxton@texas.ssc.gov.

Представь себя на моем месте: сижу на рабочей станции «Сан-Спарк-10» и бездельничаю! Ревностный приверженец произвольных текстов, под рукой у которого двенадцать миллиардов компьютерных команд в секунду. Оставалось всего лишь добавить несколько строк кода C++ — и готова свежая версия «Обезьяны Моторолы», третий выпуск.

Теперь мне требовался подходящий источник произвольных чисел.

Профессор Куль указал мне на единственный настоящий генератор произвольных чисел во Вселенной. Я наблюдал за ленивым танцем крупинки пыли в солнечном луче, а он описывал квантовую пляску частиц.

— У квантовых событий воистину нет причин. Это пелена, сквозь которую мы не можем смотреть, эфемерная, тонкая вуаль, скорее умственная, чем физическая, но абсолютно непреодолимая преграда.

Он помолчал, давая нам время на осмысление его слов.

— Если бы у радиоактивного распада атома была причина, то ее пришлось бы назвать «потайной переменной» уравнений. Но в математико-квантовой механике существует доказательство отсутствия потайных переменных. Причинно-следственная цепочка обрывается. Квантовое событие — это следствие без причины.

Потом я представлял себе эту вуаль как занавеску, развевающуюся летней ночью на открытом окне. Бог — теплый ветерок, заставляющий кванты пускаться в пляс.

Испытывая потребность в следствиях, лишенных причин, я позво-

нил Эвелин. Она согласилась передавать мне миллиард истинных произвольных чисел в секунду. Пять тысяч плутониевых зарядов обеспечили бы гораздо больше, но наши мощности с таким валом не справились бы. Используя все возможности своего адреса в Интернете, я скачивал в нашу систему по миллиарду произвольных цифр «Пантекса» в секунду. Это равно примерно ста миллионам букв в секунду. Получается, что за секунду я получал в тридцать раз больше текста, чем написал за всю свою жизнь Шекспир.

Для генерирования произвольности можно было бы использовать любое другое квантовое явление, но я, знакомый Эвелин, не искал иных путей.

Разумеется, для просмотра таких массивов мне требовалась помощь. Я загрузил Оксфордский словарь английского языка на CD-ROM, дописал код C++, алгоритм для распознавания текстов из английских и близких к английским слов — что-то вроде корректора наоборот, отыскивающего неправильно написанные слова, способные именоваться словами, — и работа закипела.

Чего я искал?

Мне хотелось услышать сквозь квантовую вуаль обращенный ко мне шепот Господа. Я знал, что Он рядом. Требовалось только внимательно прислушаться — и Он сам сказал бы мне то, что я чаял узнать.

Бог, общающийся со мной шепотом, есть Бог сегодняшнего дня, а не Божественное дитя, чей лепет все еще отдается во Вселенной как космическая фоновая радиация. Бог, скрывающийся за квантовой вуалью, по-прежнему в трудах: Он формирует разрастающуюся Вселенную, впервые решая великую космическую загадку. Подобно нам, Он стремится узнать, что случится потом.

Твоя жена — мексиканка, да, Пит? Тогда ты наверняка считаешь, что тайна мироздания может быть записана и по-испански, не обязательно по-английски.

Но это не имеет значения. Красота поиска среди бесконечных произвольных текстов состоит в том, что тайна мироздания может быть записана хоть по-испански, хоть по-английски, хоть на всех остальных человеческих, даже нечеловеческих языках. Ведь тайна мироздания растворена в море документов, которым буквально несть числа. А мне требовалось отловить в этом море английский текст. Может, это будет оригинальный научный труд, обреченный на Нобелевскую премию, быть может, газетная заметка об этом труде или его философская критика, глава из учебника, «Теория всего» в изложении для детей — все, что угодно!

Я включил свою систему, настроился на Божественный произвол, тикающий в плутониевой массе, и запустил перевод цифири в тексты с автоматическим выявлением англоязычных документов. За секунду я получал эквивалент доброй тысячи шекспировских трагедий.

И вот я сижу с потрясенной улыбкой на своем рабочем месте, как вдруг входит босс и видит на экране произвольный текст. Он вырывает у меня распечатку и читает вслух:

«невозможность получения тобой этого послания из 372 знаков из-за вуали на порядок больше чем количество протонов во вселенной поэтому ты знаешь что это не случайность в порядке подтверждения позволяю заметить что ты был прав а мисс смит не права там есть шестерка шестерка это часть тайны мироздания»

Сам видишь, это послание обладает внутренней и внешней логикой. Но не забывай, что истина и смысл — не одно и то же.

Босс обнаружил мощный поток произвольных цифр и использовал все колоссальной компьютерной мощности в личных целях.

В приговоре сообщалось о присвоении федеральных средств. Когда осела пыль, меня отправили не в тюрьму, а сюда, объявив психом.

Вот и сигнал твоего пейджера! Подожди минутку. Видишь там, на дороге, за забором, свет фар? Кто-то подъехал к Восточным воротам.

Мой рассказ занял больше времени, чем я думал. Уже почти семь часов, рассвет.

Я нормален и готов к отъезду.

Выгляни из окна. Видишь, на кончике каждой травинки собралась в капельку ночная роса. Физические законы гласят, что роса должна собираться в капельки на кончиках травинок, а не образовывать тонкий слой влаги, покрывающий всю лужайку. Каждая капелька будет рассеивать неяркий свет встающего солнца. Я пойду к воротам, и лужайка будет выглядеть так, словно ее осыпали алмазами. Зачем миру подобная красота? Не могу объяснить, потому и знаю, что не безумен. Разум — всего лишь шестое чувство, безмолвное шестое чувство, не более надежное, чем остальные пять. Столь же несовершенное, с той же способностью причинять боль и вызывать экстаз.

Возможно, послание было абсолютно произвольным. Или свидетельством о Боге, ко всему проявляющему интерес, радующему нас утренней росой и Своими посланиями.

Вот теперь, Пит, мне действительно пора.

*Перевел с английского
Аркадий КАБАЛКИН*

Д Ж О Н С Л Е Й Д Е К

МАЛЬЧИК

НА ПАРОВОМ ХОДУ

От напряженных раздумий у капитана Чарлза Конна разболелись ноги. Вспомнились первые дни на службе, далекий 89-й год, когда дежурство вызывало у него головную боль.

Перед его столом стояли трое патрульных времени. Они смущенно теребили края своих длинных красных плащей и взволнованно крутили в руках шлемы. Капитан Конн с удовольствием наорал бы на них, но что толку? Они и так отлично сознавали проблему, ибо представляли собой копии самого Конна.

— Докладывай, Чарли.

Первый патрульный встал по стойке смирно.

— Я побывал в трех разных периодах, сэр. В том, где президент распускает палату представителей, в том, где он подменяет собой Верховный Суд, и в том, где подписывает закон об окружающей среде. Я сделал все, что мог: приводил статистику, показывал фотографии, вырезки из газет. Но он твердил одно: «Решение принято».

Чак и Чаз тоже доложили о провале своих миссий. Остановить президента было невозможно. Он не только узурпировал всю власть на федеральном, штатном и местном уровнях, но и, злоупотребляя ею, сознательно подвергал мучениям население страны. Преступными деяниями были объявлены употребление мороженого, пение, свист, поцелуи. За улыбку, а также использование слов «Россия» и «Китай» полагалась смертная казнь. Согласно закону о безопасности на улицах запрещалось гулять, попрошайничать и разговаривать.

«Закон о естественной пище», на первый взгляд, казался разумной реакцией на предостережения ученых об истощении почв и ухудшении экологии. Однако конкретные статьи закона вызывали оторопь: он запрещал применение любых удобрений, кроме человеческих и собачьих испражнений, а также какой бы то ни было сельскохозяйственной техники. Вскоре в газетах появились фотографии ржавеющих тракторов и унылых фермеров, дырявящих землю заточенными деревяшками. По прошествии непродолжительного времени типографии столкнулись с острым дефицитом бумаги. Предостережения о надвигающемся голоде игнорировались до тех пор, пока правительству не пришлось прибегнуть к закупкам зерна в той стране, название которой запрещалось произносить.

— Все средства испробованы, господа. Пора подумать о том, чтобы избавиться от президента Эрни Барнса.

Патрульные зашептались. Патрульный Чарли, зная, что сейчас услышит обращенный к нему шелест губ Чака, не спешил шептать сам, дожидаясь своей очереди. Чак наконец умолк и предоставил Чарли возможность шепотом общаться с Чазом.

— Избавиться от него в прошлом было бы проще, чем сейчас, — снова заговорил капитан, — но это только часть проблемы. Если мы изыщем его из прошлого, то надо будет постараться, чтобы никто не заметил огромную дыру в истории. Мы, полиция времени, являемся единственными обладателями времяциклов, и это ставит нас в уязвимое положение. Помните, как нелегко было избавиться от пирамид? Сколько месяцев все только и делали, что твердили: «Что это за непонятный рисунок на обратной стороне долларовой бумажки?»

— Кстати, капитан, что это за непонятный...

— Отставить разговорчики! Вся штука в том, что иногда время можно подправить, но случается... Словом, упростим проблему. Число людей, которым Эрни пожимал руку, наверняка зашкалило за миллион, а потому...

— Не помню, чтобы он кому-нибудь пожимал руки. Во всяком случае, больше он этим не занимается. Сидит себе в своем Белом Форте, жирный и уродливый, под защитой ФБР, ЦРУ, ракет индивидуального наведения, предназначенных для истребления живой силы, установок для пуска отравляющих газов и своего здорового, злющего пса.

Капитан Конн оглядел патрульного с головы до ног и продолжил:

— Предлагаю похитить Эрни Барнса ребенком в 1937 году и оставить вместо него «стеклянное яйцо».

— Как это?..

— Вроде тех, что подкладывали под кур, забрав настоящие яйца. То есть подмена настоящего ребенка искусственным. Уилбур Графтон говорит, что сможет изготовить робота, как две капли воды похожего на Эрни образца 1937 года.

Уилбур Графтон был богатым чудачком и изобретателем-любителем, хорошо известным всем патрульным времени. Их отец, Джеймс Конн, служил у Уилбура.

— Теперь вот что... На случай, если кто-нибудь в 1937 году заподозрит неладное и разберет робота на винтики, Графтон смастерит его из деталей начала тридцатых годов. Пускай это будет аппарат с паровым приводом. Не станем раньше времени раскрывать секреты молекулярной информатики и перистальтической логики.

Все четверо, захватив с собой пятого патрульного по имени Карл, через месяц посетили особняк Уилбура Графтона. Дворецкий, открывший дверь, услышал от каждого: «Здравствуй, папа» и на каждое сыновнее приветствие невозмутимо отвечал:

— Добрый вечер, сэр. Вы найдете мистера Графтона в гостиной.

Почтенный миллионер, облаченный в безупречный вечерний кос-

твом, поприветствовал гостей и, извинившись, удалился, чтобы приготовить показ своего изобретения. Джеймс обнес всех пятерых напитками. В ожидании хозяина дома одни восхищенно рассматривали подлинные предметы 1950-х годов, в том числе настоящий «стереофонический» фонограф, другие смотрели телевизор. Приближался комендантский час, поэтому все каналы были забиты президентской рекламой:

— Доброй ночи, Америка! Твой президент в безопасности. Благодаря ракетам для уничтожения живой силы с индивидуальным наведением наш лидер обрел неуязвимость. Представьте себе: более десяти миллиардов ракет, окружающих Белый Форт, денно и ночью бдительно стерегут его и ваш сон. Не забывайте, что среди ракет есть та, на которой начертано ваше имя.

Один из патрульных попросил возвратившегося Уилбура Графтона приступить к демонстрации. Тот, пытаясь от удовольствия и поблескивая очками, отвечал:

— Дружище, демонстрация уже начата. — Надавив на свою запонку, он провозгласил: — Мальчик на паровом ходу!

Тело изобретателя развалилось надвое. Перед гостями предстал упитанный юнец в шерстяных трусах и полосатой футболке, увлеченно орудующий рычагами. Бросив свое занятие и прекратив тем самым пыхтение и смех лже-Графтона, он сделал два шага в сторону и застыл.

— Где же настоящий Уилбур Графтон? — спросил Чак.

— Перед вами, сэр, — ответил дворецкий, после чего поставил на стол драгоценный графин от «Вулворта» и сильно дернул себя за нос. Туловище дворецкого развалилось, скрипя и шелестя, как обмотки мумии, явив гостям живого Графтона в безупречном вечернем одеянии.

— Люблю пошутить! — признался он.

В гостиную вошел настоящий Джеймс с уставленным напитками подносом.

— А теперь, с вашего позволения, я оживлю нашего приятеля.

Вставив мальчишке в ухо какую-то рукоять, он несколько раз повернул ее. Маленький автомат, чуть слышно гудя и выпуская еле заметные струйки пара, пришел в движение. Носом, похожим на свиной пяточок, широко расставленными глазами и нехорошей улыбкой он очень походил на «Президента, Заботящегося о Вас» с вездесущих плакатов.

Стоило седовласому изобретателю подойти к нему слишком близко, чтобы что-то отрегулировать в его жирном загривке, как «Эрни»

с меткостью опытного пакостника лягнул его в коленку.

— До чего точно! — простонал Уилбур, прыгая на одной ноге.

Робот был как живой. Особенно реалистично смотрелся грязный пластырь на локте. Чарли обманулся иллюзией и совершил оплошность: присел на корточки и предложил Эрни конфетку. Двое патрульных отвели незадачливого коллегу на диван и заставили откинуть голову, чтобы унять кровотечение из носа. Автомат довольно повизгивал, пока Уилбур его не выключил.

— Уверен, что родители не обнаружат подмены, — сказал он, провожая гостей в свою мастерскую. — Сейчас вы ознакомитесь с чертежами.

Внутренние органы робота были выполнены по образу и подобию живого организма. Сердце и сосуды представляли собой сложную гидравлическую систему, печень — миниатюрный дистиллятор, превращающий съеденное в газообразное состояние и выделяющий из пищи масло, которое частью циркулировало в сосудах, частью сжигалось в крохотном паровом котле, а полученная энергия приводила в действие рычаги. От поршней тянулись ремни, сообщавшие движение конечностям.

Уилбур рассказал, как его дедушка, Орвилл Графтон, создал особое вещество в пластинках, толщина которых зависела от интенсивности освещения.

— Дедушка не нашел своему «графтониту» лучшего применения, чем объемная фотография, я же, добавив механические зрачки и желатиновые линзы, наградил парнишку глазами. — Он ткнул пальцем в чертеж. — При проекции изображения на графтонитовую сетчатку благодаря пантографическому датчику происходит передача образов в мозг и их трансформация в движения.

Сходным образом был построен слух и осязание робота.

Гидравлическая жидкость представляла собой взвесь красных частиц, похожих на кровяные. Через поры она попадала на поверхность и в результате фильтрации могла сойти за пот.

Мозг включал набор пружин различной степени сжатия, соединенных, как в часовом механизме, с конечностями, внутренними органами и лицевыми «мышцами». Все вместе заменяло Эрни память.

Захлопнув папку с чертежами, Графтон приказал Джеймсу наполнить бокалы шампанским.

— Итак, джентльмены, я вручаю вам поддельного Эрни Барнса, чисто американского мальчика, целиком — от резиновых легких и пластиковой кожи до волосяного покрова и зубного аппарата — сделанного в Соединенных Штатах Америки!

— Позвольте одно замечание, — молвил капитан. — Неужели родители не заметят, что их сын не растет?

Изобретатель вздохнул и, отвернувшись, схватился за край стола, чтобы устоять на ногах. Гости в почтительном молчании наблюдали, как он снимает очки и утомленно трет глаза.

— Джентльмены, — заговорил он, — я учел буквально все, что подлежит учету. По истечении одного года у ребенка появятся признаки гриппа. Поднимется температура, возникнет слабость. Он позовет мать, та подойдет к его постели. «Мама, — скажет он, — прости мне мои подлости! Отыщется ли в твоем сердце сострадание? Ибо с этого мгновения я присоединяюсь к сонму ангелов». И вот веки его смыкаются. Безутешная мать опускается на колени и целует его в пылающий лоб. Тем самым включается механизм конца, и Эрни, так сказать...

Патрульные все поняли. Поставив по очереди на стол недопитые бокалы, они молча покинули особняк изобретателя.

Карл получил задание переправить робота в 1937 год.

— Ему приказано притащить ребенка сюда, в штаб, — напомнил капитан Чарлз Конн. — Но Карла все нет и нет. Эрни по-прежнему у власти. В чем загвоздка?

Озабоченно наморщив лоб, он стал перелистывать календарь дежурств.

— Может быть, неполадка таймера? — предположил Чаз. — Вдруг он слез с времяцикла не там, где надо? Мало ли что?

— Ему уже следовало вернуться. Сколько нужно времени, чтобы преодолеть полстолетия? Ладно, сейчас некогда строить догадки. Согласно календарю, нам опять пора двояться. Я снова стану Чарли, Чарли — Чаком, Чак — Чазом, Чаз — Карлом. — Он подождал, пока произойдет обмен бляхами. — Что касается Карла, то мы скоро узнаем, что с ним стряслось. Вперед!

Распевая песню патруля времени (при этом они чувствовали себя болванами, но таков уж был президентский приказ), они оседлали свои сверкающие времяциклы, установили на рукоятях таймеры и укатили.

Карл вышел из-за дерева в 1937 году. Ребенок стоял на коленях в песочнице и, судя по всему, привязывал к хвосту щенка пустую консервную банку. На личике, вызывавшем у прохожих ужас, появилось заинтересованное выражение.

— УБИРАЙСЯ ИЗ МОЕГО СКВЕРИКА! УБИРАЙСЯ, ИЛИ Я НА ТЕБЯ НАЯБЕДНИЧАЮ! НЕСИ ЯБЛОКО, ИЛИ Я...

Не слезая с времяцикла, Карл выбрал на прилавке торговца яблоко посочнее и приобрел в аптеке пузырек с эфиром.

— Наверное, — предположил аптекарь, — вам очень хочется, чтобы я спросил, почему на вас золотой шлем футболиста с крылышками и длинный красный плащ. Не дождетесь! Я и не такое видывал...

В порядке мести Карл стянул у аптекаря из-под носа первое, что попало под руку — «Набор частного детектива для изменения внешности».

Снова превратившись в плохо различимую туманность, он протянул мальчику две ладони. В правой лежало сияющее яблоко, в левой — намоченный эфиром платок.

Протискиваясь по серым, неудобным коридорам времени на времяцикле с неподвижным мальчишкой, перекинутым через раму, Карл сообразил, что ему понадобится более надежное убежище, чем штаб патруля. ФБР, хватившись президента, первым делом нагрянет именно туда. Лучше уж особняк Уилбура Графтона или даже...

— Замечательный план! — одобрил Уилбур. Он сидел у бассейна, поглаживая раненое колено. — Мы переправим его прямо в Белый Форт — единственное место, где никто не вздумает его искать.

— Надо только придумать, как его туда протащить, минуя стражу и ракеты.

Уилбур поднял очки на лоб и задумался.

— Знаете Ральфи, собаку президента — огромную уродливую дворнягу?

Карл неожиданно для самого себя пропел:

Ральфи на конину падок.

А ты не жалуешь лошадок?

— Я работаю над копией этой псины. Хочу сделать ее большой, чтобы внутрь можно было засунуть мальчишку. Сегодня после начала комендантского часа вы устраните настоящую собаку, после чего мы отправим туда под видом собаки Эрни.

Карл ждал выхода псины на лужайку Белого Форта для внесения органических удобрений, имея при себе ее копию и испытанный в деле платок с эфиром. Ему хватило считанных минут, чтобы подсунуть охраннику Форта копию и бросить беднягу Ральфи в сумрачном коридоре времени. Разоблачений не приходилось опасаться: лжесобака могла издавать исключительно собачьи звуки и двигалась соответственно.

Карл возвратился в особняк для доклада. Его ждал сюрприз.

— Должен кое в чем вам признаться, — молвил старый изобретатель.

— Я не Уилбур Графтон, а всего лишь робот. Настоящий Уилбур Графтон изобрел аппарат для омоложения. Решив испытать его, не

привлекая к себе внимания, он предпринял путешествие в прошлое, в 1905 год, чтобы работать ассистентом у собственного дедушки, Орвила Графтона.

— Путешествие в прошлое? Но ведь для этого необходим времяцикл!

— Совершенно верно. В связи с этим он согласился на сотрудничество с патрулем времени. Помните, как перед демонстрацией своего мальчика на паровом ходу он удалился из гостиной, после чего вернулся под личиной дворецкого Джеймса? Это был уже не он, а я. Настоящий Уилбур воспользовался одним из ваших времяциклов, чтобы попасть в 1905 год. Машина вернулась в наше время на автопилоте. С тех пор я и замещаю изобретателя.

Карл поскреб в затылке. Объяснение показалось ему логичным.

— Почему вы все это мне рассказываете?

— Чтобы вы могли воспользоваться ценным опытом. Прибегните к своему набору для изменения внешности и сами прикнитесь Уилбуром Графтоном. Насколько я понимаю, зарплата у патрульного времени невелика, особенно когда приходится делить ее на пять персон. Я же, в отличие от вас, ни в чем не испытываю недостатка. Можете отойти немного назад в прошлое и заменить меня. — Робот подал Карлу конверт. — Здесь инструкции, с помощью которых вы сумеете меня разобрать, а также собрать аппарат для омоложения, если таковой вам понадобится. Все записано на дискету. А теперь прощайте.

«Почему бы и нет? — подумал Карл. — Голубой бассейн, замечательный дом...»

Джеймс, его отец, скромно стоял рядом, дожидаясь возможности наполнить бокал шампанским. Еще один весомый довод — яркая красота горничной со второго этажа. Можно было бы прожить долгую-предолгую жизнь, время от времени прибегая к омоложению...

Эрни развалился в огромном кресле, любуясь собственной физиономией на телеэкране. Охранник привел собаку, та укусила хозяина. Эрни уже собирался вызвать специальную службу, чтобы преподать Ральфи урок, как вдруг обратил внимание на необычное выражение собачьих глаз.

— Так это ты? — Он расхохотался. — Правильнее сказать, я... В таком случае, не смей больше кусаться, понятно? Иначе так и останешься внутри этой гадости. Смотри, я заставляю тебя питаться дрянью, которую воспеваю по телевидению.

Эрни знал, что мальчишка относится к его словам без всякого доверия.

— Учти, парень, мне ничего не стоит исполнить угрозу. Я президент, что хочу, то и ворочу. Понял, почему я такой толстый? — Он встал и зашагал взад-вперед по тронному залу, с трудом неся перед собой огромный живот.

«Ври дальше! — подумал мальчишка. — Если ты такой всесильный, то почему никак не заставишь всех рано ложиться спать и откусывать язык, позволивший себе ругательство?»

— Да, я всесилен. Но есть одна проблема... Ты, конечно, еще мал, чтобы это понять. Я сам не вполне понимаю, как это выходит, но... Одним словом, «все» — это ты, а ты — это я. Я — это все люди, которые когда-либо жили и будут жить в будущем. Во всяком случае, весь мужской пол. Весь женский пол — та девушка, что служила когда-то горничной на втором этаже в особняке Уилбура Графтона.

Он принялся объяснять малышу Эрни сущность перемещения во времени, хотя знал, что тот не поймет и половины. Карл Конн, прикидывавшийся Уилбором, состарился, решил, что пришло время омолодиться, и вернулся назад во времени. Старый злобный пес Ральфи, по-прежнему плутовавший в коридорах времени, набросился на него и спровоцировал большую неприятность. Одна часть Карла вернулась в 1905 год, где стала Орвиллом Графтоном, а другая омолодилась с собакой на пару и выскочила в 1937 году.

— Эта часть Карла, мой мальчик, была тобой. Аппарат для омоложения стер почти всю твою память, не считая снов, и преобразил внешность. С тех пор твоя, моя, всеобщая задача — болтаться во времени взад-вперед, — он неуклюже помахал в воздухе толстыми руками, — изображая большую толпу. В следующий раз я стану дворецким, а ты — роботом, изображающим тебя. Потом, может статься, ты превратишься в моего отца, а я — в его отца, а потом ты станешь мной. Понял?

Он опустил собачий хвост, как рычаг, и половинки чучела развалились.

— Хочешь мороженого? Присоединяйся, пока никого нет дома.

Мальчик кивнул. Появилась горничная со второго этажа, прекрасная, как всегда, с президентским пломбиром на тарелочке. При виде ее мерзкая гримаса мальчика стала похожей на улыбку.

— Мама?

*Перевел с английского
Аркадий КАБАЛКИН*

Видеодром

ДЕСЯТЬ ВЕРШИН

НА ГАЛЛЬСКОЙ РАВНИНЕ

(ЛАНДШАФТ ФРАНЦУЗСКОЙ КИНОФАНТАСТИКИ)

В отличие от американской или итальянской, французская кинофантастика никогда не имела сильного представительства в «мэйнстриме» — потоке массового коммерческого кино. Изучив «топографию» фантастических жанров во французском кинематографе, мы приходим к выводу, что вершинами на этой равнине, как правило, будут фильмы, созданные экспериментаторами, авангардистами, эстетам экрана.

ОТ МЕЛЬЕСА ДО КОКТО

Жорж Мельес — некогда директор театра иллюзионных представлений «Робер Удэн» — забрел в «зал славы» мировой кинофантастики в поисках новых прибыльных аттракционов. Не в пример своим великим соотечественникам — Рабле, Вольтеру, Жюлю Верну — Мельес не интересовался фантастикой как возможностью философски осмыслить мир или заглянуть в его будущее. Кино он воспринял как аттракцион, а фантастические сюжеты — как лучшее содержание для этого аттракциона. В качестве ирреальной «начинки» Мельес был готов использо-

вать любых персонажей, от Христа до Мефистофеля, и любые сюжеты — от полета на Луну до создания туннеля под Ла-Маншем. Главным шедевром Мельеса и первой вершиной французской (и мировой) кинофантастики стало «Путешествие на Луну» (1902) с его космической пушкой, выстреливающей в «глаз» Луне, и пучеглазыми селенитами в картонных панцирях. С точки зрения оригинальной идеи более любопытен другой фильм Мельеса — «Путешествие через невозможное» (1904). Его герои стартуют в космос с горы Юнгфрау на сверхскоростном локомотиве, который выходит в космическое пространство, покрывается льдом, падает в море, но потом благополучно возвращается на сушу. К сожалению, для такого «наукоемкого» сюжета Мельес располагал все тем же набором бутафорских декораций и примитивных кинотрюков.

Абель Ганс на голову превосходил Мельеса и в своем понимании художественной природы кино, и в умении работать с кинокамерой. Помимо того, что поставленный Гансом «Наполеон» стал вехой в истории киноискусства, другой его фильм — «Безумие доктора Тюба» (1915) — по праву можно отнести к шедеврам ранней французской кинофантастики. Его главным героем является «безумный профессор», экспериментирующий с расщеплением световых волн — коллизия, в общем-то, приемлемая и для серьезной «сайнс фикшн». Однако буду-

чи, как и Мельес, экспериментатором экрана, а не фантастом, Ганс чрезмерно перегрузил фильм оптическими эффектами (рассеивающие линзы) и трюками с кинокамерой, из-за чего эта картина долго не пользовалась спросом у прокатчиков. В фильмах других режиссеров-авангардистов этого времени («Смерть Солнца» Жермен Дюлак) формальные изыски настолько заслоняли близкий к фантастике сюжет, что их при всем желании нельзя было отнести к этому жанру.

Впрочем, именно эксперимент и поиск привели к мощному спурту французского кино в 20-х годах. Именно тогда в мировую режиссерскую элиту попадает Рене Клер, дебютировавший в 1923 г. фантастической комедией «Париж уснул». Достоинство этой комедийной утопии — в сочетании шаржа, лирики и научно-фантастической интриги. Смотритель Эйфелевой башни (Альбер Прежан) с удивлением обнаруживает, что раскинувшийся у его ног огромный город подвергся какому-то неведомому воздействию: люди словно ослепнели. Те же, кого таинственное излучение не коснулось, сбросили с себя все моральные оковы. Парижане прекратили работать, ударились в пьяный разгул, стали драться из-за женщин. В конце концов, социальные связи восстанавливаются, а герой со своей возлюбленной (дочерью маньяка-ученого, направившего злоедейский луч) уединяются на все той же Эйфелевой башне. Клер и впослед-

ствии ставил фильмы с ирреальным сюжетом («Призрак Мулен-Руж», «Воображаемое путешествие», «Призрак едет на Запад»), однако в них фантастическая коллизия слишком упрощена и низведена до уровня смешной сказки-пародии.

В 30-х французов заставил оцепенеть не какой-то «безумный профессор», а «Вампир» (1932) — фильм Карла Дрейера, и по сей день остающийся одним из лучших примеров французского «хоррора». Ну, а в 40-х французская кинофантастика заговорила на языке поэтической легенды и притчи. Начало было положено «Вечерними посетителями» (1942) Марселя Карне. Сюжет и образы фильма, снятого во время немецкой оккупации, давали прозрачный намек на природу тех сил, которые покорили Францию: дьявол посылал на землю своих слуг, повелев им посеять отчаяние и горечь в людских сердцах. Фильм отличала мастерская, хотя и несколько «театральная» работа художников-постановщиков (А.Траунера и Ж.Вахевича), но настоящим шедевром в этом смысле стала картина «Красавица и чудовище» (1946), где сюжет хорошо известной волшебной сказки (принцесса спасает короля-отца, согласившись стать женой монстра) приобрел глубину и серьезность, благодаря искусству постановки, актерской игре (Жан Марэ и Жозетт Дэй) и, не в последнюю очередь, визуальным решениям К.Бернара и гриму Н.Аракеяна (облик чудови-

ща, пейзажи его владений, которые словно сошли с гравюр Гюстава Доре). Столь же виртуозно поставленной, но адресованной только интеллектуалам оказалась и следующая картина Кокто — «Орфей» (1949), где миф о древнегреческом поэте (его опять сыграл Ж.Марэ) был решен в традициях авангардистского театра: например, принцесса Смерти, которую играла Мария Казарес, появлялась со свитой затянутых в черную кожу мотоциклистов.

ПИКИ ШЕСТИДЕСЯТЫХ

После довольно бесцветных 50-х (кроме «Завещания Орфея») того же Кокто можно выделить разве что «Незрячие глаза» — психологический «хоррор» Жоржа Франжю, где безумный хирург пытается трансплантировать лица убитых им женщин своей обезображенной дочери) французская кинофантастика пережила эпоху триумфа 60-х годов.

Как и прежде, тон задали авангардисты и эстеты. К.Маркер в своей короткометражке «Дамба» (1962) рассказал о посланце будущего, отправленного в современность для предотвращения апокалиптической катастрофы — и, сам того не ведая, направил послание в 90-е годы — Терри Гиллиаму, поставившему в 1995 г. на основе этого фильма свои «Двенадцать обезьян». К фантастике обращается весь цвет французской «новой волны» — Франсуа Трюффо («451° по Фаренгейту», 1966), Ален Рене («Люблю те-

бя, люблю», 1968), Аньес Варда («Создания», 1967), но главным триумфатором признается Жан-Люк Годар. Его «Альфавиль» поражает всех выразительностью картин иногалактического мира, снятых на натуре в реальном ночном Париже. «Для Годара достаточно посадить обнаженную девушку в стеклянную кабинку, чтобы дешевая гостиница в парижском предместье стала отелем «Альфавиль Хилтон», — писал американский исследователь кинофантастики Джон Бакстер. Сюжет фильма Годара не слишком отличается от комикса: герой-землянин (актер Эдди Константэн) попадает в иную галактику, которой управляет компьютер, а суд вершат с помощью ножа воинственные девицы в бикини; в него влюбляется дочь одного из властителей Альфавиля, после чего молодые люди бегут из ненавистного города. Но Годар сумел «аранжировать» этот сюжет в своей экспрессивно-нигилистической манере и сделать его настоящим манифестом эпохи — с ее недоверием государству, разочарованностью в традиционных устоях и анархическим молодежным бунтом. Более реалистично (но с явным уклоном в фантастический жанр — антиутопию) Годар выразит ту же идею в «Уик-энде» (1967), где приметами рутинной жизни французов представлены «апокалиптические» пробки и аварии на дорогах (с небурными жертвами в кювете), партизанские отряды и каннибализм.

Фильмами «эстетов» и «бунтарей» дело, однако, не ограничилось. В 1962 — 1964 гг. режиссер Андре Юнебель ставит три фильма о Фантомасе. Считая «Фантомаса» одной из вершин французской кинофантастики, оговоримся, что речь идет не только и не столько о фильмах Юнебеля, сколько обо всей экранной «биографии» этого планетарного злодея. Началась она в 1913 г. с фильма Луи Фейдера («Фантомас»), продолжилась в 30-х в картинах Поля Фежоса («Фантомас») и Эрнста Моэрмана (сюрреалистическая короткометражка «Мсье Фантомас»); в 40-х годах эстафету подхватили Жан Саша и Робер Верней («Фантомас против Фантомаса»). Признавая достоинства на редкость популярного у нас кинокомикса Юнебеля, заметим, что похожий на него «Дьяболик» итальянца М.Бавы (кстати, в постановке участвовали и французы) был снят более профессионально и изобретательно. Если Фантомас просто похищает бриллианты, то Дьяболик, чтобы замести следы, использует бриллианты в качестве пуль, а затем сжигает трупы своих врагов и, просеяв их пепел, снова становится обладателем драгоценностей.

Дьяболика сыграл Джон Филип Лоу. Он же предстал в образе слепого «ангела» Пигара в «Барбарелле» (1968) Роже Вадима. Фильм, снятый по комиксу Жан-Клода Форэ, достаточно хорошо известен, чтобы лишний раз пересказывать его содержание. Его «культовая» ценность

не вызывает сомнений, хотя многие слагаемые успеха картины далеко не бесспорны (наблюдая за сложенной, как подросток, Джейн Фондой и ее «космическим стриптизом», можно только пожалеть, что в этой роли не могла сняться молодая Брижит Бардо).

ГОРЫ ИЛИ «ГОРКИ»?

Надо сказать, что «эротичность», по обычаю приписываемая французскому кино вообще и кинофантастике в частности, представляется некоторым преувеличением. Те же итальянцы добавляли в свои фантастические сюжеты гораздо больше острого эротического соуса (пример — упомянутый «Дьябол»). Что касается французозов, то их репутацию поддержал разве что эмигрировавший к ним в 1958 г. поляк Валериан Боровчик. Начиная он с сюрреалистических мультфильмов и короткометражек, а в 1975 г. сделал эротический римейк «Красавицы и чудовища» Кокто («Зверь»), запомнившийся своим более чем откровенным аттракционом совокупления фантастического монстра и героини. В 1982 г. он же переложил на эротические ноты бродячий сюжет о докторе Джекиле («Доктор Джекил и женщины»).

Были, правда, еще «Приключения Гведолин в стране Йик-Йак» (1984) Жюста Жакэна — типичный образец эротического «трэша» с участием секс-бомбы европейского масштаба Тэмми Китаен. Исходя из сюжета, ее героиню можно было бы

назвать «Индианой Джонсом в юбке», если бы актриса по преимуществу не обходилась без одежды вообще.

Вместе с тем французы могут по праву гордиться редким в кинофантастике примером «высокой» любовной драмы. Это «Наблюдение за смертью» (или «Прямой репортаж о смерти») Бертрана Тавернье (1979). Фильм, главный герой которого (Харви Кейтель) по заданию фирмы с помощью вживленной в его глаз видеокамеры наблюдает за угасанием молодой женщины (Роми Шнайдер) и постепенно влюбляется в нее — один из самых удачных в последние десятилетия примеров синтеза «психологии», занимательности и не избитой научно-фантастической идеи.

Главным козырем в колоде французской кинофантастики 80-х сегодня склонны считать один из ранних фильмов Люка Бессона «Последняя битва» (1983) — отчасти, наверное, из-за приза, врученного этой авангардистской черно-белой антиутопии на фестивале фантастического кино в Авориязе (во Франции ежегодно проводится четыре подобных фестиваля, но главные призы почти стопроцентно увозятся в другие страны), но в большей степени из-за того, что Бессон вошел сегодня в «клуб» режиссеров с мировым именем. На наш взгляд, более высокой отметки достиг Ив Буассе в фантастическом триллере «Цена риска» (1982). Его сюжет не слишком оригинален (телезрители с увлечением

смотрят жутковатую игровую программу — на улицах города «охотники» преследуют «жертв», которых ждет реальная гибель), но в нем есть острота и ясность.

Фантастический «ландшафт» 80-х приобрел выгодное разнообразие благодаря широкому спектру жанров и тем. Мистический саспенс Ж.-Ж.Анно «Во имя розы» (1981), действие которого развивается в средневековом монастыре, соседствует с мультипликационной фэнтези о путешественнике во времени («Легкие годы», 1988 — по сценарию А.Азимова); хоррор Клода Шаброля «Клуб смертников» (1989) — с масштабной экранизацией «Тысячи и одной ночи» Филипа Де Брока. В 80-х был экранизирован и роман Ж.Рони-старшего «Борьба за огонь» (1981). Можно возразить, что этот фильм, скорее, «историческая реконструкция» жизни первобытного племени (не случайно для героев был разработан специальный язык, участие в чем принял автор «Заводного апельсина» Энтони Берджес), но кто будет спорить, что «отъезд» камеры на 80 тысяч лет в прошлое — это в большей степени фантастика, чем взгляд на десять лет в будущее?

90-е, без сомнения, стали десятилетием Жан-Пьера Жене и Марка Каро. Начав с короткометражных мультфильмов, этот режиссерский дуэт в полный голос заявил о себе фильмом «Деликатесы» (1993). «Деликатесы» — свинцово-мрачная, сардонически-насмешливая антиутопия, героям которой под видом

дефицитных деликатесов скормливают человеческую убоину. Безусловно, на Жене и Каро оказали сильное влияние фильмы Терри Гиллиама и Питера Гринуэя, но французские режиссеры обладают своим творческим почерком — что и было доказано их следующим фильмом «Город забытых детей» (1995). На наш взгляд, именно эта гротесковая фэнтези для взрослых (сюрреалистическая история о странном злодее, стремящемся увидеть сны похищенных им детей) имеет все основания считаться пиком десятилетия. «Пятый элемент» Бессона, бросая вызов Голливуду, на самом деле невольно «клонировал» его эстетику; забавные и не обделенные талантливыми актерами «Визитеры» (о приключениях средневекового рыцаря и его оруженосца в современной Франции) не слишком оригинальны по замыслу, то же самое можно сказать и о «Машине» Ф.Дюпейрона.

После «Города забытых детей» о Марке Каро почти ничего не слышно. А Жан-Пьер Жене, словно с ледяной горки, скатился со своего пика в объятия Голливуда, получив право на престижную и коммерчески перспективную постановку фильма «Чужой: воскрешение». Насколько Каро удалось сохранить рецептуру своих фирменных блюд на голливудской кухне — это отдельный и весьма спорный вопрос, но совершенно очевидно, что для Франции «Чужой» никогда не станет своим.

Дмитрий КАРАБАЕВ

КТО КОГО:

ОРКИ ПРОТИВ ДЖЕСОНОВ

Завороженный оглушительным финансовым успехом новых лужасовских «Звездных войн» (и ошущимым неприятием фильма у большинства критиков и даже «своих» — фэнов и писателей-фантастов), мир научно-фантастического кино, кажется, просмотрел реальную, а не призрачную угрозу со стороны давнишнего конкурента — кинофэнтези. Все продолжали твердить, как заклинание, что в ближайшее десятилетие эпосу Лукаса никто не сможет бросить вызов: все-таки три фильма-суперколосса, плюс выросшее на «отходах» первой трилогии (игрушки, сувениры, интерактивные игры, книги «по мотивам...» и т.п.) целое поколение фэнов, для которых весь мир сосредоточен в магическом словосочетании «Star Wars»...

А между тем существует отряд фэнов такой же многочисленный и фанатичный — и во всяком случае, поклоняющийся «предмету» куда более достойному (если говорить о литературной первооснове). Это старая гвардия толкинистов. Их-то кино как раз обделило: не считать же адекватным воплощением на экране экспериментальную (соединение игрового кино с мультипликацией) и откровенно неудавшуюся экранизацию первой части

трилогии Толкина, предпринятую режиссером Ральфом Бакши...

В ближайшие два года ситуация может измениться кардинально. Потому что молодой австралийский режиссер Питер Джексон («Небесные создания», «Страшилы») начал снимать на студии New Line Cinema все три фильма толкиновской трилогии! Бюджет новой киноэпопеи определен в 190 млн долларов. Предполагается, что съемки всех трех картин будут идти одновременно (местом выбраны экзотические ландшафты Новой Зеландии, где родился режиссер). Первый фильм выйдет на экраны в конце столь лелеемого любителями кинофантастики 2001 года.

В настоящее время Интернет содержит несколько сотен сайтов, посвященных Толкину. Многие из них еще летом 1999 года самостоятельно начали рекламную раскрутку будущей кинотрилогии. А в мае 2000 года откроется официальный сайт киностудии New Line Cinema — www.lordofthethrings.net, пробыться на который в первые месяцы (как показал опыт лужасовской «Скрытой угрозы») не будет никакой возможности.

Почему так рано (столь спешная раскрутка фильма в Интернете ста-

нет абсолютным рекордом)? Директор по интерактивному маркетингу студии New Line Cinema Гордон Пэддисон отвечает коротким слэнговым выражением: «Потому что это slam dunk для Сети» (что можно перевести и как «печенье, макаемое в сладкое вино», и как «стопроцентный мяч» в баскетболе). Фильм, по мнению руководства студии, будет обладать всеми необходимыми качествами культового хита: сложившимся еще до выхода картины на экран мощным фэндомом (как в «Звездных войнах»), коммерческим потенциалом (как в «Остине Пауэрсе») и мифологической глубиной (как в фильме «Проект о ведьме из Блэра»). Можно предполагать, что продукция фирм, заблаговременно озаботившихся пошивом «гэндальфовых» плащей и изготовлением посохов, к моменту премьеры будет разлетаться, словно горячие пирожки...

Хотя режиссер с детства является фанатом Толкина, он убежден, что ставит «самый критикуемый фильм всех времен», поскольку каждый уважающий себя толкинист знает наперед, как должен выглядеть орк или эльф, и угодить сразу всем заведомо невозможно. С другой стороны, Джексон все же не «чужак» для этого шумного и азартного племени, а первые просочившиеся в сеть Интернет слухи со съемочных площадок говорят о том, что батальные сцены по своим техническим эффектам, массовости и,

главное, реализму могут превзойти даже компьютерные войны Лукаса!

И еще одно, что — можно предсказать это с большой степенью вероятности — будет отличать эпопею Джексона от эпопеи Лукаса. Австралийский режиссер предпочитает игру живых актеров, а не только их виртуальных «призраков».

Уже известно, что роль Фродо Бэггинса доверена новой культовой звезде — Илайя Вуду («Вечно молодой», «Приключения Гека Финна», «Деер Импраст»), его дядюшки Бильбо — прекрасному характерному актеру Яну Хольму (помните доктора-андроида из первого «Чужого»?). Кроме того, злодея Сарумана сыграет ветеран Кристофер Ли, доброго волшебника Гэндальфа — Йэн Мак-Келлен, принца Арагорна — Стюарт Таундсенд, а принцессу эльфов Арвен — еще одна новая звезда, Лив Тайлер.

Пока же в Сети на сайте www.ringbearer.org закончился тотализатор по предполагаемым актерам (все роли уже разобраны), в самом разгаре сбор подписей под петицией «Сохраните Тома Бомбадила» (прошел слух, что от этого колоритного героя толкиновского эпоса режиссер решил отказаться), и постепенно разгорается нешуточная полемика, обладал ли Барлог из Мории крыльями — или нет... Во всяком случае, без добровольных советчиков и консультантов Питер Джексон не останется!

ВЛ. ГАКОВ

БЕОВОЛК

(BEOWULF)

Производство компаний Threshold Entertainment и European Motion Pictures, 1999. Сценарий Марка Лихи и Дэвида Чаппе.

Продюсеры Лоуренс Казанов и Элинор Сэвидж.

Режиссер Грэхем Бэйкер. В ролях: Кристофер Ламберт, Оливер Коттон, Рена Митра, Чарлз Робинсон. 1 ч. 32 мин.

Это очень странный фильм. Место действия — то ли посткатастрофический мир, впавший в средневековье, то ли некая альтернативная Земля, обитатели которой орудуют большими ржавыми мечами, но при этом пользуются какими-то примитивными электроприборами. Некий замок, где действует мерзкое существо (помесь «Чужого» и «Хищника»), убивая и пожирая всех без разбора. Избавителем призван стать отважный рыцарь Беовульф (Ламберт), который долго и упорно сражается с чудовищем и, наконец, одолевает его. Но тут появляется мамаша чудовища, и снова в бой! На первый взгляд — традиционный ужастик. Мрачная эстетика замка, неплохая музыка и терпимая (правда, с трудом) игра артистов — словом, посмотреть и забыть.

Но! Для начала заметим, что переводчики немного перестарались. Беовульф — это вовсе не какой-то «беоволк». Если уж быть буквальным, то это означает «пчелиный волк», то есть медведь. И самое главное — фильм претендует на то, чтобы стать экранизацией одного из древнейших англосаксонских эпосов — одноименного «Беовульфа». Как ни странно, сюжетная канва в общем-то выстроена довольно верно — есть роковой замок, есть чудовище Грендель, которому и на этот раз герой отрубает руку, есть его страхолудная мамаша; правда, герой разбирается с ней в самом замке, а не погружается на дно океана.

Ключевым моментом является ненароком брошенная фраза королевского оружейника о том, что имя героя кажется ему смутно знакомым. А тут еще и Беовульф намекает на то, что он «пришел из другого мира». Это, увы, несколько снижает пафос фильма: герой воспринимается как некий гибрид Коннора Маклауда и Конана-варвара — этакий вечный воитель. Надо заметить, что сам Ламберт в этом фильме играет на удивление вяло — то ли считает ниже своего достоинства выкладываться в малобюджетнике, то ли никак не может выскочить из типажа. Впрочем, в любом случае фильм стоит посмотреть, а те два или три знатока древней литературы, которых может возмутить столь вольная трактовка эпоса, все равно картины не увидят.

Константин ДАУРОВ

ДОМ С ПРИВИДЕНИЯМИ

(THE HAUNTING)

Производство компании Dreamworks, 1999.

Сценарий Ширли Джексон. Режиссер Ян Де Бонт.

Продюсеры Сюзен Арнольд, Донна Рот. В ролях: Кэтрин Зейт-Джонс, Лили Тэйлор, Лиам Нисон, Оуэн Уилсон. 1 ч. 52 мин.

Вот фильм, который доказывает, что современные технологии могут осеменить, и весьма неплохо, не только архаику типа «Мумии», но и более позднюю кинопродукцию. В 1963 году режиссер Робейт Уайз снял «Дом с привидениями», который, кстати, шел у нас на одном из телеканалов. А через тридцать шесть лет Ян Де Бонт решил сделать римейк этого ужастика.

Сюжет остался прежним. Доктор Дэвид Мерроу (Лиам Нисон) пытается исцелить людей, страдающих от бессонницы, и привозит их в старинный замок. Тут все и начинается...

Причем, это не малобюджетник, отнюдь! Навороченных ужасов хватает с лихвой. Но если в старом фильме многое (почти все) держалось на так называемом саспенсе, то здесь ужасы отпускаются оптом и в розницу. Что характерно — благодаря обилию спецэффектов, у зрителя в какой-то момент не остается места для раздражения от вялой игры артистов (игра-то, по правде говоря, никакая). Он успевает лишь вздрагивать от внезапных ударов по нервам. Может, это такой прием — не дать нам времени хоть на секунду задуматься, что это за лабудень мы смотрим? В этом смысле фильм вполне удался — ужастик он и есть ужастик, оторваться невозможно.

Другое дело, что возникает вполне резонный вопрос: им что, снимать больше нечего? Крепнет подозрение, что так называемое коммерческое кино испытывает не просто кризис жанра, а фактически находится в тупике. Оно держится на плаву либо мегаломаническими проектами типа «Годзиллы» или «Звездных войн» (кстати, тоже своего рода возвращение к старым сюжетам), либо же на откровенных римейках лент, когда-то имевших кассовый успех. Но с другой стороны — то же самое имеет место и в художественной литературе, однако там почему-то никто не обращает внимания на бесконечные перепевы одних и тех же сюжетов.

Так что для тех, кто не желает искать проблемы там, где их, возможно, и нет, «Дом с привидениями» — отличный повод убить пару часов, не загружая извилины.

Константин ДАУРОВ

Дом, милый дом...

По нашим телеканалам сплошь и рядом идут сериалы, сюжет которых сводится к нехитрой фабуле — в обычную семью попадает некое существо (пришелец, компьютерный джинн, гость из прошлого или будущего и т.п.). Эти мыльные оперы пользуются зачастую большим успехом, нежели навороченные крутые сериалы с пальбой из бластеров, космическими сражениями и кровавыми разборками.

Появление в декабре 1996 года на экранах наших телевизоров мохнатого пришельца по имени Альф поначалу прошло незамеченным любителями фантастики. Но после того, как телеканал СТС трижды прокрутил все эпизоды сериала, а в завершение еще и посвятил их повтору целый день, с утра до вечера, — не заметил бы его только слепой. Ко всему еще и ОРТ приступило осенью к его показу, сделав приключения инопланетного волосатика, разговаривающего голосом артиста Малого театра Александра Клюквина, достоянием всей страны.

Все начинается с того, что на гараж простой американской семьи падает летающая тарелка, и оттуда выбирается носатый пришелец. Разумеется, семейство гостеприимно предлагает ему убежище, поскольку справедливо пола-

гает, что гласность Альфу повредит — объявятся военные и утащат его на свои секретные объекты.

Поначалу сериал воспринимается как пародийный, тем более, что согласно некоей устоявшейся традиции стало хорошим тоном время от времени слегка прохаживаться по иным популярным сериалам или фильмам — такая реакция на злобу дня. Шкодливы Альф с трудом усваивает правила поведения и в каждом эпизоде непременно как-нибудь да напортачит. От эпизода к эпизоду он все больше вырастает в быт и даже находит в этом удовольствие. Тем более, что его родной дом — планета Мелмак — погиб в результате катастрофы. В какой-то момент у Альфа появляется возможность улететь к своим соплеменникам на пролетающей мимо тарелке, но он не в силах одолеть привязанность к но-

вому дому и к семейству Таннеров. Он остается в простой американской семье из Лос-Анджелеса, чтобы по-прежнему прятаться от любопытствующих соседей, поедать пиццу в неограниченных количествах и время от времени пользоваться кредитной карточкой хозяина дома, к вящему его, хозяина, неудовольствию. И, представьте себе, такая вот нехитрая история почему-то имела бешеный успех, а мохнатая игрушка по образу и подобию Альфа была раскуплена всеми, у кого детки малые и не очень.

В США показ «Альфа» начался в сентябре 1986 года и длился аж до марта 1990 года. В первых эпизодах пришельца играл лилипут Мичу Мезарос, а затем его заменили куклой с хитрой электроникой, состоящей из двух половинок — оттого Альфа и показывают либо по пояс, либо не выше мохнатых лап, топаящих, например, за котом Таннеров. (Кошки — излюбленное блюдо мелмакиан, на этом построена значительная часть непритязательных шуток). Надо сказать, что огромная популярность сериала со временем значительно упала, и лишь в декабре 1996 года один американский кабельный телеканал рискнул запустить его вновь. Но в этом временном промежутке пришелец-симпатяга успел победоносно пройти по

многим странам (более 80!) и покориť сердца миллиардов зрителей. Самый оглушительный успех он имел почему-то в Германии. Впрочем, надо заметить, что с немалым удовольствием сериал смотрели и во всех остальных европейских странах.

Мультипликационный проект «Истории Альфа», осуществленный в 1989 — 90 годах, практически оказался бледной тенью телесериала. У нас мультики шли на канале ТВ-6, и показ не был доведен до конца. Приключения на Мелмаке оказались малоинтересными и ничем не отличались от заурядного фантастического мультсериала.

В чем же причина того, что приключения носатого пришельца были оборваны на самом интересном месте, когда бравые вояки все-таки добиваются до Альфа? Комедийный телефильм «Проект «Альфа» — всего лишь дешевая попытка поставить точку в конце сюжета и забыть про сериал. Неужели и здесь происки конкурентов? Известно же, что «Квантовый скачок» — единственный серьезный конкурент «Секретных материалов» — был перекуплен хозяевами «Икс-файлов» и цинично закрыт. Но поиски происков ни к чему не приводят: увы, симпатичного инопланетянина притормозили обстоятельства более прозаические.

Создатели Альфа — Том Патчет и Пол Фаско (кстати, это он говорит за Альфа в оригинале) — призна-

лись, что они могли бы тянуть сериал и дальше, если бы не банальный кризис идей. Просто нечего было снимать дальше, начались самоповторы и самопародирование, а это и привело к падению рейтинга. Похвальная честность, а все-таки нам жаль было расставаться с симпатичным пришельцем, чем-то напоминающим Карлсона...

Любопытно, что такие вот сериалы — без космических гонок на звездолетах, без пальбы и взрывов — являются более эффективной пропагандой американского образа жизни, чем бесконечные приключения суперменов с огромными кулаками и большими пистолетами. Американские идеологи давно поняли, что, во-первых, семья это не просто ячейка общества, а самый что ни на есть его, общества, фундамент. Во-вторых, агрессивный герой, кулаками насаждающий справедливость, в одних странах ассоциируется с беспринципным эксплуататором-гринго, а в других даже с пособником шайтана.

Товар, а идеология и есть товар, следует продавать в привлекательной упаковке. Но кто сейчас не знает, что в рекламном деле самый верняк — это дети и животные. Пришелец Альф похож одновременно и на тех, и на других. Вот постепенно и пропитываются американцы мыслью о том, что их страна

настолько хороша, что является пределом мечтаний не только для жителей стран третьего мира, но и вообще для всех обитателей обозримой Вселенной.

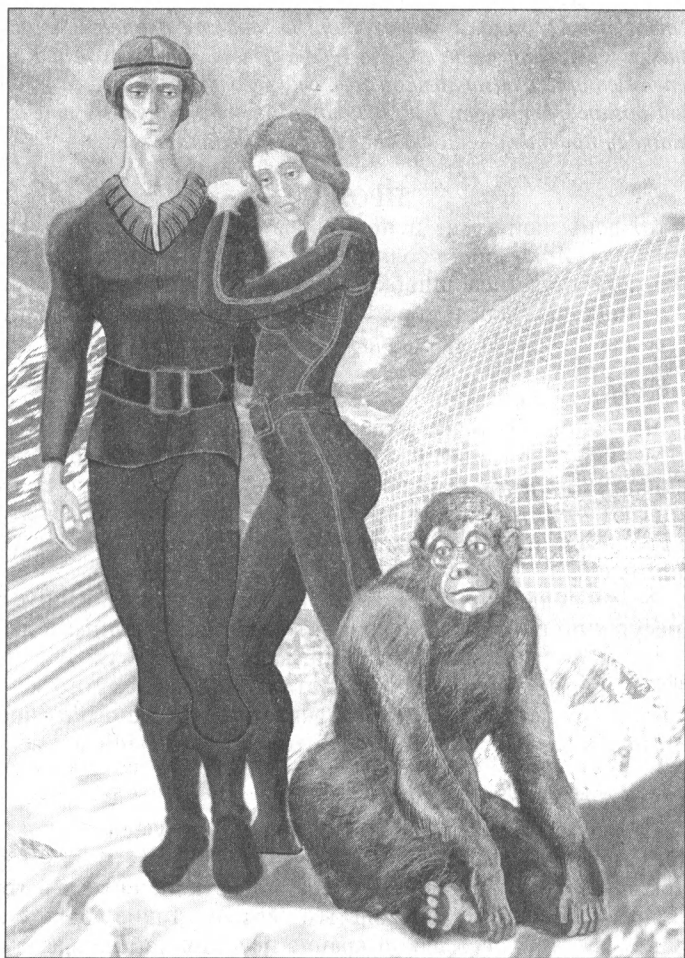
Смешно даже предполагать, что Патчет и Фаско в работе над сериалом хотя бы на миг задумались над тем, как им получше оформить базовые идеологемы американского общества! Другое дело, что на кинорынок допускаются (иными словами — финансируются создание) такие проекты, которые служат не «очернительству», а восхвалению, пусть даже весьма тонкому и еле заметному. Поэтому неудивительно, когда четверка смешных персонажей из «Третьей планеты от Солнца» изо всех сил старается остаться на Земле; неудивительно, когда компьютерный джинн Лиза отказывается от волшебного мира и возвращается к двум прыщавым придуркам, и так далее и тому подобное... И даже снежный человек Гарри в одноименном телесериале не хочет вернуться в первозданность лесов, предпочитая дом очередных простых американцев.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы представить себе, в каком ключе наши режиссеры сподобились бы снять похожий сериал о пришельце, оказавшемся в российской семье, — вот было бы, наверное, не продохнуть от крика, надрыва, склок и мордобоя...

Константин ДАУРОВ

М А Й К Л К О У Н И

Я ПОМНЮ

ПАЛЛАХАКСИ

Знаменитый американский фантаст Майкл Коуни спустя четверть века обратился к своему любимому детищу — роману «Здравствуй, лето... и прощай» (постоянные читатели «Если» могли ознакомиться с ним в № 2 за 1995 г.).

Действие нового романа происходит на той же планете много-много поколений спустя, так что главные герои «Лета...» — Дроув и Кареглазка — успели стать для потомков героями легенд.

Новый роман публикуется по рукописи автора, поэтому отечественный читатель прочтет его одновременно с американским.

ПРОЛОГ

В тот день, когда мне исполнилось семнадцать, я чуть было не утонул. Ярко сияло солнце, цепочка белых домиков Носса на берегу гляделась широкой улыбкой, гладкие воды эстуария лениво сползали в море. Легкий бриз раздувал мой парус, и я весело распевал, направляя скиммер к устью реки.

Грум уже начался.

Это совершенно особое время года, когда океанское течение, опоясывающее наш мир, приносит к нам с Великого Мелководья удивительно плотную и тяжелую воду — грум. Рыбаки меняют килевые суда на плоскодонки, вроде моего скиммера, и навешивают на сети и снасти добавочные грузила. Рыбы в эту пору невпоровот, ведь плотная вода выталкивает наверх придонных морских обитателей.

Чуть позже появляются свирепые наездники грума. Они стремительно несутся по поверхности моря, отталкиваясь мощными лапами, и атакуют все, что попадает на пути, даже зумов. А уж зум покрупнее груммера раз в двадцать! Что-то в этих хищниках смутно меня беспокоит и даже пугает. Возможно, вспышка памяти одного из предков? Рано или поздно я выясню это, хорошенько покопавшись в воспоминаниях.

— Эй, на скиммере!

Глубоко задумавшись, я пропустил крик мимо ушей.

— Эй! Смотри, куда плывешь!

Девушка, которая кричала и махала мне рукой, сидела в гребной шлюпке, дрейфующей под обрывистым берегом. Такие лодки с округлым днищем и глубокой осадкой крайне неустойчивы во время грума, но девушка непринужденно удерживала баланс, и будь я чуток поумнее... Но где там! Эти водяные ящерицы из Носса считают, что море принадлежит только им. Нет уж, буду делать все, что захочу.

И тут мой скиммер рванул вперед, как перепуганный локс, хотя ветер совсем не изменился. Вода ужасно брызгалась и плескалась, что

было очень странно, ведь грум хлюпает и стекает с бортов тонкими струйками. Я не успел додумать эту мысль: скиммер сбавил ход, да так резко, что меня швырнуло вперед, потом остановился... и начал погружаться в воду.

В безумной панике я вскочил на ноги, и суденышко опасно перекосилось. Рухнул парус, опутав голову и руки, вода моментально поднялась до колен. Она была не теплее ледяной руки Ракса, и я испустил отчаянный вопль. Освободиться никак не выходило, а если бы и удалось, плавать я все равно не умею, как и любой сухопутник.

— Ради Фа! Прекрати скулить и вылезай из-под паруса.

Это был голос ангела, не иначе.

— Не могу, — жалобно прорыдал я, чувствуя себя обреченным. А ведь мне всего лишь семнадцать лет... Какая потеря для мира! Ледяное объятие тесно сдавило грудь, тонущий скиммер выскользнул из-под ног. Что-то двинуло мне под ребра и потащило в сторону. Чья-то рука сдернула парус с лица, и я увидел пару внимательных глаз.

— Хватит! Увидят люди — смеху не оберешься. Считай, что я тебя спасла. Можешь промямлить слова благодарности, если возникнет желание, а пока заткнись.

Верхняя моя половина оказалась в шлюпке, остальное болталось за бортом. Парус по-прежнему обвивал тело, а на ребрах возлежала мачта скиммера. Золотое солнышко Фа светило прямо в лицо, и все вокруг было необычайно ярким и теплым, включая великолепные карие очи моей спасительницы.

Это очень редкий у стилков цвет глаз, и наша культура придает ему особое значение. Благословенный дар, напоминающий о легендарной Кареглазке! Вместе со своим возлюбленным Дроувом сия мифическая личность неким непостижимым образом избавила нас от зла... Так или иначе, но всхлипывать я перестал и невнятно пробормотал «спасибо».

— На здоровье. Послушай, если ты подтянешься на руках, то вылезешь из этого кокона. Я придержу мачту, чтобы скиммер не ушел на дно.

Потом мы сушились на россыпи каменных обломков. Скиммер вытащили на песчаный пляж, и он смиренно лежал бок о бок со шлюпкой.

— Ты наверняка сухопутник, — сказала девушка. — Земляной червяк. И все-таки мог бы сообразить, что на скиммере не ходят вверх по течению. Там же пресная вода, понятно? Только что все было в порядке, и вдруг... Бултых! — Она сделала выразительный жест маленькой пухлой ручкой. — Скиммер рассчитан только на грум, для обычной воды у него слишком мала площадь.

— Угу, — пробурчал я, погибая от стыда. Девушка внезапно хихикнула.

— Знаешь, — сказала она мягко, — в жизни своей не видела человека, который тонул бы так быстро. У тебя на самом деле почти не было шансов.

— Угу, — промычал я, глядя на эстуарий, бледно-голубое небо и куда угодно, только не на нее.

— Как тебя зовут?

— Э-э... Харди. Иам-Харди.

— Так ты из Иама? — удивилась она. От Носса до моей родной деревни полдня езды на мотоцикле. — Должно быть, ты важная персона? Неужто я облагодетельствовала цивилизацию, — она усмехнулась, — когда спасла тебя из водяной могилы?

— Мой отец — Иам-Бруно, — объяснил я, стараясь не сиять, как медный пятак.

— Бруно? Брат вашего предводителя? — Казалось, это произвело на нее впечатление. — Ведь он сейчас в Носсе, не так ли? Я видела его мотоцикл.

— Отец приехал на переговоры с вашими предводителями.

— Переговоры? О чем?

— Ну, товары, торговля и все такое. Планирование. Словом, вышшие материи. Тебе будет неинтересно.

— Ты хочешь сказать, что и сам не знаешь?

Пора сменить тему, решил я. В конце концов, кто эта девушка? Я уже почти пришел в себя и теперь видел, что лет ей примерно столько, сколько и мне, и что она невероятно хороша собой. Круглые, теплые, карие глаза, россыпь очаровательных веснушек на пухлых щеках и ослепительная улыбка, способная затмить Фа. Я не привык к близости такой красоты... У мужчин и женщин мало общего в нашем мире.

— Ты не сказала мне, как тебя зовут.

Девушка немного поколебалась.

— Чара. Носс-Чара. Имя, конечно, необычное, — заторопилась она, — но мать назвала меня так в честь родовой реликвии. — Она потянула за шнурок, убегающий в горловину платья из дорогой земной материи, и продемонстрировала подвешенный к нему сияющий кристалл.

Я ничего не понимаю в драгоценностях, но в этот миг я испытал самое мощное озарение в своей жизни...

Кристалл и красивая девушка!

— О, — сказала она, пристально глядя на меня.

— Что?

— Нет, ничего.

Настала ее очередь разглядывать эстуарий. Плоская масса океана лежала по левую руку от нас, и миллионы бледных птиц с пронзительным криком падали вниз, подбирая уснувшую на поверхности рыбу. Скиммеры бороздили воды сетями, собирая щедрый урожай груга, за долю которого отец в это время усиленно торговался, ведь зерновые в нынешнем году не уродились.

А я сидел на теплых камушках со скользкой ящерицей из Носса.

Всем известно, что у береговиков странные привычки да к тому же перепонки между пальцами ног. Они настолько отличаются от нас, что некоторые склонны считать их другим видом разумных существ, но кое-какие малопривычные события доказывают обратное. Образ жизни у береговиков примитивный: мужчины ловят рыбу, женщины ее обрабатывают, и все они зависят от ежегодного груга, а не от собственной сообразительности. Мистер Мак-Нейл, представляющий землян в нашей округе, называет их охотниками-собираателями.

Мы, сухопутники, гораздо более цивилизованный народ.

Наши мужчины занимаются охотой, это правда, но для постижения сложных миграционных путей дичи требуется недюжинный интеллект, не говоря уже об искусстве ее выслеживания. А наши женщины выращивают съедобные растения, и в этом деле применяются абсолютно все виды планирования. Мистер Мак-Нейл рассказывал, насколько наша культура впечатлила землян, когда они впервые прилетели сюда несколько поколений назад.

И эти ящерицы имеют наглость обзывать нас червяками?!

— Мне пора, — сухо сказал я представительнице Носса. — Думаю, отец уже закончил переговоры и удивляется, куда я запропал. — Тут я вспомнил о скиммере. — Ты сможешь мне донести лодку?

— Что? — Она тряхнула головой и поспешно сказала: — Да-да, конечно.

Мы с трудом втащили скиммер на высокий берег, но на дороге дело пошло полетче: мы просто подняли его, каждый со своего конца, и понесли.

— Странно, — вдруг сказала Чара.

— О чем ты?

— Посмотри, из лодки течет вода.

Конструкция скиммера чрезвычайно проста. Это всего лишь продолговатый плоскодонный ящик с двумя поперечными сиденьями; под ними проложена специальная доска, предохраняющая подошвы ног от соприкосновения с холодным днищем.

— Дыра, — сказала Чара, как только мы перевернули скиммер. Отверстие оказалось как раз под доской — круглое, два пальца в поперечнике. Меня охватил озноб.

— Я бы все равно утонул. Даже если бы не сунулся в эстуарий.

— Должно быть, ты ударился о скалу.

— Нет, ничего подобного.

— Значит, кто-то пытался тебя убить? — Она глядела на меня круглыми глазами. — Кто-то подкрался к твоему скиммеру под покровом ночи и просверлил дыру? Выходит, ты еще более важная персона, чем я представляла? — Невинное выражение соскользнуло с ее лица. — А может быть, ты все-таки напоролся на скалу?

— Ради Фа, оставь в покое скалу! Я наверняка заметил бы это, не так ли? Нет, дыра рукотворная. И просверлили ее либо в Иаме перед самым моим отъездом, либо здесь, в Носсе.

— Береговик никогда не станет портить лодку, — сказала Чара неожиданно серьезно. — Мы слишком хорошо знаем, чем это кончается.

— Но вы умеете плавать.

— И что с того? Холод убивает нас точно так же, как и вас, червяков... то есть сухопутников. Просто это займет немного больше времени, вот и все. Ни одному человеку в Носсе и в голову не придет просверлить дыру в твоём скиммере.

Возможно, Чара была права. Я мрачно глядел на новенький скиммер. Он был осквернен. Возможно, следует оставить его в Носсе для починки? Перед нашим отъездом из Иама я только и делал, что хватал подарком отца. Теперь я привезу его домой дырчатым, и люди станут смеяться. Мой приятель Каунтер, сгорающий от черной зависти, будет ужасно доволен. А мой тупой родственничек Триггер начнет охать, ахать и задавать дурацкие вопросы. И каждый житель деревни будет совершенно уверен, что я напоролся на скалу просто по собственной глупости.

За исключением моего тайного врага, разумеется.

Но разве у меня есть тайные враги? Подумав, я решил, что нет. В те невинные дни я искренне считал, что все вокруг любят меня и уважают. Обожают, вернее сказать.

Мы с Чарой снова подняли скиммер и продолжили путь. Вскоре на склоне холма показались домики женщин, сложенные из грубых обломков скалы и покрытые широкими листьями морской травы вместо кровли. Углядев несколько мусорных куч, я с гордостью подумал, что наша женская деревня намного опрятнее.

— Эй, червяк! Поди-ка покопайся в земле! — истошно завопила какая-то неряха с ребенком на руках.

— А пошла бы ты к Раксу, Мадди! — рывкнула Чара и, обернувшись ко мне, сказала нормальным голосом: — Извини. У этой бабы язык, как помело.

— Вообще-то у нас копаются в земле женщины, а не мужчины, —

заметил я. — Все равно, не вижу в том ничего постыдного.

— Не мне судить, — с проказливой улыбкой сказала Чара. — Но я рада, что родилась на побережье.

Ничего себе заявление! Я исподтишка разглядывал ее, пока мы тащили лодку. Среднего роста, не худая, не полная. Широкие плечи, стройные ноги. Довольно сильна, по крайней мере для девушки. Чистенькая аж до блеска, а вот у наших женщин пыль и грязь постепенно въедаются в кожу. Должно быть, она воняет рыбой, решил я.

По правде говоря, рыбой пропахла вся округа. Мы встретили нагруженную доверху телегу, и я вспомнил, что видел сушильные стеллажи позади женских домов. Чара помахала рукой мужчине, который вел под узцы локса, и тот молча кивнул в ответ. Рядом с ним вышагивал лорин, положив руку на шею животного. Локсы работают намного лучше, если лорины составляют им компанию.

— Чара! — раздался раздраженный крик. — Чем это ты занимаешься, чтоб тебя заморозило?!

— Ракс побери, — пробормотала Чара. — Это моя мать.

Длинные каштановые волосы обрамляли искаженное гневом лицо. Высокая, стройная женщина, затянутая в облегающий комбинезон из кожи какого-то морского чудища, казалась почти обнаженной. За нею следовал приземистый белообрый юнец с широкой, младенчески розовой физиономией. Парень явно голил ее в сыновья. Довольно странная парочка, но ведь это же Носс.

— Я просто помогаю нести лодку, мама, — кротко сказала Чара. — Этого юношу зовут Иам-Харди.

Мама подскочила к дочке и, приглушив голос, обрушила на нее лавину гневных слов. Кое-что я уловил: «земляной червяк», «отморозок», «не позволю», «наш общественный статус» и «что подумают люди». Чара лишь кивала головой, изредка роняя: «Да. Да».

Подумать только, эта сварливая баба считает, что я в подметки не годюсь ее дочери!

— Хочешь, в морду дам? — подскочил ко мне юнец.

— Попробуй, — мрачно сказал я.

— Получишь, если еще раз увижу тебя с Чарой.

— А сейчас что, слабо?

— Клянусь пресветлым Фа, ты дождешься!

Но вид у него был не слишком уверенный, и я сказал:

— Послушай, я не знаю ваших обычаев. Эта девушка тебе принадлежит, или как?

— Меня зовут Кафф, — представился он так, словно этим все объяснялось. — Я сын Уэйли, и заруби это себе на носу, червяк.

Понятно. Сынок предводителя Носса. Теперь я заметил, что один

его глаз затянут молочной пленкой: Кафф унаследовал легендарный порок по мужской линии. Тем временем мать Чары закончила одностороннюю беседу с дочерью и обернулась ко мне:

— Итак, молодой человек...

— Ага, вот ты где, Харди!

Благодарение Фа, это был отец. Большой, длинноногий и длиннорукий мужчина, чем-то похожий на лорина. Нечто общее с лорином проглядывает и в его манерах: неторопливость, покладистость, неизменное дружелюбие.

— Вижу, ты уже познакомилась с моим сыном, Лонесса, — сказал он.

Лонесса, предводительница Носса! И Чара — дочь этой ужасной женщины, известной всему миру как Носский Дракон? Бедная девочка. Пока отец и Лонесса обменивались любезностями, мы с Чарой опустили скиммер на землю, и она шепнула:

— Не обижайся. У мамы, конечно, замашки сноба, но, в сущности, она не злая. А Кафф — обычный задира и хулиган.

Тут Лонесса сладко улыбнулась и одарила меня внимательным взглядом. Глаза у нее были карие, как у Чары, и это показалось мне сущим святотатством.

— Так это и есть твой сын, Бруно? Право, я должна была уловить сходство. Прекрасный молодой человек.

Как быстро изменились к лучшему ее манеры! Отец улыбнулся мне немного фальшиво, как всегда при посторонних:

— Хочу сообщить тебе, Харди, что Носс-Лонесса, Носс-Уэйли и я успешно закончили переговоры.

Как будто мне интересно! Этот Уэйли не только полуслепой, он еще и ходить без палки не способен. Несчастный случай во время рыбной ловли! Странные у них тут порядки. Если наш предводитель — мой родной дядя Станс — сделается калекой, он не сможет руководить охотой, и предводителем по праву станет его сын Триггер. Правда, о таком страшно и подумать, ведь Триггер совершенный кретин. Но если Триггер угробится на охоте, что весьма вероятно... То предводителем станет мой отец, и это будет очень полезно для Иама. А после него придет и мой черед.

— Мы с твоим отцом нашли общий язык за столом переговоров, — любезно обратилась ко мне Лонесса. — В эти тяжелые времена есть смысл объединить наши ресурсы, не так ли?

Времена и впрямь не из лучших, подумал я. Плантации — сплошные слезы, даже хуже, чем в прошлом году. Дичь в лесах скудеет на глазах. Неужто отец и Лонесса объединились против старого хрыча Уэйли? Глядя, как они стоят рядышком и улыбаются друг другу, можно подумать... Нет, у меня слишком разыгралось воображение!

С другой стороны, мой старикан отлично смотрится в белом церемониальном плаще, который специально надевает для переговоров. Моя мать Весна сшила этот плащ из шкур очень редких белоснежных локсов, ни в Иаме, ни в Носсе второго такого нет.

— Да, весна была слишком холодной, — дипломатично ответил я.

— Прошлой ночью я *преждевидела*, — внушительно сказала Лонесса. — И могу утверждать, молодой человек, что это была самая холодная весна из всех, какие только помнят в Носсе.

Когда мы с отцом собрались уходить, болван Кафф ухватил меня за руку.

— Помни, что я сказал насчет Чары, отморозок, — прошипел он.

— Скоро я стану предводителем, и вашему Иаму ничего не обломится. Подышайте с голоду, мне все едино!

От Носса до Иама путь неблизкий. Скиммер мы привязали к грузовой платформе. Отца, слава Фа, не слишком огорчило известие о пробоеине в днище. У моего старикана вообще было прекрасное настроение, то ли из-за удачной сделки, то ли благодаря подчеркнутому вниманию Лонессы.

— Не пора ли подбросить дровишек в огонь? — благодушно осведомился он. Я приоткрыл дверцу топки и сунул туда несколько кусков плавника из тех, что утром насобирали на пляже.

Интересная штука мотокар. Его можно топить древесиной, которой нетрудно запастись, но дрова занимают слишком много места. Поэтому для дальних поездок лучше использовать спирт, который вдувается в топку через форсунки. Конечно, производство спирта требует определенных усилий, зато его можно хранить в компактных канистрах и даже в бурдюках. При сжигании топлива в бойлере вырабатывается пар, который гоняет поршень в цилиндре размером с ведро, а поршень, в свою очередь, посредством рычагов вращает колеса.

Мой старикан — лучший водитель Иама; когда румпель в его руках, никогда ничего не случится. Но дядя Станс — совсем другое дело. Наш мотокар не раз добирался до деревни поздней ночью, влекомый упряжкой локсов, поскольку у дяди на полпути закончилось горючее. По-видимому, чтобы стать хорошим водителем, требуется нечто большее, чем память предков. Похоже, это особый дар, который имеет мало общего с генетикой.

Я все время забываю, что земляне тратят кучу времени на обучение. Нам, стилкам, это совершенно не нужно, знания заложены в нашей генетической памяти. Почему я, по-вашему, так хорошо говорю по-английски? В памяти стилка хранится абсолютно все, что передали ему предки по прямой линии. Проблема лишь в том, чтобы добраться до нужной информации.

Преждевидение, так называется этот процесс.

Думаю, землянам нелегко возобновлять знания в каждом последующем поколении, поэтому они придумали книги, пленки, диски и тому подобные вещи.

— Хорошенькая девчонка эта Чара, — непринужденно заметил отец.

Невзирая на легкий тон, слова его имели глубокое значение. И я знал, почему отец отпустил эту реплику: впереди, на склоне холма, в окружении невероятно ярких цветов стояла резиденция мистера Мак-Нейла.

Большая округлая постройка, напоминающая скорее зонтик медузы, чем нормальный дом, серебрилась в закатных лучах Фа. А сбоку, притулившись к ней на манер полипа, темнела хижина, которую построил Ничей Человек.

Скандал разразился задолго до моего рождения, но дед мой, Иам-Эрнест, прекрасно помнил события юных дней. А я унаследовал память деда вплоть до того момента, когда в кустах за амбаром был зачат мой отец.

Когда Эрнесту стукнуло двадцать, он взял мотокар и отправился на увеселительную прогулку. Дед решил, что может позволить себе такую вольность, он ведь был прямым наследником предводителя по нашей мужской линии. Я видел, словно собственными глазами, плоское от грунта море и каменистый пляж, где дед и его приятель Ходж разнежались на солнышке.

Все пробуют спирт, это нормальное любопытство. Правда, потом неизбежно приходит похмелье, но кто из молодых так далеко заглядывает в будущее? Тем временем две девицы из Носса, прогуливаясь по берегу над пляжем, увидели мотокар и решили, что эти парни, должно быть, очень важные персоны. И вскоре уже четверо молодых людей валились на пляже, истошно распевая похабные рыбацкие куплеты.

Последнее, что запомнил дед перед тем, как впасть в беспамятство, была уходящая в обнимку пара. Первое, что он увидел, когда очнулся, были разъяренные лица мужчин и женщин из Носса во главе с предводителем и предводительницей. Дед хорошо помнит, как были разорваны дипломатические отношения между Иамом и Носсом; это случилось аккуратно в сезон ненастья.

Ребенок оказался мальчиком и рос у матери в Носсе. В пять лет его по традиции отправили в мужскую деревню, но там у него не было отца. В Иаме у него тоже не было отца, поскольку Ходж сбежал в Алику и начал там новую жизнь. Сверх того, у ребенка не было наследственного опыта рыбака, так как память сопряжена с полом: женщины получают ее от матери, мужчины — от отца.

Кончилось тем, что после множества неприятных инцидентов парень был изгнан из Носса и начал прислуживать в резиденции земного агента. Если подумать, вполне подходящее место, как раз на полпути между Носсом и Иамом. Шли годы, один за другим сменялись агенты, но Ничей Человек и поныне там.

Не потому ли отец небрежно произнес:

— Хорошенькая девчонка эта Чара!

— Угу, — откликнулся я. — А что, с зерновыми и впрямь так туго?

— Увы. Я говорил с Вандой. Она считает, что зерна мы получим, как минимум, на треть меньше, чем в прошлом году.

Иам-Ванда — предводительница женщин и всеобщая головная боль. Но сейчас ее характер был ни при чем: безрадостный вид полей близ деревни нагонял тоску — зима была долгой, весна поздней, лето прохладным — и посевы едва достигли половины обычной вы-
соты.

— В прошлом году урожай был хуже, чем в позапрошлом, — заметил я. Не знаю почему, но после этих слов нас обуял ужасный аппетит. Пришлось остановиться, чтобы заварить водой из бойлера по кружечке стувы. Отец достал сверток с копченой рыбой (наверняка про-
шальный дар Лонессы!), и мы слопали ее всю. Потом он отворил за-
слонку, машина снова завела свое успокоительное «чух-чух», и мы продолжили путь уже в темноте.

— А приятная старушка эта Лонесса, — глубокомысленно заметил я. Отец бросил на меня подозрительный взгляд. Я хорошо видел его лицо — дверца топки как раз была приоткрыта, но меня он разглядеть не мог. Потом отец покачал головой и рассмеялся.

— Ну ты и нахал, Харди! Когда-нибудь твои манеры доведут тебя до беды.

Я тоже захохотал, и мы въехали в Иам, веселясь от души. Так закончился мой семнадцатый день рождения.

— А что на самом деле случилось с лодкой? — спросил Каунтер.

— Да, что случилось с лодкой? — повторил болван Триггер.

Я избегал их, как мог, целых два дня. На третий день я прошелся по дороге, ведущей в Тотни, и свернул на узкую тропу, которая вывела меня к укромному, маленькому, почти круглому пруду. Это мое любимое место, когда я хочу побыть в одиночестве. Специальное место для преждевидения, у каждого из нас есть такое.

Устроившись поудобней в тени желтошарника, я достал трубку и кисет с зельем. Крылатый ныряльщик врезался в воду почти вертикально и благополучно взмыл в небеса, унося в клюве трепещущую рыбежку; ледяные дьяволы обычно не живут в уединенных водоемах.

Я неторопливо набил трубку, разжег ее, затянулся... и проскользнул в память отца.

Мой старикан не такой, как другие, у него нездоровая связь с моей матерью, Иам-Весной. Каждый нормальный мужчина прерывает контакт с женщиной после того, как обеспечит продолжение рода. Но мне уже семнадцать, а мой отец все еще встречается с Весной, и довольно часто, хотя и тайно. Я сам не раз видел, как эта пара рука об руку сидит где-нибудь на берегу реки, тихо беседуя... Срам, да и только! Что может быть общего у мужчины и женщины? Память мужчин переходит по мужской линии, память женщин — по женской. Это две совершенно разные культуры.

Интересно все-таки, о чем они говорят? Отец не отвечал на мои вопросы и выглядел смущенным и раздосадованным. Но я решил разобраться, с чего это началось, основательно покопавшись в отцовской памяти. И вот, в это теплое утро, на третий день после моего семнадцатилетия, я улегся на спину и занялся преждевидением.

Я заново увидел их первую встречу: отец с дедом охотились, а Весна, которая тогда жила в Тотни, собирала зимние орехи на краю болота. Моя мать выглядела очень красивой в глазах отца, и все воспоминание было наполнено волнением и теплом. Весна покинула Тотни в тот же день, приехав в нашу деревню на спине отцовского лоска. И после разнообразных обоюдных любезностей они занялись сексом.

На этом мой доступ к памяти отца кончается: сцепленный с половой хромосомой мнемогеном перешел в оплодотворенное яйцо, как объясняет мистер Мак-Нейл. Я так и не узнал, почему мать и отец продолжают встречаться. Возможно, все дело в этих любезностях, которые мистер Мак-Нейл называет брачным ритуалом?

Из транса меня вывели крики Триггера и Каунтера.

— Нет, нет и нет! Я не напоролся на скалу, Каунтер. Не было там никакой скалы.

— Говорят, тебя выудил из воды какой-то жалкий головастик, — заметил Триггер с ноткой презрения.

— Тот, кто это сказал — лживый отморозок.

— Говорят, ты визжал, как недобитый хрипун, — ухмыльнулся Триггер. — Говорят, девчонке пришлось врезать тебе по морде, чтобы ты заткнулся. А ей всего-то лет восемь.

— Уж не меньше шестнадцати! — не выдержал я.

— Ага! Ага!

— Ну хватит! Какой-то отморозок продырявил мою лодку. И я хочу узнать, кто именно.

Это их охладило.

— Ты не шутишь? — осторожно спросил Каунтер.

— Какие там шутки. Ракс побери, ты только представь, как скимер под тобой уходит на дно! Тот, кто просверлил дыру, мог меня убить. И если я узнаю, что это дело ваших рук...

— Это не мы, — поспешно сказал Каунтер.

— Отец привез лодку из Носса семь дней назад на упряжке локсов, — задумчиво сказал я. — До моего дня рождения она лежала на улице у дома. Это мог сделать кто угодно и когда угодно.

— А может, твой отец купил дырявую лодку? — предположил Каунтер.

— Да ладно вам! — завопил Триггер. — Здесь скучно. Пошли на речку!

По дороге мы высмотрели на заливном лугу небольшой пруд и бросили в воду остатки сушеного мяса, припасенные Триггером. Раздался слабый треск — и пруд мгновенно закристаллизовался.

— Не могу понять, как они это делают, — пробормотал Триггер, с восхищением взирая на сверкающую поверхность.

— Мистер Мак-Нейл говорит, это перенасыщенный водный раствор какой-то соли, — неуверенно сказал Каунтер. — Плотнее грума, но по виду не отличишь от простой воды. Мистер Мак-Нейл говорит, что ледяной дьявол ждет, когда вода колыхнется, и тогда выпускает из себя добавочное количество соли. А чтобы разморозить пруд, он писает или что-то вроде того.

Объяснение было прозаичным, но развлечение — захватывающим. Мы набросали на поверхность кристалла широкие листья водорослей, выловленных из реки. Игра состояла в том, чтобы с разбегу вспрыгнуть на лист и лихо доехать на нем до дальнего берега, оглашая округу восторженными воплями. Мы знали, что играем со смертью, но преимущество оставалось на нашей стороне... До поры.

Впрочем, нам было далеко до Дурочки Мэй, которая играет со смертью каждый день. Эта девушка родилась без наследственной памяти, что случается крайне редко. Предки никогда не будут направлять ее, и всю жизнь она проживет одинокой, ведь таким уродам не рекомендуется иметь детей.

Конечно, Мэй понемногу учится на собственном опыте, но она нередко допускает грубые практические и социальные ошибки. Когда врожденный изъян был выявлен, девушку отстранили от обычной женской работы. «Я ни за что не подпущу дефективную к своим посевам!» — раскричалась предводительница Ванда, и вскоре Дурочку Мэй назначили стригальщицей.

С религиозной точки зрения эта работа довольно ответственная; на деле же она проста и незамысловата, хотя и очень опасна. Предыдущую стригальщицу удушило анемоновое дерево, когда бедняжка сре-

зала с него черенки для питомника. Хорошо, что эта женщина уже почти выполнила весеннюю норму, и у Дурочки Мэй было целое лето, чтобы выучиться ухаживать за молодыми деревцами: в День Благодарения, сразу после окончания груга, их высаживают в священном лесу.

Это случилось три года назад, а теперь Мэй уже шестнадцать. Девушка она красивая и, в общем, смышленная, но по-прежнему склонна к нелепым высказываниям.

— Надо погрузить все саженцы на телегу, — сказала она мне за день до паломничества в священный лес. — Тогда деревца не помнутся в дороге. А телегу можно прицепить к мотоциару. И быстро, и хорошо, не правда ли? К тому же мы избавимся от неприятностей с анемонами. Они всегда вцепляются в тех, кто их несет.

— Неплохая идея, — сказал я вежливо, ведь Мэй очень хорошенькая, хотя и странная. — Но боюсь, сейчас неподходящее время.

— А по-моему, самое подходящее. Паломничество начинается завтра, разве не так?

Пока я раздумывал, как отговорить ее от очередной глупости, не обидев при этом, появился мой дядя Станс, и Мэй тут же закричала: — Иам-Станс, у меня есть предложение!

Каждое предложение Мэй дядя Станс неизменно воспринимает как личное оскорбление.

— В чем дело? — грозно спросил он. Дурочка пустилась объяснять. Станс густо побагровел и, не дослушав, рывкнул:

— Святотатство! Мы всегда носили деревца на руках и впредь будем носить! Неужто у тебя нет никакого понятия о традициях?

— Зато я понимаю деревья, — отрезала Мэй. — Половина саженцев погибнет прежде, чем процессия доберется до леса. А если бы лорины не помогали нам с поливкой, побеги пропали бы все. Корни не могут так долго находиться на воздухе! Так или иначе, — быстро проговорила она, поскольку Станс снова открыл рот, — за посадки отвечает Ванда, а не ты.

— А за паломничество отвечаю я! И только я!

— Что ж, придется поговорить с Вандой.

Похоже было, что дядя вот-вот взорвется в самом прямом смысле слова, и я вступил в разговор:

— Разве мы не можем обсудить это дело спокойно, как подобает рассудительным стилкам?

— Тут нечего обсуждать! Мотокаром распоряжаюсь я, что бы там ни сказала Ванда. И я не допущу святотатства!

Но дяде Стансу не удалось внушить почтение Дурочке Мэй. Частично потому, что он предводитель мужчин и не имеет над ней вла-

сти. Частично потому, что Станс выглядел довольно нелепо, пыхтя, как мотокар, и яростно брызгая слюной.

— Козел-прародитель будет очень недоволен, — твердо сказала девушка.

— К Раксу Козла-прародителя! — взревел мой дядя прежде, чем успел осознать весь ужас своего богохульства. Затем он смертельно побледнел и бросил боязливый взгляд на небо, словно ожидая, что гром и молния без проволоочки разразят его на этом самом месте.

Но кары не последовало.

Станс молча повернулся и ушел, а мне досталась широкая улыбка Мэй.

— Не люблю, когда меня называют дурочкой. А так бы я только радовалась, что мои мозги не забиты всякой древней чепухой.

— Я не считаю тебя дурочкой, Мэй.

— Это хорошо, — сказала она серьезно. — Потому что мне нужен друг, и лучше тебя не найти. Когда-нибудь ты станешь предводителем, Харди.

— Нет. Предводителем будет мой братец Триггер.

— Я не умею заглядывать в прошлое, но это помогает смотреть в будущее. Триггер ни на что не годен. Предводителем станешь ты.

Я поглядел вслед дяде Стансу, который вышагивал по дороге в ужасном гневе и растерянности. У нашей культуры столь глубокие корни в прошлом, что о будущем мы почти не задумываемся. Возможно, зря. А может статься, мы не найдем там ничего, кроме страха.

СТАНЦИЯ ДЕВОН

Настал День Благодарения, паломничество прошло своим чередом, и никто ничего не слышал о предложении Дурочки Мэй. Мы донесли ее крошечные анемоны и чашечные деревца до священного леса и аккуратно высадили в почву. Количество молодых саженцев с лихвой перекрывало число погибших от старости деревьев. Кругом сновали лорины, обильно мочась на каждый саженец. Большие анемоны поджали щупальца и вели себя удивительно спокойно, как и обычно в этот праздничный день. Возможно, деревья каким-то образом понимают, что мы работаем на благо леса. А может, лорины оказывают на них то же умиротворяющее воздействие, что и на нас.

За Днем Благодарения приходит время уборки урожая, а после него — ненастье: тоскливый сезон увядания, бесконечных дождей, холодных туманов и вечно раздраженных старших. В такое время года нет ничего лучше горячего кирпича за пазухой, когда ты вынужден брести куда-то под ледяным дождем.

В ненастье, последовавшее за моим семнадцатилетием, мне, как

племяннику предводителя, было разрешено присутствовать на собраниях взрослых жителей деревни. Отец не устал напоминать мне об этом.

— Сегодня тебе непременно надо пойти, — сказал он однажды, засовывая под меховую одежду нагретый кирпич. — Пора набираться опыта. Кто знает, какое положение ты со временем займешь в Иамае.

— Я стану советчиком предводителя, когда дядя Станс умрет.

Отец пронзил меня взглядом.

— Возможно, — сказал он наконец. — Но мы будем обсуждать проблему нехватки продуктов. И хотелось бы услышать мнение молодого человека.

— О Ракс, все ваши собрания такая скучотища. К тому же там будет Триггер, он и выскажется от лица молодежи.

— Подумай как следует, Харди, — произнес отец, задержавшись в дверях. — Ты что, доверяешь Триггеру говорить за себя?

Тут он попал в точку.

— Ладно, я приду попозже.

Собрание было назначено в пивном зале. Скоро они устанут от болтовни, подумал я, крепко ударят по пиву и приступят к распеванию развеселых куплетов.

Я почти угадал, но только почти.

В зал набилось столько народу, что даже кружку к губам было трудно поднести. Вместо веселых припевок певцы нестройно тянули заунывное. Прислушавшись, я разобрал слова: «Великий Фа, избави нас от зла...» Религиозный гимн в пивнушке? Воистину, в этом мире нет ничего святого!

Когда меланхолические голоса вывели последние дрожащие ноты, над публикой восстал дядя Станс, утвердившись на стойке бара.

— Мой добрый народ! — воскликнул он, картинно простирая руки.

Гомон немедленно смолк, и в тишине раздался ехидный голос Ванды:

— Мужчины твой народ, Станс!

— Я выражаюсь фигурально. Могу и по-другому. Добрый народ Иама! — взревел он.

Это было впечатляющее зрелище. Дядя Станс — очень среднего роста, но умеет себя подать: спина прямая, грудь колесом, ноги слегка расставлены, подбородок упрямо вздернут, взгляд острый и пронизательный. Вздумай мой старикан резво вскочить на стойку бара, он наверняка шархнул бы башкой о балку и свалился замертво. С дядей Стансом ничего подобного произойти не может, к сожалению.

— Давайте помолимся! — Властное лицо дяди внезапно приняло смиренное выражение.

Все присутствующие дружно склонили головы. Станс разразился замысловатой речью в духе единственной истины, где темные суеверия, подвергнутые уклончивой трактовке, плавно перетекают в прозрачные эвфемизмы. Не думаю, чтобы он верил в это сам: как бы я ни относился к дяде, Станс достаточно умен.

Сперва он обратился к Дроуву и Кареглазке (чисто легендарным персонажам) со страстным призывом немедленно оседлать Великого Локса (наше светило Фа), дабы вырвать мир из цепких щупалец Ледяного Дьявола (мертвой планеты Ракс) и благословить нас всех вечно сияющим светом (что сделало бы Иам невыносимо жарким местечком). Затем он воззвал к Рагине, королеве ледяных дьяволов (живущих в прудах), предлагая ей отказаться от своего легендарного любовника Ракса, а взамен навеки возлюбить Фа. Тут дядя Станс не преминул живописно обрисовать ошеломляющий сценарий, согласно которому Рагина взмывает в небо подобно земному шаттлу и, заключив коварного Ракса в могучие объятия, уносит его куда-нибудь подальше от Фа, где сия злополучная пара, по-видимому, должна образовать то, что мистер Мак-Нейл называет бинарной системой. Под конец мой дядя эффектно призвал Козла-прародителя тотчас же приступить к оплодотворению наших полей и нив... Слушатели были в полном восторге и показывали ему пальцами знак Великого Локса.

Окрыленный успехом дядя ловко спрыгнул со стойки и присоединился к нам с отцом.

— Ну как, недурная проповедь, Бруно?

— Сам хранитель храма не сказал бы лучше, — откликнулся отец. — Правда, насколько я помню, Козел-прародитель — специалист по плодovitости людей, а не растений.

Козел-прародитель — наша местная и гораздо более удобная версия земных Адама и Евы, поскольку нам не приходится размышлять над тем, кто его создал: он просто всегда был и есть! Честно говоря, мне трудно принять на веру существование этого персонажа, но мистер Мак-Нейл никогда над ним не смеется. Иногда даже можно подумать, что он и впрямь верит в козлоподобного прародителя стилков, а ведь мистер Мак-Нейл землянин. Однажды я спросил у него, почему земные люди все еще почитают богов, если так много знают. Мистер Мак-Нейл надолго задумался, и когда я уже предвкушал глубокое откровение, сказал: «Должно быть, ради забавы».

— Это символ плодородия и щедрости, — обиженно возразил дядя Станс.

— Мы помолились, и теперь все будет в порядке? — невинно спросил отец.

— Сомневаюсь. — Реальность наконец возобладала, и Станс потух и постарел на глазах.

— Я пропустил начало, дядя, — сказал я. — Как там насчет рационов?

— Я подумываю о визите на станцию Девон, Бруно, — дядя Станс, как обычно, проигнорировал меня. — До наступления стужи, если возможно.

— Расскажи ему о рационах, — напомнил отец, благослови его пресветлый Фа.

— С завтрашнего дня, — проговорил дядя нетерпеливо, глядя поверх моей головы, — каждому будет выдаваться полчашки зерна на день или же равноценное количество хлеба. Насчет этого визита, Бруно... У меня большие надежды на то, что земляне окажут нам весомую помощь.

— Не лучше ли сперва поговорить с мистером Мак-Нейлом?

— Ты так думаешь?

— Таковы правила, Станс, — вполголоса заметил отец.

Мой старикан всегда спасает дядю Станса от дипломатических промахов, которые, правда, случаются с ним довольно редко и никогда на публике. Интересно все-таки, не был ли мой дядя в детстве таким же идиотом, как его сыночек Триггер?

— Мы проконсультируемся с мистером Мак-Нейлом! — приосанившись, громко объявил дядя Станс. Он снова выглядел помпезно и доминировал над всем окружением, невзирая на статную фигуру стоящего рядом отца. И все окружающие дружно выразили одобрение: Станс всегда прав, уж он-то знает, как следует поступать.

Я посмотрел на отца, мой старикан ухмыльнулся.

Солнце Фа казалось маленьким оранжевым глазком на блеклом небе и совсем не давало тепла. Мы все сгрудились в заднем конце кабины, поближе к топке: отец, дядя Станс, Ванда, Триггер и я. Дядя сидел за румпелем и делал все возможное, чтобы тяжелые железные колеса не пропустили ни единого ухаба и выбоины носской дороги. Остальные хватались то друг за друга, то за металлические планки кабины. Напряжение нарастало. Нет, мы вовсе не были дружной деловой командой.

— Ради Фа, Станс! — не выдержала наконец Ванда. — Да отдай ты румпель Бруно!

Ничто не поколебало выражение решительности на дядином лице. Я начал с опаской поглядывать вправо: там был крутой обрыв, а под ним струился бурный поток.

— Думаю, мы уже приехали, Станс, — сказал отец немного погодя:

узкая дорожка, ответвлявшаяся влево от основной трассы, мелькнула и осталась позади.

— Стой, проскочил! — завопила Ванда. — Назад, назад!

С задним ходом у дяди было не вполне. Он поспешно рванул тормозной рычаг, так что пассажиры посыпались вперед, а после с той же глубочайшей уверенностью резко крутанул винт реверса. Лучше бы он сперва отключил подачу пара! Машина тут же стала разгоняться назад, и все мы разом окаменели: прямо под нами река встречалась с морским приливом. Внизу кипел губительный водоворот.

Отец проворно ухватился за румпель, и мы свернули в последний момент. Потом мотокар, натужно пытая, задним ходом вскарабкался по склону, и наше драматическое прибытие завершилось в ожесточенной перепалке и пышных клубах пара.

— Всем пива? — Если мистер Мак-Нейл и заметил разброд в делегации, то не подал виду. — Или кто-нибудь желает кружечку стувы?

— Бурдюк спирта был бы в самый раз, — пробормотала Ванда так, чтобы мистер Мак-Нейл не услышал. Крепче пива он нам ничего не подает. Землянам очень не нравится, что мы пьем спирт, хотя, какое им до этого дело, я понять не могу.

Он указал нам на стулья и сам присел, большой и улыбающийся. Каждый раз, когда я вижу мистера Мак-Нейла, я первым делом замечаю, какой он крупный. Это не только рост, хотя землянин на голову выше моего отца, тут еще и массивное тело, и выпуклая мускулатура, и громкий звучный голос. В остальном же между нашими расами удивительно мало физических различий, если учесть, что мы эволюционировали в разных мирах.

А кроме того, я ощущаю поразительную доброту мистера Мак-Нейла. Это очень хороший человек. Он всегда принимает наши интересы близко к сердцу и всегда старается помочь.

— Рад видеть вас снова, друзья, — сказал мистер Мак-Нейл.

Тут я впервые заметил, что в темном углу сидит Ничей Человек. Зачем? Что ему здесь нужно? На физиономии дяди Станса, застывшего с открытым ртом, изобразилось почти комическое замешательство. Отец кивнул Ничею Человеку со слабой улыбкой, Триггер при виде живого воплощения зла глупо вытаращил глаза. Ванда негодуя фыркнула и уставилась на мистера Мак-Нейла, словно требуя от него объяснений.

Я постарался сохранить бесстрастность. В конце концов, я никогда не слышал, чтобы Ничей Человек сделал что-то действительно дурное. С виду он ничем не хуже обыкновенного мужчины, и если одна нога у него с перепонками, как говорят, ходит-то он обутый.

Потом мы все наперебой зататорили и тут же конфузливо смолкли. Наконец Ванда произнесла:

— Я хочу объяснить цель нашего визита.

Крайне бестактное начало переговоров. В смущении я принялся изучать обстановку комнаты: вещи были земными и выглядели довольно странно. Мне приходилось бывать в жилых помещениях станции Девон, но там я не видел ничего подобного. Безделушки с разных концов галактики, огромное количество местных изделий и почти ничего с Земли.

В доме мистера Мак-Нейла не было ни одной нашей вещи, словно он не желал признавать само существование этой планеты. И тем не менее мы, стилки, ему действительно нравились, я хорошо чувствовал это. Именно этим мистер Мак-Нейл и отличался от большинства землян, с которыми мне доводилось общаться.

Он вежливо не заметил бестактности Ванды. На Земле считается дурным тоном приступать прямо к делу, поэтому мы немного поговорили о шахте, заложенной землянами несколько поколений назад.

— Первоклассная руда, — отметил мистер Мак-Нейл. — Это предприятие обещает хорошие доходы.

— Кому? — грубо выпалила Ванда.

— Всем, разумеется. Когда шахта начнет давать прибыль, мы поделим ее поровну между землянами и стилками.

— И мы сможем приобрести на нашу долю земную технику? — спросил отец.

— Ну, если вы того хотите... А чем вам не нравится нынешний уровень развития? Земной образ жизни далеко не так хорош, как кажется.

— Однако вы не голодаете, — резко сказал дядя Станс.

— Неужели все так плохо? Зерновые не уродились, как я слышал?

— Насчет этих доходов, о которых ты толковал... Можно купить земледельческие машины и расширить наши плантации, — гнула свое Ванда.

— И еще охотничьи ружья и вездеходы, — поспешно добавил дядя Станс.

Вот теперь мистер Мак-Нейл действительно был встревожен. Мы, стилки, уже восемь поколений изучаем мимику землян, и я заметил в его глазах не только беспокойство, но и нечто иное... Печаль?

— Вы называете преждевидением вашу способность призывать память предков, — помолчав, сказал он. — Вам следовало бы тщательно изучить свою наследственную память, прежде чем заводить разговор о машинах! К тому же вы знаете, что Земля проводит политику невмешательства. Возможно, мы сочли бы допустимым приобщить вашу расу к науке, чтобы со временем вы сами научились делать машины. Но искажать нормальный путь общественного развития мы не имеем права... Весьма вероятно, что ваше общество вообще не при-

надлежит к категории развивающихся, — вздохнул он. — Бывает, что некие стабилизирующие факторы не позволяют цивилизации подняться выше определенного уровня. К примеру, ваша одержимость прошлым.

— И что тогда проку от нашей доли доходов? — резко сказала Ванда.

— Ну, если дела пойдут неважно, вы сможете импортировать продукты питания. В конце концов, это всего лишь один неурожай. Главное — пережить зиму, а там будет видно.

— Я преждевидел, — сказал отец. — Неурожай будет повторяться и повторяться.

— Ты прав, Бруно, — с достоинством кивнул дядя Станс.

— Пищи нам не хватает уже сейчас, мистер Мак-Нейл, — спокойно продолжил отец. — И я слышал, что во многих деревнях положение гораздо хуже.

— Но шахта еще не приносит прибыли, — возразил землянин.

— Снабдите нас продуктами в счет будущих доходов.

— Это невозможно. Мы завезли продукты для собственного населения, примерно на шестьсот человек. Ты думаешь, мы способны накормить из этих запасов всю планету?

— Потребуйте дополнительных поставок, объясните, что наши дела плохи.

— Будь справедлив к нам, Бруно, — устало сказал мистер Мак-Нейл. — Ты был на станции Девон и видел вещи, которые у вас считаются волшебными. Но мы отнюдь не маги, мы только космические путешественники, ничуть не лучше кикихуахуа.

— Кикихуахуа?..

— Забудь, они вам не помогут. Слишком уж медлительны. Но и мы не сможем удовлетворить вашу просьбу в мгновение ока. Потребуются время и деньги. Честно говоря, слишком много времени и столько денег, сколько вам и не снилось.

— Вы наверняка можете что-то сделать, — упрямо твердил дядя Станс.

— Что именно?

— Ты эксперт, ты мне и объясни!

Типичное заявление в стиле дяди, но мистер Мак-Нейл воспринял его раздраженно.

— Поезжай на станцию Девон, Станс. Это все, что я могу тебе посоветовать.

— Я же говорил, надо было ехать сразу туда, — брюзгливо буркнул дядя.

Перед тем, как мы отправились в обратный путь, у меня состоялась странная беседа с мистером Мак-Нейлом.

— Вы, наверное, хотите кое-что обсудить, — сказал он, заново наполнив кружки стувой. — Я оставлю вас на несколько минут. Пойдешь со мной, Харди? Я покажу тебе новые растения.

Никто не удивился, ведь все знают, что я интересуюсь земной флорой. Мы вышли в сад и обозрели печальные разрушения, произведенные ненастьем. Земные цветы погибли, их краски смешались с глиной. Под обрывом, над глухо ревушей рекой, медленно поднимался густой туман.

— Я сохранил семена, — сказал мистер Мак-Нейл. — Ваш год коротче земного, но большинство растений приспособилось. Мне даже удалось получить новые разновидности.

Было ясно, что он никак не может показать мне эти разновидности. Теряясь в догадках, я молчал.

— Побереги себя, Харди, — внезапно сказал он.

— Что?..

— Будь осторожен. Наступают тяжелые времена. Возможно, очень опасные.

— Это вы о голоде?

— Не только. И не столько. — Видно было, как мистер Мак-Нейл нервничает, ведь землянин не должен вмешиваться в дела стилков. — Твой отец очень хороший человек, Харди.

— Я знаю.

— Смешно, но я никогда не мог до конца разобраться в иерархии стилков. Наверное, потому, что не умею предвидеть.

На что он намекает? Что отец должен стать предводителем? Идея, конечно, здравая, но нереальная.

— Это взаимосвязано, — сказал я. — В любой общине предводителем становится тот, кто может дальше всех заглянуть назад.

— А если он не самый лучший кандидат для этой работы?

— Так не бывает. Лучший всегда тот, у кого самый большой опыт предков. Возьмем, к примеру, нашу мужскую линию: это мой отец, дядя Станс, Триггер и я. Говорят, других таких нет во всем мире, поскольку мы способны вернуться к первоначалу вещей. Но это вовсе не означает, что потенциальная возможность реализована. Для этого пришлось бы много-много дней лежать на спине, покуривая зелье и концентрируясь изо всех сил... — Я помолчал. — Возможно, когда-нибудь я и попытаюсь. Интересно все-таки узнать, с чего началась наша цивилизация! И все эти мифы про Великого Локса, Дроува, Кареглазку и остальных.

— Но если Станс и Бруно — единокровные братья, у них должна быть одинаковая генетическая память?

— Станс моложе, значит, у него больше воспоминаний дедушки

Эрнеста. Поэтому Станс предводитель. А следующим будет Триггер, когда мой дядя умрет.

— Но Триггер просто ОСЕЛ, даже я это вижу.

Я решил, что «осел» — нечто крайне незавидное.

— Мы с отцом будем его советчиками.

Мистер Мак-Нейл посмотрел на меня испытующе, но он был землянин и не мог проникнуть в мысли стилка.

— Вы четверо — величайшая ценность своей цивилизации, — пробормотал он скорее для себя, чем для меня. — Учитывая полное отсутствие письменности... А мы прилетели лишь несколько поколений назад. Мы знаем слишком мало. Должно быть, родственная связь между отцом и сыном имеет для вас огромное значение?

— Разумеется. Если у мужчины нет сына, вся память его предков пропадет, ведь дочери наследуют по материнской линии. Вот так и теряются воспоминания. Когда у человека нет ребенка того же пола.

— Или когда он умирает молодым.

Я вздрогнул.

— Будь осторожен, Харди, — повторил он.

Все это было более чем странно.

— Что вы хотите сказать? Что мне грозит опасность? Что кто-то намерен уничтожить мою наследственную память? Но это невозможно, мистер Мак-Нейл. Наш народ благоговееет перед памятью предков. И стилки не убивают друг друга. Никто не сможет жить дальше с таким ужасным воспоминанием.

— Я слышал, твой дед был убит несколько лет назад.

— Да, можно подумать и так. Но дед уже передал сыновьям свои воспоминания.

— Но он был убит. Заколот. Я хочу сказать, что нет ничего невозможного. Каждый может впасть в отчаяние, даже стилк. В особенности в тяжелые времена.

Чепуха, попытался уверить я себя. А что до скиммера, это просто несчастный случай. Однако этот странный разговор оставил у меня в душе неприятный осадок.

Туман кристаллизовался в снежные хлопья, и весь мир стал ослепительно белым. С охотой и плантациями в этом году было покончено, и локсы погрузились в глубокую спячку в амбарах. Только лорины были настолько неразумны, что покидали свои убежища по каким-то делам, неуклюже ковыляя по сугробам. Люди собирались у очагов поболтать, переждать сильный мороз, заняться преждевидением.

А я мечтал о Чаре.

Зима — прекрасное время для преждевидения, именно зимой мы

стараемся расширить наш опыт и знание истории. Но стоило мне раскурить трубку и лечь на мягкие подушки, как прелестное лицо Чары с сияющими карими глазами снова вставало передо мной. И каждый раз я заново воскрешал нашу встречу — слово за словом, минута за минутой.

Не знаю, понимал ли отец, что со мной происходит. Сам я не смог бы ему объяснить. Это было совсем не похоже на обычное сексуальное влечение.

Маленький старый домик, где жили мы с отцом, издавна принадлежал нашей мужской линии. Согласно своему общественному статусу, дядя Станс и Триггер обитали в солидной резиденции. Но так как наши дома стояли бок о бок посреди деревни, мы виделись с родней слишком часто.

Хранитель храма, невзирая на стужу, ежедневно внушал суеверным и слабодушным, что Великий Локс, поправший ледяного дьявола Ракса, по-прежнему хранит нас от вселенского зла, а легендарные Дрову с Кареглазкой ждут не дождутся, чтобы прилететь к нам на помощь, буде дела пойдут еще хуже, чем сейчас.

Я ни разу не зашел в храм, но однажды, прихватив пару горячих кирпичей, добрался до большого амбара на краю женской деревни. У нас с отцом закончилась мука.

Моя мать, Иам-Весна, занималась распределением припасов. Увидев меня, она просияла.

— Не может быть! Это ты, Харди?

Какой кошмар. В амбаре было несколько человек, мужчин и женщин, и все они обернулись, чтобы поглядеть на меня. Большинство матерей имеет достаточно здравого смысла, чтобы игнорировать своих сыновей, в особенности на людях. Но только не Весна. Это крупная женщина с круглым веселым лицом и очень громким голосом. Ее приветствие прокатилось по всему амбару. Да еще с нежной ноткой, какую сыну положено слышать лишь от своего отца! Готов поклясться, даже локсы на минуточку вышли из спячки и с любопытством приоткрыли глаза.

— О, ради Фа, Весна, — пробормотал я.

Но она уже надвинулась на меня, неотвратимая, как грум, и пухлыми руками прижала к своей гигантской груди.

— Как ты вырос! — Ухватив за локти, она отодвинула меня на расстояние вытянутой руки и критически осмотрела. — Ты большой, красивый парень, Харди. Ты очень похож на своего отца.

В амбаре находилось не менее десяти человек, включая юного отморозка Каунтера. Как минимум, десяток идеальных свидетелей моего позора! Эта кошмарная сцена войдет в историю, и бесчисленные

поколения потомков будут потешаться над ней бесчисленное количество раз. Да, репутация моя была обречена.

— Как там Бруно? — спросила Весна, разжав свои цепкие пальцы.

— Давненько не виделись! Я уже собралась навестить вас вечером.

— Не стоит, — поспешно сказал я. — Сегодня к нам придет дядя Станс. Они с отцом планируют поездку на станцию Девон.

— Вот как? Надеюсь, они намерены переждать стужу?

— Они намерены отправиться завтра. Я тоже еду.

— О нет, — она внезапно побледнела. — И ты, и Бруно? Это же опасно! Я не смогу жить, если потеряю вас обоих.

— Послушай, ты не можешь говорить потише? Об этой поездке не должны знать посторонние.

— Ради Фа, о чем ты толкуешь, Харди? Завтра вся деревня увидит, как уезжает мотокар.

При виде ее доброго, пухлого, ужасно расстроенного лица во мне шевельнулось забытое чувство, и я непроизвольно дотронулся до ее руки.

— Не беспокойся, у нас все будет в порядке! Кстати, нам нужно немного муки. Отец опять просчитался.

Весна взяла у меня горшочек и отмерила несколько горстей из дощатого ларя. Все присутствующие внимательно следили за процедурой, запоминая каждую горсть.

— Не только Бруно просчитался, — спокойно сказала она. — Мучные рационы будут урезаны. Ванда завтра же объявит об этом.

— Что ж, придется восполнить рацион овощами.

— С завтрашнего дня выдача овощей ограничена. С мясом тоже серьезные проблемы. Не будь в Носсе избытка рыбы, мы уже оказались бы в большой беде... — Она вздохнула и взяла меня за руку. — Одиннадцать поколений назад была суровая зима, хотя и не такая плохая, как эта. Но люди восстали против своих предводителей, взяв штурмом амбар, и предводительница женщин погибла.

— Как, ее убили?! — Беседа с мистером Мак-Нейлом была еще свежа в моей памяти.

— Нет, ее засыпало зерном. Кто-то выдернул заслонку бункера. Когда предводительницу откопали, она уже задохнулась.

— Хорошо, что это был не предводитель, — только и мог сказать я. — А то, глядишь, я бы вовсе не родился.

Лицо Весны омрачилось.

— Знаешь, я должна увидаться с Бруно. Тем более, что завтра вы уезжаете.

Я представил, как толстая немолодая женщина вдруг появляется в мужской деревне. Кошмар.

— Не понимаю, зачем тебе это нужно.
 — Что тут непонятного? Я люблю его, — сказала она на весь амбар.

В ту ночь мне приснился странный сон, где перемешались воспоминания множества моих предков. Там царили холод и ужас, кровь и смерть. Там была девушка, похожая на Чару, и все-таки не Чара, ее прекрасное лицо и карие глаза дарили мне спокойствие и разум. И было там что-то еще, что намекало на долгие, как жизнь, отношения между женщиной и мужчиной.

Я думал об этом, когда Весна махнула нам рукой со своего порога. Отец помахал в ответ, нисколько не стыдясь. Как они могут любить друг друга целых семнадцать лет? Любовь вообще не может длиться. Это всего лишь кратковременный период сплетения тел для зачатия потомства.

Мотокар под управлением дяди Станса бодро загромыхал по дороге. Клетка с аварийным попугаем, подвешенная на крюке, стала монотонно качаться, и птица, вцепившись в жердочку, издала пронзительный вопль. Все остальные устроились на боковых скамейках, поближе к топке: мы с отцом, Триггер, Ванда и ее дочь Фоун.

Фоун примерно моих лет, она хорошая девушка и недурна собой, но... Это очень большое «но», поскольку Ванда давно мечтает о том, чтобы мы с Фоун в надлежащее время завели детей. Мальчик получит мою память, предположительно восходящую к началу начал, девочка — память Фоун, объемлющую двадцать три поколения. И если у Триггера не будет сына (а я даже вообразить не мог, чтобы Триггер когда-либо решился на надлежащие действия!), в один прекрасный день мой сын от Фоун станет предводителем. А наша дочь, понятно, будет предводительницей. Ванда говорит, что это пойдет на пользу Иаму.

Плывать мне на Иам. Между мной и Фоун нет ни единой искорки интереса, по крайней мере с моей стороны. У меня точно ничего не получится. Но, с политической точки зрения, довольно странно, что Ванда не желает свести свою дочь с Триггером. Возможно, думает, что риск слишком велик? От Триггера могут родиться такие же ослы, выражаясь словечком мистера Мак-Нейла (осел, как он объяснил мне, похож на локса, но только с длинными ушами и еще глупее). Дядя Станс, разумеется, был бы счастлив одобрить такой союз, но повлиять на Ванду он не в состоянии. У нее слишком твердый характер.

На этой стадии моих рассуждений дядя Станс угодил передним колесом в какую-то дыру, и Фоун под одобрительным взглядом Ванды

схватила меня за руку, чтобы удержать равновесие. Я не возражал. Ее рука была живой и теплой, в то время как за тонкими стенами кабины царили безжизненный холод и белизна.

Белый цвет ужасен, это цвет смерти. Снаружи мы очень скоро впади бы в безумие и бросились бежать неизвестно куда, чтобы в конце концов упасть в снег лицом и заледенеть.

Когда дядя Станс выбрался на более или менее ровный участок дороги, отец сказал:

— Может, стоит освежить в памяти аргументы, которые мы намерены представить землянам?

— Угу, — откликнулся дядя. — Я вижу, ты надел церемониальный плащ, который сшила та женщина. Может, мне стоит напомнить тебе, кто тут главный?

— Это самый теплый плащ, какой у меня есть. — В голосе отца прозвучала непривычная нотка раздражения. — У тебя копье предводителя, не так ли? Возьми себя в руки, Станс, и давай поговорим о деле.

Копье дяди Станса, украшенное красной кисточкой, — вещь уникальная и служит не только охотничьим оружием, но также общепризнанным символом его общественного статуса.

— По-моему, мы должны твердо стоять на своем, — заявила Ванда. — В конце концов, это они сидят на нашей земле.

— Которую мы сдали им в аренду, — напомнил отец.

— Мы можем разорвать договор в одностороннем порядке, — самодовольно заявил дядя. — Так записано в соглашении.

— Правильно, Станс, — поддержала Ванда. — Покажем им, кто здесь хозяин!

Два старых дурня продолжили в том же духе, и я уже ждал, когда кто-нибудь из них предложит вышвырнуть землян с планеты грубой силой, но отец не выдержал.

— Ради Фа! Они могут растоптать нас, как букашек, если захотят! Мы идем к ним с протанутой рукой, это вы можете понять?..

— Это я решаю, как строить нашу политику, — сухо промолвил главный мудрец Иама.

— И я! — поспешно добавила наша почтенная предводительница.

— Только не оскорбляйте их, больше я ни о чем не прошу, — устало сказал отец.

К Административному Куполу станции Девон наша команда подъехала в мрачном молчании. Куполом его называют земляне, но это просто огромный круглый амбар. Большая дверь с шипением затворилась за мотокаром, и сразу стало удивительно тепло. Все наши страхи

испарились без следа, и даже Триггер, прохныкавший всю дорогу, заметно оживился.

— Какой большой дом, — сказал он, озвучивая очевидное. — Мы получим его, когда расторгнем договор?

Лицо дяди Станса разом отвердело, но никто не стал отвечать на этот типично триггеровский вопрос. Не в первый раз я молча подивился, какого же рода беседы ведутся в доме дяди.

— Привет, народ! Это вы — группа из Иама?

Нам улыбался очень большой мужчина, я имею в виду, даже по земным стандартам.

— Комитет для переговоров, — поправил его Станс. — Это Иам-Ванда, предводительница женщин. Это Иам-Бруно, мой СТАРШИЙ брат. — В своей типичной манере дядя сразу же дал понять, кто тут предводитель. Как водится, он также позабыл представить младших членов делегации.

— О, я всего лишь мелкий порученец, — ответил землянин к дядиному разочарованию. — Сюда, пожалуйста.

Шаг у него был размашистый, и все мы перешли на рысцу, за исключением дяди Станса, который важно вышагивал позади, ритмично ударяя о пол древком знаменитого копья.

Триггера, Фоун и меня не допустили на совещание столь высокого уровня, и тот же здоровяк, чем-то смахивающий на локса, повел нас на прогулку.

— Можете называть меня Джоном, — сказал он. — И держитесь поближе. Ни шагу в сторону, понятно?

Он обращался с нами, как с шестилетками.

— Просто покажите нам то, что вам велели, — резко сказала Фоун. В этот миг она ужасно походила на Ванду.

Джон взглянул на меня, но я промолчал.

— Ладно, мы пойдем смотреть шахту.

Он завел нас в крошечную комнату и нажал несколько кнопок. Пол провалился у нас под ногами. Триггер издал отчаянный вопль, а Фоун схватила меня за руку. По-моему, это стало входить у нее в привычку. Пол мы мигом догнали, и Триггер рухнул на него неопрятной кучей, но тут меня подтолкнула в спину стена. Мы с Фоун уже догадались, что это какое-то транспортное средство, но Триггер совсем развалился на куски и шумно блевал, утратив ориентацию.

— Господи, — пробормотал Джон и нажал еще одну кнопку.

В стене открылась дверца, из углубления за ней выкатилась небольшая машина и встала носом к носу Триггера, который продолжал лежать на полу. Тот взвыл и вскочил на ноги, а машина с жадным чмоканием всосала всю его дрянь. Порывав немного, но не

найда больше пищи, она разочарованно вернулась назад.

Да уж, о вкусах не спорят.

— Фу, — сказала Фоун. — Возьми себя в руки, Триггер.

Тут нас всех потащило к передней стене кабины, и транспортное средство остановилось. Джон вывел нас в обширную, стекловидно блестящую пещеру с невероятно высоким сводом. Триггер и Фоун устались наверх, разинув рты.

— Ух ты, — воскликнул Триггер. — Вы только взгляните на это длинное солнце! — Вделанная в свод светящаяся полоса проходила над нашими головами и убегала куда-то вдаль.

— Штольня номер один, — сообщил Джон. — Вон там в тоннеле, — он указал на дальний конец пещеры, — работает машина, которую мы называем Звездный Нос. Видите ленту конвейера у противоположной стены? Наш Звездный Нос — универсальный шахтер-автомат на ядерном ходу. Он вынюхивает самые богатые жилы и разрабатывает их автоматически: копает руду, обогащает ее и выплавляет металл. Отходы он впрессовывает в стены тоннеля, а готовые слитки подает на конвейер. Нам самим ничего не приходится делать. Абсолютно ничего.

Это и так было видно по поведению землян. Мужчины и женщины — все вперемешку, по странным земным обычаям, — слонялись без всякого дела, оживленно болтая, и лишь изредка без особого интереса поглядывали на светящиеся экраны и панели.

— Что будет с тоннелями, когда земляне уйдут? — спросила Фоун. Джон, казалось, был ошарашен вопросом.

— Что с ними будет? А что с ними может случиться? Тоннели останутся вам.

— Нам они не нужны. Какой с них прок?

— Не волнуйся, девочка. Тебя давным-давно не будет на свете, когда мы покинем эту планету.

— Но мои потомки будут жить. Послушай, Харди, — обернулась она ко мне. — Я считаю, что земляне перед уходом должны все привести в порядок. Может быть, наши потомки не захотят иметь под землей огромные дыры.

— Они их даже не увидят, — заверил Джон. — Мы раскатаем купола бульдозерами, а после посадим деревья. И через несколько поколений ваш народ забудет, что здесь когда-то были тоннели.

— Забудет? Как мы можем забыть? Мои потомки будут помнить каждое слово этого разговора.

Джон устался на Фоун.

— Конечно. Прости меня, девочка, это я все время забываю. Ладно, я поговорю о тоннелях с миссис Фроггат, даю тебе слово. Ты удовлетворена?

— Кто такая миссис Фроггат?

— Она как раз занимается подобными вещами, — туманно ответил Джон. — Ну а теперь полезайте на конвейер, и мы отправимся взглянуть на Звездный Нос.

Триггера, деморализованного предыдущим методом транспортировки, пришлось уговаривать. Раздосадованный идиотским впечатлением, которое мы производили на землян, я сгреб дурака в охапку и швырнул на ленту, а Фоун уселась на него верхом.

— Вдоль этой стены конвейер движется порожним, — стал объяснять Джон, — а по другой стороне тоннеля возвращается со слитками. Впечатляет, не правда ли?

И тут нас догнал бегом какой-то толстый коротышка.

— У нас проблема, Джон, — проговорил он, задыхаясь.

— Все то же самое?

— Боюсь, что так.

Лента под нами зловеще задержалась, и я заметил, что на конвейере у противоположной стены слитков больше нет. Потом обе ленты резко остановились. Мы прыгнули на пол и побежали за землянами.

— Никуда не уходите, понятно? — крикнул Джон через плечо.

Мы нагнали их у огромной кучи блестящих продолговатых слитков, каждый размером в рост человека. Толстяк был вне себя.

— Какого черта! — заорал он на шестерых землян, спокойно смотрящих на слитки, но те даже не обернулись.

— Ну ты же знаешь, Кэл, как это бывает, — лениво проговорила одна из женщин. — Должно быть, пара слитков соскользнула, когда никто не глядел на монитор, а там пошло одно за другим. — Она задумчиво почесала за ухом. — Через какое-то время получается большая куча.

На месте Кэла я бы взорвался, но он только спросил:

— Где они?

— О ком ты, Кэл?

— Вы сами прекрасно знаете. — Компания ответила ему невыразительными взглядами. Толстяк пожал плечами и повернулся к Джону. — Бесплезно, они совсем одурели. — Остальным он сказал: — Грузите слитки на ленту, понятно?

Кэл с Джоном обошли кучу и устремились дальше, а мы с Триггером и Фоун потрусили вслед. Да, прогулка оказалась куда интереснее, чем можно было ожидать! Вскоре мы увидели в стекловидной стене тоннеля круглую дыру диаметром чуть больше моего роста.

— Вот она, наша проблема, — сказал Кэл.

Мы нырнули в грубо пробитый ход и через пару минут вышли к

плоской металлической стене, почти полностью перекрывающей тоннель. Ее нижняя часть была усыпана кнопками, рычагами и яркими квадратными экранчиками.

Привалившись к этой стене, стояли три лорина.

Они поглядели на нас без всякого выражения. Некоторые утверждают, что способны читать эмоции лоринов, но лично я в этом сильно сомневаюсь. Один лорин держал в руках обрывок рыбацкой сети со спелыми желтыми шарами, а все три мохнатые морды были густо перепачканы соком.

— Возможно, ваши люди поели этих фруктов? — предположил Джон.

— Плоды желтошарника совершенно безвредны, — заверил Кэл. — Проблема не в людях, а в этих проклятых лоринах. Когда они слоняются по шахте, время ускользает неизвестно куда. Я только что просмотрел распечатки... Мы не оправдываем даже нашего содержания, Джон.

Джон осторожно взял руку одного из лоринов и потянул на себя. Тот мягко осел на пол, вздыхая в типичной для этих существ манере.

— Можно мне попробовать? — вызвался я.

— Будь как дома, — разрешил Джон.

Собравшись с мыслями, я подошел поближе к группе лоринов и ровным голосом сказал:

— Людям не нравится, когда вы здесь. Уходите. Пожалуйста.

Три пары круглых серых глаз уставились на меня, и я почувствовал сопротивление.

— Нет. Вы должны уйти.

Сидящий лорин еще раз вздохнул и поднялся на ноги. Потом вся троица, понуриив головы, просеменила к дыре и скрылась в боковом коридоре.

— Так ты телепат? — изумился Джон.

— Что вы. Я просто их понимаю.

— Но как эти твари пробили ход в скале, хотел бы я знать? — риторически спросил Кэл.

— Понятия не имею, — сказал я. — Мы вообще мало знаем о лоринах. Они занимаются своими делами, а мы своими, вот и все.

— И у вас не возникает даже простого любопытства?

Я подумал, что это трудно будет объяснить. Лорины просто есть, как есть Фа и Ракс.

— Возможно, в глубинах нашей памяти существует знание об этих существах. Но понадобится слишком много времени, чтобы до него добраться. Цель не оправдывает средств.

Кэл посмотрел на меня довольно странно.

— Ну вы, ребята, даете, — выдавил он наконец.

Позже мы все собрались у мотокара.

— Самодовольные отморозки! — рявкнул дядя Станс.

— Мистер Мак-Нейл предупредил нас, — напомнил отец.

— И что с того? Эти эгоисты упиваются роскошью, а весь остальной мир голодает!

— Нас тоже не слишком волнует весь мир, — мягко напомнил отец.

— Мы заботимся о благополучии Иама.

— Политика невмешательства! — взвизгнул дядя фальцетом, перебивая кого-то из участников совещания. — А я говорю, это открытый геноцид! Когда мы все умрем, они получат наш мир задаром.

— Не стоило швырять им в лицо такое словечко, Станс. Геноцид — болезненное место землян, разве ты не заметил?

— Чтоб их всех заморозило, вот что я скажу. Мы, сухопутники, обойдемся без их подачек.

— Береговики тоже, — необдуманно вставил я, и дядя Станс на сей раз соизволил меня услышать.

— Скользкие ящерицы! Все они могут отправиться к Раксу, мне нет до них дела! И вот что хочу сказать тебе, Бруно. Я был весьма огорчен, когда услышал, что ты забрал мотокар и отправился в Носс.

— Не ты ли одобрил эту поездку?

— Клянчить у ящериц жалкие крохи, словно мы не способны прокормить себя! Я отказываюсь от них, ты слышишь, Бруно?

— Заткнись, Станс, — рявкнул отец в редком приступе гнева. — Ты просто смешон.

Дядя Станс уставился на него суженными от злобы глазами. Однако он быстро взял себя в руки и скомандовал:

— Кто собирается ехать, тому лучше забраться в кабину.

— Ты это серьезно, Станс? — впервые подала голос Ванда.

— А почему бы и нет?

— Скоро стемнеет.

— Ну и что? Я не стану просить приюта у отморозков, которые так нагло с нами обошлись. Никогда!

Все послушно залезли в кабину: против авторитета предводителя не мог пойти никто, даже Ванда. Вскоре пришлось остановиться, чтобы зажечь фонари. Когда мы снова тронулись в путь, было уже совсем темно. Все сбились в кучу у топки, оставив ее дверцу приоткрытой: расход топлива увеличился, но я уже подсчитал, что нам хватит его с лихвой. Кроме запаса дров была еще канистра спирта, так что опасность исходила скорее от дяди Станса с его пресловутым искусством вождения.

Мы добрались до древних каменных колонн, торчавших на краю

мохового болота, когда раздался жуткий скрежет металла о гранит и мотокар опасно накренился.

— Спокойно, Станс! — предостерегающе сказал отец.

Губы дяди зашевелились: он принялся молиться.

— Давай я сменю тебя? — предложил отец. — Ты давно ведешь машину, ты устал.

Ответа не последовало. Дядя дочитал молитву до конца и вдруг взорвался:

— Нам не пришлось бы тащиться на станцию Девон, если бы ты, Ванда, следила за своими посевами!

Это было неслыханно. Все замерли в изумлении.

— Спокойно, Станс, спокойно, — снова сказал отец.

— А ты заткни свою пасть, Бруно!

Отец встал, ухватившись за рейку, чтобы удержаться на ногах, взял свое меховое одеяло и накинул на плечи брата.

— Я не вижу дороги, когда топка открыта! — жалобно вскричал дядя. — Закройте ее, ради Фа!

Я захлопнул дверцу и запер ее на задвижку. Пол кабины сразу стал очень холодным, и мы еще теснее прижались друг к другу.

Затем последовал могучий толчок, сбросивший меня со скамейки, и почти одновременно — металлическое «крак!» и вопль ужаса из уст дяди Станса. Фоун упала прямо на меня. Шуба ее распахнулась, твердые грудки прижались к моему лицу, но я был слишком испуган, чтобы оценить пикантность момента.

— Ракс! — выругался отец. — Этот звук мне совсем не нравится.

Мотокар перекосялся и замер. Я спихнул с себя Фоун и встал. Ванда поскуливала в шоке, Триггер бурно рыдал. Дядя Станс хранил злое молчание.

Холод смыкался вокруг нас, Ракс следил за нами своим ужасным оком.

Старшие вознамерились справедливо распределить вину, и разразилась ужасная ссора.

— Пойду-ка погляжу, что там стряслось, — сказал я Фоун.

— Не ходи, замерзнешь! — Она схватила меня за руку.

— Это надо сделать быстро, пока не заинтересовались деревья.

Я отнял у нее руку, взял с топки горячий кирпич, плотно закутался в плащ и выбрался наружу. Мерзлая растительность затрещала под ногами, и ветви анемонов затрепетали, почуяв тепло. Шаг за шагом я добрался до передка машины; стужа впивалась в тело, в душе зарождался страх. Но я заставил себя отделить фонарь от скобы, с немалым трудом согнулся, прижимая свой кирпич к груди, и заглянул под капот.

Приятный сюрприз: и ось, и тяжелая цепь румпеля совершенно целы, благодарение Фа! Но почему мотокар перекосялся? Я посветил на подвеску, смахнув со щеки настойчивое щупальце анемона, и сразу все понял: тяжелая пружина правого амортизатора, лопнув, развалилась на куски, и рама машины упала на ось.

Этой ночью мотокар не сдвинется с места.

Я поспешил назад в кабину. Фоун обняла меня, я почувствовал ее слезы на своем лице. В иных обстоятельствах я был бы тронут, но не сейчас. Я повернулся к старшим, которые все еще продолжали искать истину, и заявил:

— Лопнула пружина правого амортизатора.

— Это мне решать! — немедленно взъелся дядя Станс. — Я думаю, колесо провалилось в нору хрипуна.

У отца был потрясенный вид.

— Ты вышел и посмотрел, не так ли? Пока мы тут ругались? Клянусь пресветлым Фа, Станс, у него мозгов больше, чем у нас обоих. Отличная работа, Харди!

— Ты принимаешь болтовню молокососа на веру, Бруно? Но только не я.

— Тогда пойди и взгляни сам.

Но анемоновые деревья уже склонились к мотокару, жадно оглаживая ветвями крошечную зону тепла в насквозь замороженном мире. Я понял, о чем думает дядя.

— Ты уверен? — сухо спросил он, глядя поверх моей головы.

— Он уверен, — ответил за меня отец.

— Мы застряли, — проговорила Ванда сдавленным голосом.

— Мы все умрем! — взвизгнул Триггер.

— Мы подождем до рассвета и отправимся за помощью, — внушительно заявил дядя Станс, проигнорировав реалистическую оценку ситуации, предложенную Триггером.

— У нас не хватит топлива, — заметил отец.

— Хватит.

— Хватило бы на поездку. Не хватит, чтобы всю ночь поддерживать огонь.

— Мы умрем, отец? — захныкал Триггер. — Мы все умрем?

— Я pošлю попугая, — предложил отец.

— Что это даст?

— Возможно, ничего. Но кто знает. — Отец открыл клетку и заключил серебристую птичку в свой большой кулак. — Помогите, — сказал он, глядя в ее крошечные блестящие глазки. — Помогите Бруно. Повтори!

— Помогите Бруно! — хрипло крикнул попугай.

— Лети! — Он выбросил птицу наружу; та очертила виток вокруг кабины и устремилась в темноту, изящно уклонившись от неуклюжих поползновений анемонов. — Если мистер Мак-Нейл в Иаме, он свяжется со станцией Девон, — сказал отец. — Они отправят на поиски один из своих мобильных.

— Если, — скептически произнес дядя Станс.

У отца заиграли желваки, что всегда было дурным знаком. Ванда уловила намек.

— И что теперь, Станс?

— Да, что мы теперь будем делать, отец? — плаксиво повторил Триггер.

Фоун схватила меня за руку.

Итак, мы возложили свои надежды на попугая и технику земной расы! Тем временем возле источника тепла потихоньку началась борьба за выживание, в которой первым проиграет Триггер, как самый младший и слабый. Социальный статус ничего не значит, когда дело касается жизни и смерти. К тому же я никак не мог представить дядю Станса, сражающегося за жизнь Триггера.

Мне страшно захотелось оказаться в любом другом месте, и я погрузился в воспоминания, надеясь отыскать такое, что полностью затмит ужасную реальность.

НЕВЕРОЯТНЫЕ КАРИЕ ГЛАЗА. ЧАРА, СКАЗАЛА ОНА. НОСС-ЧАРА. ИМЯ, КОНЕЧНО, НЕОБЫЧНОЕ...

Голос отца разрушил очарование.

— Подвинься, Станс! Я не могу подбросить дров в огонь.

Дядя придвинулся к открытой топке так близко, что всем остальным доставались лишь узкие полоски света и тепла по краям его солидного тела.

— Я сказал, подвинься, — резко повторил отец.

— Ты обвиняешь меня в захвате огня?

— Нет, я хочу подложить еще одно полено.

— Залей спирт.

— У нас только одна канистра, — увещающе сказал отец. — Дистиллят может понадобиться нам... для иных целей.

— Какие еще цели, ради Фа?!

— Девять поколений назад наш предок оказался в аналогичной ситуации.

— Я помню это! — рявкнул дядя Станс, словно его предводительской памяти был брошен оскорбительный вызов.

— Тогда ты должен помнить, как он поступил. Наш предок пил спирт, пока не напился допьяна и не уснул возле бойлера. Утром его нашли.

— Мертвым, разумеется.

— Ради Фа, Станс! Разумеется, нет, — на сей раз отец действительно рассердился. — Если я преждевидел такое, значит, это случилось до того, как он зачал сына. Наш предок заболел, но не погиб и самое главное — не потерял рассудка. Поэтому мы сохраним спирт. Подвинься!

Станс подвинулся с недовольным ворчанием. И внезапно приказал отцу развести огонь пожарче.

— Раз мы должны умереть, то мы умрем в комфорте!

Логики здесь не было никакой, но отец вынужден был повиноваться, и вскоре в кабине стало невыносимо жарко. Наш страх уступил место тупой безнадежности. Дядя Станс, раскупорив канистру, то и дело прикладывался к ней. Потом он встал и неверными шагами заходил по кабине, бессвязно выкрикивая молитвы.

— Потихе, Станс! — Отец ухватил его за руку прежде, чем дядя рухнул на топку.

— Ты всегда хотел быть предводителем, отморозок! — истерически завопил дядя Станс. — И как же ты был разочарован, когда я родился!

— Побойся Фа, Станс, — вполголоса сказал отец, — мне тогда и двух лет не было.

Дядя бессмысленно уставился на него. Потом он повернулся, споткнулся и рухнул плашмя на пол, глухо ударившись головой.

Отец опустился на колени и осторожно приподнял голову брата.

— Бедный дурачок. Он оглушил сам себя.

Ухватив дядю под мышки, он оттащил его к бойлеру, бережно усадил и обратился к Ванде:

— Принимай командование.

Та мрачно усмехнулась.

— Оставим вежливость до лучших времен, Бруно. Твоя память глубже, ты и командуй.

— Ладно, — согласился отец. — Мы будем поддерживать слабый огонь, как и прежде. Когда станет слишком холодно, начнем пить спирт.

— Бруно?..

— Что, Триггер?

— Посмотри. — Триггер указал пальцем. Лицо его было залито слезами.

Канистра лежала там, где Станс уронил ее. Вокруг расплзлась лужа.

— Почти ничего, — тяжело проговорил отец, встряхнув канистру.

— Взгляните! — вдруг закричала Фоун. — Ведь это же...

— Он не долетел до Иама, — пробормотала Ванда. — Проклятая птица покружила и вернулась!

— Слишком холодно даже для попугая, — заключил отец.

Бледный призрак на фоне тьмы глядел на нас, склонив голову набок.

— Спасите Бруно! — хрипло выкрикнул он.

Я пытался уйти из реальности в прежевидение, но это не удалось без спокойствия духа, а иногда и без трубочки зелья. В конце концов я провалился в кошмарный сон, битком набитый ледяными монстрами.

Сквозь этот сон я расслышал слабый скрежет колес и сразу очнулся.

— Там кто-то едет!

— Спи, Харди, — тускло проговорил отец.

— Нет, правда! Послушай сам!

Все остальные, за исключением дяди Станса, зашевелились и прислушались.

— Я слышу! Слышу! — радостно вскрикнул Триггер. — Мы спасены!

Отец поспешно дернул за шнур, и ночь огласилась истошным воем парового гудка: в объятиях анемонов наш мотокар было трудно заметить. Гудок провыл второй раз и захлебнулся — в бойлере кончился пар.

— Сюда! Сюда! — завопили мы все разом. Схватив кочергу, щипцы и совок, мы принялись колотить по стенкам кабины. Мы подняли такой шум, что не услышали, как подъехал наш спаситель.

— Эй! Кажется, это мотокар из Иама?

— Мы поломали пружину! — объяснил отец.

— Да уж, можно было поудачней выбрать время и место.

— Вы можете вытащить нас отсюда?

Незнакомец прикрикнул на локсов, и животные двинулись вперед, растапывая анемоны. Крытый фургон, светящийся изнутри, подплыл к мотокару, меховая занавесь откинулась, и круглое веселое лицо заглянуло к нам в кабину.

— Я могу поступить гораздо лучше! Я почию вашу пружину, если вы подождете до утра.

— Это же Смит, — сказала Ванда с гораздо меньшим энтузиазмом, чем можно было ожидать. — И почему это должен был оказаться Смит, а не кто-то другой? — пожаловалась она отцу.

— А где вы найдете другого дурака, путешествующего зимой по ночам? — радостно заорал Смит. — Кроме вас, разумеется! Должно быть, вы совсем замерзли. Давайте-ка сюда.

Отец перенес дядю на руках, как малое дитя, а я подхватил Фоун,

которая ушла в защитный транс; не знаю уж, как это ей удалось. Ванда забралась в фургон последней, недовольно бурча себе под нос.

Это была внушительная повозка с тентом из дубленой кожи, натянутым на такие высокие обручи, что под ними можно было стоять в полный рост. В центре находилась раскаленная жаровня, воздух был теплый и слегка отдавал дымом. В задней части фургона я увидел солидную кучу угля, что является редкой роскошью в наших местах, в передней — внушительную кучу странных кусков металла. А на пышной груди мехов сидела женщина.

Кто не слышал про Смита и его женщину Смиту? Они ненормальные — спят вместе, едят вместе, путешествуют вместе, и весь Иам считает, что эта пара на полпути к злу. И вот теперь Смит и Смита спасают наши жизни! Ужасная ситуация для предводительницы Ванды.

Но только не для отца, который сразу гаркнул:

— Приятно снова видеть вас, ребята!

Сперва он сердечно обнял Смита, а после и Смицу, которая поднялась с подушек. И вот тогда я увидел то, что прежде заслоняла ее обширная фигура.

На откидной лавке сидел лорин — руки скрещены на груди, нога на ногу — и глядел на нас круглыми глазами. Мой старикан, должно быть, уже совсем рехнулся от счастья, когда похлопал его по плечу со словами: «Как поживаешь, приятель?». Лорин не ответил, понятно.

— Где ты побывал за это время? — спросил отец у Смита, когда мы все уселись на подушки.

— Обычный маршрут в сторону Желтых гор. Работаем днём, путешествуем ночью. Эти локсы у меня уже три, нет, четыре года, они запомнили дорогу. И разумеется, у нас есть Вилт... — Смит поднял руку и приветливо помахал лорину (впервые в жизни вижу лорина, у которого есть имя, подумал я). — Когда мы спим, он не позволит локсам сойти с дороги. Не знаю, что бы я делал без Вилта.

— И без Смиты, — сказала женщина, бросая на него любящий взгляд.

— Само собой, — согласился кузнец. Ростом и объемом он заметно уступал жене, но руки у него были необычайно толстые и мощные.

Они с отцом пустились в долгую беседу. Все остальные потихоньку задремали. Я пробудился, когда начало светать, и понял, что речь идет о землянах.

— Кто знает? — сказал Смит. — Возможно, на их месте мы поступили бы точно так же? Не стоит ожидать от них любви и заботы лишь потому, что мы очень похожи.

— Странная штука это сходство, — задумчиво произнес отец. — Я хочу сказать, они вполне могли походить на лоринов или на хрипунов.

Но нет, они невероятно похожи на нас, только размером побольше! Я часто задаюсь вопросом, не произошли ли мы каким-то образом от землян. Или они от нас.

— Вряд ли, — сказала Ванда. — Я преждевидела их прибытие. Для них наш мир был совершенно новым.

— Значит, мы представляем собой оптимальную, логически непротиворечивую форму жизни! — весело воскликнул Смит.

— И тем не менее, — мрачно сказал дядя Станс, страдающий от похмелья и вчерашних унижений, — могли бы снабдить нас своей технологией, их бы не убывало.

Повеяло упоительным запахом жареного мяса. Смита, хлопотавшая у жаровни, бросила через плечо:

— Мы сами — наши худшие враги!

— Она мечтает о мотокаре, — объяснил Смит.

— Как? — встрепенулся Станс. — Да ведь это кошунство!

— Почему же?

— Одна деревня — один мотокар! Ты не хуже меня знаешь правила, Смит.

— А кто их установил, эти правила?

— Мотокары для предводителей. Что будет с нашим обществом, если их получит простой народ?! Люди станут разъезжать повсюду, и мы потеряем над ними всякий контроль. Никто не захочет работать! — Grimаса боли исказила лицо дяди, и он пробормотал: — Я больше не хочу говорить об этом.

— Ты только что жаловался, Станс, что земляне не дают нам свои машины. Теперь ты не хочешь дать мотокар своему собственному народу.

— Я же сказал, что не желаю говорить об этом.

— Построить мотокар не слишком сложно, — спокойно продолжил Смит. — В Паллахакси множество древних машин: подъемные краны, лодки, мотокары, устройства для обработки почвы и обмолота зерна... Все, что можно вообразить и сверх того. Металлические вещи совсем новые. Им не приходилось чинить старье! Удивительные это были люди, и они владели сложной технологией. Вот у кого мы должны учиться — у наших собственных предков. Взять это наследство и с пользой применить его.

Дядя Станс и Ванда закричали одновременно:

— Ограбить Паллахакси? Святой Источник? СВАТОВАТЕЛЬСТВО!!!

— Здравый смысл! В Паллахакси есть пещеры и другие постройки с мебелью и домашней утварью. Тысяча человек может пересидеть там в комфорте стужу. Не глупо ли считать это место неприкасаемой святыней?

Смита принесла тарелки с жареным мясом и лепешками, но дяде Стансу уже было не до еды.

— Если я узнаю, что ты шарить в Паллахакси, Смит, то я... я...

— Ты? А что ты сделаешь? У тебя нет над нами власти, Станс. Мы путешественники.

Смит сунул в рот кусок мяса и принялся жевать.

— Так мне чинить твой мотоцикл или нет? — невнятно прочавкал он.

Дяде Стансу пришлось смирить гнев ради благоразумия.

— Это твоё ремесло, Смит, — сухо сказал он.

— А если я поставлю вам запасную пружину из Паллахакси?

— Мы не обязаны знать, откуда взялась пружина, — поспешно вступил отец, пока дядя Станс не успел обречь нас на смерть. — Не наше это дело, Смит.

— Уже светло, — заметил кузнец. — Пора за работу.

ОТТЕПЕЛЬ

Итак, в ту самую стужу, после которой все и случилось, Смит починил наш мотоцикл и спас нас от смерти. Он дал нам также немного угля, и мы благополучно добрались до Иама. Весна, рыдающая от счастья, затискала нас с отцом в объятиях, но люди сидели по домам у очагов, и никто не увидел моего позора.

Других примечательных событий в эту стужу почти не было. Все мы постоянно недоедали, но благодаря рыбе, доставленной из Носса, никто не умер от голода. Иные верующие обнаружили в памяти предков намеки на то, что пищевые рационы противны воле Великого Локса. Инициативная группа устремилась на штурм амбара, но тревогу подняли вовремя, и атака была отбита.

И вот в один прекрасный день наше солнышко Фа засияло ярче и убедительней, и мы потихоньку воспряли духом. Пришла долгожданная оттепель, а через несколько дней в лесах появились первые животные.

Ванда вывела свою команду на поля необычайно рано, не желая упускать ни единого погожего денька. Рьяные приверженцы религии были возмущены, и в том числе, естественно, дядя Станс.

— В такое время не сеял никто и никогда! Ты идешь против всей памяти Иама!

— К Раксу ошибки прошлого! — парировала Ванда. — Нам нужна еда, а не молитвы!

В конце концов победа осталась за ней, ведь это Ванда отвечала за посевы. Но дядя Станс никогда не упускает случая ввязаться в сражение, в котором заведомо не может победить. Триггер точно такой же.

Дни становились все теплее, охотничья команда добыла свежего

мяса, и неудачный визит на станцию Девон перестал казаться катастрофой.

Как только позволила погода, я отправился к своему любимому пруду. Чудесно побыть наконец вне дома! Тем более в одиночестве, без постоянного присутствия отца, а также Станса и Триггера. Вообще-то мы с отцом неплохо ладим, но эта стужа была уж слишком длинной.

Я лежал на спине, подложив под голову руки. Солнце приятно пригревало, травки-щекотунчики нежно массировали бока, из трубки поднималась ароматная струйка дыма.

Я сосредоточился.

И перед моим мысленным взором явились карие глаза.

Ну нет! Это уж слишком. Я потратил целую стужу, чтобы избавиться от мыслей о Чаре с ее перепонками.

Моя первая трубка зелья, вот что я хочу увидеть.

НЕ ТОРОПИСЬ, сказал отец. С ним были дядя Станс, и Ванда, и все старейшины деревни. Мальчик становится мужчиной после первой трубки зелья, она символизирует его способность передавать гены. Довольно часто преждевидение не приходит с первого раза, особенно если парень сильно нервничает. Но отец смотрел на меня с надеждой, и я затянулся, и расслабился, и вдруг услышал, как кто-то говорит у меня в голове...

ИДИ КО МНЕ, БРУНО. Весна глядела на меня, совсем молодая, с припухшими губами. Я/Бруно потянулся к ней...

Щеки мои запылали, я поспешно отступил. Я понял, что могу скользить назад по памяти отца, и воскресил давнишнюю охоту. Удар копьем. Тяжелый запах крови. ОТЛИЧНО, БРУНО! НУ ВОТ, ТЕПЕРЬ МЫ С МЯСОМ. Я вышел из транса и ухмыльнулся: А НЕПЛОХАЯ БЫЛА ОХОТА, ОТЕЦ!

Теперь я приступил к главному: мне следовало разобраться в странных отношениях отца и Станса. Правда, заглядывать в память живого родственника считается неэтичным, но ведь отец все равно не узнает...

И я нашел презрение. И жалость. И непоколебимую лояльность.

Отец безусловно считал дядю Станса ослом (словечко укоренилось в моем лексиконе) и все же покровительствовал ему, как подобает старшему брату. Прекрасно зная слабости дяди, он помогал ему руководить Иамом и ненавязчиво исправлял его грубейшие ошибки. Я просмотрел внушительную коллекцию эпизодов, в которых отец выручал дядю Станса из беды. И пришел к окончательному выводу.

Мой отец, Иам-Бруно, был рожден, чтобы стать предводителем.

Чего недостает его младшему брату, так это длинных ушей.

Я встал и ополоснул лицо в пруду: преждевидение — не такое уж легкое занятие, и я изрядно вспотел. Вода оказалась прохладной, но воздух был очень теплым. Я скинул вещички и прыгнул в пруд, и начал плескаться, вскрикивая от удовольствия.

Потом я услышал насмешливый гогот. Триггер и Каунтер стояли на берегу, указывая на меня пальцами.

Не знаю, как земляне, но голый стилк чувствует себя бесконечно уязвимым. Я мигом выскочил из воды и стал натягивать одежду на мокрое тело.

— С тебя течет! — завопил Триггер и чуть не помер от смеха, болван.

Когда-нибудь, если все пойдет своим чередом, он станет предводителем Иама.

— Говорю тебе, Станс, семена не взошли.

— Я знал, что так будет! Я знал! — Дядя, казалось, был даже доволен несчастьем. — Ранний сев оскорбляет Козла-прародителя! Ты ввергла нас в огромную беду, Ванда.

— Но в чем причина, как ты думаешь? — спросил отец, игнорируя выкрики Станса.

— Возможно, во время оттепели зерно подмокло и перепрело. А может быть, оно и уродилось невсхожим в прошлом году. Я не знаю.

— Зато я знаю, — сказал дядя Станс. — Это ты во всем виновата, Ванда!

— Я признаю свою вину. Но это не меняет ситуации.

Ванда, дядя Станс, отец и я стояли посреди нашего лучшего поля, густо заросшего сорняками, среди которых виднелись редкие чахлые ростки. Несколько женщин истово занимались прополкой.

— Корнеплоды выглядят не лучше, — вздохнула Ванда.

— Тебе следовало знать, чем это кончится, — заявил дядя Станс. — Ракс, мы уже пробовали ранний сев десять, нет, одиннадцать поколений назад. Тогда затея провалилась, как провалилась и сейчас.

Ванда побагровела до синевы и уставилась на него убийственным взглядом.

— У нас НЕ БЫЛО никаких проблем ни десять, ни одиннадцать поколений назад! Это были теплые годы, и урожай удался на редкость! Боюсь, мне придется напомнить, что я прямой потомок тогдашней предводительницы. Чего ты добиваешься этой дурацкой ложью, Станс? Время остановилось.

Дядя Станс совершил самый худший и непростительный в нашем обществе грех: он искажил память предков, дабы подкрепить свою точку зрения.

И однако он ничуть не смутился, глядя поверх головы разъяренной Ванды, словно перед ним не предводительница женщин, а мелкий визгливый зверек, не достойный даже презрения мужчины.

— У нас есть вопросы и поважнее, — заявил он. — Как мы будем расплачиваться с Носсом за рыбу?

Напряжение спало, все вздохнули полной грудью. У Ванды оказалось достаточно такта, чтобы не настаивать на своем.

— Тебе придется объяснить им ситуацию, — сказала она.

— Только не мне! Ты подвела нас, Ванда, тебе и отвечать.

— Не я договаривалась с Носсом о рыбе.

Все взгляды обратились к отцу.

— Ладно, — согласился тот. — Я готов унижаться в Носсе, чтобы сохранить мир в Иаме.

Сердце мое подпрыгнуло.

— Можно мне поехать с тобой?

— Конечно. Это будет очень полезный урок дипломатии.

Однако Ванда еще не успокоилась.

— Кстати, — ехидно заметила она, — есть одна очень интересная идея. Как ни странно, это предложение Дурочки Мэй.

— Да? — бросил Станс с каменным лицом.

— Надо приручить других животных помимо локсов. Лоутов, хрипунов и так далее.

— Но это же охотничья дичь!!!

— Все они дичь, за исключением локсов.

— Мы НИКОГДА не приручали диких животных. Я не потерплю святотатства!

— На самом деле, Станс, тебя это никак не касается. Домашние животные — занятие для женщин. Просто принеси с охоты несколько живых детенышей, идет?

— Нет, нет и нет!

Я хорошо понимал проблему дяди. Разведи мы стада — и охота больше не понадобится, а дядя Станс потеряет самую эффектную сферу своей деятельности.

Ванда проигнорировала его возмущение.

— Ладно, мы сами позаботимся об этом.

На этом спор закончился, но за ним последовало нечто более любопытное.

Скиммер всю стужу пролежал у нас во дворе под кожаной накидкой, и я залез под нее, чтобы оценить ущерб, нанесенный морозами. К счастью, ничего особенного не случилось: несколько мелких трещин, но в воде древесина быстро набухнет. Я едва нашел то место, где прежде была дыра, которую мы с отцом ловко заделали.

— Только попробуй еще раз выкинуть эту штуку, и ты потеряешь мою поддержку, Станс!

Голос отца был хриплым от ярости.

Я замер. Вылезать было поздно, я уже услышал лишнее.

— Минутная несдержанность, только и всего, — ответил дядя как ни в чем не бывало.

— Я не шучу, Станс! До нынешнего дня я делал все возможное, но это уже слишком.

— Я знаю, знаю! — Теперь в его голосе звучали потоки признательности. — Как хорошо, что ты поедешь в Носс, Бруно. Я чрезвычайно ценю твою помощь.

Последовала пауза. Потом отец сказал:

— Это будет нелегко. Лонесса — крепкий орешек...

Голоса удалились, но я продолжал сидеть на корточках, обдумывая услышанное. Что бы это могло означать? Отец никогда не гневается без весомой причины. Что натворил дядя Станс? Соврал о каких-то исторических всходах? Или подразумевалось что-то еще?

Одно мне было совершенно ясно: Станс во всем зависит от отца. Не будь отца, дела в Иаме давно пошли бы прахом.

В планах дяди Станса значилась охотничья экспедиция, так что мотокар был свободен для поездки в Носс. Утро выдалось прекрасное, длинные тени падали косо и четко, и люди собрались посмотреть, как мы уезжаем.

Подобно большинству деревень, Иам расположен на скрещении старых дорог: северная идет через моховые болота к древнему городу Алике, южная — к побережью, где стоит Носс, восточная — к священному городу Паллахакси. На западе протекает река, и там есть брод. Сама деревня представляет собой беспорядочную россыпь небольших домов, тяготеющих к той или иной дороге. На перекрестке дороги расширяются и образуют довольно большую площадь. К северу от перекрестка живут мужчины, к югу — женщины.

На этой площади мы с отцом и принимали добрые напутствия. Мой старикан был страшно импозантен в своем церемониальном плаще, но я в поношенной тунике выглядел бледновато.

— Желаю удачи, Бруно! — воскликнул дядя Станс, приветственно вскинув копьё. За ним маршировала охотничья команда, старательно отбивая шаг.

— Доброй охоты, Станс! — откликнулся отец и дал прощальный гудок. Наш мотокар тронулся с места и покатил на юг, а вся ребятня Иама помчалась за ним с безумными воплями. Зачем они это делают,

я понять не могу, но мистер Мак-Нейл утверждает, что это массовая истерия.

Мы навестили землянина по дороге.

— Я был крайне огорчен, — сказал мистер Мак-Нейл, — когда узнал о вашем неудачном визите на станцию Девон. Но ведь я предупреждал. Политика невмешательства. Она соблюдается очень строго.

Мы стояли в саду перед резиденцией мистера Мак-Нейла. Некоторые земные растения уже цвели.

— Мне думается, само существование вашей шахты противоречит этой политике, — заметил отец.

— Возможно, ты прав, Бруно. Однако проблема может оказаться чисто академической.

— Как это понимать?

Мистер Мак-Нейл задумчиво зашагал по дорожке, а мы следовали за ним, как охотники за дядей Стансом. Похоже было, что землянин подыскивает слова.

— Вы, наверное, знаете, что шахта экономически не столь успешна, как могла бы, — вымолвил он наконец. Присев на корточки, землянин аккуратно выдернул сорняк, душивший какие-то желтые цветы.

— Я слышал, люди обвиняют лоринов?

— Да. — Не вставая, мистер Мак-Нейл посмотрел на отца снизу вверх. — Похоже, мы не можем справиться с этими существами. Что вам о них известно?

Это был чисто земной вопрос.

— О чем ты? Лорины — это лорины. Что я еще могу сказать?

— И вы не питаете к ним никакого интереса?

— При чем тут интерес? Лорины просто есть, как Ракс и Фа.

— Но к нам вы проявили огромный интерес, когда мы прилетели.

— Конечно. Вы оказались для нас в новинку. Вас не было в нашей памяти.

Мистер Мак-Нейл встал и указал на уголок сада.

— Взгляните туда. — Пара лоринов, присев у клумбы, деловито удаляла сорняки. — Они следили за мной из-за деревьев. Они всегда так делают. Они увидели, что я выдернул сорняк, и тут же занялись прополкой. Они хотят мне помочь? Или научиться у меня? Или бессмысленно копируют мои действия? Честно говоря, эти лорины начинают действовать мне на нервы.

— Лорины часто имитируют наши действия, — сказал я. — Это ничего не значит.

Но отец все еще пережевывал начало разговора.

— Ты сказал, вопрос о шахте может стать чисто академическим.

Мистер Мак-Нейл немного поколебался.

— Если дела не пойдут на лад, мы вынуждены будем ее закрыть.

— И вы покинете планету?

— Думаю, да. Но решение еще не принято. Сначала мы все-таки попробуем разрешить проблему лоринов. Не подумай, что мы считаем их враждебными, но одно лишь присутствие этих существ оказывает катастрофическое влияние на продуктивность. Иногда можно подумать, что они телепатически приказывают нам не спешить! Ерунда, конечно, но... Кое-кто считает, что этот мир не настолько велик, чтобы вместить и нас, и местных обитателей.

Я ощутил непривычное чувство потери. Мне нравились земляне, в особенности мистер Мак-Нейл. Они были очень умны. Они жили рядом с нами так долго, что я еще не добрался в те времена со своим преждевидением. И мы всегда могли рассчитывать на их помощь. По крайней мере, тогда я так думал.

— В любом случае, — сказал мистер Мак-Нейл, — мы не можем оставить вам технику, если нас не будет рядом, чтобы подсказывать, как с ней обращаться. Сначала ваш уровень жизни повысится, и население ощутимо возрастет, а потом машины начнут ломаться, а вы не сможете ни починить их, ни купить новые. И все кончится долговременной катастрофой.

— Такого бы не случилось, если б вы стали помогать нам с самого начала, — сказал отец.

— Земляне не желают брать на себя ответственность. — Ничей Человек бесшумно присоединился к нам. — Они не уверены, что у нас достаточно мозгов для их земной техники.

— Это совсем не так, — раздраженно возразил мистер Мак-Нейл. — Когда мы прилетели сюда, то обнаружили относительно счастливый народ, который умел возделывать свои поля. Поверьте, у нас нет права менять порядок вещей. Это ваш мир, ваша культура. Научитесь ценить ее.

— Мы не можем быть счастливыми, покуда голодаем, — сказал отец. — Даже деревенские полудурки.

— Виной всему астрономический цикл, — объяснил мистер Мак-Нейл. — Ваша система не вполне стабильна, поскольку гигантская масса Ракса влияет на движение звезды. Но хорошие времена вернутся, поверьте. Возможно, уже в будущем году.

Нам нечего было противопоставить научным аргументам, поэтому мы сели в мотокар и поехали в Носсе.

Ничей Человек отправился с нами. Что ему было нужно в Носсе, я представить не мог. Там его не слишком жаловали, как, впрочем, и в любом другом месте. В его присутствии я чувствовал себя нелов-

ко, вспоминая о невероятно прелестной, но, увы, перепончатогой Чаре.

Мы не ждали от этой встречи ничего хорошего, но закончилась она еще хуже, чем можно было предположить. Лонесса, кстати, вела себя вполне разумно. Неприятности исходили от младшего представителя Носса, с которым я столкнулся в прошлом году. Было ясно, что Кафф успел завоевать авторитет в общине и уже готов согнать с поста председателя калеку-отца.

— Итак, — резко сказал отморозок, когда мой отец закончил вступительные извинения и объяснения. — Год назад вы заняли у нас сушеную рыбу, причем в большом количестве. Вы пообещали расплатиться зерном из урожая нынешнего года. Теперь вы утверждаете, что зерновые не взошли.

— Это слишком сильное выражение, — спокойно возразил отец. — Но всходы необычайно скудны. Нам не хватит зерна даже для собственных нужд.

— И после всего этого, — не слушая, продолжил Кафф, — вы снова пришли к нам с протянутой рукой. Что произошло с Иамом? Вы разучились справляться со своими делами?

— Не повезло, — мягко сказал Уэйли. — Такое бывает.

— Помолчи, отец! Нам следует поступить так, чтобы ситуация впредь не повторялась. Мы должны преподать Иаму жестокий урок.

— Послушай, Кафф, я не вижу нужды...

— Я сам разберусь с этим делом, Лонесса, — отрезал юный выскочка. — Я хорошо знаю таких людишек. Полжизни валяются на солнце и смотрят, как растет трава. Они...

— За продовольствие отвечает Лонесса, — вставил отец. — Или ты, Кафф? Мне кажется...

— ...считают, что другие обязаны их кормить. Это...

— Это несправедливо. Дело в том, что...

— Не перебивай меня, Бруно. Я пытаюсь объяснить тебе...

Что именно он пытался объяснить, мы так и не узнали.

Отец потерял контроль над собой.

Рванувшись вперед, он схватил отморозка за горло и, выдернув из кресла, яростно встряхнул. Кафф лишь сучил ногами, словно хрипун в петле. Отец встряхнул его раз десять, а после отшвырнул. Думаю, хотел вернуть на место, но в гневе мой старикан не чувствует собственных сил. Кафф, проделав в воздухе дугу, шмякнулся о древнюю каменную стену и свалился на пол без чувств.

Это был единственный отрадный момент во всем процессе переговоров.

— Ради Фа! — негодуяюще вскричала Лонесса. — Это уже слишком, Бруно.

Уэйли доковылял до сына и опустился на колени.

— Ты мог убить его, — резко сказал он.

— Ракс, — пробормотал отец покаянно, — мне очень жаль. Не знаю, что на меня нашло... О чем я только думал?! Давай я перенесу его куда-нибудь, Уэйли. Или, может быть, воды?.. — Он беспомощно оглянулся.

— Ты не прикоснешься к нему! И пусть ваш Иам катится к Раксу вместе со своими проблемами!

— Нет, погоди, Уэйли, — возразила Лонесса. — Не будем торопиться. Ты лучше других знаешь, что Кафф бывает невыносим.

— Это неправда!

— И вот мое предложение. Нам нужно время, чтобы остыть и подумать как следует. Ведь речь идет об Иаме и Носсе, не только о нас пятерых. Сейчас мы устроим перерыв, а на закате встретимся снова.

— Кажется, он приходит в себя, — сообщил Уэйли.

Кафф застонал и уставился на моего отца нехорошим взглядом. Потом он перевел взгляд на меня, и ядовитая улыбка скользнула по его губам.

— Встретимся на закате, — твердо сказала Лонесса.

Мы ушли, покрытые позором. Точнее, оскандалился отец, но часть его позора пала на меня.

— Прости, Харди, я свалил дурака, — пробормотал мой старикан. — Мне нужно побыть одному. Пойду-ка прогуляюсь над обрывами... Встретимся на закате, ладно?

Он удалился в сторону исторического места, где дедов приятель Ходж сработал Ничьего Человека. Я понадеялся, что в том нет рокового смысла, поскольку мысли мои немедленно обратились к Чаре.

Внезапно я ужасно занервничал. Что делать? Не спрашивать же у каждого встречного, не видел ли тот, случаем, Чары? Проблема, однако, разрешилась сама собой, как это иногда случается.

— Привет! Я думала... Я так и думала, что найду тебя здесь. Она была в белом платье, прекрасная как ангел, и улыбалась немного неуверенно. Сердце мое подпрыгнуло. Я только и смог, что промчыть что-то нечленораздельное.

— Я увидела твой скиммер на мотокаре. И пошла тебя искать, — продолжала девушка.

Она уселась рядом, разглаживая платье на коленях. Редкостная вещь из настоящей земной материи. Женщины в Носсе по большей части затянута в кожу.

— Ты рад, что мы встретились?

— Угу.

— Ракс! — С дороги донеслось пыхтение мотокара. — Могу поклясться, это придурок Кафф!

Чара обняла меня за шею и повалила наземь. Носский мотокар прогрохотал на север, и сквозь заросли мы разглядели, как упомянутый придурок Кафф вымещает свой гнев на машине.

Мы лежали на животе, бок о бок, и щекотунчики нежно массируют нас в поисках съестного. Чара обнимала меня одной рукой, наши волосы перепутались, наши лица соприкасались. Я готов был умереть от счастья.

Она не шевелилась, и мы продолжали смотреть на дорогу, а позади вздыхали воды эстуария. Ничей Человек прошагал мимо нас, не заметив, следуя на север в пыльной полосе, оставленной Каффом.

Наконец Чара откатилась от меня и села, глядя на эстуарий и крепко обхватив колени.

— Ты так и не ответил, рад ли видеть меня.

— Гм. — Я с трудом выдавил из себя слова. — Да. Я рад.

— Почему? — Она обернулась и посмотрела мне в лицо.

— Я... Ты мне нравишься.

— Никто бы не подумал. Но я тебе верю. Надеюсь. Потому что иду на большой риск, встречаясь с тобой. Мама ужасно рассердилась, когда я в стужу пару раз упомянула твое имя. Просто упомянула, больше ничего. Она сказала, ты земляной червяк с толстыми мозолями на коленях. А я сказала, что мне все равно. И это мое дело.

Кажется, я снова мог дышать.

— Твоей матери нравится мой отец, а у него мозоли на коленях. — Что я несу?! — Нет, у отца нет мозолей. Ни у кого из нас нет. Откуда взялась эта чепуха?

— Говорят, так можно распознать сухопутника.

Я задрал штанину.

— Давай покажи, где мозоли.

— О! — воскликнула она. — Действительно нет.

— Мой отец тоже беспокоится, хотя я и словечка ему не сказал.

— О чем?

— О тебе.

Она удовлетворенно улыбнулась.

— Я знала, что я тебе нравлюсь. Женщины всегда знают. Но почему твой отец должен беспокоиться?

Я молчал. Я не хотел говорить об этом.

— Почему? — опять спросила она. — Я недостаточно хороша, чтобы с тобой дружить?

— Это ноги, — выдавил я наконец.

- Что-что?
- Перепонки.
- Какие перепонки?
- Между пальцами.

Чара смотрела на меня с изумлением, густо порозовев. Потом вздохнула, сняла один ботинок и вытянула ногу так, что юбка поднялась выше колен. Коленки у нее были очень красивые. Она демонстративно пошевелила пальцами.

— Перепонки у наездников грума. У народа Носса их нет. А что, я одна должна быть такая или все жители Носса?

- Ну... Все до единого. У вас и кровь густеет во время грума.
- Но зачем распускать такие слухи? В чем тут смысл?

Мы немного подумали над этим, и я осмелился предположить:

— Наверное, чтобы удерживать народ Иама подальше от народа Носса. Никто ведь не хочет, чтобы на месте Ничьего Человека была целая куча ничьих людей.

— Ты хочешь иметь детей? — внезапно спросила она.

— Ну... да. Только не сейчас. Я еще слишком молод.

Этим мы отличаемся от землян. Мы заводим детей в довольно зрелом возрасте, чтобы передать им как можно больше собственного опыта.

— Ракс! Не верю я в эти предрассудки. — И прежде чем я успел возразить, сказала: — Пойдем покатаемся на лодке.

Чара была опытным моряком, поэтому моя неумелость не имела особого значения. Мы взяли курс на юго-восток и уселись рядышком на планшире правого борта: у Чары был румпель, у меня — парусный шкот. Мы болтали о том о сем, стараясь получше узнать друг друга. Чара, казалось, была готова выдерживать курс до бесконечности, но я занервничал, когда холодные волны стали захлестывать нос, прокатываясь до кормы.

— Не пора ли повернуть к берегу?

Она коротко усмехнулась и переложила румпель. Мы повернули назад так быстро, что я сразу воспрял духом и, улыбаясь, поглядел на нее.

— Постой-ка, а где твой кристалл?

Ее рука взлетела к горлу.

— О Ракс! По-моему, он только что... — Нахмурившись, она сосредоточилась. — Кристалл был здесь, когда я тебя искала. А когда мы пошли за лодкой, его уже не было. Знаю. Я потеряла его, когда мы прятались от Каффа. Щекотунчики могли развязать шнурок, может быть, они съели кристалл.

— Мы найдем его. Шнурок вряд ли уцелел, но кристалл они съесть не способны.

Девушка покачала головой.

— Растения могут выбросить его на дорогу.

— Ну и что? Все знают, чей он, другого такого нет.

— Кристалл отдадут маме! Она убьет меня за то, что я его потеряла.

— Нам лучше поторопиться, — сказал я. И тут же пожалел об этом.

Парус натянулся, лодка легла на борт и рванула вперед, плеск воды сменился злобным деловитым шипением, а мы повисли на задравшемся борту, удерживая баланс. На траверсе мыса мы пронеслись сквозь группу рыбацких судов, и кто-то из мужчин оторвался от дела, чтобы махнуть рукой.

— Отец, — коротко бросила она. — Держись! Мы проскочим над отмелью.

Я перестал дышать, но Чара знала, что делает, и мы влетели в эстуарий на гребне высокой волны.

— Теперь уже скоро, — сказала она. Но ошиблась.

Последовал тяжелый удар, мы резко вильнули вправо, и я решил, что лодка врезалась в дно, но она проскочила, и я отпустил парус.

— Что это было?!

— Не знаю. — Чара обернулась, чтобы посмотреть. — Там что-то плавает.

Теперь и я увидел, как раз в том месте, где изогнулся наш пузырящийся след. Какая-то темная штуковина, у самой поверхности воды.

— Это мертвый лорин, — сообщил я, разглядев нечто вроде руки.

Чара развернула лодку, и ее стало сносить назад. Меня охватило неприятное чувство: чем ближе мы подходили к этой штуке, тем меньше она походила на лорина.

Чара подтвердила мои подозрения.

— Мне кажется... Это стилк?

Когда мы поравнялись с утопленником, я перегнулся через борт и подтащил его багром. Труп плавал вниз лицом, на нем были темная рубаха и штаны. Спина трупа едва выступала из воды, и в ней зияла рана, а вокруг нее все еще клубилось розовое облачко.

Этот человек был убит. Заколот в спину.

Я похолодел.

Не потому, что мы нашли труп.

Это не отец, сказал я себе. У него рост отца и фигура отца, но это не может быть мой отец. У отца церемониальный плащ, а на этом плаща нет.

— Переверни его, — спокойно распорядилась Чара.

Я ухватился за поясной шнурок и потянул. Труп был тяжелый и не хотел переворачиваться. Наконец я раскрутил его, и голова повернулась, и мертвые глаза уставились в небо.

И это был мой отец.

— Мне очень жаль, Харди, — пролепетала Чара.

Никогда я не чувствовал себя таким одиноким.

Мы привязали тело отца к лодке, и Чара медленно повела ее к песчаному пляжу перед мужской деревней. Мы пристали к берегу близ рыбацких судов, развязали узел и вытащили отца из воды. Несколько рыбаков подошли и уставились на тело. Один из них захотел нам помочь, но я заорал: «Убирайся!», и он молча отступил.

— Нам понадобится помощь, Харди, чтобы погрузить тело в мотор, — тихо сказала Чара.

— От Носса я помощи не приму!

— Но... я тоже живу в Носсе.

Я посмотрел на нее. Она была в слезах.

— Мой отец убит. Его ударили в спину.

— Ты думаешь, это сделал кто-то из нас?

— Я знаю, кто это сделал. Проклятый отморозок Кафф!

Мужчины глухо зароптали.

— Думай, что говоришь, червяк, — процедил один из них.

Я окинул взглядом враждебные лица.

— Отец поссорился с Каффом. Потом я видел Каффа на моторе, он ехал в сторону женской деревни. А мой отец гулял там над обрывом.

— Ты говоришь о сыне предводителя, — заметил тот же рыбак.

— Не надо так, Харди, — сказала Чара.

Явились три лорина и присели возле отца, возложив на него руки и вздыхая. Я не стал их прогонять.

— Парень должен извиниться, — сказал кто-то еще.

— А пошел ты к Раксу! — заорал я ему в лицо.

Тот отступил, но остальные кинулись на меня и схватили за руки. Я брыкался, но сделать ничего не мог. Я был в таком гневе, что абсолютно не чувствовал страха.

— В сарай червяка!

Меня швырнули на кучу вонючих сетей, но я тут же вскочил и расквасил нос тому, кто задержался, чтобы прочесть мне нотацию. Рыбаков было слишком много, и меня опять зашвырнули в сети.

— Проучить его надо маленько, вот что, — буркнул побитый, ошупывая нос.

Гнев мой испарился, как только я осознал ситуацию. Тут было не менее двадцати рыбаков, и многие держали дубинки для глушения рыбы, выброшенной на поверхность груга. Они толпились в дверях, разглядывая меня как опасное животное, и я впервые ощутил страх.

Вскочив, я быстро выпутался из сетей и влез по приставной лестнице на открытый чердак. Лестницу я сбросил вниз, и тут же понял, что надо было втащить ее наверх. Яростные вопли слились в животный рев, и я вспомнил о жажде крови, которая, по слухам, охватывает рыбаков во время груга.

Лестницу приставили обратно, и по ней полез какой-то дюжий рыбак. Я дал ему добраться до верху, а потом оттолкнул. Приземлился он неудачно, и злобный рев усилился.

Принесли еще несколько лестниц, и я уже приготовился столкнуть того, кто доберется до меня первым, но это оказалась Чара. Она повернулась лицом к толпе.

— Прекратите!

Шум затих, и кто-то крикнул:

— Слезай оттуда, Чара!

— Хватит! Если вы рыбаки, то где же ваша гордость? Взгляните на себя, вы не лучше стаи груммеров!

Мужчины недовольно заворчали. Частично потому, что Чара была права, частично потому, что она не имела над ними власти.

— Это дело Уэйли, ему решать! — крикнула Чара.

— Правильно! Давайте его сюда! — подхватили в толпе, и настроение внезапно переменилось, жизнь моя была спасена.

— Спасибо!

— Пожалуйста, — сказала она недружелюбно, спустилась по лестнице и ушла.

Я почувствовал себя немного виноватым, но это чувство быстро сменилось скорбью, а вслед за нею вернулся гнев.

Я спустился по лестнице, и мои охранники напряглись.

— Дайте мне пройти.

— Ты должен дожидаться Уэйли.

— Зачем?

— Сиди и жди.

В конце концов явилась Лонесса и коротко приказала:

— Пойдешь со мной.

— Мы должны дожидаться Уэйли, — протестовал один из мужчин.

— Уэйли в Доме собраний.

Меня отпустили, но неохотно. По пути в Дом собраний я увидел, что тело отца уже лежит на платформе мотикара и на дорогу капает вода. В прошлый раз на этой платформе лежала сушеная рыба. Я готов был разрыдаться.

Нас ожидали Уэйли и Чара. Каффа не было. Мы с Лонессой заняли свои места. Без отца зал для совещаний казался мертвым и пустым.

Уэйли заговорил первым.

— Я слышал, ты обвиняешь в этом убийстве моего сына Каффа. Я молча кивнул. Чара не смотрела на меня.

— Ты молод и нетерпелив, — сказал Уэйли.

— Я знаю. Но это не меняет сути дела.

— О Кафф, мой единственный сын, — горестно пробормотал старик.

Лонесса потеряла терпение.

— Мы все скорбим о Бруно, — быстро заговорила она. — Мы почитали его как лучшего представителя Иама. Тебе будет очень трудно без отца. Но не следует винить в его смерти Каффа или еще кого-то из Носса. Ты разумный молодой человек и можешь представить, как скажется на участии твоих сограждан подобное обвинение.

Значит, вот какую линию они избрали. Что ж, разумно.

— Речь идет о моем отце, — напомнил я слабым голосом.

— И о моем сыне, — напомнил Уэйли.

— Ты говорил с ним?

— Да. Он все отрицает.

— Я хочу сам задать ему некоторые вопросы.

— Это ни к чему не приведет. Он ответит то же самое.

— И ты ему веришь?

— Это мой сын, — повторил Уэйли.

— А ты, Лонесса?

— Я не знаю, как мыслят мужчины, — честно призналась она. — И не могу представить, что делалось в голове у Каффа, когда твой отец напал на него. Но если бы Кафф был женщиной... я бы сказала, что он не убивал твоего отца. Однако важно другое: ты не должен высказывать свою версию в Иаме. Для вашего же собственного блага.

— Бруно был незаурядным человеком, — пробормотал Уэйли. — Со Стансом все будет не так.

Я начал понимать, что мой безудержный гнев по большей части происходил из страха. Без отца я полностью окажусь во власти Станса с его идиотскими выходками. Что теперь ждет Иам? И Весну?.. Я просто не мог представить, как сообщу ей ужасную весть.

Чара сидела молча и мрачно наблюдала за мной. Теперь даже она против меня. Я уже сожалел о своем безрассудстве. Мне следовало оставить подозрения при себе... А после нанести ответный удар.

К моему удивлению, Уэйли предложил мне ночлег. Было уже поздно и очень холодно, и я принял предложение.

Дом оказался больше, чем у Станса, и спальные места располагались на втором этаже, являющем собой нечто вроде открытого балкона. Уэйли с трудом проковылял по лестнице вверх и указал мне на груду шкур, накрытую одеялом из шерсти локсов.

— Ты можешь спать здесь. — Он поколебался. — Много воды утекло с тех пор, как гости из Иама навещали мой дом. Твой отец ночевал у меня время от времени.

Тон его казался дружеским. Поблагодарив, я призвал воспоминания предков, и мы оживленно поболтали о стародавних временах, как это любят делать немолодые люди. Я не знал, сколько лет Уэйли, но он был намного старше моего отца, хотя я и мерзкий Кафф почти ровесники.

— Во имя Ракса! А этот отморозок что тут делает?

Кафф заявился домой.

— Ночует, — мягко сказал Уэйли. — Я не могу отослать его в Иам посреди ночи.

— Нечего ему здесь торчать! Сейчас я набью ему морду. — Это была навязчивая идея Каффа. — Ракс! Я не убивал старого придурка. Я почти полдня чинил мотоцикл. А этот что делал? Увивался за Чарой! Отойди, отец, я дам ему в морду.

— Ради Фа, Кафф, веди себя прилично! В один прекрасный день тебе придется стать предводителем.

— Скажу тебе прямо, отец, что все изменится, когда предводителем стану я. Для начала этот несчастный Иам не получит ни крошки.

— Ты уже обнародовал свои взгляды. Но должен напомнить тебе, Кафф, что я все еще нахожусь на своем посту.

Я долго лежал без сна, раз за разом оживляя ужасную сцену в эстуарии. Кончилось тем, что я решил наложить запрет на этот эпизод, ведь несправедливо вынуждать потомков переживать мое личное горе. Еще часть ночи я провел, внедряя запрет посредством мысленной концентрации. Я избавил от этого кошмара память грядущих поколений.

Но только не свою.

Уэйли и Кафф еще спали, когда на рассвете я покинул их дом. Воздух был свежий и морозный. Я заправил топку, разжег дрова лучиной, которую взял в общественном нагревателе, и залез в кабину дожидаться, когда в бойлере образуется пар. От холода меня пробирала мелкая дрожь. Тело отца, укутанное побелевшим от инея одеялом, лежало на платформе за моей спиной.

— Не забудь, что я тебе сказала.

Я чуть не подпрыгнул от неожиданности. Это была Лонесса, вся в пышных мехах.

— Хорошо, не забуду.

Еще вчера я думал, что она не права. Но что случилось, то уже случилось, и никакая вражда между Иамом и Носсом не вернет мне отца. Теперь это мое личное дело. Моя месть.

— Мне будет очень не доставать Бруно, — вздохнула она.

Я ощутил мгновенную вспышку гнева.

— Не больше, чем мне. Или Весне.

— Весна? Ах да, твоя мать. Она... питала к нему теплые чувства?

— Почему бы и нет, ради Фа?! Он был хороший человек.

— Что ж, иногда в том нет ничего странного, — сказала Лонесса к моему великому изумлению. Потом ее лицо отвердело, и передо мной опять стоял Носский Дракон. — Если хочешь мира между Иамом и Носсом, держись подальше от моей дочери!

— Ты должен быть очень осторожным, Харди. Люди сделают тебя советчиком Станса вместо твоего отца. Возьми в привычку сперва подумать, а уж потом говорить. — Мистер Мак-Нейл усмехнулся. — Боюсь, поначалу будет трудновато! Ты был довольно-таки безответственным юнцом.

Ничей Человек позволил себе одно из своих нечастых высказываний:

— Триггера из виду не упускай.

Я правильно сделал, что заехал сюда. Мистер Мак-Нейл угостил меня стувой, добавив в нее спирт по имени «водка», который производят на станции Девон. Он сокрушенно выслушал печальную новость и произнес все необходимые слова утешения. К тому же он дал мне ценный совет.

— Ты хочешь отомстить Каффу? — спросил Мак-Нейл. — Не делай этого. Но если не можешь поступить иначе, то, ради всего святого, не попадись.

Тут я кое-что вспомнил и обратился к Ничьему Человеку:

— Я видел, как ты шел туда же, куда только что проехал Кафф.

— В самом деле? — Казалось, он был удивлен.

— Может быть, ты нагнал Каффа? Он утверждает, что долго чинил мотоцикл.

— Я его видел, да. Он возился с системой передач.

— Или делал вид?

— Он был злой и очень грязный.

— У него был с собой нож?

— Ты не должен исключать возможность несчастного случая, — вмешался мистер Мак-Нейл. — Бруно мог сорваться с обрыва и упасть на что-нибудь острое.

— Только не мой отец!

— Рыбак никуда не пойдет без ножа, — сказал Ничей Человек. — Но я не видел. Не приглядывался.

— А моего отца ты видел?

— Нет.

— Зачем ты поехал в Носс?

— Просто так, — поколебавшись, ответил он. — Я здесь родился, если помнишь.

— Это не относится к делу, Харди, — вмешался мистер Мак-Нейл.

— Откуда вам знать? — взорвался я. — Все, что произошло вчера, имеет отношение к делу! Вы не можете думать, как мы. Для нас ЛЮБОЕ воспоминание имеет значение. Все воспоминания складываются, и соединяются, и распространяются, и формируют нашу культуру. Сейчас смерть Бруно только в памяти убийцы. А через десять поколений — у каждого мужчины Носса!

— Вряд ли, если учесть вашу низкую рождаемость. К тому же, насколько я понимаю вашу культуру, у Каффа практически нет мотива. Да, твой отец не сдержался, но ведь Кафф сам его спровоцировал, и знал это.

— Да, он знал. Если отца не будет, Станс получит не рыбу, а отворот поворот. Этого он и хотел!

Наступило долгое молчание. Наконец Мистер Мак-Нейл нарушил его:

— Земляне всегда считали вас миролюбивым народом. Боюсь, мы совсем позабыли, что общество разрушается в тяжелые времена. Невмешательство — это одно, но бесстрастно смотреть, как мирная культура деградирует к варварству... это совсем другое. Надеюсь, смерть твоего отца, Харди, поможет нам взглянуть на проблему иными глазами.

— Спасибо. — Я не мог придумать, что бы еще добавить.

Мы поднялись и вышли в сад, оставив Ничьего Человека размышлять в своем уголке. Сад был в полном цвету, его невероятная пестрота и яркость тут же меня утомили. Но мистер Мак-Нейл наслаждался от души. Я спросил у него, на что похожа Земля.

— Очень похожа на вашу планету, только немного больше. И старше. Я хочу сказать, более развита. На Земле я не мог бы позволить себе разбить такой большой сад.

— Но почему?

— Просто нет места. Повсюду множество людей и множество машин. Все, что можно, покрыто герметичными куполами, а поверхность океана — кислородными матрицами.

— Это звучит устрашающе.

— Это прекрасно. — Он вздохнул и окинул неодобрительным взглядом анемоновые деревья на берегу реки. — Кстати, Ничей Человек был прав, когда предупреждал насчет Триггера. Теперь ты поднялся в иерархии Иама, и вряд ли он будет от этого в восторге. Возможно, он попробует дискредитировать тебя.

— У Триггера на это не хватит мозгов.

— И тем не менее...

Мы подошли к мотоцикару. Пора было ехать, но я не хотел. Одеяло, в которое завернули отца, промокло, с платформы падали тяжелые капли. Его бы не убили, пробудь я с ним весь день. Но я скучал на переговорах, а потом встретил хорошенькую девушку, и моему отцу пришлось умереть.

На грузовой платформе было слишком мало дров, должно быть, их убрали в Носсе, освобождая место для отца. Я подумал, не попросить ли немного у мистера Мак-Нейла (позади дома находилась небольшая плантация чашечных деревьев), но решил не злоупотреблять его добротой.

Я взял канистру со спиртом и начал заливать топливный бак, когда почувствовал что-то неладное.

У спирта едкий, неприятный запах, который я с трудом переношу. Жидкость, которая потекла в бак, вообще ничем не пахла. Я обмакнул палец и попробовал на вкус.

— Странно.

— В чем дело?

— По-моему, это вода. Взял не ту канистру! Придется опорожнить ее и заполнить заново.

Но во второй канистре тоже оказалась вода. И в третьей.

— Должно быть, спирт употребили жаждущие рыбаки, — заметил мистер Мак-Нейл.

— Пьяные не стали бы заливать в канистры воду.

— Но они это сделали, не так ли?

— Да, кто-то сделал это. Хотелось бы знать, с какой целью.

Я оставил мистера Мак-Нейла в растерянности. Он скептически отнесся к утверждению, что отец был убит. Но теперь это очень смахивало на двойную атаку: если бы убийство по какой-то причине не удалось, то фатальное ночное путешествие завершило бы дело. Кстати, заодно избавились бы и от меня. Интересно, включен ли я в планы убийцы?

Внезапно я почувствовал себя ужасно уязвимым.

Я въехал в Иам, когда на дорогу упали слепополуденные тени. Жители смотрели на мотоцикар, но никто не помахал мне рукой. Я остановился у дома дяди Станса и до отказа выжал тормозной рычаг.

Из соседних домов появились стилки и молча остановились, глядя на меня. Я вылез из кабины и вдруг заметил Весну: она была вся в слезах и смотрела на сверток в одеяле, не на меня.

Она уже знала. Все они знали. Печальная весть опередила мотоцикар.

Дядя Станс вышел из дома, Триггер следовал за ним по пятам.

— Вернулся, — сказал он неприветливо. — Долго же ты ехал.

— Я задержался у мистера Мак-Нейла.

Дядя Станс немедленно впал в ярость.

— Ну разумеется! Ведь смерть твоего отца недостаточно важное событие, не так ли? Ты безответственный отморозок! Ты должен был доложить мне немедленно!

Обитатели Иама придвинулись ближе, возбужденно перешептываясь. У дяди Станса нашлись сторонники.

— По-моему, ты и так обо все знаешь, — заметил я.

— Случайно, — парировал он.

— Но как?

— Я что, обязан тебе объяснять? Марш домой! И считай себя под домашним арестом, пока мы не обсудим это дело на совете.

По привычке я едва не подчинился, однако тут же спохватился:

— Не пойду. Я не сделал ничего дурного.

— Ничего? — Дядя Станс немедленно успокоился и заговорил расудительным тоном. — Позволь мне объяснить тебе, Харди, что ты сделал, поскольку у тебя явно не хватает сообразительности. Во-первых, — он выставил указательный палец левой руки и продемонстрировал его всему Иаму, — ты пропустил важную деловую встречу, где мог бы многому научиться. Во-вторых, — он отогнул второй палец, — ты покинул отца ради шашней с девчонкой, а в результате ты не оказал ему помощь во время несчастного случая.

— Несчастный случай?!

— Молчать! В-третьих...

— Убери свои паскудные пальцы! — в жаркой ярости завопил я.

Внезапно пальцев стало четыре. Кажется, я бросился на дядю Станса. Кажется, мы дрались, но руки мои почему-то не желали двигаться. Потом в глазах у меня прояснилось, и я понял наконец, что меня крепко держат за руки.

— ...не доведет тебя до добра, — закончил дядя Станс.

— Это не несчастный случай! — закричал я. — Почему вы не хотите меня выслушать? Его убили! Ударили в спину!

Я вырвался из чужих рук и подбежал к мотоциару.

— Смотрите сами! — Я сдернул одеяло.

На грузовой платформе лежал оскаленный труп груммера.

Моя мать навестила меня на второй день заточения. Дядя Станс приходил несколько раз, но я не желал с ним говорить. С Весной я был рад встретиться, но даже она держалась версии несчастного случая.

— Подумай сам, Харди, кто захочет оставить своим потомкам такое ужасное воспоминание? Нет, твой отец поскользнулся, упал с обрыва и утонул. И лучше бы тебе не сомневаться в этом для нашего общего блага.

— Но ведь все обстояло не так! Кто-то должен заплатить за смерть Бруно.

— Это не вернет тебе отца, — спокойно заключила она.

— Не вернет, я знаю. Но я, по крайней мере, буду в безопасности.

— О чем ты?

— А если спирт подменили после убийства, а не до? Ты поняла?

— Харди, все это могло быть просто ошибкой. Ты же знаешь, твой отец держал дома воду в канистрах, а не в бурдюках.

— Отец никогда не совершил бы такой ошибки. Кроме того, я сам видел, как он залил канистры из того бака со спиртом, что стоит во дворе.

— Ну, я не знаю... — Весна посмотрела на меня с сомнением, ее пухлое лицо было озабочено. — И эта история с телом твоего отца...

— Груммеры не поднимаются вверх по реке, когда нет грума. Так что тело могли подменить только в Носсе. Кто-то достал это животное из ледника. Они намеревались выставить меня лежцом, а может быть, не хотели, чтобы кто-то увидел рану. И кстати, как вы узнали о смерти отца?

Весна вздохнула.

— Какой-то рыбак наткнулся на охотников около полудня. Они сразу же вернулись домой.

— Лучше бы они отправились в Носс. Мне не помешали бы помощь и поддержка. И хоть немного доверия, — горько добавил я.

— Рыбак сказал, что Бруно утонул. Никто не видел раны, это только твои слова. А Иаму нет никакого резона ссориться с Носсом.

Я подумал, не сказать ли ей о Чаре, которая рану видела. Но захочет ли девушка выступить в роли свидетеля? Я сомневался в этом. Чара жила в Носсе и была верна своему народу.

— Знаешь, люди скорбят о Бруно. Все его уважали, и каждый знал, что именно он стоит за Стансом. Вот почему Станс особенно подавлен. Не только потому, что умер его брат. И охота была неудачной, дичь точно сквозь землю провалилась. Мы думали, прошлый год был наихудшим, оказывается, это не предел. Люди напуганы, им нужен козел отпущения. Не слишком вини их за это, Харди.

В некотором смысле я был рад одиночеству: меня мучило чувство вины. Останься я с отцом, его бы не убили, тут дядя Станс был абсолютно прав. Считалось, что я провожу время в преждевидении, вкушая мудрость предков, но мне и без того было о чем подумать.

Весна каждый день приносила мне еду, последние лужицы талой воды просохли, и я почувствовал наконец, что готов возвратиться к жизни.

РАННЕЕ ЛЕТО

Я искупил свою вину, и все вели себя так, словно ничего не случилось. Прогулявшись по мужской деревне, я узнал, что последняя охота была крайне неудачной, а навестив женскую, услышал столь же неутешительные новости о посевах.

Дядя Станс предложил мне поучаствовать в очередной охоте, назначенной на послезавтра, за компанию с Каунтером, Триггером и еще двумя десятками важных персон Иама. Это явно был жест доброй воли с его стороны, и я принял предложение. Кто-то видел дичь в окрестностях Тотни, и упускать такой случай было никак нельзя.

Первый день моей свободы был теплым и солнечным, но люди постоянно твердили, что хорошая погода установилась слишком поздно, и скоро я устал от всеобщего уныния. Ноги сами понесли меня к любимому пруду, где я мог бы погрузиться в счастье прошедших дней, а сверх того, усвоить опыт еще нескольких поколений, к чему меня явно обязывал мой новый общественный статус. Помнится, отец говорил, что углубился на двадцать поколений назад. Это, конечно, не легендарная эпоха Дроува и Кареглазки, но достаточно глубокое начало отсчета, чтобы получить хорошее представление о жизни.

В своем укромном местечке я раскурил трубку и улегся на спину. Отец был со мной, в моем мозгу. Он навсегда останется там, и я в любой момент смогу навестить его, как только захочу. Но теперь я поспешно скользнул мимо его ранних воспоминаний, с которыми был хорошо знаком, и вскоре заблудился в памяти деда, то и дело отвлекаясь, как обычно, на заманчивые побочные линии. Да, чтобы правильно использовать преждевидение, необходима большая внутренняя дисциплина.

ЭЙ, ГЛЯДИ-КА, СЮДА ИДУТ ДВЕ ДЕВЧОНКИ!

Ракс, я снова наткнулся на зачатие Ничьего Человека... Похоже, сегодня не слишком подходящий день для глубокого преждевидения. Вернувшись к жизни отца, я начал поиск со смутной надеждой обнаружить какую угодно альтернативную причину его смерти. Неужто за всю свою жизнь отец не нажил врагов?

...Дедушка Эрнест сидел на старом стуле, который мы с отцом пустили на дрова в последнюю стужу. Отец примостился на полу; я ощущал его острое возбуждение. Более тридцати мужчин и несколько женщин стояли вдоль стен комнаты, наблюдая.

ДЫШИ ЛЕГКО. РАССЛАБЬСЯ. ОТКРОЙ СВОЙ РАЗУМ. ПУСТЬ

ДЫМ СДЕЛАЕТ СВОЮ РАБОТУ. Дед говорил с юным дядей Стансом: это был день его возмужания, его первая трубка зелья. Тогдашний Станс, невероятно похожий на нынешнего Триггера, поперхнулся дымом и жутко раскашлялся. Дедушка Эрнест поспешно вскочил на ноги и похлопал его по спине. Отец хихикнул. Я чувствовал, что он относится к дяде Стансу точно так же, как я к Триггеру. Наконец посвящаемый собрался с духом, громко высморкался в пучок мха и сунул трубку в рот для очередной попытки. Спокойно, сказал дед. Только не торопись. Дядя Станс заметно расслабился после затяжки; зелье обычно оказывает такое действие. Он лег на грудь мехов и начал пописывать трубкой, словно эксперт. Выражение его лица беспрестанно менялось, и я догадался, что Станс прыгает от памяти к памяти, от персоны к персоне, находя наиболее волнующие моменты, как выбирают из корзины самые спелые фрукты.

Внезапно его лицо застыло.

Что с тобой, сынок? — спросил дед. Дядя Станс не ответил и нахмурился, словно концентрируясь. Беззвучная пауза казалась бесконечной. Потом из-под его сомкнутых век покатались слезы.

В чем дело? — резко сказал дед и...

И вдруг видение замутилось, а у меня в мозгу появились слова: **УХОДИ. НЕ ТРОНЬ. УБИРАЙСЯ.**

Запрет!

О Ракс, меня не слишком интересовало возмужание дяди Станса. Но что же за таинственный эпизод он ухитрился раскопать в нашей семейной истории?! Возможно ли, что за моим дедом Эрнестом числится нечто более скандальное, нежели зачатие Ничьего Человека?.. Я проскользнул в его память и посетил все ту же сцену.

Запрет!

Двойной запрет — дело серьезное. Обидно, конечно, но его не накладывают просто так... Я решил, что на сегодня преждевидения довольно, и подошел к пруду. В это время года здесь всегда полно летучих рыбок, но я не разглядел ни одной, и это должно было насторожить меня.

Но солнышко Фа так приятно пригревало спину, я только что вышел на свет после долгого заточения, и настроение мое поднялось до небывалой высоты. Не успел я подумать, что рыбки все еще покоятся в иле из-за поздней весны, как что-то яркое блеснуло под водой. Я встал на колени и вгляделся в водные глубины. Облачко ненадолго затмило Фа, блики на поверхности озерца потухли, и я увидел на глинистом дне розовый самоцвет в серебряной оправе. Довольно обычное украшение, символизирующее гибель зла, но этот камень редкостной величины и красоты я опознал с первого взгляда.

Кристалл Чары, потерянный в тот ужасный день в Носсе! Но как он попал сюда? Я лег на живот и опустил руку в воду.

Знакомый треск предупредил меня, но слишком поздно: вода закристаллизовалась мгновенно. Я попытался выдернуть руку, но не смог, ее держала холодная, непобедимая сила.

В моем пруду обитал ледяной дьявол!

Я кричал, пока не охрип, но местечко это укромное, находится не слишком близко от дороги на Тотни. Потом я долго лежал, уткнувшись лицом в траву, не в силах шевельнуть закованной в кристалл рукой. Я знал, что жуткая, обросшая щупальцами тварь не выпустит меня из ловушки, пока я не умру.

Много времени на это не потребуется. Лишь только тепло скроется за горизонтом с последними лучами Фа, как Ракс принесет страх и холод, а я сойду с ума и с воплями забьюсь в судорогах. Когда силы оставят меня, я окончательно закоченею. Ледяной дьявол почувствует мою неподвижность, и утром, с наступлением тепла, он отпустит меня, чтобы затащить под воду и сожрать.

Если только кто-нибудь не пройдет по дороге на Тотни до полуночи и не услышит мои крики. Однако маловероятно, что кто-то появится на этой дороге прежде охотничьей команды дяди Станса.

В это время я уже буду под водой.

Вообразив эту картину, я вновь разразился отчаянными воплями, и вновь никто меня не услышал.

Никто и не должен был слышать.

Все было тщательно продумано заранее.

Нет, не летающая рыбка уронила в воду кристалл. Это сделал человек, и он знал, что я обязательно приду сюда для преждевидения. Кто-то решил покончить со мной, скорее всего, Кафф, и преуспел в своем намерении.

Я покричал еще немного, без всякого результата. И постыдно пал духом, и дергался, и рыдал, и бил ногами, пока не потерял силы. И снова уткнулся в траву, и начал думать о том, что следовало лучше прожить свою жизнь и быть добрее к людям.

В этот момент кто-то тронул меня за плечо.

В безумном страхе я обернулся и увидел лорина. Он смотрел на меня круглыми глазами, а двое его собратьев присели рядом и возложили на меня руки, издавая тихие, умиротворяющие звуки. Присутствие лоринов успокоило меня, я расслабился и закрыл глаза. Сердце мое билось все реже и реже, мысли текли лениво, вязкие, словно глум. Мне было слишком хорошо, чтобы...

Я очнулся на траве, в десятке шагов от пруда; легкий ветерок слабо морщил поверхность воды. Правая рука покраснела, однако сохра-

нила подвижность. Разжав кулак, я увидел Чарин кристалл. Солнце было уже совсем низко, а лорины ушли.

Ошеломленный, я побрел обратно в деревню.

Весна зажигала лампы, когда я постучался в дверь. Эйфория, вызванная присутствием лоринов; растаяла по дороге, и меня трясло от холода и пережитого страха.

— Садись и рассказывай, — велела она прежде, чем я успел раскрыть рот. Эта женщина все понимает.

— Что-то ты поздновато, — проворчала Ванда, которая сидела в темном углу, словно Ничей Человек. — Ночь будет очень холодной для этого времени года.

Я подробно рассказал им, что произошло у пруда, с наслаждением прихлебывая из кружки горячую стуву, и в заключение продемонстрировал Чарин кристалл. Весна сочувственно цокала и качала головой, Ванда выслушала меня в молчании.

Когда я поведал о лоринах, Весна сказала:

— Такие вещи иногда случались и прежде. Если у лоринов было настроение.

Я перешел к своим подозрениям.

— В прошлом году там не было никакого дьявола. Откуда он взялся? Ведь эти твари не летают, благодарение Фа!

— Приплыл с дождевым потоком из других прудов, — заключила Ванда.

— Мой пруд на холме, а вверх вода не течет.

— Ты хочешь сказать, что его запустили в пруд нарочно?

— Да, именно так это и выглядит.

— Скорее уж, кто-то из ребятишек бросил туда гоблина. — Ванда была твердо намерена прояснить ситуацию раз и навсегда.

Дети для развлечения держат в кувшинах крошечных ледяных дьяволят и называют их гоблинами. И у меня был такой, я кормил его мухами.

— Ни один гoblin не вырос бы за зиму настолько, чтобы властвовать в целом пруду. Говорю тебе, Ванда, это был взрослый ледяной дьявол. Кто-то перенес его из одного водоема в другой.

— Это невозможно. Как только ты попробуешь вытащить дьявола на поверхность, вода сразу закристаллизуется.

Я чуть не взорвался, слушая упрямую старуху, но Ванда была предводительницей, и я постарался найти убедительные доводы.

— Ну хорошо, а если кто-нибудь нашел такой способ? Теперь подумай сама. Многие знают, что это мое место для преждевидения. И о том, что Носс-Чара потеряла свой кристалл, тоже знают многие. Кафф, например.

Я оглянулся на Весну в поисках поддержки, но та молчала и угрюмо хмурилась.

— Это дело мужчин, — отрезала Ванда. — Женщин такие дела не касаются.

— Я говорю о том, что человек из Носса пытается уничтожить целую семью из Иама. А ты утверждаешь, это не твое дело? Кто будет следующим, дядя Станс или Триггер?

— Послушай моего совета, оставь в покое Каффа! В эту стужу нам понадобится вся помощь, которую сможет предложить Носс.

— Кафф не желает, чтобы Носс помогал Иаму.

— И поэтому, — съехидничала Ванда, — он неизвестным способом перевез дьявола из Носса прямо в твой пруд.

— Но ты ведь не станешь отрицать, Ванда, что происходит нечто странное, — спокойно сказала Весна.

— А канистры? Кто-то их подменил, — напомнил я.

— Твой спирт выдули рыбаки. Глупо и не слишком честно, но злого умысла они не имели. Забудь эти бредни, Харди, и займись своей жизнью. Я ничего не скажу Стансу.

Она встала — маленькая сморщенная женщина, обладающая огромной волей — и покинула нас.

— Я боюсь за тебя, Харди, — вздохнула Весна.

— Ты боишься, что меня опять посадят под арест за глупую болтовню?

— Нет, Харди. Я боюсь, что ты прав.

Мы долго сидели молча. Потом я спросил:

— Но разве можно совершить убийство и жить дальше как ни в чем не бывало?

— Ты еще молод, Харди, — молвила Весна. — Но когда ты заведешь детей и покончишь с продолжением рода, твое отношение к жизни постепенно начнет меняться. Что бы ты ни совершил, твои потомки никогда ничего не узнают, и ты привыкнешь к этому чувству свободы. Слово больше никто не подглядывает через твое плечо.

— Мне не кажется, что кто-то за мной подглядывает.

— Покажется, когда ты будешь возлагать на себя все большую и большую ответственность. И вдруг, в один прекрасный день, ты совершенно свободен! Такое вполне может ударить в голову.

— Ты хочешь сказать, что отца убил пожилой человек?

— Вполне возможно, Харди. Не торопись обвинять Каффа.

Я обдумывал ее слова на следующее утро, когда услышал гвалт на площади: то собиралась охотничья команда. Итак, разумно сказал я себе, мне следует точно установить личность преступника. Затем я

отомщу обидчику и наложу запрет на память об этом. Надеюсь, мои потомки его никогда не нарушат. В конце концов, это не просто личная месть. Я ограждаю от опасности не только себя, но и дядю Станса, и Триггера, а может, весь народ Иама.

Мое желание защитить дядю изрядно поубавилось, когда распахнулась дверь и старый дурак самолично возник на пороге.

— Валяешься в постельке, Харди?

— Я планирую свой день.

— Твой день, насколько я знаю, посвящен охоте.

— Нет, у меня другие намерения.

— Ах ты, ленивый отморозок! — взревел он и шагнул через порог.

— Некогда мне тут с тобой препираться!

— Тогда уходи.

Прежде я никогда не задумывался, как юноша вдруг становится взрослым. Со мной это произошло в тот самый момент, когда я решил противостоять дяде и указал ему на дверь. И тут же, в поразительно живой вспышке памяти, увидел кого-то из предков в противостоянии высокому мужчине в странной униформе...

Но дядю Станса мое мгновенное возмужание ничуть не впечатлило.

— Вставай немедленно! А не то...

Я выкатился из постели и встал. Я был на голову выше дяди. Конечно, одетым я бы выглядел намного внушительней, но не все удастся предусмотреть заранее.

— Я прекрасно понимаю, как важна охота для Иама, — произнес я ровным голосом. — Пойми и ты: если я говорю, что у меня другие планы, значит, дело не терпит отлагательства. Сейчас у нас нет времени на дискуссию, но мы потолкуем, когда ты вернешься. А теперь можешь идти, Станс.

Дядю я «опустил» раз и навсегда.

Я не мог видеть его лица, так как Станс стоял спиной к свету, но знал, что на нем застыло выражение твердокаменной мужественности. Потом он резко повернулся и ушел, а я перевел дыхание. Я слышал, как он резкими криками созывает своих людей, и вскоре охотничья команда построилась в традиционную колонну. Станс маршировал впереди с обычной помпезностью, но его церемониальное копье выглядело как-то жалко, словно над нарядной кистью потрудились амбарные грызуны.

Я оделся, и последовал за охотниками на безопасном расстоянии, и к середине утра добрался до своего пруда.

Прежде всего я обошел его по периметру, внимательно разглядывая берега. Честно говоря, я сам не знал, что ищу: если на месте преступления и оставались какие-то посторонние мелочи, щекотунчики давно

затащили их невесть куда. Понятно, я не нашел ничего интересного.

Тогда я забрался на ближайшее дерево, чтобы увеличить поле обзора, и удобно устроился на высокой ветке. Отсюда я хорошо видел дорогу на Тотни и вдаль — нестройно бредущую по ней на восток охотничью команду. К северу до самого горизонта простирались моховые болота, а на юге поблескивала морская гладь.

И тут я заметил кое-что еще.

Снизу их скрывал от моих глаз покров шекотунчиков, но сверху я различил два следа, уходящих на юг. Это были очень характерные следы, и появились они сразу после оттепели, когда почва была еще сырой и мягкой.

Мотокар прибыл со стороны моря, навестил мой любимый пруд и укатил обратно.

Все мои подозрения насчет Каффа немедленно воспряли. Зачем гонять мотокар из Носса до моего пруда? Мне казалось, я знаю ответ: чтобы доставить ледяного дьявола! Каким образом, я вообразить не мог, но был уверен, что докопаюсь до истины.

Спустившись с дерева, я зашагал на юг. Щекотунчики вскоре уступили место широколиственным травам, но теперь я знал, куда надо смотреть, и не потерял следа.

До Мясницкой бухты (там когда-то забили стаю зумов) я добрался около полудня. К бухте спускается широкая каменистая ложбина, и во время ненастья там бурлит мощный поток. Но в это время года она совершенно суха, если не считать пяти небольших прудов, которые цепочкой тянутся к морю. На камнях я потерял следы мотокара, но это уже не имело значения.

Первый пруд был совсем крошечный, около трех шагов в поперечнике. Подобрал камушек, я бросил его в воду.

И ничего не случилось.

Я бросил камень во второй пруд, и вода немедленно закристаллизовалась. Остальные три дали аналогичный результат. Прекрасно! Пять прудов и четыре ледяных дьявола.

Я вернулся к первому пруду и заметил на поверхности скалы какие-то царапины, но решил, что это следы валунов, уносимых бурным потоком. Дьявола взяли отсюда, я был совершенно уверен, но я по-прежнему не знал, каким же образом.

Солнце уже клонилось к западу, когда я вернулся назад. Я еще раз обошел свой пруд по периметру, приподнимая спутанные пряди шекотунчиков, нависающие над водой. И я нашел.

Толстая витая веревка одним концом уходила в воду, другим — в густые заросли травы. Я освободил этот конец, он был по меньшей мере двадцати шагов в длину.

Все оказалось удивительно просто.

Кафф — или кто-то другой — подогнал мотоцикл к пруду у Мясницкой бухты, привязал один конец веревки к буксирному крюку, а второй бросил в воду. Ледяной дьявол немедленно закристаллизовал ее. Тогда Кафф тронулся с места и потащил за собой на веревке все содержимое пруда с дьяволом в придачу. Доехав до моего пруда, он столкнул в него ледяную глыбу, вытеснив при этом часть обычной. Веревку он не мог забрать с собой, так как пришлось бы ждать, пока вода опять разжижится, а вернуться надо было поскорее.

Неплохо придумано.

Я уже собирался домой, упиваясь своим скромным триумфом, когда косые лучи Фа осветили то, от чего у меня мороз пошел по коже.

Там были еще следы мотоцикла. Два следа. И вели они к Иаму и обратно.

Выходит, наш мотоцикл тоже навестил мой пруд?

Две машины отправились к одному укромному пруду примерно в одно и то же время?!

Мне очень не хотелось так думать, но если предположить, что мотоцикл был только один... Он выехал из Иама, свернул на юг к Мясницкой бухте, доставил ледяного дьявола в мой пруд и вернулся назад. То есть в Иам.

И эта схема логично объясняла все существующие следы.

Я пришел домой в сумерках, разжег огонь в очаге и погрузился в размышления.

Итак, когда я вернулся из Носса в Иам, в деревне уже знали о смерти отца. Какой-то рыбак сказал об этом охотникам. Но рыбаки обычно не уходят далеко от моря, а значит, наша команда охотилась среди холмов поблизости от Носса.

Что делают охотники при виде дичи? Разбегаются в разные стороны, пытаясь взять добычу в кольцо. В итоге мужчины блуждают на большой территории, не видя друг друга, а связь поддерживают криками и свистом. В такой ситуации каждый из них имеет возможность отлучиться на полдня и вернуться прежде, чем кто-нибудь забеспокоится, куда же он подевался. Любой охотник мог прокрасться в Носс, убить моего отца, заменить спирт водой и вернуться в холмы незамеченным. А позже он мог совершить еще одну вылазку, чтобы подменить тело и выставить меня лжецом — времени ему вполне хватило бы.

Значит, мне придется потолковать с людьми Станса, когда они вернутся с охоты.

Что я знаю о мотоцикле? Ледяной дьявол появился в пруду, когда я

сидел под домашним арестом, и произошло это, скорее всего, в первые же дни после моего возвращения из Носса. Но никто в Иаме не мог воспользоваться мотокаром втайне от односельчан, ведь машина это шумная, к тому же необходимо иметь официальный предлог для поездки. Люди наверняка вспомнят, кто и когда брал машину, так что найти водителя будет не так уж трудно.

Самым очевидным кандидатом был, естественно, Станс.

Но может ли человек резать собственного брата?..

По крайней мере, у него должна быть очень веская причина. Однако мой отец был чрезвычайно полезен Стансу и крайне тактичен при этом, всегда оставаясь у него за спиной. Разве что Станс заподозрил отца в заговоре с целью захвата власти? Чепуха. Всем жителям Иама была хорошо известна непоколебимая верность Бруно своему младшему брату.

Я лег в постель, но еще долго не мог заснуть.

Утром я сразу отправился к навесу, под которым стоял наш мотокар. Буксирный крюк позади грузовой платформы недавно использовался, на что указывал отполированный веревкой металл, но это было все. Машина оказалась совершенно чистой, если не считать раздавленных шекотунчиков, прилипших кое-где к ободьям колес, но ведь они растут повсюду.

Никаких ключей к разгадке личности преступника!

Весну я нашел в амбаре, где она с двумя другими женщинами занималась подсчетом скудных припасов.

— Я думала, ты на охоте, — озабоченно сказала она.

— У меня были другие дела.

— Надеюсь, ты не поссорился со своим дядей. Он выражал твердое намерение взять тебя с собой.

Я невольно представил, как блуждаю в одиночестве в густом лесу, а мой родной дядя выскакивает из кустов с церемониальным копом в руках и смертоубийственным выражением на квадратном лице.

— Станс немного расстроился, но он переживет. Кстати, хочу тебя спросить... Кто-нибудь использовал мотокар после смерти отца?

— Мотокар? — Казалось, она была удивлена. — Ну конечно, почти каждый день. Мы обработали новый участок земли.

— Новый участок?..

— Ну да, на старом-то — неурожай. Мы посеяли зерно заново.

— Понятно. Но при чем тут мотокар?

— Ну, это была идея Дурочки Мэй. Головастая девчонка, ничего не скажешь. Мы не стали пахать на локсах, а прицепили к машине сразу

несколько плугов. И быстро, и хорошо. Не понимаю, почему мы раньше так не делали.

— А кто управлял машиной?

— Да почти все, по очереди. Это как раз было нетрудно. Самые большие хлопоты доставил твой дядя Станс: он отчего-то считает мотокар своей личной собственностью. Но Ванда урезонила его, обратившись к памяти предков — мотокар всегда принадлежал общине. Крыть Стансу было нечем, — Весна улыбнулась с явным удовлетворением. — Так что мы просто завели машину и поехали, а его послали к Раксу.

— Хотелось бы мне на это посмотреть! — Тут я кое-что вспомнил. — Но почему я не слышал, чтобы мотокар уезжал и возвращался каждый день?

— Потому что он оставался в поле. Мы поддерживали огонь всю ночь и начинали работу чуть свет. А твой дядя целыми днями слонялся вокруг, предсказывая ужасную катастрофу. Если бы твой отец был с нами... — Она вздохнула. — Бруно знал, как вправить мозги Стансу.

— Да, конечно. — Я задумался. — А по ночам на мотокаре никто не ездил?

— С какой стати?

— Я просто полюбопытствовал, вот и все.

Весна молча разглядывала мешок с мукой. Глаза ее затуманились.

— Мне очень не хватает твоего отца, — сказала она наконец.

Я ушел, так и не узнав ничего полезного.

А через пару дней кое-что произошло.

Я как раз жарил на обед свою скудную порцию мяса, когда услышал пыхтение мотокара и подошел к окну.

То был мотокар из Носса. За румпелем сидела Лонесса, а рядом с ней... Мое сердце подпрыгнуло, потому что рядом с ней стояла Чара, невероятно прелестная в коротком белом платье из шерсти локса и широкополой шляпе из красной соломки. Увидев меня в окне, она улыbnулась и помахала рукой.

Сердце мое подпрыгнуло второй раз, а дыхание остановилось. Что это со мной? Было бы обидно умереть прямо сейчас, когда я, кажется, прощен.

Поскольку Станс и Триггер охотились, я решил, что несу ответственность за мужскую деревню. К сожалению, великолепный церемониальный плащ отца потерялся в тот трагический день. Но я надел одну из его самых эффектных накидок и отправился выяснять причину и цель неожиданного визита.

Чару и Лонессу я нашел в амбаре. Лонесса спорила с Вандой.

— Это вас не касается! — Сухое лицо Ванды выражало непобедимое упрямство.

— Коснется, если вы снова придете просить у нас еду.

— Мы благодарим вас за рыбу, она помогла нам переждать прошлую стужу, — с деревянной любезностью произнесла Ванда. — Мы приняли меры, чтобы в этом году зерна хватило на обе деревни.

— И тем не менее я должна осмотреть поля.

— Это неслыханно!

— Думаю, ты не будешь возражать.

— Конечно, буду! Предоставь эти заботы нам!

— Мне нетрудно увидеть ваши посевы, покатавшись на мотокаре, — Лонесса скупно улыбнулась. — Но я надеялась, что ты сама мне все покажешь, Ванда.

— У тебя нет прав в Иаме, Лонесса!

Предводительница Носса потеряла терпение.

— Я приехала сюда с миром! Весь Носс взбудоражен тем, что я согласилась оказать вам помощь. Я хочу лично удостовериться, что вы способны вернуть долг.

Я понял, что настало время вмешаться.

— Мне кажется, это разумно, Ванда.

— Разумно? — взвизгнула наша предводительница. — Разве ты не видишь, Харди, что она поставила себя над Иамом!

— Нет, мы сами поставили ее над собой, когда взяли займы рыбы. О чем теперь спорить? Покажи Лонессе все, что она захочет. В том нет никакого вреда.

Жилы на морщинистой шее Ванды надулись, она яростно сверкнула глазами... И вдруг расслабилась и кивнула.

— Наверное, ты прав, Харди. На меня тоже валятся все шишки. Пойдем, Лонесса, нам надо обернуться до темноты.

Они ушли, оживленно болтая. Лонесса явно забыла про Чару, и мы остались стоять, уставившись друг на друга.

— Отличная работа, Харди, — улыбнулась она.

— Раньше мне велели бы заткнуться, вот и все.

— Но теперь все изменилось, не так ли?

— Хочешь посмотреть, где я живу? Я кое-что припас для тебя.

— Для меня? — Казалось, она волновалась. — Почему для меня?

— А вот увидишь...

Мы прошли через всю деревню под любопытными взглядами мужчин. Чара была невозмутима. Я отворил дверь, пропустил ее вперед и плотно закрыл дверь за собой. Потом я извлек кристалл из-за выщербленного камня в стене и вручил его Чаре.

— О, Харди! Огромное тебе спасибо! — Она порывисто обняла меня, так крепко, что должна была почувствовать, как колотится сердце в моей груди. — Где ты его нашел?

— В пруду близ дороги на Тотни.

Она сразу отпустила меня и отступила на несколько шагов.

— В пруду? Но как он мог туда попасть?

— Садись, я все тебе расскажу.

После смерти отца я сложил наши спальные меха в одну большую гряду, и мы чинно уселись на нее.

— И что ты обо всем этом думаешь? — спросил я, когда закончил повествование.

— Я думаю, ты должен быть очень осторожным, — немного поколебавшись, сказала она. — Я не хочу, чтобы с тобой случилось что-нибудь плохое.

— О! А почему?

— Ну...

— Потому что я тебе нравлюсь? — Благодарение Фа, насколько легче произносить такие слова в полутьме!

— Ну... да.

— Но ведь я земляной червяк?

— О!

Я скорее почувствовал, чем увидел, как она сделала нетерпеливый жест, и тут мне на помощь пришла неустойчивая меховая гора: Чара свалилась прямо на меня, и я обнял ее одной рукой.

Это был не самый лучший момент для визита, но дверь отворилась, и меня ослепил яркий свет фонаря. Проморгавшись, я увидел доброе лицо матери, а ведь могло быть намного хуже.

— Ради Фа, Харди! Лонесса ищет Чару. Они заночуют в доме Ванды. А тебе, девочка, лучше бы поторопиться.

Мы уже стояли на ногах. Чара беспомощно проговорила:

— Но я не знаю, где это.

— Я тебя отведу, — предложила Весна.

Я блаженно растянулся на меховой постели и оживил события дня во всех подробностях и деталях. На это ушло полночи, не меньше.

Чара хихикнула.

— Извини, Харди. Но это безумно смешно, правда.

— Таковы наши традиции, — поспешил оправдаться я.

— Но почему твой дядя Станс так по-дурацки размахивает копьем? А все остальные маршируют за локсами, выстроившись цепочкой? Почему бы им не войти в деревню, как все нормальные люди? У нас в Носсе рыбаки просто пристают к берегу и разгружают улов.

— Речь идет не о вонючей рыбе, Чара! Мы охотники, у нас все по-другому.

По правде говоря, это был неподходящий момент для демонстра-

ции гражданской гордости. Станс, как всегда, возглавлял свой отряд в сопровождении шести локсов, но пять животных несли на себе только свернутые тенты и меха. Лишь один из локсов, шагавший впереди, являл народу результат четырехдневных усилий охотничьей команды: тощее долгошее создание о трех ногах — жалкий плод неблагоприятных мутаций, обычно почитаемый несъедобным.

Разглядев костлявого мутанта, Чара безудержно захохотала.

— Спасибо, но я предпочитаю рыбу!

— Никак уродец подох на бегу, не так ли, Станс? — насмешливо выкрикнул кто-то среди шумного веселья и хохота. Но многие сразу вернулись в свои дома, дабы в узком кругу обсудить очередное свидетельство того, что Великий Локс окончательно оставил народ Иама.

— И это все? — критически спросила Лонесса у Станса.

— Мы не нашли дичи. — Теперь, когда односельчане разошлись, уже не было нужды притворяться, и Станс выглядел самым собой: маленький, усталый человек, вынужденный смириться с неудачей. — Еще слишком рано, — пробормотал он.

Лонесса уставилась на него долгим, не сулящим ничего хорошего взглядом. Потом она отвернулась и забралась в мотоцикл.

— Поехали, Чара!

Чара помахала мне рукой, и они свернули на южную дорогу.

— Охота не удалась только из-за тебя! — немедленно разразился Станс.

— Да ну? Разве вы видели другую дичь, кроме этой дохлятины? Наверное, не там искали?

Он бросил на меня угрожающий взгляд, не хуже Лонессы, резко развернулся и отправился домой.

По традиции охотники устраивают веселую пирушку в честь своего возвращения, но я нашел в пивном зале мрачную компанию. Налив себе кружку пива, я присел рядом с Триггером и Каунтером и сказал:

— Не слишком много мяса за четыре дня охоты.

Каунтер немедленно принял эти слова на свой счет.

— Посмотрел бы я на тебя! По крайней мере, мы старались.

— Да, — эхом откликнулся Триггер. — Мы старались.

— А ты что делал, Харди? Ты же должен был пойти на охоту?

— Я немного прихворнул.

— Отец взбесился, как хрипун, когда ты остался дома, — с ухмылкой сообщил Триггер. — Он сказал, что ты суший позор Иама. Отец собирается отчитать тебя, как только побеседует с Вандой.

— А после разговора с Вандой он взбесится еще больше, — усмехнулся Каунтер.

— Печально, но мы уже поговорили. Значит, все полагают, что мое присутствие на охоте привлекло бы дичь?

— Возможно, — подтвердил Триггер.

— А может быть, твоему отцу следовало устроить охоту в другом месте? Там, где дичь водится?

— И где это место, если ты такой умный?

— В прошлый раз вы неплохо поохотились в окрестностях Носса, разве не так?

— Возле Носса? А, это когда твой отец... — Даже у Триггера хватило такта смутиться. — Да, охота была удачной, — закончил он.

— Еще бы. Вы добыли пять лоутов за три дня. А как? Окружали дичь широким кольцом и сгоняли ее к середине?

— Ну да, так мы и делали! — радостно подтвердил Триггер, вспомнив золотые денечки.

— Но ведь люди часто теряют друг друга при таком способе охоты? Почти на целый день?

— Кто сказал, что я потерялся возле Носса? — возмутился Триггер.

— Не было этого!

— Конечно, нет. Это был кто-то другой, правда?

— Никто не потерялся! Мы, охотники, никогда не теряемся!

Каунтер внимательно посмотрел на меня.

— А почему ты об этом спрашиваешь?

— Просто интересуюсь охотничьей тактикой.

— Тактика охоты тебя не касается. Это дело моего отца, и только! — разбушевался Триггер. — Теперь, когда твоего старика нет, никто не мешает предводителю дурацкими советами!

— А ну вас к Раксу, — пробормотал я и встал, оставив их сидеть. Я присоединился к двум охотникам, стоявшим с кружками у стены. Вскоре я перевел разговор в желаемое русло.

— Лоуты? — переспросил Кворн, старший помощник Станса. — Да, в это время года у побережья встречаются лоуты. Они дожидаются грума, я так думаю.

— А в прошлый раз как вы узнали, что лоуты бродят в окрестностях Носса?

— Твой отец и сказал, кто же еще? Он получил из Носса весточку.

— Да уж, охота была так охота, — протяжно произнес второй охотник по имени Патч. — Лоуты быстрые твари, очень быстрые. Мы брали их в широко-оное кольцо.

— Очень широкое?

— Ага. Очень широкое. Ага. Это секрет охоты на лоутов — широко-оное кольцо.

— Трудно, наверное, почти весь день не видеть друг друга?

— Ага. Ага. Это может быть трудно, — приступил он к пережевыванию новой темы, но я быстро вмешался:

— Кто-нибудь может потеряться, верно?

— Охотники никогда не теряются, — твердо сказал Кворн. Что было, естественно, неправдой: я сам неоднократно терялся на охоте, но может быть, новички не идут в счет. Так или иначе, я задел его профессиональную гордость.

— Мы можем не видеть никого, но вечером мы все встречаемся, — сказал Патч.

— Это вроде инстинкта, — заметил Кворн.

— Охотничий инстинкт, — с гордостью подтвердил Патч.

— Ну и как там было, на той охоте? — Я терял время понапрасну и знал это. — Кто-нибудь пропадал надолго?

— Не видел ни души целый день, — сообщил Патч. — Но вечером мы все собирались вместе. Охотничий инстинкт, иначе не скажешь.

Несколько дней назад я думал, что уже приблизился к разгадке тайны, но теперь очутился почти на том же месте, с которого начал. Я знал, что преступник скорее из Иама, чем из Носса, но это было все.

Возможно, кто-нибудь в Носсе видел человека из Иама в день смерти отца. Но не могу же я отправиться туда наводить справки? В Носсе сразу припомнят, как я обвинил Каффа, и хорошо, если удастся унести ноги.

Уже смеркалось. Я засветил лампы, разжег очаг и поставил вариться супец из сушеной рыбы. Я как раз раздумывал, каким же образом перебить опостылевший рыбный вкус, не говоря уж о запахе, когда Станс с грохотом ввалился в дверь и занял стратегическую позицию в центре комнаты.

Сидя на корточках, я бросил взгляд через плечо и сразу же вернулся к своему горшку: на поверхности начала сгущаться противная белая пена — чрезвычайно питательная, по утверждению мистера Мак-Нейла. Я почти физически ощущал, как Станс буравит мою спину глазами.

— Что ты должен рассказать о себе?

Это был странный вопрос, но весьма типичный для Станса.

— Да ничего особенного, — сказал я нарочито небрежно. — А что ты должен рассказать о себе, Станс?

— Что? Что? — Я услышал быстрые шаги, и на мое плечо упала тяжелая рука. — Что ты сказал?!

Я повернулся и встал. Я был на голову выше его, и его жест со стороны выглядел дружеским. Кажется, он понял это и отдернул руку.

— Заруби себе на носу, Харди! Я не позволю беспокоить моих людей.

— Хорошо. Что-нибудь еще?

Он явно не ожидал такого ответа.

— А разве этого мало?

— Как скажешь, Станс.

— ДЯДЯ СТАНС, бесстыжий отморозок!

— Это правда, ты мой дядя.

— И никогда не забывай об этом!

— Вряд ли я смогу забыть такое, Станс.

Что-то в его лице изменилось, но он по-прежнему взирал на меня, как на упрямого локса.

— Мои люди сказали, что ты выражал сомнение в их компетентности, а значит, и в моей. Я не потерплю этого, Харди, слышишь, не потерплю!

Я начал уставать от этого маленького глупого человека. Без благотворного влияния отца он был всего лишь напыщенным прототипом своего сына-осла. Но как же от него избавиться? Я попытался сменить тему разговора.

— Будем надеяться, что животные скоро начнут мигрировать, иначе нам придется пережить еще одну голодную стужу. Ты не помнишь, была ли когда-нибудь стужа похуже прошлой?

Он усталился на меня, открыв рот. И наконец произнес с очевидным усилием:

— Ты говоришь о том, чего не понимаешь. Это не входит в твою крошечную сферу ответственности. Я должен напомнить тебе, Харди, что предводитель здесь я. — В глазах его, как мне почудилось, вспыхнул безумный огонек. — Прошлого нет, оно умерло! Теперь для нас имеет значение только будущее, и мы должны принять его со стойкостью и здравым смыслом. Слишком долго мы обращались к предкам, а в итоге повторяли одни и те же ошибки из поколения в поколение.

Станс святотатствовал!..

Неужто он сошел с ума? Лампа, освещавшая лицо дяди снизу, придавала ему демонический вид; глаза невидяще вперились в дальнюю стену.

— Станс! — Я схватил его за плечи и потряс.

— Что? — Он моргнул и уставился на меня.

— О чем ты говоришь?

— Я... Сейчас тяжелые времена, Харди. Ты не поймешь. — Казалось, Станс выговорил весь свой гнев. — Время покажет, — пробормотал он к моему изумлению, повернулся и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Я все еще был ошарашен, когда вскарабкался по лестнице на чердак, где время от времени ночью для разнообразия. Внезапно меня по-

сетила ужасная мысль: уж если Станс действительно спятил, то предводителем станет Триггер... И что же тогда будет со злосчастным Иа-мом?!

Но возможно, они назначат временного предводителя до тех пор, пока Триггер не достигнет возраста благоразумия, если это вообще возможно. Таких прецедентов было предостаточно, и я знал, что здесь есть одна тонкость: временный предводитель получает свой статус на продолжительный срок. И если Триггер не проявит никаких признаков возмужания... то постоянным предводителем стану я.

Я так и сяк обдумывал эту пугающую возможность, когда внизу раздался скрип входной двери, а за ним — сдавленный шепот. Потом я услышал тихие шаги, крадущиеся к лестнице на чердак.

У нас не принято врываться в чужие дома по ночам. В нашем мире вообще творится очень мало преступлений. И если бы не события последних дней, я бы, наверное, лишь удивился необычной ситуации. Но теперь я, заподозрив самое худшее, поспешно выкатился из мехов и натянул одежду. Непрошенные гости перешептывались уже у самого основания лестницы.

Что делать? Оружия у меня нет, а если те замыслили зло, у них ножи. Конечно, я могу ударить ногой по голове того, кто первым покажется в люке, но это лишь отсрочит неминуемое. Конечно, я могу закричать, но никто не обратит внимания на вопли среди ночи: это обычное следствие черной вспышки памяти, земляне называют ее ночным кошмаром.

Мне оставалось только бегство, но враг мой, скорее всего, способен поднять на меня половину мужского населения Иама. А я великолепно запомнил разъяренных мужчин Носса! Толпа не посчитается с законом и традициями, и Чара на сей раз не прибежит меня спасать.

На чердаке когда-то хранили припасы, и под коньком крыши было пробито небольшое окошко, снабженное скобой и блочком для подъема корзин с продуктами. В детстве я частенько развлекался с этим устройством, пока веревка не лопнула, и я не грохнулся на землю. Отец не стал привязывать новую бечеву, и сейчас мне пришлось пожалеть об этом. Делать было нечего: я открыл ставни, перекинул ноги через подоконник и, оттолкнувшись, канул во тьму.

Грохнулся я не хуже, чем в детстве, сразу попытался встать и тут же упал. Правая лодыжка взорвалась нестерпимой болью, и хорошо, если это не перелом.

— Его здесь нет, — услышал я голос наверху.

— Но он должен быть здесь, — возразил кто-то другой. — Он где-то прячется.

Скоро они сообразят, куда я делся. Я встал и, стиснув зубы, заковылял в сторону женской деревни, так быстро, как только мог. Ночью по морозу далеко не уйдешь, и мне необходимо было убежище.

— Харди, во имя Великого Локса! Что ты здесь делаешь в такое время?

— Я все тебе объясню, — быстро сказал я, протискиваясь в дверь и плотно закрывая ее за собой.

Весна стояла передо мной в белой ночной рубашке из земной материи, с небольшой, тускло горящей лампой в руке.

— Значит, это случилось, Харди? Сколько их было?

— Больше одного, уж это точно.

— Ты узнал кого-нибудь?

— Нет, я не стал задерживаться.

Весна потушила лампу, и мы сидели в темноте, пока я подробно излагал суть дела.

— Ночью они далеко не пойдут. До утра я буду здесь в безопасности, если ты не возражаешь, конечно.

— Конечно, нет, дорогой.

— Спасибо, — пробормотал я в смущении. — Я уйду на рассвете.

— Было очень странно зависеть от женщины, но я доверял Весне.

— Куда ты пойдешь?

— Пока еще не решил. Возможно, в Носс. Я не собираюсь уходить далеко. В Иаме происходит что-то странное, и я желаю быть в курсе событий.

— По-моему, в Носсе тебя не слишком жалуют?

— То было недоразумение. Я все улажу.

— Она тебе поможет.

— Она?..

— О, ради Фа, Харди, не пытайся меня одурачить! Твой отец и я... мы другие. Что бы там ни было, ты мог унаследовать это от нас. — Весна вздохнула. — Люди не умирают парами, знаешь ли. Поэтому люби свою Чару, пока возможно. Твой отец замечал, что она относится к тебе так же, как я к нему.

— Я никогда не видел пару, похожую на вас с отцом.

— Правда? Тогда послушай, что я тебе скажу. В Иаме есть и женщины, похожие на меня, и мужчины, похожие на Бруно. Просто у них не хватает духу признать, что они не такие, как все. Бруно ничего не боялся, но ведь он имел высокий статус.

Я молчал в замешательстве, и Весна сказала:

— Ладно, я ложусь спать. Меховые подстилки найдешь в том углу.

— Я уйду на рассвете.

— Возьми горячий кирпич и пару шкур. В хлеву за амбаром есть

несколько локсов, одного можешь взять. Пешком ты далеко не уйдешь.

— Большое спасибо!

— Удачи тебе, Харди. — Ее рубашка прошелестела в темноте, я ощутил теплое дыхание, и мягкие губы прикоснулись к моему лбу. Потом она ушла, оставив меня в растерянности.

Я проснулся, когда сквозь ставни пробивался серый свет, поспешно встал и тут же со стоном упал на пол. Я снова поднялся, как можно осторожнее, добрался до ближайшего окна, приоткрыл ставни и внимательно изучил больную ногу. Щиколотка невероятно распухла и была багрового цвета с темными, почти черными пятнами. В целом моя правая нога не составляла впечатления конечности, при помощи которой можно ходить.

Я сел, закутался в меха и стал думать, что делать дальше. Задерживаться было нельзя. Если моя мать увидит эту ногу, то постарается меня задержать, а то еще, чего доброго, пошлет за лекарем. Нет, я должен уйти, невзирая на боль, в Иаме оставаться небезопасно.

Я прилег на минутку, чтобы облегчить боль... и проснулся от криков и стука в дверь. Комнату заливал яркий солнечный свет. Я подвел Весну — мои враги явились за мной.

— Сейчас! Сейчас!

Весна спускалась по лестнице с чердака. Увидев меня, она приложила палец к губам и указала на черный ход. Во входную дверь опять заколотили. Я схватил пару шкур и выбрался через заднее крыльцо.

— Дайте же мне одеться, ради Фа! — закричала Весна. — Что вам нужно в такую рань?

Ответа я не разобрал, но прозвучал он угрожающе. Потом раздался грохот и негодующий вскрик Весны. Мои враги вломились в дом, и кто-то резким тоном начал задавать вопросы.

Я огляделся в поисках спасения. За домом лежала открытая местность. Бежать я не мог, а возможно, не мог и ходить. Все, на что я годился, — это обогнуть дом, пока преследователи оставались внутри, встать на проезжей дороге и кричать что было мочи, привлекая внимание. Возможно, они не рискнут разделаться со мной на людях?

Я дохромал до угла дома и свернул в узкий проход между домами, но тут споткнулся и привалился к стене, задыхаясь от отчаяния: проход был наглухо перегорожен. В панике я никак не мог сообразить, чем.

Я кинулся на препятствие грудью, и оно вдруг мягко подалось. Я перевалился через какой-то барьерчик на уровне живота и упал в тем-

ноту. Нашупав груду мехов, быстро заполз под нее и забился в угол, стараясь дышать как можно тише.

— Я не видела его, говорю вам еще раз! — где-то рядом кричала Весна. — Или вы не знаете, что это женская деревня, отморозки?

— Он где-то здесь, — сказал мужчина очень близко, и я окаменел: этот голос был мне слишком хорошо знаком.

Часть загадки в конце концов разрешилась.

И тут пол подо мной задвигался.

Это было так неожиданно и так нереально, что я чуть не заорал, но успел взять себя в руки, решив, что это подземный толчок. Мне надо лежать очень тихо, а враги оставят Весну в покое и уйдут.

Но пол все продолжал трестись и раскачиваться, и до меня наконец дошло, что виной тому не землетрясение — я еду в какой-то повозке.

И в данный момент она увозит меня от врагов!

Я лежал, как мертвое животное. Больше всего на свете я боялся услышать удивленный возглас, после которого с меня сдернут меха. Повозка остановится посреди дороги, ее хозяин громогласно потребует объяснений, и мои преследователи окажутся тут как тут.

Нет, они не прикончат меня при свидетелях, но найдут предлог, чтобы забрать меня с собой, невзирая на мой предполагаемый статус. Потому что голос, который я слышал последним, принадлежал моему родному дяде Стансу...

— Ну ладно, вылезай оттуда!

С меня сорвали меха.

Я заморгал от яркого света и приготовился было к сражению, когда обнаружил перед собой знакомое лицо.

— Клянусь пресветлым Фа! — воскликнул Смит. — Да это же малыш Харди!

Я окинул быстрым взглядом мирную обстановку фургона: объемистая Смита на коленях у тлеющей жаровни, кучи угля и металла, корзины с инструментами и овощами, рассеянные в случайном порядке. Завешенный шкурами вход и кожаный тент надежно скрывали меня от посторонних глаз. Смита справилась с изумлением и широко улыбнулась.

— Пожалуйста, не выдавайте меня! Я все объясню, когда мы выедем из деревни. Только не надо останавливаться, ради Фа!

Смит без единого слова накрыл меня шкурами.

Я лежал в ожидании и наконец услышал крики. Фургон продолжал катить по дороге. Должно быть, им управлял этот лорин Вилт.

Крики приблизились, и кузнец прогорланил в ответ:

— Что я, по-вашему, не знаю содержимого своего фургона?

Голос Станса, запыхавшийся и совсем близко:

— Он мог проскользнуть незаметно! Остановись на минутку, и мы проверим.

— Если ты думаешь, что я позволю твоему сброду шарить в моем фургоне, то глубоко ошибаешься!

— Возможно, ты укрываешь убийцу, Смит!

— Так и быть, я пойду на этот риск.

— Если ты там, Харди, — завопил дядя, — то далеко не уйдешь! Тебе не избежать правосудия!

Мне не было нужды скрываться от правосудия, но вот от Станса... С ним самим я бы как-нибудь справился, но его сопровождали избранные члены охотничьей команды, явно убежденные в том, что я кого-то убил. Наверное, собственного отца, поскольку все остальные были живы и здоровы.

За мной охотится мой родной дядя!

Интересно, чем еще я обязан своему родственнику? Ночным вторжением в мой дом? Вполне вероятно. Ледяным дьяволом в моем пруду? У Станса мотокар всегда под рукой. Убийством отца и подменной спирта? Что ж, как раз в это время он охотился в холмах у Носса. И Стансу ужасно не понравилось, что я расспрашивал его людей об этой охоте.

Однако способен ли он убить родного брата?

Возможно, да.

Но зачем?

Отец был чрезвычайно полезен Иаму. Но, наверное, Станс не ценит его поддержку. Недаром говорят, что предки дают нам память, но не могут дать разума, чтобы пользоваться ею в благих целях. Неужто Станс настолько горделив и подозрителен, что усматривал в помощи брата угрозу собственной власти?

Но даже если так, при чем тут я?..

С меня еще раз сдернули меха, и Смит сказал:

— Порядок, Харди! Мы уже за деревней. А теперь почему бы тебе не объяснить, из-за чего сыр-бор?

— Мне и самому хотелось бы это узнать, — мрачно ответил я, отогнув уголок шкуры, закрывающей входное отверстие в задней стенке фургона. Вдали на дороге стояла кучка мужчин: Станс и его охотники, общим счетом пять человек. Это были мои враги.

А есть ли у меня друзья?

— Иди сюда, мальчик, погрейся у жаровни, — сострадательно предложила Смита. Я подполз на четвереньках и уселся на узкую скамью.

— С такой ногой ты далеко не убежишь, — заключила она, разглядев мою щиколотку.

— Мне нельзя оставаться в Иаме.

— Это мы уже заметили, — сказал Смит. — Так как там насчет убийства?

— Точно не знаю. Но думаю, меня обвиняют в смерти отца.

— Бруно? Что за чепуха. Вы же прекрасно ладили, разве не так?

— Да, конечно, — выдал я, с трудом сглотнув.

Смит вздохнул и уселся по другую сторону жаровни.

— До Тотни еще куча времени. Лучше расскажи нам все с самого начала.

Когда я закончил рассказ, уже близился полдень. Смит пребывал в молчаливой задумчивости. Смиа встала и принялась готовить еду на древней металлической сковороде, удерживая равновесие при тряске с необычайным для своей комплекции изяществом.

— Эта девушка, — сказала она, убедившись, что я окончательно замолк. — Она ведь твоя свидетельница?

— Я не хочу впутывать Носс-Чару в это грязное дело. Лонесса будет вне себя! Она терпела меня лишь потому, что симпатизировала моему отцу.

— Лонессу вполне удовлетворит извинение. Нрав у нее крутой, но она способна разумно оценивать факты, — уверенным тоном заявила Смиа.

— Не думаю, что Станс и его банда пожелают выяснять мое алиби.

— А ты их перехитри. Признай перед всей общиной Носса, что ты был не прав, подозревая их человека в убийстве. Тогда Чара встанет на твою сторону и расскажет всему Иаму, что вы катались на лодке, когда твой отец был убит.

— Но... Ведь она с побережья! И женщина. Кто ей поверит?

Смит издал короткий смешок.

— Послушай меня, мальчик. Я водяная ящерица из Фала, и я мужчина. Смиа — земляной червяк из Алики, и она, как ты уже мог заметить, женщина. А вон там с вожжами сидит Вилт, и он лорин. И однако мы держимся вместе и прекрасно ладим друг с другом. Ты думаешь, мы все сумасшедшие? А мы считаем, что это совершенно нормально.

— У нас есть сын, он живет в Тотни, — сообщила Смиа.

— Отправляйся в Носс. Помиришься с рыбаками. Чара примет твою сторону, уж поверь мне, — заключил Смит, вставая. Он подошел к задней стенке фургона и раздвинул шкуры. — Ракс! Взгляните-ка на это.

Кучка мужчин с копьями, ведя в поводу верховых локсов, следовала за нами на почтительном расстоянии. Охотники не торопились, поскольку в том не было нужды.

Локсы отнюдь не скороходы, но обладают огромной силой. Пара локсов, запряженных в фургон, без особого труда сохранит дистанцию между собой и всадниками. Проблема возникнет лишь тогда, когда нашим локсам придет время попасться. Тогда пара встанет как вкопанная и приступит к объеданию придорожной растительности — тогда уже никакие вопли и пинки не сдвинут животных с места.

Смита спокойно раздала тарелки с жареным мясом и овощами.

— Времени у нас достаточно, — заметила она. — Локсы недавно поели.

— Мы что-нибудь придумаем, — заверил Смит.

Я бы предпочел услышать нечто более конкретное, но пища была как нельзя кстати. Я не ел уже целые сутки и опустошил тарелку за несколько секунд. Смита дала мне добавки. Вилт между тем сосал какую-то жидкость из подвешенного на крюке не слишком чистого бурдюка.

Поев, я начал обдумывать ситуацию.

— Но если они догонят фургон и найдут меня... Свидетели им совершенно ни к чему.

— Конечно, если твоя теория верна. — Смит тонко усмехнулся. — Но тебе я доверяю больше, чем Стансу, я ведь не забыл прошлогоднюю стужу. И вот что мы сделаем...

В середине дня мы въехали в лес, и ветви анемонов с надеждой потянулись к фургону. Смит прошел вперед и взял вожжи у Вилта. Смита напаялила на лорина меховую накидку и опустила капюшон, и то же самое она проделала со мной. Фургон продолжал углубляться в темнеющий лес.

Я поглядел в шелку: погоня следовала за нами примерно в сотне шагов, сохраняя дистанцию. Понятно, что Станс не хотел оскорблять кузнеца насильственным обыском, ведь без его помощи все наши орудия труда быстро придут в негодность. Дядя со товарищи будут играть в эту игру до самой ночи, а после догонят фургон и согласно традиции попросят погреться у нашей жаровни.

Но получилось не так, как они рассчитывали.

— Давай, Вилт, давай! — выпалила Смита.

Лорин, оттолкнув меня, выпрыгнул на дорогу и вполне человеческим аллюром метнулся в заросли по левую руку от нас. Охотники торжествующе взревели и, побросав своих локсов, ринулись за ним. Вскоре они пропали из виду.

В самый последний момент я заколебался.

— Они не обвинят вас в пособничестве?

— Нет, — сказала Смита, вручая мне узелок с едой. — Вилт побежит и даст себя поймать. Они приведут его сюда, а мы скажем, что ло-

рин отправился в убежище за молоком и сильно испугался, когда за ним погнались.

Я не понял, как можно раздобыть в убежище молока и как лорин сообразил, что ему надо делать, но времени на разговоры не оставалось.

— Спасибо, — поблагодарил я и спустился на дорогу. Широкое лицо Смита нависло надо мной.

— Иди в Носс. Повинись. Потолкуй с девушкой.

— Обязательно, — пообещал я. — Еще раз большое спасибо.

Я свернул в лес по правую сторону дороги и захромал на юг, оберегая ногу, отбрасывая в сторону любознательные ветви анемоновых деревьев. С анемонами надо обращаться грубо, но не слишком, это вам скажет любая стригальщица.

Солнце стояло ниже, чем я думал. Скоро взойдет Ракс, а значит, мне придется провести ночь в лесу. До Носса еще целый день ходьбы, и на этом пути, насколько мне известно, нет никакого жилья. Правда, Смита щедро снабдила меня шкурами, но этого вряд ли хватит. Даже охотники Станса, невзирая на утепленные тенты, собираются ночью у центрального костра, бдительно приглядывая друг за другом. Но я-то оставался один, без тента и костра, и шансы на то, что меня охватит безумие, были как никогда велики.

Я ощутил страх, но взял себя в руки и огляделся. Лес был уже не такой густой, и в нескольких сотнях шагов к югу виднелся небольшой холм с низкой порослью наверху. На его вершину я взобрался уже почти без сил. Щиколотка пульсировала невыносимой болью. Солнце спустилось к горизонту, кругом лежали длинные тени. Я зажмурил глаза и вознес краткую молитву Фа, что говорило о явно необычном состоянии моего духа.

Потом я открыл глаза и увидел простиравшуюся к югу пустошь. Моховые болота, низкие холмы, небольшие купы деревьев. Кое-где струйки ручьев, а на горизонте краешек моря. Ни домов, ни даже дымка. Никаких признаков человеческой жизни. Ничего.

Я поискал в памяти намеков на похожую ситуацию, в которой мог очутиться один из моих предков. Тщетно. В последнее время я пренебрегал преждевидением, а теперь уже поздно пытаться.

Был лишь один возможный выход из положения. Смит, конечно, давно уехал, но я могу вернуться на дорогу, найти Станса с его ополченцами и сдать на милость победителей. У них есть все необходимое для выживания. По крайней мере, я дотяну до утра, если только Станс не решит прикончить меня на месте, не утруждая себя формальностями публичного суда.

Я развернулся и заковылял обратно на север.

Когда я вернулся к анемоновым деревьям, мне показалось, что я слышу звук шагов. Я остановился и прислушался. Сомнений быть не могло: это кто-то из членов охотничьей команды!

— Дядя Станс! — От великого облегчения я даже вернул ему почетный титул. — Я здесь! — Никогда я столь пылко не желал увидеть старого дурня, как сейчас.

Рядом затрещали кусты, и оттуда выскочил лорин. Он смотрел на меня круглыми глазами, прижимая палец к губам.

— Вилт!

Вилт схватил меня за руку своей мохнатой лапой и потянул. Он хотел, чтобы я снова повернул на юг.

— Харди! — донеслось издалека. — Ты где?

Вилт опять потянул меня за руку, гораздо настойчивей. Это был момент выбора, и я на миг задумался, как оценят его мои потомки... если они у меня будут, конечно.

Я могу выбрать Станса и хоть какую-то определенность.

И я могу выбрать лорина и полную неизвестность.

Однако в этом Вилте было нечто, внушающее доверие. Я позволил ему увести себя. Лорин побежал, держа меня за руку, а я неуклюже тащился за ним. Крики стали громче, когда мы начали обходить холм, на котором я уже побывал. Я зацепился большой ногой за корень и рухнул в резком приступе боли. Вилт начал тормошить меня, издавая неясные звуки и куда-то указывая, потом немного отошел и раздвинул нижние ветви колючего куста.

Только ненормальный рискнет приблизиться к кустарнику, который охотится на крупных животных, убивая их своими длинными шипами.

Но я увидел надежду и пополз вперед.

И куст не шелохнулся, успокоенный, как и другие существа, одним лишь присутствием лорина. Я пробрался меж шипов без единой царапины, заполз в песчаный тоннель, прикрытый его свисающими ветвями, и тут последние силы оставили меня. Вилт присел рядом и положил мне на лоб прохладную ладошку.

— Он должен быть где-то здесь. — Голос прозвучал чересчур близко.

— Глупый юнец, — громыхал Станс. — И он надеется пережить эту ночь?

— Должно быть, Смит специально послал лорина, чтобы нас отвлечь.

— Глупости, — возразил третий голос. — Как, интересно, ты объяснишь лорину, что надо делать?

— Этот лорин у Смита давно, а они смышленные зверюшки.

— Ну ладно. У Харди нет ни единого шанса выжить, — самодовольно заявил Станс. — И этим бегством он полностью доказал свою вину! Я готов признать, что Смит тут ни при чем. Думаю, Харди спрятался в куче какого-нибудь хлама, а после воспользовался суматохой с лорином.

— Ага. И лорин был одет точь-в-точь как твой племянник?

— Забудь об этом. Пошли, уже темнеет. Нам лучше вернуться к локсам.

— Надо бы еще поискать, — сказал кто-то с сомнением. — Не погибать же парню из-за собственной глупости.

— Да, это трагично, но так будет лучше для всех! — провозгласил мой дядя напыщенно. — Подумайте сами, сколько раздоров принесет нам официальный суд? Ради мира в Иае и дружбы с Носсом я готов пожертвовать своим кровным родственником!

— Это делает тебе честь, Станс.

Голоса удалились, и я остался один на один с загадочным существом.

Тоннель был длинный и узкий, я с трудом протискивался в него ползком вслед за Вилтом. Скоро мы оказались в полной темноте. Я чувствовал, что от нашего тоннеля то и дело ответвляются другие ходы, и чтобы не сбиться с пути, держался за ногу своего мохнатого приятеля. Мы ползли и ползли, до бесконечности. Было не холодно, но колени я, казалось, протер до дыр. Сколько же нам еще придется ползти, размышлял я, и что нас ждет в конце пути.

Все знают, что лорины живут в земляных норах; ходят даже слухи, что невдалеке от Иаа у них есть большое подземное убежище, но это все, что нам известно. Ни у кого не возникало желания сунуть нос поглубже. Мы не охотимся на лоринов и не разводим их ради мяса; возможно потому, что они немного напоминают уменьшенных и заросших мехом стилков. Короче говоря, лорины по большей части представлены сами себе.

Но одно мы знаем наверняка: эти существа чрезвычайно дружелюбны. Они готовы прийти на помощь в беде. У них вообще нет отрицательных свойств, и, на мой взгляд; было бы гораздо лучше молиться лоринам, а не солнечному богу Фа, или Великому Локсу, или всякой прочей ерунде. По крайней мере, они способны нас слышать.

Как-то я обсуждал лоринов с отцом, и он сказал мне, что во всем своем преждевидении ни разу не натолкнулся на какую-либо существенную информацию о лоринах. Только примеры их доброй природы и готовности прийти на помощь! Правда, существуют легенды, согласно

которым прежде лорины умели говорить, но потом разучились, поскольку развили телепатические способности.

Считается, что легенды — воспоминания древних людей, чья кровная линия прекратилась, и потому ни одну из них не может вспомнить ни один из ныне живущих преждевидцев. Так что легенды передают из уст в уста, они постепенно обрастают всякими выдумками и, в конце концов, становятся немногим лучше лжи.

На такой лжи и основана наша религия: солнечный бог Фа в форме Великого Локса вырвал однажды наш мир из объятий преступного Ледяного Дьявола — Ракса. И еще одна ложь: Козел-прародитель, сидя на своем облачке, порождает всех и вся. И еще легенда о Дроуве и Кареглазке — бессмертной паре, которая спасла наш мир, когда Ракс чуть было снова не одержал победу. Согласно легенде, лорины играли решающую роль в этой героической саге.

А теперь и я вручил свою жизнь лорину.

Внезапно я почувствовал, что почва под моими коленями стала мягкой, сухой и рассыпчатой, как песок. Стены тоннеля расширились и пропали. Я отпустил ногу Вилта и широко развел руки. Ничего. Мы явно вползли в просторную пещеру. Вилт опять схватил меня за руку и дернул вверх. Я послушно встал. Вокруг меня шелестели легкие шаркающие шаги, я слышал странные чмокающие звуки, словно кто-то присосался к бурдюку с водой.

Я был в убежище лоринов.

Мы всегда знали, что такие убежища существуют, но, насколько мне известно, я стал первым человеком, который туда попал. Я понял, что проведу эту ночь в безопасности.

— Спасибо, Вилт, — сказал я и отпустил руку мохнатого приятеля.

Шагнув вперед, я сразу наткнулся на что-то, свисающее с потолка: оно откатнулось и, вернувшись, легонько шлепнуло меня по лбу. Я схватил эту штуку. Она была теплой, податливой и казалась частью какого-то животного создания.

Я поднял руку и, привстав на цыпочки, коснулся кончиками пальцев потолка из той же мягкой плоти. Я передвинулся: теплая плоть продолжалась, и еще одна свисающая штука коснулась моего лица.

— Вилт! — позвал я.

Рука лорина прикоснулась к моей.

— Что это?

Он снова повел меня вперед, и скоро я очутился в целой чаще странных штуквин; здесь они свисали гораздо ниже. Потолок опустился — я задел его головой, и Вилт дернул мою руку вниз. Я послушно сел, и тогда он приложил одну из этих штук к моим губам.

Теперь я понял: это был огромный сосок.

Вилт пропихнул его в мой рот.

Теплая жидкость имела приятный вкус, я различил в ней оттенок моего любимого сока кочи и начал жадно сосать. Вскоре на меня напала ужасная сонливость, и я привалился к теплой стене, переходящей в потолок. Мелькнула мысль, что на самом деле я ВНУТРИ огромного создания, но я уже спал, спал, спал...

Меня разбудил Вилт, дергая за руку. Я отполз от стены и встал: нога совсем не болела. Лорины обладают необъяснимой целительной силой. Мы выбрались из пещеры-кормилицы в лабиринт тоннелей, и скоро я увидел впереди дневной свет.

В лесу было тепло. Слишком тепло, и сперва я решил, что уже за полдень, но длинные тени сказали мне, что сейчас раннее утро. Великолепный денек для пешего похода в Носс, подумал я и воспрял духом.

Направившись на юг, я вскоре вышел на древнюю, почти заброшенную дорогу между Тотни и Носсом, которая извивается между прибрежными холмами. Время от времени я видел кусочек моря, но не встретил ни одного животного. Станс все-таки оказался прав: в этом году просто нет дичи.

Людей я тоже почти не видел. По дороге мне попалась лишь одна жалкая ферма рядом с крошечным священным леском. Я решил заговорить с женщиной, которая вместе с дочерью окучивала чахлые корнеплоды.

— Похоже, этим летом овощи не успеют созреть.

Она бросила на меня недружелюбный взгляд.

— Мы справимся. Мы всегда справлялись.

Это была упрямая старая дура. Дочь посмотрела на меня, и я заметил страх в ее глазах. Она была немолода, возможно, в возрасте моей матери.

— Почему бы вам не переехать в Носс?

— С какой стати? — резко сказала старуха. — Мы всегда жили здесь.

— В Носсе нет недостатка в рыбе.

— Мой муж ушел на рыбалку, — тупо проговорила она.

Ее муж. Еще одна неестественная связь?

— Мама, — напомнила дочь. — Папа ушел на рыбалку двадцать три дня назад.

— Двадцать три дня? — Мясницкая бухта была в нескольких часах ходьбы. — Я бы сказал, что это слишком долгий срок.

— Он вернется! — взвизгнула старуха.

— Ну разумеется, — поспешно пробормотал я и ушел. Дочь догнала меня через сотню шагов.

— Я ходила в Мясницкую бухту.

Я остановился и увидел широкое, миловидное лицо в мелких преждевременных морщинках от работы на солнце. Каштановые волосы, подхваченные грубым шнурком, достигали талии. Грудь у нее была впалая, плечи — сутулые. Вряд ли у этой женщины появятся дети, и линия ее памяти умрет вместе с ней.

— Ты что-то нашла?

— Лодку отца в том месте, где он ее хранил.

— И больше ничего?

Она молчала, потупившись, но я хорошо помнил цепочку прудов в каменистой ложбине. Ледяной дьявол выталкивает кости из пруда через несколько дней, но женщина не желала признавать, что это кости ее отца.

— Папы там не было, — сказала она наконец. — Можно я пойду с тобой в Носс?

— А как же твоя мать?

— Одной ей хватит еды до оттепели. — Она взглянула из-под густых бровей. — Меня зовут Елена.

— Это земное имя.

— Так захотел отец.

За всю дорогу до Носса она произнесла лишь несколько слов. Мы добрались туда во второй половине дня:

— Что ты здесь делаешь? — резко спросила Лонесса. — Мы думали, ты погиб.

Плохое начало. Уже на подходе к Дому собраний я услышал гневные крики, а заглянув туда, обнаружил Уэйли и Лонессу, которые взирали друг на друга с неприкрытой враждебностью. Теперь три сердитых глаза и один слепой уставились на меня.

— Я зайду попозже, — поспешно проговорил я и попытался ретироваться, но Уэйли остановил меня:

— Нет уж, входи. Мы всегда рады видеть гостя из Иама. — Губы его тронула улыбка. — Очевидно, мы получили неверные сведения о... гм, состоянии твоего здоровья. Садись, Харди. Что привело тебя в Носс?

Интересно, что им успели рассказать обо мне и кто это сделал? Я взял драматическую ноту, дабы сразу приковать их внимание.

— Моя жизнь в опасности. Я прошу у вас политического убежища.

— Вот оно что! — Уэйли был впечатлен.

Лонесса скептически фыркнула.

— А почему ты не ищешь убежища в Иаме? Это твоя родная деревня.

— Потому, — провозгласил я, — что корни этой опасности, увы,

произросли в самом Иаме. — Даже Станс не смог бы выразиться помпезнее, и я поспешно сменил тон. — Все началось, когда отец был убит в Носсе... Я повел себя тогда как абсолютный дурак, признаю! Единственное смягчающее обстоятельство в том, что я был не в себе. Я необдуманно бросил ужасное обвинение, о чем глубоко сожалею. Надеюсь, вы примете мои искренние извинения.

Лонесса загадочно улыбнулась.

— Поговори с нашими мужчинами и повинись, — пришел мне на помощь Уэйли. — Со временем все предстает в ином свете.

— Так или иначе, — продолжил я, — кризис разразился пару дней назад, после твоего визита в Иам, Лонесса.

— Но меня не было в Иаме пару дней назад.

— Как? Я же сам видел...

— Ты не мог меня видеть! Я не была в Иаме уже тридцать дней, — сердито перебила Лонесса.

— Это правда, — подтвердил Уэйли.

Я уставился на них в изумлении.

— Но как же? Ты приехала поговорить с Вандой о посевах...

— Это было больше тридцати дней назад, как я уже сказала. Или ты сомневаешься в моей памяти? — Носский Дракон яростно сверкнул глазами.

— О нет. Конечно, нет. Постойте, дайте мне подумать...

Лорины! Они умеют воздействовать на человеческий мозг, это все знают. Когда я приполз в их убежище с больной ногой, стояла прохладная погода. Я вышел оттуда на двух ногах в необычайно жаркий день. Сколько же времени я проспал?

— Прошу прощения, — сказал я смиренно. — Конечно, вы правы. Боюсь, я потерял счет времени, ведь столько всего произошло за последние дни.

— Мы слышали, что ты потерялся ночью в лесу и умер, — сказала Лонесса.

— Я выжил, как видишь. Кто сказал тебе, что я умер?

Она пожала плечами.

— Все об этом знают.

Я отложил размышления о лоринах до лучших времен и поведал им все, что со мной случилось.

Когда я закончил, Лонесса сказала:

— Сначала Кафф, а теперь Станс. Предводитель Иама хочет убить собственного племянника? Мне трудно поверить в это.

— Если мы тебе поверим, у нас начнутся большие сложности с Иамом, — заметил Уэйли.

— Ничем не могу вам помочь, — устало произнес я. Я шел пешком

весь день, а не ел по меньшей мере тридцать суток. — Скажите мне только одно. Кто-нибудь видел Станса в Носсе в тот день, когда убили отца?

— Ваши охотники находились недалеко, у восточных обрывов, — сказал Уэйли. — Но в деревне я их не видел.

— Я тоже, — подтвердила Лонесса. — Если бы Станс появился здесь, его бы сразу заметили.

Я внимательно разглядывал лица Лонессы и Уэйли, пытаюсь уловить признаки лжи. Я хорошо их понимал. Никто не желал выдвигать обвинение в убийстве против предводителя Иама. С другой стороны, в Носсе могли и вправду ничего не знать.

— Единственным чужаком в Носсе, насколько мне известно, был в тот день Ничей Человек, — сказала Лонесса тоном оскорбленной праведницы.

— Да, он приехал с нами. У него не было никаких причин убивать отца.

— Ничей Человек не всегда отвечает за свои поступки, — заметила Лонесса. — Он затаил зло против властей и мог воспользоваться случаем...

— Он затаил зло против властей Носса, а не Иама.

— Но обстоятельства его зачатия?.. — мурлыкнула она.

— Я знаю о них лучше тебя. Я преждевидел это событие.

— Ну конечно. Ведь Иам-Эрнест был замешан...

— Мой дед не был замешан, — твердо сказал я. — Он всего лишь присутствовал.

— Ничей Человек больше подходит на роль подозреваемого, чем Иам Станс, — вмешался Уэйли.

— Я же рассказал вам, чей голос слышал, когда прятался в пещере лоринов.

— У тебя нет никаких оснований связывать слова Станса со смертью Бруно. Он сказал это в сердцах.

Безнадежно. Они уже приняли решение и будут стоять на своем.

— Ну ладно, — отступил я. — Допустим, мы не пришли к согласию. Могу я остаться в Носсе на некоторое время?

— Не смей беспокоить Чару! — рявкнула Лонесса.

ГРУМ

В конце деревни прежде работал парусный паром, перевозивший пассажиров через эстуарий. С перевозками управлялся отец матери Ничьего Человека, но после его смерти паром упразднили: желающих переправиться с берега на берег было немного, а у рыбаков всегда отыщется свободная лодка, если возникнет нужда.

За древней каменной пристанью парома начинается священная плантация Носса, раскинувшаяся на крутом склоне холма. Снизу доверху между деревьями вьется тропа, которая наверху сворачивает на восток и тянется вдоль обрывов до самой Мясницкой бухты.

Чару я нашел у этой заброшенной пристани; она сидела в тени соленого дерева на остатках перевернутой шлюпки, упорно глядя на противоположный берег залива. Рядом с ней лежал мой скиммер. Сперва я даже не узнал ее со спины в выдавшем лучшие дни меховом комбинезоне, но сердце мое безошибочно подпрыгнуло и часто забилося.

— Привет!

Она мгновенно развернулась, и глаза ее невероятно расширились. Потом ее забила крупная дрожь. Она испуганно смотрела на меня огромными карими глазами.

— Это я, Чара! Я не умер! — радостно объяснил я.

Но она закрыла лицо дрожащими руками и скорчилась, уткнувшись лбом в колени. Потом взглянула на меня сквозь раздвинутые пальцы, снова закрыла лицо и тихо заплакала. Я почувствовал себя почти виноватым в том, что остался жив.

Я сел рядом, и обнял ее за плечи, и забормотал бессмысленные слова утешения, как это делала моя мать Весна, когда я был еще мал для мужской деревни. Лучшего я придумать не мог; я просто ждал и дождался... Она обхватила меня за шею, с силой прижала к груди и прильнула мокрой щекой к моей.

— Я думала, ты умер! Они сказали мне, что ты умер! Я тоже хотела умереть.

— Я не знал... — проговорил я в полной растерянности. — Я никогда не думал...

Она отстранилась, положила руки мне на плечи и посмотрела прямо в глаза.

— Ты не мог не знать, — сказала она совершенно спокойно. — Разве кто-нибудь может любить так, как я, если нет ответного чувства? Поцелуй меня... Разве ты не хочешь?

Я безмолвно повиновался. Это был мой первый поцелуй, и у меня я наверняка не блеснул, но, когда мы разомкнули губы, Чара издала глубокий, счастливый вздох.

— О-о-о! Ты и вправду меня любишь!

Мне сразу стало не по себе.

Когда девушка обвиняет парня в любви, это накладывает на него определенные обязательства. И если парень согласен, он должен действовать быстро и передать свою память потомкам прежде, чем обоюдное чувство умрет. К счастью, как мне говорили, это совсем нетру-

дно и даже приятно, а когда все закончится, ты можешь спокойно забыть о женщине и вернуться к собственной жизни... Если только ты не сделан из того же теста, что Бруно и Весна!

— Чара... Я не уверен, что люблю тебя так, как положено.

Она резко побледнела.

— Ты не хочешь меня?

— Конечно, хочу, но это было бы нечестно. Я не желаю стать для тебя обузой. — О Фа, как же найти подходящие слова? — Когда все закончится, ты вернешься в женскую деревню, а я в мужскую. И видеть друг друга мы будем лишь случайно, на людях... Но я ведь не вынесу этого, пойми! ТАК я не хочу и не могу.

— Правда? — Я не мог разгадать выражения ее лица. — А как бы ты хотел?

— Боюсь, что я пошел в своего отца. И в свою мать тоже! Бруно тайно продолжал встречаться с Весной после моего рождения... и до самой смерти. Они не хотели отпускать друг друга. И я тоже не смогу отпустить тебя, Чара! Так что было бы нечестно с моей стороны обременять тебя подобным поведением.

— А... почему ты думаешь, что ты на них похож?

— Чара... — Признаться в этом было трудно, но я себя превозмог.

— С самой первой нашей встречи я только и делал, что думал о тебе. Ей следовало немедленно возмутиться и, обозвав меня придурком, сбежать к отморозку Каффу.

Но Чара просто сказала:

— И я тоже. Значит, мы подходим друг другу.

— Что?.. — Я не мог поверить своим ушам.

— Твой отец и мать... Они замечательные, но мне не нравится, что они делали это тайком. К Раксу кого угодно, мне наплевать, что подумают люди!

Жизнь моя перевернулась в один момент, и я растерялся. Быстро порывшись в памяти, я не смог найти precedентов.

— Я вижу, ты полез в закрома предков? — усмехнулась Чара, заметив мою растерянность. — Не трудись, в прошлом помощи не найдешь. Так, как мы с тобой, еще никто не любил!

— Должно быть, мы особенные, — неуверенно проговорил я.

— Конечно! Ведь это на всю жизнь, Харди, — сказала она и притянула меня к себе.

И тут я ужасно перепугался.

Я не хотел, чтобы сияние ее красоты вдруг померкло в моих глазах, а ведь это может случиться, если мы действительно сблизимся. Я хотел быть с Чарой до конца своих дней. И не хотел ничего, что могло бы тому помешать.

Она нежно взяла меня за руки, ожидая любовных признаний, но я вынужден был переменить тему.

— Я вижу, ты носишь свой кристалл.

— Только благодаря тебе. — Она отпустила меня и стала играть с кристаллом. — Да, надо было приодеться получше. Но я ведь не ожидала тебя увидеть, Харди! А что с тобой случилось, любовь моя? Почему до нас дошел слух, что ты умер?

— Я расскажу тебе завтра. — Небо уже начало темнеть, и я внезапно ощутил озноб. Голод и усталость навалились на меня разом, и на секунду я пожалел о теплом уюте пещеры-кормилицы. — Это долгая история, Чара.

— Хорошо, пусть будет завтра. Харди!..

— Что?

— Я очень хочу провести ночь с тобой.

— Я тоже. Но нам надо сперва подготовить Лонессу.

— Хорошо, Харди. Я подожду.

Мы вернулись в деревню рука об руку.

Уэйли предложил мне отдельный домик, чему я был несказанно рад; больше всего на свете мне не хотелось бы делить спальню с Каффом. Предыдущего жильца сожрал свирепый груммер, но если история множества поколений нас чему-нибудь и научила, так это тому, что повторяется она крайне редко. Разогнав угнездившихся в доме грызунов, я отлично выспался, и снились мне легендарные Дроув и Кареглазка.

Утром я подогрел немного копченой рыбы, которой меня снабдил Уэйли, быстро расправился с завтраком и вышел в яркий солнечный свет, горя нетерпением увидеть Чару. На пляже лежали перевернутые лодки, как всегда перед грумом, и рыбаки старательно отчищали их днища.

— Ты Иам-Харди, верно? А я Носс-Крейн. Я уже видел тебя на скиммере, вместе с моей дочерью.

Перед мной стоял высокий мужчина с примечательной гривой жестких рыжих волос. Во взгляде Крейна не было враждебности, но я заметил, что еще несколько рыбаков, оставив работу, приближаются ко мне, и на всякий случай приготовился к худшему.

— Я рассчитываю какое-то время пожить в Носсе, — признался я отцу Чары.

— О, Чаре это понравится, я уверен.

Весьма ободряющий ответ. Крейн обернулся к новопривывшим: их было шестеро, и трое из них держали в руках дубинки, но, возможно, это ровно ничего не означало.

— Вы, конечно, помните Иам-Харди? — сказал он.

Рыбаки насупились и заворчали. Они меня не забыли.

Настало время приносить униженные извинения.

— Когда я в прошлый раз был в Носсе, мой отец погиб. Я был раздавлен горем и вылил на вас лавину необдуманных слов. Теперь я крайне сожалею о своем поведении и хочу, чтобы все люди Носса об этом узнали.

— Ты сожалеешь? Этого мало! — Кафф выскочил из-за лодки, которую починал. — Ты обвинил меня в убийстве! И должен извиниться передо мной персонально!

Он был прав, разумеется, но гордость не позволяла мне согласиться с Каффом.

— Ты слышал, как я извинился перед всем Носсом. Что включает и тебя. Давай забудем обо всем, ладно?

— Никогда! Я требую извинений!

— Отмерзни, Кафф, — огрызнулся я, и он кинулся на меня со сжатыми кулаками, явно намереваясь подкрепить слова делом. Но руки у меня длинные, как у отца, и я встретил Каффа опережающим ударом в нос.

Кафф остолбенел.

— Он меня ударил! Все видели? Этот земляной червяк посмел ударить меня, сына предводителя!

— Хватит! — Между нами встал Носс-Крейн. — Вы оба считаетесь взрослыми, между прочим.

Кафф попятился.

— Я все расскажу отцу! Все! Сейчас же!

Мы смотрели, как он уходит. Очень жаль, подумал я. Мне не нужны враги в Носсе, у меня их предостаточно в Иаме.

— Пойдем со мной, Харди, — предложил Крейн, когда мужчины вернулись к своим лодкам. — Ты поможешь мне снять накладной киль. Пусть люди увидят тебя за работой, раз уж ты решил остаться в Носсе.

— Не думаю, что Уэйли позволит мне остаться после того, как я расквасил нос его сыну.

— Уэйли у тебя в долгу. Ты сделал то, на что у него самого не хватает силы. Скажу тебе честно, Харди, Кафф совсем отбился от рук. Уэйли наш законный предводитель, мы все его уважаем, но он калека, а Кафф задира и грубиян. И то, что произошло, было почти неизбежным... Недавно мы узнали, что Кафф по большей части сам изобретает инструкции, которые передает нам от имени отца, когда тот не в силах подняться с постели. Все возмутились, разумеется! Ни один наглый юнец не имеет права указывать рыбакам, что надо делать. Однако Уэйли встал на сторону сына, наверняка под давлением... Сло-

вом, теперь предводителем Носса фактически является Кафф.

— По-моему, Уэйли проявил теплые чувства к сыну, когда мы с отцом участвовали в переговорах.

Крейн невесело усмехнулся.

— Я слышал, что Бруно шарахнул наглеца о стену. Это способствует пробуждению отцовских инстинктов, не так ли?

— Иам, должно быть, снова попросит о помощи в этом году, — сказал я.

— При нынешнем положении дел они ничего не получают. Тем более без твоего отца! Бруно мог шутя обвести Лонессу вокруг мизинца, но Станс оказывает на нее совершенно противоположное воздействие.

Крейн был весьма дружелюбен, и пока мы отделили от лодки киль, чтобы подготовить ее к груму, я рассказал ему о событиях, вынудивших меня искать убежища в Носсе.

— Нет, парень, — покачал он головой в ответ на мой финальный вопрос. — Твоего дядю я в тот день не встречал. Я видел тебя на лодке с Чарой, но больше никого из посторонних.

Мы продолжали работать, но я то и дело поглядывал на дорогу в надежде увидеть Чару.

— Думаю, она сегодня не придет, — сказал наконец Крейн.

— Да? — откликнулся я по возможности небрежно, словно не догадываясь, о ком идет речь, и усердно занялся колышком, который никак не хотел выниматься.

— Лонесса найдет способ задержать Чару, если я знаю Лонессу. — Он мрачно усмехнулся. — А я знаю ее слишком хорошо.

— Как же быть? — спросил я, оставив притворство.

Он задумался, выбивая последний колышек. Мы аккуратно отделили тяжелый киль от лодки, положили его на песок и пошли ополоснуть руки в море. Огромная белая птица спланировала низко над водой, высматривая добычу. Это был груммет, первый предвестник грума.

Крейн нарушил молчание.

— У меня три дочери, — сказал он наконец. — И все от разных женщин. Я хотел передать свою память, но мне дважды не повезло, и Лонесса стала моей последней надеждой. Она была настоящей красавицей! Впрочем, она и сейчас хороша. — Он коротко усмехнулся. — Говорят, что ребенок получает пол от того из родителей, кто сильнее. И я, старый полудурок, понадеялся, что Лонесса родит мне сына? Ха! Так появилась Чара, и я возненавидел ее за то, что она не мальчик. Но когда Чара подросла, оказалось, что эта девочка совсем не такая, как другие дети из женской деревни. Она начала навещать меня, а я, в конце концов, стал брать ее с собой на рыбалку. — Он вдруг разве-

селился, припомнив забавное. — Как-то Чара заявила, что если и есть занятие скучнее, чем наблюдение за ростом посевов, так это необходимость следить за тем, как сушится рыба!

— Значит, Чара с Лонессой не слишком ладят?

— Во многих отношениях у них все нормально, но Лонесса привыкла командовать, а Чара не любит подчиняться. Вот тебе мой ответ! Моя дочь всегда найдет возможность увидеться с тобой, если только захочет.

Чара нашла эту возможность после полудня.

Все утро я помогал Крейну и другим рыбакам, а потом мы устроили перерыв, чтобы слегка перекусить копченой рыбой. Все мы оживленно болтали, и я подумал, что мне, по-видимому, удастся поладить с народом Носса, как вдруг на нас вихрем налетела Лонесса, всклоченная и яростно сверкающая глазами.

— Кто из вас видел Чару? Отвечайте немедленно! — И тут она заметила меня. — Ракс, это ты, Харди?! Если знаешь, где Чара, советуЮ рассказать мне прямо сейчас!

Она с подозрением оглядела перевернутые лодки, словно бы ожидая увидеть, что из-под какой-то торчит нога ее дочери.

Мы все изобразили молчаливое недоумение.

— Держись от нее подальше, Харди! У Чары высокое положение в обществе, и я не позволю ей якшаться с земляным червяком!

Она сердито зашагала прочь, а я так и не успел придумать, что бы сказать в ответ. Увы, не только Кафф был моим врагом в Носсе...

Едва Лонесса пропала из виду, как из-за небольшого мыска вывернула лодка под парусом и через полминуты уткнулась носом в песок.

— Эй, Харди!

Я залез в лодку.

— Твоя мать только что ушла.

— Ну и Ракс с нею! Кто-то донес, что я вчера была с тобой, и она взбеленилась. Не хочу говорить об этом. Следующей предводительницей Носса стану я, и значит, могу делать все, что пожелаю. А сегодня особенный день, и у меня есть желание подняться с тобой на утесы.

Мы вытащили лодку на берег у каменной пристани и поднялись наверх по тропе, ведущей через священный лес. Мы совсем запыхались, когда добрались до каменистой площадки на оконечности высокого мыса.

— Вот! — сказала Чара счастливым голосом. — Теперь смотри!

И я увидел далеко внизу, под обрывом, песчаную отмель, бледно просвечивающую сквозь голубую рябь эстуария. За отмелью до самого горизонта простиралось одно лишь море, необъятное и таинственное, и где-то там, в невероятной дали, за краем света, лежала Аста —

наш второй континент. Лишь горстка крошечных парусников бороздила морскую пустыню, и все они, не без веской причины, стремились к одной точке берега — в Носс.

Я увидел, как от берега и до горизонта по морю неспешно поползла молочная полоса груга. Над нею с криками парили, кружили и камнем падали вниз огромные белые птицы — грумметы, хватая рыбу и прочую живность, вытесненную на поверхность плотной водой. Хищники-груммеры тоже не заставят себя ждать, жадно пожирая все живое, но, к счастью, они движутся вслед за фронтом груга, и море через несколько дней снова будет безопасным для рыбаков.

— Разве это не чудо? — восхищенно воскликнула Чара. — Я вижу груг каждый год и все равно не могу привыкнуть! Ты знаешь, что эти птицы, следуя за гругом, совершают кругосветное путешествие? И так год за годом и круг за кругом, пока сердце не остановится на лету! Пара грумметов раз в году откладывает яйцо на поверхности плотной воды, и каждый день они срыгивают на него рыбу, и сверху по белому пятну видят, где оно находится.

— А откуда им знать, что это не чужое яйцо?

— Мы считаем, по запаху. У каждой птицы немного иной запах отрыжки. Сперва птенец проклевывает дыру в скорлупе, высовывает голову и питается отрыжкой родителей. О Ракс! Должно быть, у них очень крепкие желудки. А когда птенец окрепнет, он разламывает яйцо и плавает на поверхности груга, пока не выучится летать.

— Но волны утопят яйцо, если в нем пробита дыра?..

Она снисходительно улыбнулась:

— При груге море не волнуется, дурачок!

Чара была на своей территории, и здесь я не мог с ней тягаться. Я знал лишь один способ выровнять ситуацию, поэтому я схватил ее в охапку и крепко поцеловал.

— Ах! — сказала она, когда смогла говорить. — Это было прекрасно. Ты собираешься делать это всякий раз, когда я покажусь тебе слишком умной? Тогда я расскажу тебе о наездниках груга, об этих жутких, кошмарных созданиях!

Я снова поцеловал ее, прижав к себе еще теснее. Непроизвольно я погладил ее бедро и немедленно ощутил невероятное возбуждение.

Я тут же отступил, но недостаточно быстро.

— Ага! — воскликнула она, глядя на мои набухшие шорты.

— Я полагал, что ты еще не разбираешься в подобных вещах, — пробормотал я в глубоком смущении.

— Какой ты наивный. Девушка не может жить с такой матерью, как Лонесса, и не видеть хоть краешком глаза ее мужчин.

Оглядевшись, Чара нашла местечко, где росли щекотунчики, и лег-

ла на траву, слегка поеживаясь от их настойчивых прикосновений.

— Как хорошо! Иди сюда, Харди, и ложись рядом со мной.

Возможно, она сделала это намеренно, а возможно, тут постарались щекотунчики, но только голубое платье Чары опасно задралось, и я увидел краешек белых штанишек. Она вздохнула, заложила за голову руки, и груди ее натянули тонкую ткань. Я не мог оторвать взгляд от маленьких твердых сосков.

— Иди сюда, Харди, — опять позвала она.

Колени мои ослабели, я упал рядом с Чарой и притянул ее к себе. Сердце мое безумно колотилось. Чара, учащенно дыша, стала расстегивать пуговички на своем платье.

— Я еще ни разу не делал этого.

— Я тоже. Ты думаешь, мы все делаем как надо?

— Не знаю... Но мне очень нравится.

— Я надеялась, что так и будет. Вот почему я привела тебя сюда. Чтобы быть с тобой до конца. — Она приподняла бедра и стянула штанишки. — А теперь снимай шорты.

— Но я...

— Не спорь со мной, я выше тебя по рангу в Носсе.

Ее ловкие пальцы расстегнули ремень, и источник моего замешательства выпрыгнул на белый свет. Я поцеловал ее, пытаюсь оттянуть неизбежное, но Чара обхватила меня и заставила лечь на нее.

И в этот момент мой мозг полностью отключился.

Когда я снова обрел сознание, лицо ее излучало счастье.

— Это самое лучшее, что было в моей жизни, — сказала она, и я понадеялся, любуясь Чарой, что память об этом дне никогда не умрет.

Позже она поцеловала меня и сказала:

— Думаю, нам пора возвращаться. Мама разыскивает меня с самого утра. Бедная старушка, она просто лопнет от зависти!

— От зависти? — Я вдруг похолодел. — Ты ведь не собираешься рассказать о нас Лонессе?!

— Зачем? Она и так узнает. Это сразу видно.

Она встала, привела в порядок одежду и дернула меня за руку.

— Вставай, лежебока! Ты не можешь валяться тут часами, заглядывая мне под подол. Это ужасно неприлично!

Я вздохнул, возвращаясь к реальности, и огляделся. Как ни странно, кругом ничего не изменилось, а ведь мне почудилось, что перевернулся весь мир.

Внезапно я испытал тревожную вспышку памяти.

Очертания скал оказались ужасно знакомыми. Кусты и деревья меняются, но камни почти никогда. Ничей Человек был зачат где-то здесь! Если не на этом самом месте, то совсем недалеко.

Судьба подстроила мне ловушку...

Мы с Чарой могли заняться этим где угодно. И почему же, во имя Великого Локса, она привела меня сюда?! Но, конечно, она ничего не знала об этом злополучном месте.

— Что-то ты притих, Харди, — сказала она, когда мы рука об руку спускались к деревне. — Надеюсь, ты думаешь о моей красоте?

Я не смог сказать ей, что меня охватило пугающее предчувствие. Прежде я полагал, что сам отвечаю за свою судьбу, но теперь моя уверенность пошатнулась. События казались такими огромными, а я был такой маленький, что никак не мог на них повлиять. Словно бы гигантская рука переставляла меня из ситуации в ситуацию, как деревянного человечка в той земной игре, которой научил меня мистер Мак-Нейл. Рано или поздно человечка смахнут с доски, но игра пойдет дальше своим чередом, будто его никогда и не было.

— Я буду любить тебя вечно, — машинально проговорил я.

Но так ли это?

Будущее я контролировать не мог. Я не мог управлять даже собственным телом. Сегодня мы с Чарой стали любовниками, но захочу ли я этого завтра? А вдруг я предпочту ей кружку пива и компанию рыбаков?

— И я полюбила тебя навсегда, — откликнулась она.

В конце тропы замаячила темная фигура. Увидев нас, человек поспешно зашагал навстречу, и я заметил за его спиной, на каменной пристани, приземистую серебристую машину. Незнакомец был высокий и длиннотелый, и темный плащ взвивался от его размашистых шагов.

Чара узнала его первой.

— Что здесь делает Ничей Человек?

Мистер Мак-Нейл с канистрой в руках передвигался вдоль длинной грядки с цветами, методически опрыскивая их спиртом.

— Извини, Харди, я тайком прислал за тобой Ничего Человека. Иначе люди могли подумать, что происходит нечто важное.

— Но что-то происходит, разве не так?

Он оставил мой вопрос без ответа и сказал:

— Ты взял с собой Чару. Честно говоря, я на это не рассчитывал.

— Таково было ее желание.

— Где Харди, там и я, — вмешалась Чара. — И отныне будет только так.

— Ты счастливее, Харди. Мне не столь повезло. — Мистер Мак-Нейл достал из кармана металлическую трубку. — А теперь отойдите подальше.

Он направил трубку на цветы, и они занялись синеватым пламенем. Большая часть сада уже обратилась в кучки золы, над одной из бывших клумб все еще курился дымок. Лицо мистера Мак-Нейла исказила такая боль, что я почел за лучшее ни о чем не спрашивать. Но Чара, которая его почти не знала, задала неизбежный вопрос:

— Зачем вы сжигаете ваши цветы, мистер Мак-Нейл?

— По приказу станции Девон, — ответил он кратко.

Перейдя к овальной клумбе, он принялся опрыскивать ее спиртом. Мы последовали за ним.

— Разве у вас нет оружия, которое все сжигает? — спросила Чара.

— Земляне обычно носят такое с собой.

— Лазер? Разумеется, есть. — Я никогда не слышал, чтобы мистер Мак-Нейл говорил убитым голосом. — Но лазерный луч сжигает лишь то, к чему прикоснется, а мне надо уничтожить абсолютно все до последнего семечка. Чтобы ни одно из земных растений снова не проросло и не составило бы конкуренции автохтонной флоре... Флора, нечего сказать! — Он коротко, хрипло расхохотался и широким жестом указал на окрестный пейзаж. — Вы только взгляните на эти кошмарные создания! Извиваются, ползают, хватают, душат и пожирают все, до чего способны дотянуться. Неужели мои несчастные цветочки выжили бы в такой конкурентной борьбе?

— Крайне маловероятно, — сказал Ничей Человек.

— Но... — У Чары сделалось несчастное лицо. — Они были такие красивые! Эти цветы показывали нам, на что похожа Земля. И они никогда не выходили за пределы вашего сада. Я не понимаю.

Мистер Мак-Нейл печально вздохнул.

— Видите ли, я нарушил правила. Никто об этом не знал, потому что никто ни разу не поинтересовался, как здесь идут дела. Но вчера приехала миссис Фроггат, и ей очень не понравилось то, что она здесь увидела. И снаружи дома, и внутри. Она сказала, что я цепляюсь за прошлое и пора понять, в каком мире я живу. Как будто я не знаю! А потом она объяснила мне, зачем приехала, и тут я не сдержался, и мы крупно поссорились. Кончилось тем, что я велел ей убираться к чертям собачьим на станцию Девон и больше сюда не приезжать. Тогда она села в свой багги и заявила, что я подвергаю риску вашу экологию и должен немедленно избавиться от всех земных растений. Формально она была права, но ведь правила отнюдь не догма, и она сказала это мне назло. А сегодня я получил приказ от директора... Отойдите подальше.

Он протянул трубочку, и клумба взорвалась огнем.

— Зачем она приезжала? — У меня было холодное, неуютное ощущение в желудке. — Вы сказали, что происходит нечто важное.

— Лучше зайдем в дом, — предложил мистер Мак-Нейл.

Ничей Человек, как обычно, занял позицию в тени. Мы с Чарой уселись рядышком на длинную скамью у окна, а мистер Мак-Нейл сел напротив со стаканом бледно-коричневой жидкости в руке. Земные вещицы по-прежнему были рассеяны по всей комнате, одни прекрасные, другие загадочные. Их он не сжег.

— Мне будет непросто рассказать вам об этом. — Он смотрел в окно мимо нас на серый дымок, окутывающий останки сада. — Мы жили в вашем мире очень долго. И мы старались быть хорошими соседями.

Я согласно кивнул, а мистер Мак-Нейл задумчиво отхлебнул из стакана.

— В этой части галактики обитают две расы космических путешественников, — сказал он. — Это мы, земляне, и другой народ, о котором я упоминал когда-то. Кикихуахуа. И мы, и они по-своему хорошие парни, хотя у нас совершенно разные подходы к делу. У каждой расы собственный кодекс чести; обе стараются придерживаться своей морали, и обе время от времени ее нарушают. Это неизбежно.

Он помолчал, и в глазах его мелькнула мольба о понимании.

— Но для кикихуахуа все значительно проще, так как они генетические инженеры, а мы всего лишь технологи. Им не нужно убивать, а мы, земляне, часто убиваем ради собственного спасения. К тому же время для кикихуахуа ничего не значит, они путешествуют по галактике в огромных живых кораблях, впадая в спячку на многие тысячи лет. Кикихуахуа не работают с металлом, у них нет машин. Зато у них есть создание, которое производит другие создания для любой необходимой цели.

— Вроде Козла-прародителя? — спросил я.

Он взглянул на меня, удивленный религиозной реминисценцией.

— Что-то вроде того.

— А как они выглядят? — спросила Чара.

— Они выглядят так, как нужно для выполнения определенной задачи. Огромный космический корабль — кикихуахуа, и маленький народец, путешествующий в нем, тоже кикихуахуа, они напоминают земных гиббонов. Это очень милые, дружелюбные существа, на редкость чистенькие и опрятные. Но мы, земляне, совсем не такие! Мы продираемся сквозь галактику на металлических кораблях, и везде, куда мы попадаем, начинаются неприятности и неразбериха. Мы просто не можем поступать по-другому, если хотим выжить. Мы всегда берем, а кикихуахуа дают. — Мистер Мак-Нейл тяжело вздохнул. — Я пытаюсь сопоставить две расы, чтобы показать, что тут нет нашей вины.

— В чем нет вашей вины? — спросил я.

— Мы нуждаемся в металлах и других химических элементах, чтобы выжить. Мы пришли в ваш мир потому, что у вас есть некоторые из нужных нам элементов, и мы заключили с вами соглашение на их добычу и заложили шахту. Мы вели с вами дела честно и открыто. Но внезапно все пошло не так, как ожидалось! Попросту говоря, мы стали тратить на шахту больше денег, чем получаем за готовый продукт. Данное положение вещей совершенно не устраивает группу очень важных земель, которую мы называем Центральным сектором.

— В таком случае вам следует закрыть шахту, — вмешался Ничей Человек. Голос у него был резкий и сердитый. Он что-то знал, чего мы с Чарой не ведали.

— Я уже говорил, что это невозможно. Мы слишком много в нее вложили.

— Тогда вам следует урезать расходы.

— Ты так думаешь, и я так думаю. Но Центральный сектор полагает иначе. К сожалению. — Он повернулся к нам с Чарой. — Но кое в чем они все-таки правы. Шахта вполне могла бы приносить прибыль, и мешает этому один-единственный фактор.

Я начал понимать, к чему он клонит, и во рту у меня пересохло.

— Какой фактор?

— Лорины.

— А что в них плохого?

— Лорины замедляют работу. Они постоянно шныряют взад-вперед по тоннелям и создают неразрешимые проблемы. Люди не могут работать продуктивно, когда лорины где-то поблизости.

Я вспомнил троицу лоринов, которую видел в шахте, и понял, что имеет в виду землянин.

— В этом нет их вины! Лорины таковы от природы, вот и все. Тут ничего нельзя поделаться, — попытался вставить я.

— Центральный сектор так не считает.

— И что же?

— Дело в том, что... — он поколебался. — Они приказали нам избавиться от лоринов.

Я понял, что вскочил на ноги.

— Вы не можете сделать этого!

— Я очень боюсь, что можем. Приказ уже получен, это мне сообщила миссис Фроггат.

— Но почему она сначала приехала к вам? Почему бы станции Девон не провести операцию самостоятельно?

— Под Лесом Стрелы большое убежище лоринов, почти все мест-

ные лорины оттуда. А лес подпадает под мою юрисдикцию. Видишь ли, есть вещи, о которых земляне не забывают даже в такие времена.

Я смотрел на него сквозь красную пелену гнева.

— Я сам был в этом убежище несколько дней назад! Лорины спасли мне жизнь и вылечили ногу. Они... — Я лихорадочно подыскивал правильные слова. — Лорины — это часть нас самих! Без них не было бы цивилизации стилков. Они заботятся о нас, и помогают, и ничего не просят взамен. Вы не имеете права убивать лоринов!

— Я думала, землянам не позволено вмешиваться в жизнь других цивилизаций, — с болью произнесла Чара. — Вы хотите сказать, что лорины не цивилизованные существа? Вы считаете их неразумными только потому, что они не умеют говорить?

— Напротив, они чересчур разумны, моя дорогая.

— Но тогда... Как вы можете?!

— Земляне умеют нарушать правила, когда необходимо. Благодаря этой гибкости мы достигли столь высокого уровня развития, но она же делает нас... грязными и подлыми. Вот так. Наши нынешние лидеры поставили экономическую прибыль выше нескольких тысяч жизней немых инопланетян. Мне очень жаль, что вам пришлось увидеть нас с худшей стороны.

— Вы не согласны с вашим Центральным сектором, мистер Мак-Нейл?

— Разумеется, нет. Вот почему я вызвал тебя, Харди. Ты именно тот, кто способен помочь лоринам.

— Вы предаете свой собственный народ? — с изумлением воскликнула Чара.

— На сей раз — да. Я тоже обладаю гибкостью.

— Но как, во имя Великого Локса, я могу помочь лоринам? — горько спросил я.

— Не знаю точно. Предупреди их. Попробуй увести из убежища. Мне неизвестно, какое оружие будет применено, возможно, ядовитый газ. Или же мои соплеменники пошлют под землю мобильные мины, самонаводящиеся на тепло.

— Дело не только в лоринах. Я думаю, само убежище живое, вроде молочной самки. Пещера-кормилица.

Помолчав, мистер Мак-Нейл сказал:

— Да. Видишь ли, лорины — одна из разновидностей кикихуахуа.

— Космические путешественники? — недоверчиво сказала Чара. — Они такими не выглядят.

— Ты думаешь, они должны носить одежду или даже космические скафандры? Лорины в этом не нуждаются, ведь они выведены специально для вашего мира. Если станет слишком холодно, они впадают в

спячку... анабиоз, и в этом состоянии их соматические клетки выдерживают глубокое замораживание. Лорины нуждаются только в пище, а ее поставляют анемоны и чашечные деревья.

— И каким же образом? — Я живо представил, как увожу подальше от убежища несколько сотен голодающих мохнатых существ.

— Вам известно: анемоны ловят себе пищу и переваривают ее, чтобы питать свои корни. А чашечные деревья собирают дождевую воду и превращают ее в медовый сок с той же самой целью. У этих деревьев питательная жидкость течет вниз, а не вверх, как у других растений. Так вот, кикихуахуа вывели специальное существо, генетически родственное космическим кораблям, только намного меньше. Оно живет под землей и питается тем, что высасывает из корней деревьев, и в свою очередь производит молоко, которым питаются лорины. В таком молоке есть абсолютно все, что необходимо для их жизни. Наши люди хорошо знают об этом, и пещера-кормилица станет их главной целью.

— Но как же вышло, что вы знаете все эти вещи, а мы не знаем? — удивилась Чара. — Уж за столько-то поколений мы могли бы выяснить что угодно.

— Должно быть, земляне гораздо любопытнее стилков, — ответил мистер Мак-Нейл, но мне показалось, что он уклонился от ответа.

— Но если лорины — разновидность кикихуахуа, почему они не послали по радио просьбу о помощи? — спросил я. — И разве их народ не отомстит, когда узнает, что вы с ними сделали?

Мистер Мак-Нейл мрачно усмехнулся.

— Они не узнают. По крайней мере, в ближайшие несколько сотен лет. Видишь ли, у кикихуахуа нет радио, а телепатически они могут общаться лишь на небольшом расстоянии. — Он снова тяжело вздохнул. — Итак, мы собираемся выступить против лоринов в течение суток, возможно, двух. Для начала Ничей Человек отвезет вас на багги в Лес Стрелы. — Землянин взглянул на солнце. — В пещере лоринов вы будете в безопасности до наступления ночи, а там уж вам решать.

— Я что-нибудь придумаю. Обязательно! — Надо было заставить лоринов понять ситуацию, но я не знал, как это сделать.

— Я вижу, ты сильно привязан к этим мохматым существам, Харди? Ты так заботаешься о них.

— Конечно. Они добрый народец и очень заботятся о нас.

Мистер Мак-Нейл внимательно посмотрел на меня.

— Да, все сходится. Видишь ли, мы имеем серьезные основания полагать, что кикихуахуа создали и вас, стилков.

Я застыл в шоке.

Теперь, по прошествии времени, я не вполне понимаю, отчего был так потрясен. Все ключи находились у меня под рукой всю мою жизнь, они хранились в моей памяти. И тем не менее я считал, что мы, стилки... не знаю, как это сказать, уникальные, что ли. Просто выскочили ниоткуда в полном парадном платье и церемониальном плаще! А на самом деле оказалось, что мы просто-напросто продукты какой-то древней генетической программы.

— Козел-прародитель? — прошептал я в ошеломлении.

— Да. — Мистер Мак-Нейл понаблюдал за изменениями на моем лице и сказал: — По крайней мере, это чистое и благожелательное создание. Не то что наши древние предки, которые вылезли из тины с единственной целью побольше жрать и размножаться... Неудивительно, что мы принесли такой беспорядок на вашу планету! Ты можешь гордиться первоначалом вашей расы, Харди.

— Гордиться?.. — На мой взгляд, это было совсем неподходящее слово. Все это выглядело так, словно мы, стилки, зародились и продолжали жить во лжи.

Чара пришла в себя первой и взяла меня за руку.

— Это ничего не меняет, любовь моя. Совершенно ничего.

— Она права, — твердо сказал мистер Мак-Нейл. — И запомни: чем больше вы знаете о себе, тем выше ваши шансы на выживание. Ты ведь никогда не был приверженцем религии, не так ли?

— Я всегда думал, что это полная чепуха, — признался я. — А теперь вы мне объясняете, что всех нас сотворил Козел-прародитель... А ну его к Раксу!

Мы с Чарой уселись на заднее сиденье сияющего металлом багги, а Ничей Человек занял место водителя. Мистер Мак-Нейл смотрел, как мы уезжаем, стоя на пепелище своего сада. Вскоре мы проехали через Иам и свернули в сторону Тотни.

В Иаме, рядом с пивной, я заметил Триггера с Каунтером, их челюсти дружно отвалились при виде великолепного экипажа. Я весело ухмыльнулся и помахал им рукой. Через минуту до меня дошло, что Триггер немедленно доложит Стансу о моем воскрешении. Впрочем, рано или поздно до Иама добралась бы весточка из Носса.

Когда мы покинули деревню, я задал Чаре вопрос, который беспокоил меня после беседы с мистером Мак-Нейлом.

— Скажи, ты раньше что-нибудь знала о кикихуахуа? Или хотя бы слышала это слово?

— Нет, никогда. Но я не слишком утруждаю себя преждевидением.

— Мне тоже ничего не известно. Очень странно, что стилки о них не говорят. Если кикихуахуа нет в нашей памяти, то уж в легендах-то

они могли остаться? Но у нас есть только предание о Козле-прародителе.

— Когда я спросила, почему мы пребываем в неведении, мистер Мак-Нейл ушел от ответа, ты заметил?

— Да, он знает больше, чем говорит. Интересно, почему?

— От многих знаний многие печали, — неожиданно изрек Ничей Человек.

— Мистер Мак-Нейл так не думает, — возразила Чара.

— Возможно, он сказал нам не всю правду, — заметил Ничей Человек.

Зерно сомнения было посеяно. А ведь я уже почти начал привыкать к тому, что нам открылось.

До Леса Стрелы мы добрались за считанные минуты. Ничей Человек высадил нас в том месте, где я покинул фургон Смита и Смиты, развернулся и поехал назад.

— Ты уверен, что помнишь дорогу? — озабоченно спросила Чара. — Этот лес очень большой.

— Здесь должно быть множество входов в убежище. Я побывал только в одной его части, и то она показалась мне громадной.

— До темноты не так уж много времени.

— Пошли, — решительно сказал я и повел ее в лес.

Вход мы отыскали к концу дня и притом совершенно случайно. Старое анемоновое дерево погибало в объятиях сорняков, которые я раздвинул без особой надежды и вдруг увидел на месте гнилого корня уходящую под землю дыру.

— И ты хочешь спуститься туда? — с сомнением спросила Чара. Вечерний ветер уже зашелестел в лесу, пугая нас своим холодным дыханием.

Я спустился в дыру до пояса и подрыгал ногами. Ничего. Однако я учуял слабый запах лоринов и вспомнил, что песчаный тоннель проходил неглубоко. Отпустив руки, я оказался на дне дыры быстрее, чем предполагал. Пол по ногам был мягкий.

— Все в порядке! Спускайся, я тебя поймаю. Здесь гораздо теплее, чем наверху.

На Чаре все еще было ее тоненькое платье, и оно задралось до талии, когда она пролезла в дыру. Я подхватил ее, поцеловал и почувствовал, что одна из моих проблем разрешилась: я ужасно хотел близости. Значит, так будет всегда.

В слабом свете я разглядел, что потолок тоннеля резко снижается по обе стороны от дыры. Стены были теплые, мягкие и податливые. Мы попали сразу в одно из ответвлений пещеры-кормилицы.

— Встань на коленки и принюхайся. Ты почувствуешь запах лоринов?

— По-моему, нам туда, — сказала девушка через пару секунд. Я тоже так думал.

— Держись прямо за мной, не отставай.

Мы поползли в темноту. Вскоре я услышал негромкие чмокающие звуки, стены тоннеля расширились и пропали. Я встал, и меня тут же ухватила за руку теплая мохнатая лапка. Другой рукой я быстро нащупал Чару, которая поднималась на ноги, и притянул ее к себе. Я не хотел, чтобы нас разлучили.

— Харди, — сказала она странным голосом. — Меня держит за руку лорин. Как ты думаешь, почему?

— Это просто знак дружелюбия. Меня тоже держит за руку лорин.

— И что мы теперь будем делать?

— Ну, я постараюсь объяснить, что им грозит опасность. Слов они, конечно, не поймут... Но если лорины телепаты, как утверждает мистер Мак-Нейл, это не имеет значения. Они увидят картинки в моем мозгу, когда я буду к ним обращаться.

— А они смогут увидеть наши картинки? Может быть, они видят только картинки кикихухауа?

— Все равно, у нас нет выбора.

И я в непроглядной темноте повторил для своих мохнатых друзей все, что рассказал нам мистер Мак-Нейл. Сосок пещеры-кормилицы легонько прикоснулся к моим волосам. Я обращался к лорину, державшему меня за руку, надеясь, что мои слова дойдут до всех его соплеменников, которые находились в пещере. Когда я завершил свою речь, во рту у меня совершенно пересохло.

— Ты просто замечательно им все объяснил, — с восхищением сказала Чара. — Я сама почти увидела картинки в твоём мозгу. И если они тебя не поняли, то это не твоя вина.

Лорин дернул меня за руку и повел вперед. Через несколько шагов он остановился, и длинный сосок коснулся моего лица. Я жадно схватил его и принялся сосать.

— Они все поняли, — сообщил я, утолив жажду. — Даже то, что я очень хочу пить.

— Но... Почему они никак не реагируют? Я думала, они впадут в панику или что-нибудь вроде того.

— Наверное, они ничего не могут сделать.

— А может быть, они уже все знали? На станции Девон есть лорины, они могли прочитать этот план в мозгах землян и передать здешним. Возможно, мы просто теряем время?

Так или иначе, мы сделали все, что могли, и я вдруг почувствовал себя бесконечно усталым. Тут лорин дернул меня за руку, и я последовал за ним, не отпуская ладони Чары. Скоро потолок стал совсем

низким, переходя в стену, и мы рядышком улеглись на пол. Клочок мерцающей плесени на потолке не рассеивал мрак, но давал иллюзию света.

— Я хочу тебя, — шепнула Чара.

— Как, прямо здесь?

— Не спорь со мной!

Прежде чем заснуть, я бросил мысль в темноту: РАЗБУДИТЕ МЕНЯ, ЕСЛИ ЧТО-ТО СЛУЧИТСЯ. Проспать несколько лишних дней в пещере лоринов ничего не стоит.

Однако проснулся я в уверенности, что времени прошло совсем немного. Рядом со мной зашевелилась Чара. Я услышал приближающийся голос.

Глубокие, звучные голоса землян.

— Должно быть, они здесь.

Вспыхнул ослепительно яркий свет фонаря, и я впервые увидел внутренность пещеры-кормилицы. Бесформенная масса потолка, исполосованная черными тенями от сотен свисающих сосков. Поддерживающие ее роговые колонны, прорастающие сквозь мягкую плоть пола. Кучки сена, разбросанные на полу тут и там, за исключением того места у стены, где лежали мы с Чарой. Дальше все уходило в темноту, в которой едва виднелись бесчисленные соски и серые пятна светящейся плесени.

Кругом в абсолютной неподвижности стояло множество лоринов.

С пустыми руками, абсолютно беззащитные, они не мигая смотрели на источник света своими красноватыми глазами. Очевидно, лорины покорились судьбе.

Еще фонари, еще земляне. Торжествующие крики, пляшущие по всей пещере тени. Чара до боли вцепилась мне в руку.

То, что произошло вслед за этим, стало для нас полной неожиданностью.

— Черт побери, куда они все подевались? — воскликнул один из землян тоном глубокого изумления. — Они ведь только что были здесь, я же чую их запах.

Лорины стояли спокойно, у всех на виду.

— Наверное, они услышали, что мы идем сюда, — сказал другой землянин.

Первый землянин сделал несколько шагов вперед. Он был высокий, в сложном золотистом комбинезоне, увешанном непонятными предметами. Сосок, свисавший прямо на его пути, качнулся в сторону прежде, чем землянин на него наткнулся.

Со мной эти соски никогда такого не проделывали. Они просто висели. Я постоянно на них наткался, что в темноте не слишком-то

приятно. Но этот самый сосок взял да и убрался с пути землянина, чего я совершенно не мог понять.

То, что произошло потом, было еще удивительнее. Мужчина начал медленно обходить пещеру, время от времени неизбежно оказываясь лицом к лицу с кем-нибудь из лоринов, а те спокойно отодвигались, уступая ему дорогу. Он даже не взглянул ни на одного из них. Казалось, этого человека поразила какая-то избирательная слепота.

— Лорины забрались в их мозги, — тихо произнесла Чара.

— Не знал, что они умеют это делать, — шепнул я в ответ. И тут же вспомнил, как лорины спасли меня от ледяного дьявола.

За первым землянином, который постепенно ускорил шаг, последовали пять его компаньонов, одетые точно так же.

— Мы зря теряем время, — сказал человек в арьергарде. — Уйти далеко они не могли. Давайте поднимем хоппер и поищем в инфракрасном диапазоне.

— Но сперва мы изрешетим это гнусное местечко, — сказал еще один землянин, вытаскивая оружие из висящего на поясе чехла.

— Убери эту шутку! — рявкнул лидер. — Ты хочешь обрушить кровлю прямо на наши головы?

— Тут творится странное, — раздался еще чей-то голос. — Мохнатые твари словно растворяются в воздухе. Иногда я начинаю сомневаться, существуют они на самом деле или это просто массовая галлюцинация.

— Еще как существуют, — мрачно заявил лидер. — И они где-то здесь.

Лучи фонарей забегали по пещере. Лорины стояли неподвижно, поблескивая красными глазами. Широкий круг света метнулся к нам с Чарой. Мы перестали дышать. Но луч, постояв, проскользнул дальше и принялся ощупывать изгибы пещеры-кормилицы.

Не знаю, что представлялось глазам землян, но нас они точно не видели. И явно не подозревали, что находятся внутри живого существа. Возможно, для них это была всего лишь обычная каверна в пласте песчанника.

— Общитесь каждый сантиметр этих проклятых стен! И все тоннели в дальнем конце! Мы не уйдем отсюда, пока я не буду уверен, что здесь действительно никого нет. Проклятие, я же чувствую, что они где-то рядом!

— Как скажешь, босс. Но лично я убежден, что пещера совершенно пуста.

— Еще бы ты не был убежден! Ты с самого начала был не в восторге от этого плана.

— Не в восторге?.. Черт побери, это же массовое убийство разум-

ных живых существ в их собственной среде обитания! Лорины никогда не проявляли ни малейших признаков враждебности, скорее наоборот.

— Лорины делают все возможное, чтобы погубить шахту. Это я и называю враждебностью.

— А я думаю, что в Центральном секторе перетрудили свои крошечные умишки. Им не повредило бы хоть время от времени...

Люди уходили со своими фонарями все дальше, продолжая переругиваться.

— По-моему, наши подопечные контролируют ситуацию, — пробормотал я. — Пора выбираться отсюда. Мы должны обо всем рассказать мистеру Мак-Нейлу.

В пещере-кормилице было тепло и уютно, и я подозревал, что мы проспим здесь несколько дней, если я сейчас же не встану на ноги.

— Ты хочешь уйти? — сонным голосом спросила Чара. — А вдруг твой дядя Станс и его охотники поджидают тебя на дороге? Ведь Триггер видел, куда мы поехали.

Я обдумал ее слова.

— Мы пойдем прямо в Носс. Это единственное место, где я чувствую себя в безопасности. А мистеру Мак-Нейлу мы пошлем весточку. К тому времени он уже будет знать, что операция провалилась. Думаю, станция Девон обвинит в этой неудаче именно его.

Я заставил себя подняться и потянул Чару за руку.

— Вставай!

— Харди, — произнесла она, продолжая лежать. — Здесь лорин. По-моему, он не хочет, чтобы я вставала.

Тут и ко мне прикоснулись легкие, но настойчивые ладошки.

— Что это значит?

— По-моему, они пытаются нас задержать. На какое-то время.

— И на какое же, ради Фа?

— Харди. Ты просто приляг на минутку. По-моему, они собираются нам что-то сообщить.

Она потянула меня за руку, и я упал на пол. Лорины придвинулись ближе, я чувствовал их дыхание. И вдруг, совсем рядом, появилось призрачное, голубовато-белое сияние: это был большой люминесцирующий лишайник, каких я прежде никогда не встречал. Лорин, которого я смутно разглядел, указал на свою голову, потом на мою.

— Что он говорит? — спросил я у Чары.

— Не знаю. Смотри дальше.

Лорин очертил в воздухе круг указательным пальцем, затем соединил ладони и подложил их под щеку безошибочно узнаваемым жестом.

— Я поняла! — воскликнула Чара. — Он предлагает нам заняться преждевидением.

— Но зачем?

Лорин указал на меня и поднял над этим пальцем два пальца другой руки.

— Наверное, это твои отец и мать? — предположила Чара, но лорин покачал головой.

— Отец и дядя Станс? — догадался я, и лорин, энергично кивнув, убрал один палец.

— Отец?

Отрицательный жест.

— Тогда дядя Станс.

Кивнув, лорин обнажил зубы в пародии на улыбку и снова очертил пальцем круг.

— Он хочет, чтобы ты преждевидел своего дядю Станса!

— Но зачем ему это, ради Фа?

— Ты все время удивлялся, почему твой дядя намеревается тебя убить. Должно быть, лорин пытается помочь. — Она задумалась. — Если лорины могут читать в наших мозгах, то, наверное, они знают о нас больше, чем мы сами. Поэтому выполни его просьбу, займись преждевидением. И я сделаю то же самое, для практики. Мама постоянно твердит, что я слишком много бегаю и слишком мало думаю.

Мохнатое существо настойчиво постучало пальцем по моему лбу.

— Ладно, ладно! Я согласен преждевидеть дядю Станса, если ты настаиваешь.

Я лег поудобней, расслабился и собрался с мыслями.

Пещера-кормилица оказалась гораздо лучшим местом для преждевидения, нежели мой маленький пруд. К тому же я сильно сомневался, что после эпизода с ледяным дьяволом смогу там расслабиться. А здесь, в тепле, темноте и безвременье, в присутствии Чары и множества доброжелательных созданий я необычайно быстро впал в транс, и притом без всякой помощи зелья.

Отец мой и дядя Станс, преждевидел я, совсем неплохо ладили в детстве, хотя уже тогда, как я чувствовал, отец считал дядю надутым индюком. Ребенком Станс был весьма популярен в Иаме, поскольку всегда поступал как положено и с раннего детства хорошо сознавал, что рано или поздно сделается предводителем. Мой отец, напротив, был немного бунтарем, что часто бывает со старшими сыновьями, когда их надежды на высокий статус разрушаются рождением брата. Однако я не нашел в памяти отца никакой неприязни к Стансу.

Я просмотрел их относительно безмятежное детство и все-таки заметил нечто странное.

Бруно и Станс никогда не преждевидели вместе!

А ведь это обычная практика единокровных братьев, и ради забавы, и для последующего сравнения результатов. И тем не менее у отца не осталось ни единого воспоминания о том, как дядя Станс занимался преждевидением.

Однако Станс просто должен был преждевидеть регулярно, стараясь заглянуть назад как можно дальше! В том и состоит основная обязанность будущего предводителя, а мой дядя всегда был человеком долга. Возможно ли, что Станса пугали древние воспоминания? Или он занимался этим тайно, поскольку нашел в памяти предков нечто ужасное и не желал обсуждать это с отцом?

Возможно, какую-то жуткую древнюю ересь?

Совсем недавно мой дядя богохульствовал у меня в доме, припомнил я. И в глазах его мерцал огонек безумия.

Что-то я нащупал, это точно, но никак не мог свести концы с концами. Станс — младший сын. Станс — предводитель. Станс и древние воспоминания. Станс и странная ложь о неудаче ранних посевов. Станс и множество мелких инцидентов, которые в общей сложности...

И тут передо мной наконец забрезжила истина.

— В чем дело? — внезапно спросила Чара. — Ты весь дрожишь. Это было неудачное преждевидение? Со мной такое случалось. Хорошо, когда рядом кто-то есть, чтобы вывести из транса.

— Кажется, я знаю, почему Станс собирался меня убить.

— О, Харди! — Чара даже взвизгнула от восторга.

— Но мой отец наложил запрет на это воспоминание.

— Ты должен сломать запрет.

— Но ведь отец... У него наверняка были серьезные основания. Мне не хотелось бы...

— Любовь моя! — Она подвинулась ближе и обвила меня руками. — Твой отец не мог знать, что жизнь его сына будет зависеть от скрытых им сведений. Он сам приказал бы тебе не считаться с запретом.

— Я в этом не уверен. Запрет есть запрет.

— Ну ладно, тогда сделай это для меня, — сказала она нетерпеливо. — Мы любим друг друга, так? И мы хотим быть всегда вместе. Но у нас ничего не получится, если тебя убьют. Сломай запрет ради нашего счастья!

Я снова преждевидел, вернувшись в память отца.

ЧТО С ТОБОЙ, СЫНОК? — спросил дед, но Станс не ответил, и пауза затянулась. Отец следил за братом с изумлением. Станс выглядел несчастным, из глаз его катились слезы.

В ЧЕМ ДЕЛО? — резко спросил дед...

— Прости, отец, — прошептал я, — но у меня нет выбора.

Чара крепко ухватила меня за руку.

Это было как вязкий туман, и в нем наперебой бормотали демоны: УХОДИ. УХОДИ. ДУРАК. УБИРАЙСЯ. Но я не стал слушать демонов, я вцепился в последние слова деда, нырнул в слепой туман и начал пробиваться вперед. Я ломился в память отца, увязая, словно в болотной трясине, и вдруг ощутил свободу: барьер наконец был сломан.

В ЧЕМ ДЕЛО? — резко спросил дед, и Станс открыл наполненные слезами глаза. ТЫ МОЖЕШЬ ПОМОЧЬ МНЕ, ПАПА?

ПОМОЧЬ? ТЕБЕ НУЖНА НЕ ПОМОЩЬ, А КОНЦЕНТРАЦИЯ! ПРЕКРАТИ СКУЛЕЖ, ТЫ ПОЗОРИШЬ СЕБЯ В ГЛАЗАХ СВИДЕТЕЛЕЙ. Огромная волна сочувствия прокатилась от отца к дяде. МОЖЕТ БЫТЬ, ОН ПОПРОБУЕТ В ДРУГОЙ РАЗ, ОТЕЦ? ТУТ СЛИШКОМ МНОГО НАРОДУ, ОНИ ЕМУ МЕШАЮТ.

МЕШАЮТ? МЕШАЮТ? ПРЕСВЕТЛЫЙ ФА, ВСЕ ПРИСУТСТВУЮЩИЕ ПРОШЛИ ЧЕРЕЗ ЭТО! Свидетели беспокойно зашевелились. НУ ЛАДНО, ЛАДНО, ИДИТЕ! УХОДИТЕ ВСЕ! УБИРАЙТЕСЬ! Суровое лицо деда побагровело от гнева. РАНЬШЕ НАМ НЕ ПРИХОДИЛОСЬ ОТСЫЛАТЬ СВИДЕТЕЛЕЙ! — рявкнул он, когда старейшины ушли. КЛЯНУСЬ ФА, ТЕБЕ ЛУЧШЕ ВЗЯТЬ СЕБЯ В РУКИ, МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК!

Я НЕ МОГУ, пробормотал Станс.

КОНЕЧНО, МОЖЕШЬ!

Дядя Станс зажмурил глаза и весь затрясся от усилий. Последовала долгая пауза, и мой отец почувствовал неприятный запах. Внезапно Станс выронил трубку и разразился жутким воплем отчаяния. Под ним расплывалось вонючее пятно. Дед отодвинул ноги с брезгливой гримасой. ТЫ ОПОЗОРИЛ МЕНЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ ВСЕЙ ДЕРЕВНИ! Станс корчился и подвывал, валяясь в луже мочи.

ЭТО НЕ ЕГО ВИНА, ТАКИЕ ЛЮДИ БЫВАЛИ И ПРЕЖДЕ, вмешался мой отец. ВО ВСЕМ ОСТАЛЬНОМ ОНИ В ПОЛНОМ ПОРЯДКЕ. А НЕКОТОРЫЕ ДАЖЕ ОЧЕНЬ УМНЫ. Он с жалостью склонился над братом. ЧТО ТЕБЕ УДАЛОСЬ УВИДЕТЬ, ДРУЖИЩЕ?

Станс с благодарностью откликнулся на доброту. ТОЛЬКО... ТОЛЬКО МОИ СОБСТВЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ! БОЛЬШЕ НИЧЕГО НЕТ, ОДНА ПУСТОТА.

ТЫ НАВЛЕК БЕСЧЕСТИЕ НА НАШУ МУЖСКУЮ ЛИНИЮ, тяжело сказал дед. Гнев деда перешел в отчаяние, но вспышка ярости охватила моего отца. ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ВИНИТЬ СТАНСА! ВЕДЬ ЭТО ТЫ ПЕРЕДАЛ ЕМУ ДЕФЕКТНЫЕ ГЕНЫ.

ДЕФЕКТНЫЕ ГЕНЫ? КАКАЯ ЧУШЬ! ТЫ СЛИШКОМ ЧАСТО ОБЩАЕШЬСЯ С ЗЕМЛЯНАМИ, БРУНО.

ВСЕ РАВНО ОСТАВЬ ЕГО В ПОКОЕ. Гнев отца растаял, уступив место сочувствию.

И ЧТО ЖЕ ТЕПЕРЬ ДЕЛАТЬ? Дед, казалось, был окончательно сломлен.

ЛУЧШЕ НЕ ДЕЛАТЬ НИЧЕГО. ПРОСТО СКАЖИ ЛЮДЯМ, ЧТО СТАНС ПЕРЕУТОМИЛСЯ, НО ТЕПЕРЬ ВСЕ В ПОРЯДКЕ. ТЫ ПРЕДВОДИТЕЛЬ, ОНИ ТЕБЕ ПОВЕРЯТ.

НО ЕСЛИ СТАНС... ДЕФЕКТИВНЫЙ, ЭТО ТЫ ДОЛЖЕН СТАТЬ СЛЕДУЮЩИМ ПРЕДВОДИТЕЛЕМ, БРУНО.

Я ЖЕ СКАЗАЛ, СТАНС НИ В ЧЕМ НЕ ВИНОВАТ. Я НИКОГДА НЕ ОТБЕРУ У БРАТА СТАТУС.

ЭТО ДЕЛАЕТ ТЕБЕ БОЛЬШУЮ ЧЕСТЬ, БРУНО. НО БУДЕТ ОЧЕНЬ НЕЛЕГКО. ТЕБЕ ПРИДЕТСЯ ПОДДЕРЖИВАТЬ БРАТА...

Я выскользнул в реальность. Теперь я знал все.

И все рассказал Чаре.

— Как же ему удавалось скрывать это столько лет?

— Станс хитер и по-своему умен. К тому же он выработал манеру... не знаю, как сказать... высокомерного всеведения, что ли. Поэтому никто не любил его расспрашивать, а рядом всегда был мой отец с его великолепной памятью предков. Пока Станс его не убил!

Множество странных мелочей сразу обрело смысл. Станс безобразно неумел за рулем мотокара — искусство водителя также передается по наследству. Станс все чаще и чаще поддерживает религию в противовес историческим фактам... И так далее, и так далее.

— Но почему он расправился с Бруно?

— Станс и Ванда поссорились, когда посевы не взошли, и Станс измыслил воспоминание, чтобы уязвить Ванду, а она его на этом поймала. Отец все слышал и ужасно рассердился. Потом я пошел проверять лодку и случайно подслушал, как отец пригрозил Стансу, что откажет ему в своей поддержке. Должно быть, Станс решил, что Бруно откроет его тайну и отнимет у младшего брата статус предводителя. Отец никогда бы этого не сделал, конечно. Однако на следующий день его нашли мертвым.

— И после всех этих лет он мог подумать такое о родном брате?

— Я думаю, Станс не вполне в своем уме, и виной тому не только врожденный дефект. Долгое время жизнь в Иае была довольно легкой. Но в последние годы дела пошли неважно, а у Станса не хватало знаний, чтобы справиться с ситуацией. А тут еще и брат пригрозил отказать ему в помощи... Для дяди это было слишком много.

— ...И достаточно, чтобы убить брата?

— У него есть сын, как ты знаешь. Если у Станса не в порядке ге-

ны, то и у Триггера тоже. Расскажи мой отец об изъяне Станса, и Триггеру никогда не стать предводителем.

— Да, это я понять могу. Но почему он собирается убить тебя? Не вижу смысла.

— Воспоминание о первой трубке Станса. Это как... — я поискал нужное слово и нашел земное выражение. — ...бомба замедленного действия! Станс ведь не знал, что отец наложил запрет на это воспоминание. А если б и знал? Я мог сломать запрет, что, кстати, и сделал. Я-то не питаю к Стансу братских чувств, в отличие от отца.

— И что теперь?

— Есть лишь один выход: я должен бросить ему вызов в присутствии свидетелей. Иначе я всегда буду в опасности!

Когда мы с Чарой вернулись в Носс, грум был в полном разгаре, и кругом кипела бурная деятельность. Время явно неподходящее, чтобы обременять людей своими проблемами, ведь природа не станет ждать.

— Я хочу тебе кое-что сказать, мама, — обратилась Чара к Лонессе. — И пожалуйста, постарайся принять мои слова разумно.

— Я всегда разумна, — отозвалась ее мать не без определенной подозрительности.

— Я собираюсь жить вместе с Харди.

— Ты... что? — вскричала грозная предводительница Носса. — Ну нет, только не в моей деревне! И не в мужской деревне, Уэйли такого не допустит!

— Прекрасно. Мы будем жить в коттедже возле старой паромной переправы. И не надувайся так, мама. Ты бы и сама не отказалась пожить с отцом Харди.

— Этот жалкий коттедж — неподходящее жилище для моей дочери. — Лонесса оценила решительность Чары и пошла в обходную атаку. — Крыша обвалилась, внутри полно грызунов. Там никто не жил со времен парома.

— Ну и что, мы все починим. Мама, тебе бы лучше достойно признать свое поражение. Так будет гораздо приличнее, тем более в присутствии Харди.

— И ты надеешься, что этот червяк приживется в Носсе?

— Это ты о Харди? Он приживется где угодно, если будет жить со мной.

И тут Лонесса потеряла дар речи.

Мы оставили ее хватать ртом воздух, подобно рыбе на поверхности грунта, и рука об руку прошли через мужскую деревню, где бурлила кипучая работа.

— Смотри-ка, Кафф! — воскликнула Чара со смешком.

Тот как раз подогнал свой скиммер и ступил одной ногой на грязный пляж, когда увидел нас с Чарой. Лицо Каффа потемнело, и он застыл в нелепой позе — одна нога в лодке, другая на берегу.

— Ужасно, должно быть, лишиться такой девушки, как ты, — заметил я.

— О, его гордость задета, но по-настоящему Кафф меня не хотел. Не то что ты. Просто мы подходим друг другу по статусу. Для людей это очень много значит, но о любви тут речь не идет.

Вода у берега была невероятно грязной, на поверхности ее плавали водоросли, и мертвые твари, и умирающие. Там болтались и обломки старых лодок, и всевозможный мусор, вытесненный со дна грумом.

— Я научу тебя плавать, — пообещала Чара.

— Как, в этой грязи? Ни за что!

— Вода очистится через несколько дней, дурачок. А научиться плавать во время грума очень легко, потому что утонуть просто невозможно. Послушай, ты не можешь идти побыстрее? Я просто умираю от желания прижаться к тебе!

За несколько дней мы превратили ветхий коттедж в уютное жилище. Отец Чары то и дело забегал с дарами в виде посуды и мелких предметов обихода. Он предложил мне порыбачить с ним на пару.

— Нет уж, сперва пусть научится плавать! — отрезала Чара.

— Чара, во время грума он не утонет.

— Его сожрет груммер, пока он будет бултыхаться!

Уговорить девушку не удалось, и Крейн ушел, посмеиваясь.

Лонесса, напротив, нас полностью игнорировала.

Однажды, когда мы починяли крышу, она проходила по тропе над обрывом и искоса посмотрела в нашу сторону. Но головы не повернула.

Первый урок плавания состоялся через три дня после нашего возвращения в Носс. Солнышко в тот день приятно пригревало, хотя и не так жарко, как в прежние годы. На мне были кожаные шорты, а Чара надела очень красивый земной костюм из двух частей, его называют бикини. Она взяла меня за руку и подвела к слипу старой пристани.

— Ты готов?

Я с опаской поглядел на воду: по крайней мере, большую часть мусора уже выбросило на берег.

— Готов.

Я сделал глубокий вдох, и мы шагнули в воду. Она была невероятно холодной, словно я ступил на поверхность самого Ракса, но теплая ладонь Чары придала мне сил.

— Дальше не пойдем, — успокоила она. — Теперь садись, и вода сама тебя поднимет. И не воображай, что тебе холодно! В груме вода теплая, потому что море никогда не замерзает.

Мне так не показалось.

Когда я сел, то чуть не умер от страха, но Чара шаловливо дернула меня за шорты, и вскоре мы визжали и плескались не хуже малых детей. Потом мы перешли к уроку плавания, и выяснилось, что занятие это несложное: надо лечь на воду и загребать руками и ногами, вот и все. Я проплыл вдоль пристани и обратно, и мы снова стали дурачиться. Верхняя часть костюма Чары внезапно развязалась, я схватил эту тряпку и бросился наутек, а девушка с угрожающими воплями погналась за мной. Кончилось тем, что Чара признала меня искусным пловцом, и мы вернулись в коттедж усталые и довольные.

Это был один из последних по-настоящему хороших денечков...

А ночью мне приснился необычный сон.

Наши сны, как я уже упоминал, очень похожи на вспышки памяти — это чужие воспоминания, всплывающие непроизвольно. И потому они сугубо реалистичны, в отличие от тех, которые видят земляне.

В том сне, о котором я хочу рассказать, нас было трое — я/Бруно, Станс и девушка Эрнест, и мы совершили паломничество в Паллахакси, наш Святой Источник.

Я увидел, что мы стоим в конце проспекта, а справа и слева от нас древние дома — теперь пустые раковины без крыш! — взбираются по склонам окружающих небольшую гавань холмов. В гавани не было лодок, из города исчезли люди. Давным-давно никто не жил в Паллахакси.

Это была родина легендарной Кареглазки, великая святыня стихов, но я не ощущал никакого благоговения. Я видел лишь мрачные руины и тлен, и я не находил здесь предмета восхищения.

— Мы уже можем вернуться к мотоцику? — уныло спросил юный Станс.

— Разве это место не воздействует на тебя, сынок? — печально вздохнул Эрнест.

— Да, оно меня ужасно утомляет.

Согласно легендам, в Паллахакси берет начало память наших предков, и дед надеялся, что Святой Источник даст толчок наследственной памяти Станса. Он повел нас дальше вдоль береговой линии, и вскоре мы увидели дом, который отличался от соседних только тем, что хранители храмов из поколения в поколение кое-как подновляли его и подкрашивали. На двери красовалась эмблема, выполненная золотой краской: парящий груммет.

— Здесь, — торжественно провозгласил дед, — родилась на свет спасительница наша Кареглазка! И здесь она жила с великим Дроу-вом, который пришел к ней из Алики.

Станс уставился на эмблему с тупым выражением лица. Его нижняя губа вяло отвисла.

— Ну ладно, мы увидели это. А теперь давай поедем домой.

— Нет, мы пойдем на консервный завод, — резко сказал дед. — Мы приехали сюда не для того, чтобы сразу сдать.

Консервный завод — наша вторая святыня, и притом очень странная. Она расположена на окраине Паллахакси, на плоском участке земли близ болот, и там много прудов, где обитают ледяные дьяволы. Это огромная серая постройка отталкивающего вида, и она хорошо сохранилась, так как возведена из каменных блоков.

— Какое ужасное место, — сказал Станс. — Что в нем святого?

Согласно легенде, консервный завод был построен для того, чтобы защитить наших предков от взбесившихся животных, и наши предки пересидели там Великую Стужу. А после они вышли на свет живые, здоровые и обогащенные наследственной памятью, под водительством Дроува и Кареглазки, разумеется.

Мы вошли в здание через главный вход и узрели множество небольших алтарей, устроенных пилигримами. Украшали их различные предметы, но по большей части статуэтки Великого Локса. В боковой комнате мы нашли огромную кучу тонких листиков пепла.

— Это были книги, — объяснил нам дед. — В книгах делали записи, чтобы учить людей, они помогали им запомнить сведения о мире. Наши предки сожгли книги, когда солнечный бог Фа дал им в этом святом месте совершенную память. — Он с надеждой взглянул на Станса, который, казалось, слегка заинтересовался. — Пойдем дальше, сынок, мы должны осмотреть каждую комнату.

— Только без меня, — сказал я/Бруно. — От этого места у меня мурашки по коже.

Я проснулся и увидел яркий утренний свет и Чару, которая шекотала меня перышком груммета. Я рассказал ей все, что узнал во сне. Это было ценное воспоминание, и, возможно, оно когда-нибудь окажется полезным.

В то же утро совершенно неожиданно моя мать и Фоун прибыли верхом на локсе, переночевав по дороге в резиденции мистера Мак-Нейла. Это была приятная неожиданность, но Чара встретила гостей без восторга, как мне показалось.

— Что привело тебя в Носс, Весна? — спросила она подозрительно, когда мы все уселись пить стуву. — Ты уже толковала с Лонессой, не так ли?

— С Лонессой? — Весна поглядела на нас озабоченно. — Конечно, нет. Я ее не встречала.

— Благодарение Фа! У мамы, знаешь ли, бывают странные капризы.

— Я приехала просить об одолжении, — неуверенно начала моя мать. — Ванда нуждается в совете Харди. Она не возьмет в толк, что нынче происходит в Иаме.

От изумления я онемел.

— Вот как? — отозвалась Чара. — А почему ей должен советовать Харди?

— А кто же еще? У Харди самая длинная в Иаме память по мужской линии. И потом... Я просто хотела увидеть тебя, сынок! Я никак не могу поверить, что ты жив.

— Это действительно я, Весна. — Я взял ее за руку. — И вправду не умер. Но разве моя память самая длинная? А как же Станс и Триггер?

Весна проницательно взглянула на меня.

— Ты ведь все знаешь про Станса, не так ли. — Это был совсем не вопрос. — Не стоит меня дурачить, Харди.

— Отец наложил запрет на это воспоминание. Но я его сломал, так было надо. А ты, значит, все время знала?

— Ну конечно. У нас с Бруно не было секретов друг от друга. Но больше в Иаме никто не знает.

— Тем лучше для них. — Каждому, кто проводит об изъяне Станса, грозит смертельная опасность. — Фоун, ты никому не скажешь ни слова, понятно? Никому!

— Конечно, Харди, если ты настаиваешь.

Мы немного поговорили о том о сем, и я спросил:

— И что же в Иаме пошло не так?

— Религия, — сказала Весна. — Твой дядя сместил хранителя храма и занял его место. Станс хороший оратор, надо признать. И теперь он разглаголяет о том, что солнечный бог Фа отнял у нас свое тепло, так как ужасно разгневан и нуждается в усиленном поклонении и убогатворении... А прихожане ему, понятно, верят. В конце концов, с каждым годом становится все холоднее и холоднее, и объяснение Станса не хуже всякого другого. Тем более что другого все равно нет. В общем, люди совершенно помешались, и уже всерьез идет разговор о массовом паломничестве в Паллахакси... Нет, ты представляешь?! И это в то самое время, когда им следует всемерно оберегать посевы и усердно охотиться на дичь!

— Станс и раньше любил проповедовать. А теперь его некому одернуть, и он хватил через край.

— Я думаю, это он убил твоего отца, — сказала Весна невыразительным голосом. — Убийство не может страшить его так, как нас,

ведь у Станса нет врожденной потребности охранять память предков. Не знаю почему, но он решил, что Бруно собирается его разоблачить. Твой отец, конечно, не мог предать собственного брата, Бруно был верным до безрассудства... И я его за это ругала.

— У Станса не хватило ума, чтобы понять брата. — Я рассказал ей о том, что услышал, сидя под лодкой. — Вот почему он убил отца. Всего за несколько неудачных слов, брошенных в сердцах.

— Я так и думала, — согласилась моя мать без всякого удивления. — Я боялась, что он и тебя убил. — Ее голубые глаза внезапно наполнились слезами. — Ты даже не представляешь, как я обрадовалась весточке, что ты живешь в Носсе!

— А я не могла представить тебя мертвым, — вмешалась Фоун и получила в награду подозрительный взгляд Чары.

— Теперь я уверен, что это Станс продырявил мою лодку в прошлом году. Кстати, как он воспринял новость о том, что я... Э... сно-ва обманул смерть?

— Он впал в неистовство и носился по деревне, как безумный, — усмехнулась Весна. — Он всех убеждает, что это ты убил своего отца. Охотники на его стороне, и живи ты в любом другом месте, они бы просто пришли за тобой. Но даже Станс понимает, что нанести оскорбление Носсу было бы безумием.

Чара нарушила долгую паузу. Все время, пока я беседовал с матерью, она наблюдала за нами с непроницаемым выражением лица.

— Скажи мне, Весна, ты ведь приехала не только за советом?

— А ты не дуручка, верно? Ну, если желаешь знать, Ванда просила меня поговорить с Харди. Ванда хочет, чтобы он вернулся в Иам, и полагала, что присутствие Фоун поможет.

— Мама может думать что угодно, — печально произнесла Фоун, оглядывая нехитрую обстановку коттеджа. На лице ее отразилось искреннее одобрение. — Но, кажется, Харди и здесь хорошо. Мы зря теряем время.

Я задумчиво отхлебнул стувы.

— Вернуться? Это весьма рискованный шаг, если все мужчины против меня.

— Однако все женщины — «за», — подбодрила меня мать. — А среди мужчин лишь охотники поддерживают Станса. Народ Иама его боится, поскольку он непредсказуем. Однако Бруно уважала вся деревня, а ты его сын, и если мы с Вандой объявим о твоём возвращении... Люди сплотятся вокруг тебя и позабудут об этой религиозной дури.

— И, разумеется, прогонят Станса? Сомневаюсь. И я не могу открыть односельчанам истину о его изъёме, мне просто никто не пове-

рит. Если Станс и уйдет с поста предводителя, то унаследует его Триггер, а не я.

— Триггер? Никогда! Он такой же неполноценный, как его отец, да еще и дурак впридачу. Это будет конец Иама. — Пухлое, румяное лицо Весны непривычно отвердело. — Лучше уж я убью отморозка собственными руками.

Ее слова мрачно отразились от каменных стен старого коттеджа.

Да, это был старый, заброшенный коттедж, который мы с Чарой обратили в наш семейный очаг. В углу лежала груда мехов, мы спали на ней и ласкали друг друга. Неподалеку от коттеджа располагалась старая каменная пристань, где Чара только вчера дала мне урок плавания. А в нескольких сотнях шагов дальше была мужская деревня с ее рыбацкими лодками, и в этой деревне жил отец Чары, который собирался взять меня с собой на рыбалку.

Весна, прочитав мои мысли, вздохнула.

— Ванда не взяла в расчет любовь, — сказала она. — Без Чары ты никуда не поедешь, и ты не желаешь подвергать ее опасности. Я это понимаю, потому что у меня был Бруно. У Ванды никого не было, но я постараюсь ей все объяснить, как смогу.

— Мне очень жаль, правда.

— Ты изменился, Харди, и этого Ванда тоже не учла. Раньше ты был такой... безразличный. Бруно это очень беспокоило, он часто говорил мне, что ты не слишком-то любишь людей.

— Что тут удивительного, когда тобой помыкает надутый индюк вроде Станса.

— Что же, от Станса ты ушел. Я не могу винить тебя за то, что ты не хочешь вернуться.

— Я взял на себя обязательства в Носсе, Весна. И это для меня гораздо важнее, чем будущность Иама.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. — Она улыбнулась Чаре немного печально. — Ты волен делать то, что считаешь нужным, Харди.

Они вскоре уехали, оставив меня мучиться угрызениями совести.

— Ты ведь не собираешься уезжать? — озабоченно спросила Чара на следующее утро.

— Конечно, нет.

Она улыбнулась, шутливо ткнула меня в плечо, и мы продолжили нашу жизнь в Носсе.

А через пару дней отец Чары, Крейн, взял меня с собой на рыбалку.

Его скиммер был примерно восьмью шагов в длину, но очень узкий, и начал устрашающе раскачиваться, лишь только я ступил на него. К счастью, уроки плавания придали мне кое-какую уверенность. Я заме-

тил, что Кафф следит за мной из-за гряды разложенных на пляже килей, явно рассчитывая, что я оступлюсь.

— Сегодня мы поплывем вверх по течению, — предупредил Крейн, когда я благополучно уселся. — Тебе надо привыкнуть к лодке, прежде чем мы выйдем в море.

Это было милосердное решение, поскольку скиммер Крейна казался мне крайне неустойчивым. Когда мы вышли на середину эстуария и парус взял ветер, я еле-еле подавил крик ужаса.

Балансировка скиммера заметно улучшилась, когда Крейн установил с обеих его сторон тяжелые шесты около шести шагов в длину, с которых, на манер крыльев, свисали сети.

— Так лучше? — спросил он со смешком. Солнце и ветер запечатали на его лбу и щеках множество тонких линий, и когда он смеялся, лицо Крейна морщилось, как сухой желтый шар.

Теперь я знал, что грум, поднимаясь вверх по течению, гонит перед собой рыбу, и та находит себе убежище в небольших карманах обычной воды. Из такого омута меня и выудила Чара.

— Смотри-ка, Уэйли! — внезапно воскликнул Крейн.

Увечный предводитель Носса стоял с двумя другими мужчинами на оконечности низкого, заросшего кустами мыска. Один из его спутников наклонился, разглядывая нечто, лежащее на камнях. С такого расстояния трудно было понять, что именно, но очертания предмета напоминали мертвого лорина.

Голоса мужчин четко и ясно разносились над водой.

— ...проливает новый свет на события. Когда они узнают об этом...

— Им незачем об этом знать. — Я узнал резкий, слегка надтреснутый голос Уэйли. — Только этого не доставало! Сейчас необычайно важно, чтобы мы держались вместе.

— Кроме того, может оказаться полезным...

Когда они заметили нас, Уэйли предостерегающе шикнул на собеседников. Все трое поспешно сгруппировались вокруг объекта своего внимания, словно пытаясь укрыть его от наших глаз. Уэйли пробормотал:

— Я все беру на себя. А вам лучше забыть об этом, понятно?

Крейн широко ухмыльнулся, когда мы, проскользнув мимо мыса, вошли в небольшую бухту.

— Подумать только, как звук разносится над водой. Хотел бы я знать, о чем они там секретничали.

Тут скиммер вошел в менее плотную воду и сразу начал погружаться. Я сидел очень тихо. В такой воде я плавать не умел. Но Крейн спокойно переложил румпель, подобрал парус, и мы отвернули в сторону грума. Лодка поднялась из воды и замедлила ход, но сеть по правому борту, вдруг потяжелевшая, развернула нас назад.

— Тяни сеть! — скомандовал Крейн.

Я сделал все, как он меня учил. Мы совершили несколько заходов, и Крейн остался доволен.

— Как насчет того, чтобы завтра выйти в море?

— Да я бы не прочь.

— И Чара тебя отпустит?

Я немного подумал.

— Если я собираюсь остаться в Носсе, то должен стать полноценным жителем, не так ли? Она поймет.

— Тебе надо принять окончательное решение.

— Я не собираюсь возвращаться в Иам, если ты об этом.

— С нашим миром творится что-то неладное, — сказал Крейн. — Улов уже не тот. Но грум все-таки наступает каждый год, и вместе с ним приходит рыба.

— Носс не пропадет, — согласился я.

— Говорят, по суше бродят шайки голодающих, нападая на деревни. Я об этом думаю иногда... Что случится с Носсом, если на нас нападут? Мы рыбаки и непривычны к лукам и копьям. Другое дело — охотники из Иама. — Он внимательно посмотрел на меня.

— Ты полагаешь, Иам может атаковать нас, если там как следует проголодаются?

— Нет, Харди. Я говорю, что в Носсе привыкли подсчитывать, сколько рыбы съел прожорливый Иам. Но ведь может настать время, когда нам потребуется помощь наших соседей. Защита, например.

— Ты имеешь в виду союз?

— Вот именно. И если дело дойдет до этого, вы с Чарой... Скажем так, вы обнаружите себя в самом центре событий.

Слова Крейна, как вскоре выяснилось, были пророческими.

Грум прошел, и с ним исчезли грумметы, наездники грума и все прочие хищники, падальщики и прихлебатели. Море снова стало беспокойным. Сушеную рыбу убрали в амбары, а рыбаки поставили на место кили, снятые с лодок в ожидании грума. Покончив с этим, мужчины перенесли внимание на двери, окна и крыши, и когда налетел первый из послегрумных штормов, Носс встретил его во всеоружии.

Когда отбушевал последний шторм, в свои права вступило ненастье. Дождь падал на землю непрерывно, почти вертикально, и люди отсиживались по домам. Только лорины тихо бродили по деревне, понунив головы; пушистый мех намок и прилип к коже, и шаги их казались слишком крупными для маленьких телец. Локсов разместили в амбарах, а иногда и в домах, где их отделяла от хозяев канавка, прокопанная в земляном полу.

Носс готовился к службе.

Стужи приходят и уходят, новый год начинается и кончается, а жизнь идет своим чередом и память остается навеки. И когда привычный порядок вещей был внезапно нарушен, люди Носса испытали невероятный шок.

Однажды утром шайка грабителей атаковала амбар, где хранилась рыба.

Мы с Чарой в это время навещали Лонессу; визит вежливости, если можно так выразиться. Она приняла нас любезно, но холодно, позволила Чаре чмокнуть ее в щечку и полностью проигнорировала меня. Содержимое традиционного кувшина стувы оказалось таким жидким, что с тем же успехом его можно было зачерпнуть из колодца. Чара без видимых результатов пыталась включить меня в общий разговор, пока Лонесса не переменила тактику, внезапно заговорив со мной так, словно я по-прежнему проживаю в Иаме.

— Ну и как там дела у Станса? — спросила она медовым голосом. — Я слышала, твой дядя чрезвычайно занят в храме. И эта твоя кузина... как ее там? Ферн! Такая миленькая штучка. Надеюсь, вы с ней прекрасно поладили?

— Мама, — сказала Чара. — Ты что, выжила из своего крошечного умишки? Ты же знаешь, что Харди не видел их почти два сезона.

— Вот именно! — рывкнула ее мать. — Ладно еще, что вся деревня в курсе вашего безобразия, ну и Ракс с ними со всеми. Гораздо хуже неестественная, извращенная природа...

И в этот момент — весьма своевременно — громко забарабанили в дверь.

— Лонесса! Лонесса!

— В чем дело?!

— Амбар! Мужчины грабят большой амбар!

— Скажи об этом Уэйли, не мне! Пусть разбирается сам!

— Это не его мужчины!

Я подумал, что переговоры пройдут намного успешнее, если встать и открыть дверь. Так я и сделал, и в комнату ввалилась насквозь промокшая женщина, судорожно втягивая воздух и хватаясь за объемистую грудь. То была разделочница Носс-Белла, толстая, пожилая и болтливая. На сей раз Белле и впрямь было что сказать, но она никак не могла отдышаться, привалившись к стене.

— Ну? — осведомилась Лонесса. — И чьи же это мужчины, ради Фа?

— Я... Я... Уффф! Я никогда их раньше не видела!

— Почему ты не велела им убраться?

— Я им говорила! И Мейв говорила, и Фаунтин, и другие! Но они не желали нас слушать и отогнали прочь, будто мы стадо локсов. Кошмар! Кошмар! Ты только взгляни, какой синяк у меня на руке.

— Надо рассказать Уэйли. — Я решительно встал со скамейки.

— Чара, ты пойдешь со мной, — резко приказала Лонесса. — Я разберусь с этими отморозками раз и навсегда.

Мы оставили мокрую от дождя и слез Беллу пыхтеть у стены и разбежались в разные стороны. В рекордный срок я сформировал отряд добровольцев и повел их к амбару в женской деревне, но совсем не так быстро, как хотелось бы, поскольку всем пришлось приноравливаться к ковылянию Уэйли.

Пока мы шли, Кафф забросал меня вопросами.

— Кто эти грабители? Откуда? Они пришли из Иама? Это меня не удивляет.

— Не имею представления, откуда они взялись.

— Ты должен был узнать их, если они из Иама.

— Я их в глаза не видел, понятно?

— Тогда откуда ты знаешь, что они не из Иама?

— Ты заткнешься когда-нибудь, Кафф?! Я уже сказал тебе, что ничего не знаю. И ничего не узнаю, если ты не заставишь своего отца поторопиться.

— Ты осмелился упрекнуть моего отца? Да что ты о себе вообразил?! Ну погоди, вот разберемся с этим делом, и я дам тебе...

— Я же сказал, заткнись!

Словом, нашу команду довольно трудно было назвать дружной, когда мы прибыли к большому амбару. Перед высоким деревянным строением уже стояли шесть женщин.

— Они все еще там, — сообщила Носс-Фаунтин, высокая и немолодая, с дрожащими от ярости и унижения губами. — Только Фа известно, что они там делают с Лонессой и Чарой!

Но Лонесса оказалась в полном порядке. Гневным голосом отчитывала она кучку грязноватых мужчин в рваной меховой одежде. Чара стояла рядом, готовая в случае чего прийти на помощь. Я ощутил огромное облегчение, не увидев среди грабителей ни одного знакомого лица. Они принесли с собой ручную тележку, и в тусклом свете амбара я разглядел, что та доверху наполнена сушеной рыбой.

— Положите эту рыбу туда, откуда взяли! — рявкнула Лонесса и, заметив нас, раздраженно сказала: — Вы что-то не слишком торопились. Уэйли, прикажи этим типам немедленно вернуть украденное.

Но вместо отца заговорил Кафф.

— Вы слышали, что вам сказано? Выполняйте. Всю рыбу назад, на стеллажи!

— Нам очень нужна эта рыба, — сказал высокий бородатый мужчина. Видать, прежде он был могучей комплекции, но теперь меха болтались на его костлявых плечах. — Мы голодаем, разве вы не ви-

дите? И у нас голодные женщины и дети, они ждут нас в холмах.

— Очень плохо, — надменно изрек Кафф. — Вам следовало заранее позаботиться о себе. Вы могли наловить рыбы в Мясницкой бухте во время груга.

— Какие из нас рыбаки, мы живем в Тотни. Нынче совсем не было дичи и посевы не удались. — Он говорил невнятно, рот его был набит сушеной рыбой. Все остальные оборванцы поспешно жевали и глотали, словно опасаясь, что кто-то попытается вытащить добычу у них из рта. — Лето выдалось слишком холодным. Мы не одни такие, многим не повезло.

Они сгрудились вокруг тележки с рыбой, являя собой жалкое зрелище.

Уэйли наконец заговорил.

— Вы могли бы попросить!

— А вы могли бы отказать.

— Мы и отказываем! — завопила Лонесса. — Я слушала достаточно. А теперь положите рыбу назад и убирайтесь!

— Они не одни такие, это он верно сказал, — вступил я. — За этими сухопутниками придут другие.

— Разве это имеет отношение к делу? — разгневанно обернулась ко мне Лонесса.

— Какова будет наша политика, хотел бы я знать? Мы собираемся сражаться со всеми, кто явится в Носс за рыбой?

— Мы не можем обеспечить всех, кто не умеет заботиться о себе.

— Но несколько человек мы прокормим без труда. — Я повернулся к высокому незнакомцу. — Вы ведь охотники, верно? И обучены обращению с копьями.

Он понял меня по-своему.

— Мы оставили наши копья в холмах. Мы не собирались сражаться с вами.

— Но вы ведь сможете, если понадобится. — Я повернулся к Уэйли. — Думаю, нам следует оставить их в Носсе. Прокормить пару десятков человек для нас не проблема. А в нынешнее время полезно иметь под рукой людей, владеющих оружием.

— Защита, — задумчиво произнес Уэйли. — Они могут научить нас делать копья. И покажут нашим людям, как пользоваться оружием.

— Весьма разумная идея, — согласился я.

Возмущенные возгласы Лонессы и Каффа прозвучали одновременно. Обоих, насколько можно было понять, ничуть не волновали копья и тренировки, и оба жаждали немедля вышвырнуть грабителей из Носса. Когда крикливая парочка остановилась, чтобы перевести дух,

Уэйли воспользовался моментом и обратился к высокому бородачу:

— Ты и твои люди согласны присоединиться к нам?

— Это очень благородно с вашей стороны, — откликнулся тот, протягивая руку. — Я Тотни-Ярд.

— Я Носс-Уэйли. Добро пожаловать! Иди и приведи сюда своих женщин и детей.

Мужчины поспешно удалились, продолжая жевать. Наступило долгое молчание. Кафф и Лонесса явно не ожидали, что Уэйли перехватит у них инициативу и согласится с моим предложением.

— Так будет лучше всего, мама, — сказала Чара.

Лонесса нехотя кивнула.

— Но только эти восемь человек и их семьи! Нам совсем не нужны остальные беглецы из Тотни.

Кафф усиленно соображал.

— Да, теперь мы сможем отбиться от этих отмороzków из Иама!

Итак, Носс начал вооружаться. В лесу вырубали деревца на копыя, рыбаки усердно осваивали боевые приемы. Дожди продолжали лить, и стало очевидным, что они заметно холоднее, чем обычно. Ходили многочисленные слухи о бандитских шайках. Одна из них, более глупая или более наглая, чем другие, совершила нападение на резиденцию мистера Мак-Нейла. Эту новость принесла Елена — женщина, с которой я пришел в Носс. Я давненько не видел ее, но слышал от людей, что она переехала к Ничьему Человеку.

— Они пришли посреди ночи, — сообщила она. — Кто бы мог в такое поверить? Должно быть, они совсем помешались от отчаяния. У мистера Мак-Нейла есть что-то вроде трещотки, и она внезапно заработала. Она разбудила нас всех; повсюду зажегся свет, и мы увидели злоумышленников в саду. Десять человек, все в лохмотьях и совершенно дикие...

Мы собрались в амбаре для сетей, человек пятнадцать, включая Уэйли, Каффа и Лонессу. Мужчины чинили сети, пока не пришли Лонесса с Еленой, но теперь работа была отложена, и рыбаки обратились в слух.

— Они столпились у двери и принялись стучать, как безумные. Кто-то бросил камень в окно, стекла разлетелись по всей гостиной. Мне было очень страшно, тут нечего скрывать. И еще они кричали, так кричали... — Елена задрожала при одном воспоминании. — Они пришли не только за едой. Они пришли за самим мистером Мак-Нейлом.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Уэйли. — Зачем им был нужен мистер Мак-Нейл?

— Он землянин, вы же знаете. Незнакомцы винили во всем землян. Они утверждали, что земляне позволяют нам умирать от голода, а ведь могли бы всех спасти.

— Истинная правда, — заметил Кафф.

— И еще они кричали, что земляне удирают отсюда. Они перевозят все на свои корабли, а до нас им дела нет.

— Это ерунда, — фыркнула Лонесса. — Земляне живут у нас уже много поколений. Они вложили столько труда в станцию Девон, и в шахту, и во все остальное. Они не могут так просто бросить свое добро и улететь.

— Я пересказываю вам слова тех бунтовщиков. Они из Окама, что на краю болот, и они сами все видели. На их глазах земляне погрузили оборудование в шаттл, и тот улетел.

— Это не значит, что земляне уходят насовсем, — заключил Уэйли. — Шаттл обычно прилетает и улетает с оборудованием. Ладно, скажи лучше, как реагировал мистер Мак-Нейл?

— Он взял свое лазерное ружье и велел им убираться. И он поджег их тележку для устрашения. Дерево все пропиталось водой, но он эту тележку испепелил.

— Если у них такая техника, то почему они позволяют нам голодать? — спросил Кафф.

— Это политика невмешательства, — объяснил я. — Она работает в обе стороны.

— Мистер Мак-Нейл сказал мне, что земляне ничуть не счастливее нас, — поделилась Чара. — А в конечном счете, по его словам, только счастье и имеет значение. — Она придвинулась ко мне и крепко взяла за руку.

— Голод тоже имеет значение, — мрачно заметила Лонесса. — И ради Фа, перестань прижиматься к нему, Чара! — прошипела она сквозь зубы.

...Это один из тех моментов, к которым я возвращаюсь чаще всего: мрачный в вечных сумерках ненастья амбар, плотная завесь дождя за его открытой двустворчатой дверью; мужчины, сидящие на полу, забытые сети обвивают их колени; теплая рука Чары рядом, измученное лицо Елены; Лонесса, высокая и вызывающая, в кожаном комбинезоне, Уэйли, который опирается о столб... Пока еще предводитель жив.

И отдаленное гроыхание, которое я сперва принял за раскаты грома! Этот звук и является главным звеном момента, но я об этом еще не знаю.

— А потом он направил лазер на бандитов? — с надеждой спросил Кафф.

— В том не было необходимости. Мистер Мак-Нейл заверил их, что

у него нет намерения покинуть наш мир и что он всегда готов помочь, чем может... как и каждый землянин, в рамках земной политики. Бунтовщики еще немного покипятились, но мне показалось, что они заметно успокоились. Мистер Мак-Нейл тоже так подумал, потому что он пригласил их зайти в дом и поесть. Но Иона по-прежнему не доверял им. И вышло, что он был прав, а мистер Мак-Нейл ошибался.

— Кто такой Иона? — спросил Кафф.

— Вы называете его Ничьим Человеком. Но я думаю, он заслуживает настоящего человеческого имени, разве не так? Ну и когда мужчины из Окама очутились в доме, они повели себя очень гадко. Они стали бродить по комнатам, разглядывать земные вещи мистера Мак-Нейла. Они хватали предметы и отпускали дурацкие замечания. Один из них что-то уронил — я не знаю, как это называется, и эта вещь разбилась на мелкие кусочки.

Чара прижалась ко мне и шепнула:

— Что это за шум? Ты чувствуешь, пол трясется?

— Тогда мистер Мак-Нейл попросил их вести себя прилично, иначе они не получают еды. Он отставил в сторону свое ружье, чтобы показать, что он доверяет этим людям. И тут один бандит сказал, что если они возьмут мистера Мак-Нейла в плен и станут угрожать землянам его убийством, то Земля вынуждена будет оказать нам помощь. Они вроде как... оцепили его. И тогда Иона пошел и снова достал ружье. Потом мистер Мак-Нейл сказал, что он действовал чересчур поспешно, но я точно знаю, что Иона был прав. — Елена сглотнула, и глаза ее расширились от невольной вспышки памяти. — Он направил ружье на одного из бандитов, и вдруг одежда того человека задымилась и... Он упал, а вещи у дальней стены комнаты стали трескаться и распадаться, и вся стена запылала, сверху донизу. Мистер Мак-Нейл перехватил ружье, и все бандиты быстро выбежали из дома, кроме того, что лежал на полу. Тогда мы подошли посмотреть на него и увидели... увидели...

Елена замолчала. Но потом взяла себя в руки и сказала более спокойным голосом:

— Я наложила запрет на это воспоминание. Я не знаю, будет ли у меня когда-нибудь дочь, но если будет... Я не хочу, чтобы она увидела такое. Никогда... — Женщина остановилась и, вытянув шею, прислушалась.

Снаружи кричали люди. Уэйли оттолкнулся от своего столба.

— Что там происходит?

Мы выбежали под дождь. Чара не отпускала моей руки. Группа мужчин стояла у края воды, глядя поверх наших голов и указывая куда-то пальцами. Я заметил среди них Крейна и подскочил к нему.

— В чем дело?

— Деревья! Взгляни-ка на них! И земля, разве ты не чувствуешь? Землю я чувствовал: она ошутимо дрожала.

За амбаром, на крутом склоне холма, росли анемоновые деревья, и я устался на них. Большая часть лениво покачивалась под дождем, делая характерные хватательные движения. Но в одном месте купа деревьев неистово тряслась и ходила ходуном, словно гигантская рука пыталась выдернуть стволы с корнем; куски непереваренной пищи вылетали из их распыленных ртов.

Воды эстуария взволновались, посылая на берег шипящие волны, и люди поспешно отодвинулись от воды.

Уэйли лежал у дверей амбара: земля тряслась, деревянная постройка угрожающе раскачивалась, а увечный предводитель никак не мог подняться на ноги.

— Что происходит?! — слабо воскликнул он. Лежа он не мог увидеть происходящего за амбаром.

Какой-то рыбак рядом с нами начал громко читать молитву, но голос его потерялся в реве, исходящем от холма. Все зрители в безумном страхе завопили.

Пляшущие на холме анемоны внезапно вырвались из земли и, закрутившись, словно на ободке огромного колеса, разлетелись по воздуху во всех направлениях.

Громкий рев перерос в оглушительный, но все мы в шоке продолжали стоять и смотреть.

И наконец земля расступилась, и невероятный монстр выполз наружу из недр холма.

Чудовище было больше, чем десять домов, составленных вместе, а высотой своей почти не уступало холму. У чудовища был тупой нос, окруженный ужасными сияющими лезвиями, и от этих лезвий отлетали целые деревья. Выбравшись из осыпающейся груды земли, оно ускорило ход и устремилось на нас.

Кто-то врезался в меня с безумным криком. Люди вышли из ступора и разбегались кто куда, а на них со всех сторон валились деревья. Многие бросились в ледяную воду и лихорадочно поплыли прочь, их страх перед монстром перевесил ужас перед смертельным холодом. Но некоторые остались стоять на месте, вознося к небесам молитвы об избавлении и показывая чудовищу пальцами знак Великого Локса.

— Харди! Харди!

Я понял наконец, что Чара дергает меня за руку. Мы побежали вдоль кромки воды к старой пристани и нашему коттеджу. На полпути я решил, что уже можно остановиться и посмотреть назад.

Я помню, что именно в тот момент мой страх перешел в любопытство. Чудовище, как я вдруг сообразил, вовсе не было разумным. Оно

не охотилось за мной, оно вообще не охотилось на людей. Это была просто огромная движущаяся вещь, разрушающая все на своем пути, просто потому, что для того она и предназначена.

Амбар для сетей не составил для нее препятствия. Даже там, где мы стояли, рев был почти невыносимым, и Чара зажала ладонями уши. Теперь мы увидели эту штуковину сбоку: огромный, вздымающийся выше деревьев гладкий цилиндр, обмазанный коричневой глиной; в царапинах проглядывает серебристый металл.

— Чара! — заорал я, пытаюсь перекричать шум. — Я знаю, это Звездный Нос! Машина из шахты на станции Девон!

Глаза ее стали совсем круглыми.

— Что она здесь делает?

— Наверное, под нами один из тоннелей! Машина вышла из-под контроля!

Звездный Нос продолжал упорно продвигаться по прямой, нацелившись носом на воды эстуария. Группа молящихся сообразила наконец, что Великому Локсу не устоять против монстра технологии, и ударились в паническое бегство. Монстр пересек узкую полосу пляжа и наконец достиг воды.

Демонстрируя неожиданную отвагу, Кафф подбежал к гигантской, нависающей над ним машине, и яростно потряс кулаками. Крутящиеся лезвия коснулись воды, и фигура Каффа скрылась в облаке мельчайшей водяной пыли. Звездный Нос постепенно входил в эстуарий, и теперь я мог видеть торец машины, который запомнил на станции Девон: квадратные экраны, переключатели, контрольные рычаги.

Возле широкой канавы, оставленной монстром, Кафф стоял на коленях над изломанным телом отца.

Я совсем позабыл об Уэйли.

Мы все о нем забыли, кроме Каффа. Никто и не подумал ему помочь, когда увечный старик лежал у дверей амбара.

Я рванулся вперед, но Чара меня придержала.

— Лучшее оставь их вдвоем, — сказала она.

Рев Звездного Носа становился глуше по мере того, как вода все выше охватывала его бока. Люди молча собрались на берегу, наблюдая за исходом чудовища. Наконец оно скрылось из виду, и только бурлящая поверхность воды отмечала его дальнейшее продвижение. Но вскоре вода успокоилась, и стало очень тихо, а мы стояли молча, почти не веря, что все это действительно произошло.

— И что теперь будет? — спросила Чара.

— Ну, я думаю, он просто умрет. Или утонет, или что-нибудь вроде этого, что случается с такими штуками. Во всяком случае, Звездный Нос не предназначен для работы под водой.

— Нет, не то... Что будут делать без него земляне?

Это был хороший вопрос, и за ним неизбежно следовала целая куча других вопросов.

По словам Елены, бандиты были уверены, что земляне собираются покинуть планету. Шахта — главная причина их присутствия в нашем мире, а теперь она будет бездействовать, пока Звездный Нос не выудят и не починят. Но захотят ли земляне это сделать, большой вопрос. Им не удалось избавиться от лоринов, и они вполне могли решить, что от нашего мира беспокойства больше, чем пользы.

Узнав о трагедии, люди начали стекаться к амбару. Кафф просунул руку под плечи отца, укачивая его, словно ребенка. Я увидел, что губы Уэйли шевелятся, и мы с Чарой пододвинулись ближе. Подходили другие жители Носса, из мужской и женской деревни, и скоро вокруг Каффа с отцом на руках возникло широкое людское кольцо, балансирующее на грани почтения и любопытства.

Уэйли продолжал шептать, но я не мог разобрать ни слова. Кафф кивал головой. Потом голова Уэйли откинулась назад, и рука его, лежавшая на плече сына, вяло соскользнула на землю.

Кафф бережно уложил отца и поднял глаза, затуманенные скорбью. Взгляд его рассеянно блуждал по толпе, пока не наткнулся на мои глаза... Внезапно все изменилось.

Кафф смотрел на меня оценивающе, с холодным расчетом.

Как будто предсмертные слова Уэйли дали ему надо мной таинственную власть.

НЕНАСТЬЕ

— Нам необходимо знать истину! Я предлагаю немедленно отправить депутацию на станцию Девон и потребовать объяснений от землян.

Станс обращался к жителям Носса со своего мотоцикла. Триггер стоял рядом с отцом. Кафф и Лонесса также забрались на платформу, не желая предоставлять Стансу случая полностью владеть настроением толпы.

— Что делать народу Носса, решают предводители Носса! — гневно воскликнула Лонесса.

Станс прибыл вскоре после того, как Звездный Нос завершил свое черное дело. За мотоциклом тащился на буксире прицеп, а в нем восседали охотники с копьями, одиннадцать человек общим числом. Мы с Чарой и Крейном как раз обсуждали последние события, когда я услышал знакомое «чух-чух», и Станс выкатился на пляж во главе своей команды. Он рванул тормозной рычаг, едва не врезался в толпу и остановился у кромки воды, подпортив впечатление о прибытии великого вождя.

— Решение за вами, разумеется. Я просто представляю вам факты, вот и все.

— Ты выбрал неудачное время, Станс, и сам это понимаешь. Приезжай завтра, тогда потолкуем.

Тут предохранительный клапан мотокара с громким шипением выбросил струю перегретого пара, и все присутствующие вздрогнули от неожиданности.

— Но завтра может быть уже поздно! — надсадно проорал Станс, заглушая шипение, а я подумал, что на сей раз мой дядя, как ни странно, прав.

Я поспешно пробрался сквозь толпу, вскочил на платформу, где меня встретили разъяренные взгляды лидеров, и обратился к Стансу:

— Вещь, которая убила Уэйли и разрушила амбар для сетей, называется Звездный Нос. Это земная машина, она работала в шахте, а теперь лежит на дне эстуария. Сомневаюсь, что станции Девон удастся достать ее и привести в порядок, а без Звездного Носа они не смогут добывать металл. Если же не будет металла, землянам незачем оставаться на нашей планете.

Станс подозрительно оглядел меня, судорожно соображая, где здесь ловушка.

— Ты уверен в том, что говоришь?

— Зачем мне лгать, Станс?

Лучше бы я молча кивнул, поскольку глаза дяди злобно сощурились. Он явно воспринял мою реплику как прозрачный намек, подтверждающий, что мне известно о его неполноценности.

— Я с тобой, Станс! — внезапно выкрикнул Кафф. — Эти ублюдки убили моего отца, и я намерен спросить с них за это. Нет, так просто они не отделаются!

Толпа встретила заявление юнца ревом восторга, и Кафф — наш новый предводитель — вспыхнул от удовольствия и расправил плечи.

— Клянусь пресветлым Фа! — завопил он. — Мы покажем земным отморозкам, что мы — сила, с которой необходимо считаться!

Мне не хотелось, чтобы потомки связывали меня с той кучей глупостей, которую накидают сейчас наши лидеры, поэтому я потихоньку спустился с платформы и нашел в толпе Чару.

— Давай раскочегарим наш мотокар, — предложила она. — Мы же не хотим пропустить это такое развлечение?

— Сегодня мы далеко не уедем.

— Но твой дядя Станс собрался в путь. Я думаю, они проведут ночь у мистера Мак-Нейла, и Станс будет изводить его в знак благодарности. Лонесса с Каффом тоже отправятся. Не могут же они допу-

стить, чтобы Станс заключил отдельное от них соглашение с землянами!

Было уже далеко за полдень, когда два тяжело нагруженных мотокара отбыли наконец из Носса. Станс, который ехал впереди, заверил нас, что охотники останутся в Иаме, а вместо них на станцию Девон отправятся Ванда и другие старейшины. Копья охотников произвели неблагоприятное впечатление на жителей Носса, и во время дискуссии в толпе появились новенькие носские копья, которые держали перековавшиеся бандиты и их ученики. Возникла небольшая суматоха, и Станс, по-видимому, уловил намек.

Сумерки сгущались, где-то за низкими тучами вставал Ракс, и я уже начал нервничать, но тут впереди появились огни резиденции мистера Мак-Нейла. Мы с Чарой, Крейн и еще шесть человек из Носса ехали на обычной телеге, привязанной веревкой к мотокару. Это было лишенное всякого комфорта путешествие, но никто из нас не пожелал остаться на обочине истории.

Головной мотокар свернул на дорожку, ведущую к резиденции, и Крейн вздохнул:

— Уфф, какое облегчение! А я уже думал, Станс собирается ехать всю ночь. Хорошо им в кабине, а тут, того и гляди, околеешь от холода.

Обмотанные мехами и одеялами с ног до головы, мы неуклюже выбрались из телеги и поспешили в дом. Там было изумительно тепло, и все мы сразу воспряли духом и принялись оживленно болтать. Стансовы вояки уже слонялись по комнате, разглядывая земные артефакты. Ничей Человек — Иона — поздоровался с нами и сказал:

— Мистера Мак-Нейла нет дома.

— И неудивительно, — едко заметила Лонесса. — Должно быть, сейчас он уже взлетает на шаттле.

— В этом я сильно сомневаюсь.

Мне хотелось бы думать, как Иона, но отсутствие мистера Мак-Нейла зародило в душе сомнение. Именно сейчас, как никогда, ему следовало бы находиться здесь, чтобы внятно объяснить нам, что происходит, и успокоить взбудораженные умы.

— Так или иначе, — резко заявила Лонесса, — мы остаемся здесь на ночь.

— Я не могу вам запретить. Но прошу ничего не ломать и не портить.

— А тебе-то что за дело? Похоже, твоему дружку-землянину это жилье больше не понадобится.

И тут же раздался грохот: один из охотников случайно сшиб на пол какой-то круглый предмет. Бесшумно появилась Елена — в первый раз — и вернула земную вещь на ее подставку.

Я издал невольный взглас удивления, и Чара вопросительно взглянула на меня.

— Она выглядит совсем по-другому, — объяснил я, едва узнав в этой женщине изможденное, угрюмое существо, которое я привел в Носс. Елена округлилась, морщинки на лице разгладились, она казалась почти хорошенькой. — Гораздо моложе.

— На что только не способна любовь! — засмеялась Чара и шутиливо ткнула меня в бок.

Станс снова закатил речь. Я не стану ее пересказывать, это была типичная дядина бессмыслица, исполненная в стиле ДАВАЙТЕ-ВСЕ-ОБЪЕДИНИМСЯ-ПРОТИВ-ОБЩЕГО-ВРАГА. Но аудитория приняла ее благосклонно, а Стансовы охотники впали в бездумный восторг. Я упоминаю этот малоинтересный эпизод только из-за Каффа, который наблюдал за оратором с довольно странной улыбкой... Словно ему была ведома какая-то жгучая тайна.

Но Кафф никак не мог узнать об изъяде Станса, и мне оставалось лишь теряться в догадках.

Мой дядя выполнил обещание: на следующее утро охотники высидились в Иаме, а вместо них в прицеп набились мужчины и женщины, отобранные скорее по глубине памяти предков, чем по своим деловым качествам. Все люди из Носса вздохнули с облегчением. Залепанная грязью кавалькада тронулась с места и покатила к болотам, Станс по-прежнему во главе.

Дорога оказалась коварной, все ее ухабы и выбоины были залиты водой. На нашу телегу наспех поставили временный тент, который кое-как защищал от дождя, но не слишком. Мы с Чарой сидели обнявшись и закутавшись в меха.

— Спорим, что твоего дядю скоро придется выручать из беды? — хихикнула она.

По пути на станцию Девон Станса пришлось извлекать из грязи трижды. Кафф, который управлял нашим мотокаром, излучал торжество и сарказм; он дошел до того, что предложил иамцам усадить за румпель старую Ванду. Все прочие представители Носса испытывали куда меньше удовольствия, всякий раз отвязывая свою телегу, чтобы соединить веревкой обе машины.

Поздним утром мы добрались до длинного пологого подъема, и мотокары завели свое «чух-чух» на более низкой ноте. И вдруг за густым пыхтением я услышал кое-что еще: высокий, жалобно свистящий звук в сопровождении громохання. Должно быть, и Станс услышал это, поскольку его мотокар затормозил и остановился. Кафф тоже остановил машину, мы откинули тент и принялись вертеть головами.

Звук, казалось, доносился с неба, но длился слишком долго, чтобы

быть громом. За ливнем мы ничего не могли разглядеть. Звук постепенно утихал и вскоре прекратился, а мы поехали дальше.

— Это шаттл, — уверенно заявил Крейн.

Когда мы доехали до станции Девон, то за новенькой изгородью, которая тянулась так далеко, насколько хватало глаз, заметили чрезвычайное оживление. У изгороди толпилось несколько кочевников со своими локсами и повозками; люди заглядывали внутрь сквозь прутья тяжелых двустворчатых ворот, также совершенно новых. Смит и Смиты были там и препирались с человеком, который стоял за воротами. Мы вылезли из телеги и присоединились к старым знакомым.

— Сожалею, но вам придется говорить со мной, — сказал землянин. Это был высокий худощавый мужчина в золотой униформе, явно чем-то взволнованный. — Мне поручили ответить на все ваши вопросы.

Смит пожал плечами и обернулся к Стансу. Мой дядя внушительно произнес:

— Я предводитель Иама и требую, чтобы ко мне вышел ваш старший офицер.

— А я предводитель Носса и требую того же, — поспешно добавил Кафф, изрядно смазав впечатление.

Лонесса открыла рот, намереваясь добавить свой голос на чашу весов, но здравый смысл возобладав, и она промолчала.

Тут Крейн заговорил с внезапной силой:

— Что тут происходит, отморозок? Выкладывай. Зачем здесь изгородь? Зачем ворота?

Мужчина в униформе нервно сглотнул и заглянул в табличку, которую держал в руке, должно быть, желая освежить память.

— Как вам хорошо известно, станция Девон существует здесь много лет. И все это время ваш и мой народы работали вместе к всеобщей выгоде. Выгода — это ключевое слово. — Он смотрел поверх наших голов, адресуясь к падающему дождю, словно это избавляло его от необходимости думать о реальных живых людях. — Вы получили выгоду от применения нашей технологии. Вы получили выгоду также от возрастания ваших бартерных возможностей благодаря нашей плате за использование вашей земли.

— Говори дальше! — сердито крикнул Крейн. — Расскажи-ка, почему вы не пускаете нас на нашу собственную землю. В арендном договоре записано, что нам гарантирован свободный доступ на станцию Девон. В любое время дня и ночи!

— Это вам ничего не даст, вы только подвергнете себя опасности. На территории работает тяжелая техника. На чем мы остановились? Ах да, выгода. Она непременно должна быть взаимной. Мы не мо-

жем позволить себе заниматься благотворительностью.

— Впустите нас! — завопил Кафф. — Или мы пробьемся внутрь на мотокарах!

Это была типичная стратегия Каффа, и я бы с удовольствием поглядел на реакцию землянина, но в этот миг меня посетила самая живая вспышка памяти, какую я когда-либо испытал...

...И теперь я стоял уже внутри изгороди, а высокий человек рядом со мной представлял временную администрацию. ЧТО ПРОИСХОДИТ? — крикнул я. ВЕДЬ ТАМ, СНАРУЖИ, ЛЮДИ ИЗ ПАЛЛАХАКСИ! РАДИ ФА, ОТ КОГО МЫ ЗАЩИЩАЕМСЯ?

МЫ ЗАЩИЩАЕМСЯ ОТ ТЕХ, КТО ХОЧЕТ НАС УБИТЬ, — ответил он.

Вокруг меня стояли люди с незнакомыми предметами в руках, но я отчего-то знал, что эти предметы предназначены для убийства. Убийство настойчиво витало в воздухе, и снаружи изгороди, и внутри.

И я крикнул высокому мужчине, который стоял рядом со мной: ЕСЛИ ТВОИ ЛЮДИ СТАНУТ СТРЕЛЯТЬ, ТО Я УБЬЮ ТЕБЯ, ОТЕЦ, КАК ТОЛЬКО ПРЕДСТАВИТСЯ СЛУЧАЙ!

Когда видение поблекло, я понял, что уже видел это место, и притом совсем недавно: консервный завод в Паллахакси! О Ракс, какие же события происходили на этой фабрике много поколений назад? И что за отец был у моего отдаленного предка, если тот вынужден был угрожать ему смертью?..

Тем временем к станции Девон прибывало все больше и больше народу со всевозможных направлений. Внутри изгороди высокий землянин что-то пробормотал, глядя в свою табличку, и почти сразу же появилась машина на колесах. Она быстро покатила в нашу сторону, и я узнал аппарат, выпирающий на ее тупом носу: это было большое лазерное ружье.

Кафф уже сидел в своем мотокаре и маневрировал, выбирая позицию для лобовой атаки.

— Ну вы и дождались, отморозки! — торжествующе завопил он.

Я преодолел расстояние за секунду, вскочил на платформу мотокара и крикнул ему в лицо:

— Там у них лазер! Тебя разрежут на куски!

— Пусть попробуют! — Он потянулся к регулятору, но я ухватил его за руку.

— Ты знаешь, на что способен лазер?

— Не знаю и знать не хочу! — рявкнул Кафф. — Отпусти мою руку, Иам-Харди, а не то я набью тебе морду. Что ты за трус такой?! Испугался кучки землян? Почему же они, по-твоему, спрятались за этим забором? Это они нас боятся, вот как.

— Ты ничего не знаешь о землянах, Кафф! Ты почти никогда...

И тут он поймал меня врасплох: притворно расслабился и внезапно отшвырнул меня назад. Я упал на поленницу, и дрова раскатились под моими ногами, когда я попытался встать. Мотокар рванулся с места, и я опять упал. Кафф высунулся из кабины, что-то выкрикивая в толпу, люди у изгороди поспешно разбегались, уступая дорогу набирающей скорость машине.

Вскочив, я обхватил безумца сзади за талию и оттащил от рычагов. Переднее колесо попало в выбоину, наш мотокар накренился, я дернул Каффа на себя... Мы вместе грузно плюхнулись в грязь и откатились в сторону, и кованое заднее колесо прочавкало в трех пальцах от моей головы.

Кафф освободился из моих рук.

— Ах, так?! Сейчас я набью тебе...

Раздался оглушительный свист, полоска светящегося тумана повисла между лазерным ружьем и мотокаром. Струя перегретого пара вырвалась из дыры в бойлере, обведенной красным кольцом разогретого металла. Мотокар вильнул в сторону, замедлил ход и...

И тогда произошло то, что потомки Каффа не забудут вовеки.

Должно быть, лазерный луч повредил нагревательные трубки бойлера, и в раскаленную топку ворвался сжатый пар. С того места, где мы лежали, был прекрасно виден результат... Целое облако пламени и пара окутало машину, и силой взрыва сдуло все, что лежало на задней платформе. Мы с Каффом дружно уткнулись в грязь, когда на нас посыпались металлические инструменты, дрова, канистры... Когда мы снова подняли головы, деревянная кабина яростно пылала, а сам мотокар остановился, приткнувшись к стене.

Я продолжал лежать, видимо, в шоке. Со всех сторон к нам сбегались люди. Чара упала на колени и потрогала мое лицо.

— Со мной все в порядке, — заверил я, не в силах видеть ее слезы. — Все хорошо.

Я встал, довольно неуверенно, и поднял Чару с колен. Она припала ко мне дрожа.

— Харди, у тебя кровь на лице!

— Пустяки, это царапина.

Обнимая ее, я бросил взгляд на Каффа. Тот смотрел на меня в упор; выражение его лица вновь стало загадочным. Наконец Кафф как-то странно взмахнул рукой и отвернулся. Возможно ли, что это был знак перемирия?..

— Я уже сказал: мы не можем заниматься филантропией. — Человек в униформе продолжил речь как ни в чем не бывало. — Мы никогда не обещали вам, что останемся здесь навсегда. Теперь же пребы-

вание в вашем мире стало для нас невыгодным. Мы признаем, что некоторые из наших людей предприняли ошибочную и неправомерную попытку атаковать лоринов, и мы приносим вам за это свои извинения. Мы признаем также, что машина в шахте вышла из-под контроля, и это привело к трагической гибели человека, не говоря уж о значительном материальном ущербе. Мы крайне сожалеем о своих ошибках, но никто не застрахован от них.

Я протолкался вперед и встал лицом к лицу с землянином.

— У меня нет к вам доверия. Я хочу поговорить с мистером Мак-Нейлом.

Он посмотрел на меня удивленно, пытаясь оценить мой статус.

— Мистер Мак-Нейл занят. Но я уполномочен говорить от имени всех землян.

— Это мне не подходит. Приведите его сюда.

Он забормотал в свою табличку, но я уже понял, что это просто показуха. Все его представление — один большой обман. Земляне срочно смываются, и мы не в силах им помешать.

Человек взглянул на меня и сказал:

— Мистер Мак-Нейл отбыл на последнем шаттле.

Это был сокрушающий удар.

О Фа, можно ли доверять хоть одному землянину?!

Меня охватил гнев.

— Почему бы вам не сказать прямо, что все вы улетаеете навсегда, и мы ровно ничего не можем сделать, чтобы изменить ваше решение?

Землянин посмотрел мне прямо в глаза.

— Ну, если ты так хочешь... Да, мы все улетаем отсюда, — сказал он плоским голосом. — И вы ничего не можете сделать. — Люди вокруг меня закричали и заплакали. — Ты удовлетворен?

— Как насчет компенсации?

— Мы построим новый амбар в Носсе иотремонтируем ваш мотоцикл. Но предводителя мы вам вернуть не можем. Это все. За остальное — использование земли, добычу минералов — вы получали компенсацию ежегодно.

Я отвернулся и увидел знакомые лица.

— Поехали домой, — сказал я. — Мы теряем здесь время.

Лонессу и Станса, разумеется, возмутило мое предложение, но Ванда и Кафф не сказали ни слова. Вскоре Кафф отошел в сторону и стал привязывать нашу телегу к иамскому мотоциклу, в котором уже устроилась Ванда.

Землянин подождал и, когда толпа притихла, снова заговорил:

— От имени своего народа я уполномочен заявить, что мы крайне

польщены тем, что вы не хотите с нами расставаться, и чрезвычайно огорчены тем, что все-таки вынуждены это сделать.

Гнев не оставлял меня.

— А мне все равно, что вы там чувствуете! Да, вы отремонтировали наши дороги и дали нам лекарства и иные блага. Но мы прекрасно жили здесь до вас и после вас тоже будем жить нормально. Так что убирайтесь поскорее, и Ракс с вами!

Он смотрел на меня молча; в глазах его стояла странная печаль.

— Но у нас не хватит еды на зиму, — сказала Лонесса почти извиняющимся тоном.

Он поколебался.

— Насколько мне известно, в Носсе нет продовольственной проблемы.

Станс, который молчал непривычно долго, вдруг отверз уста:

— Но мы в Иаме будем голодать! Поэтому я требую...

Его слова утонули в глубоком рокоте, постепенно переходящем в пронзительный вой и свист. На секунду водяной туман просветлел, и мы уловили очертания невероятной стены блистающего металла, возносящейся в облака.

Это было внушительное завершение спектакля. Что мы, стилки, можем поделать против такой технологии? Я взглянул на Станса и прочитал на его лице выражение безнадежности.

— Вы ничего не можете предпринять, — сказал землянин. — Я тоже бессилен. — Он говорил не заготовленные слова, а от себя. — Если бы я мог хоть чем-нибудь помочь, я сделал бы это. Но обстоятельства против нас.

В его словах была истина, и мы наконец ее уразумели. Мы зря теряли время. Я слышал, как в толпе заплакали, когда дождь припустил с новой силой.

— Мне очень жаль, что так получилось с вашим мотоцикаром. Я сейчас распоряжусь, и механики приведут его в порядок. Он будет даже лучше, чем новый. — Этот землянин говорил с нами, словно с маленькими детьми.

В некотором роде так оно и было.

Мы оставили кочевников стоять у ворот и отправились назад в Иам. За Стансовым мотоцикаром тащились два переполненных прицепа. Я оставил Чару с ее матерью и присоединился к небольшой группе в кабине: кроме дяди там были Триггер, Кафф и Ванда. Кафф кивнул мне, а Станс поглядел с удивлением, однако угрозы в выражении его лица я не заметил.

— А, Харди, — бросил он вместо приветствия.

— Станс, — сказал я столь же кратко и проверил уровень воды в

бойлере. Похоже, я сегодня заключил еще одно перемирие. Сначала Кафф, потом Станс. Возможно, наша общая беда слишком велика, чтобы лелеять личные обиды.

— Я всегда надеялся, что земляне нам помогут, — сказал Станс. — О Фа, я и представить не мог, что они от нас просто сбегут!

— Они давно прояснили свою позицию, — напомнила Ванда.

Ее слова спровоцировали обычную ссору, но, как ни странно, мой дядя быстро успокоился и заключил:

— Нам будет лучше без них. Тут ты права, Ванда. Нам следовало примириться с ситуацией, когда они впервые дали понять, чтобы мы не рассчитывали на их помощь. Моя ошибка в том, что я верил в порядочность землян. Но они не такие. Они безбожники! Не в их натуре помогать ближнему, если при этом нельзя извлечь выгоду. Но тут наши друзья совершили ошибку.

— Ошибку, Станс? — невинным голосом спросил Кафф. — И в чем же она заключается?

— Они недооценили нашу способность к выживанию. Они не приняли в расчет наше главное оружие!

— Оружие? — переспросил Кафф в изумлении, но я хорошо знал дядю и уже понимал, куда он клонит. И я увидел зерно будущего конфликта.

Станс отвернулся от дороги и улыбнулся всем по очереди: Ванде, Каффу, Триггеру и мне. Его улыбку нельзя было назвать вполне нормальной. Это был ослепительный оскал фанатика. И он возвысил голос, хотя мог бы не стараться: я уже знал, что последует.

— Да, оружие! Оружие, какого нет у землян! Молитва!

Только Станс с его врожденной харизмой был способен устроить такое представление... Я с любопытством наблюдал за дядей, стоя в храме рядом с Чарой и Лонессой. Станс, как мне рассказала Весна, провел уже множество подобных спектаклей, но я-то покинул Иам вскоре после первого.

— Мы воскресим наши древние религиозные традиции, и хорошие времена непременно вернутся! Но я обязан предупредить мой народ, что это будет нелегко. Нет, я не могу обещать вам бесконечное лето, не могу посулить изобильный урожай... Пока еще нет. Мы ужасно согрешили, и мы должны понести наказание. О да, мы прельстились земными благами! И мы забыли о молитвах солнечному богу Фа, и он наказал нас, забрав свое тепло, и точно так же Козел-прародитель отнял у нас изобилие. И вот теперь настало время, когда все мы должны покаяться!

Ропот одобрения пробежал по рядам придурков, собравшихся в

храме: Станс всегда прав, Станс знает, о чем говорит! Рядом стоял Каунтер, его младенческое лицо лучилось бессмысленным восторгом.

— Станс хороший. Станс добрый. Станс всегда прав, — бормотал он, то опуская, то вскидывая голову, словно брошенная лодка, дрейфующая по волнам.

— И тогда земляне прикинулись нашими друзьями, но это были фальшивые друзья, и они злокозненно завели нас в тупик. Самый лучший путь — это путь наших предков!

— Забавно слышать такое от Станса, — вполголоса сказала Чара. — Совсем недавно он утверждал, что прошлое всего лишь древний мусор.

— А что ему оставалось, если он не может преждевидеть? — прошептал я. — Зато теперь он уверен, что его некому уличить в беспамятстве. В конце концов, это просто мифы, и Станс может навывдумывать новых.

— Но зачем ему это нужно?

— Ради власти, конечно. Пойдем отсюда, Чара, я слышал достаточно.

Носский мотокар прибыл в Иам в полном порядке, гораздо лучше нового, в сопровождении блестящей металлической машины. Земляне выразили свое сожаление в скупых словах, которые были встречены утрюмым молчанием. Земляне — враги, Станс хорошо объяснил это своему народу. А их сверкающий багги был символом тупого земного материализма. Когда гости снова забрались в свою машину, ее полированная поверхность оказалась изрядно исцарапанной.

В тот же день Кафф, Лонесса и все остальные жители Носса отправились домой.

Двумя днями позже в Иаме появились Смит со Смитой и принесли весточку о том, что последний шаттл отбыл и станция Девон официально считается закрытой. Кузнец приехал на мотокаре, к которому был прицеплен трейлер явно земного происхождения, доверху набитый всякой всячиной.

— Вам бы только взглянуть, что они там оставили! — с энтузиазмом воскликнул Смит. — На несколько поколений хватит! Я еду в Алику, чтобы оповестить сына. На станции Девон куча всяческого добра, которое ему пригодится. И тебе, Станс, следует самому наведаться туда в будущую оттепель. Эти вещи могут здорово облегчить жизнь в Иаме.

— Нам не нужно земное барахло.

— Вот как? — Смит с любопытством взглянул на Станса. — Ну что ж, это ваша проблема.

— И мы не желаем видеть в Иаме ничего земного, Смит! Увози от-

сюда эту гадость. Оставь нас в покое. Я уверен, что найдется достаточно безбожных деревень, где ты сможешь заработать своим ремеслом.

Лицо кузнеца потемнело.

— Помнится, ты был весьма благодарен мне за помощь, когда застрял ночью в болотах.

— Времена меняются, и мы должны быть гибкими, чтобы изменяться вместе с ними. Теперь мы в Иаме смотрим на вещи по-другому. Мы больше не нуждаемся в твоих услугах, Смит!

Кузнец взглянул на меня. Я пожал плечами. В доме Станса собралось около дюжины человек. Там было сыро, сквозь крышу протекала вода, с унылым постоянством капая нам на головы. И я прекрасно знал почему. Умение сплести кровлю из листьев передается из поколения в поколение, но Станс и Триггер, лишенные памяти предков, понятия не имели, как это делается.

— Я вижу, ты уповаешь на Великого Локса, который починит твою крышу и накормит вас всех, — усмехнулся Смит.

— Мы слишком долго прельщались земной технологией!

— Уф, я не в силах разговаривать с тобой, Станс. К Раксу тебя и всех тебе подобных.

Смит показал свою спину, и вскоре мы услышали «чух-чух» отъезжающего мотокара. После его ухода воцарилось задумчивое молчание.

— Еще одна победа! — вскричал мой дядя так внезапно, что некоторые из присутствующих вздрогнули. — Ледяной дьявол вознамерился соблазнить нас, но мы с негодованием отреклись от него, как поступили во время оно благочестивые Дроув с Кареглазкой. И это самый подходящий случай возблагодарить Великого Локса, который в щедрости своей уделил нам толику своей могучей силы!

— Пошли отсюда, — шепнула Чара.

Когда мы вернулись в мой дом, она сказала:

— Лучше бы Станс не приплетал к своей ерунде Дроува и Кареглазку. Честно говоря, я всегда питала к ним теплые чувства. — Она вздохнула, оглядывая обстановку. — Здесь у тебя хорошо, Харди. Мне было очень приятно провести несколько дней с тобой в этом доме.

Я ощутил стеснение в области желудка.

— Кажется, твоя мать уже смирилась?..

— Но здесь мне не место, — сказала она.

— Твое место рядом со мной, — возразил я ослабевшим голосом.

— Но и тебе здесь не место, любовь моя, ты просто теряешь время. Станс держит Иам под своим закланием, и ты ничего не в силах

изменить. Если только не разоблачишь своего дядю! Но я знаю, что ты не станешь делать этого.

Она была права. Я действительно не мог этого сделать.

— Ты слишком мягкий, Харди. Ты его не любишь, но и возненавидеть по-настоящему не можешь. Ты все еще до конца не желаешь понять, что это Станс убил твоего отца. И ты не уверен, что тебя он тоже хотел убить.

— Я уверен, — сказал я прерывающимся голосом. После финальной поездки на станцию Девон отношение дяди ко мне изменилось. Он говорил со мной, как со взрослым. Он даже спрашивал моего совета в разных мелких делах.

— Мы возвращаемся в Носс, — отрезала Чара. — Тебе повезло, потому что на твоей стороне сильная женщина. И это я, между прочим! Поэтому собирай вещички и возьми в амбаре пару локсов. Мы должны убраться отсюда прежде, чем твой дядя проткнет тебя копьём. По чистой случайности, разумеется.

— Но... Я нужен здесь, Чара. Я не могу бросить этих людей просто так!

— Еще как можешь! Только постарайся, чтобы они тебя не заметили.

Ранним утром мы надели поверх меховой одежды вошьённые кожаные накидки, взяли из амбара двух локсов и направились на юг прежде, чем Иам успел пробудиться. У меня не хватило духу даже попрощаться с Весной. Моя мать подумает, что я убежал от ответственности, а мой дядя начнет трубить об этом направо и налево. И, возможно, он будет прав.

Локсы во время ненастья передвигаются очень медленно, и было уже далеко за полдень, когда резиденция мистера Мак-Нейла слабо обозначилась в сплошной пелене дождя.

— Думаю, мы здесь переночуем. — Чара взяла на себя роль лидера, так как мои мысли по-прежнему пребывали в Иаме. — При такой скорости и за день до Носса не добраться.

Мне не хотелось входить в дом, где я провел с мистером Мак-Нейлом много прекрасных часов. Теперь же его жилище казалось мне оскверненным.

— О, ради Фа, Харди. Земляне улетели, и тебе не у кого спрашивать разрешения.

— Дело не в этом, — пробормотал я.

— А в чем?

Я хотел открыть дверь, но она распахнулась сама. Там кто-то был, и в первую секунду я ожидал увидеть Ничьего Человека или его женщину Елену.

Но в глубине комнаты маячила другая фигура. Гораздо выше. И очень, очень знакомая.

— Мистер Мак-Нейл! Это вы?!

Мы все сидели в гостиной, но Иона с Еленой, как обычно, прятались где-то в тени.

Я все еще не мог осмыслить случившееся.

— Мы спрашивали о вас на станции Девон, но тот человек сказал, что вы отбыли на шаттле.

— Это был всего лишь охранник, он ничего не знал. Он просто хотел отделаться от вас поскорее.

— Значит, улетели не все? Вы оставили агентов? А мы думали, что земляне покинули нас навсегда.

— Да. Так мы и сделали. — Лицо мистера Мак-Нейла казалось старым. — Остался только я, по собственному желанию.

— И когда они за вами прилетят?

— Они не прилетят.

— Никогда?

Он покачал головой.

Я не мог найти тут никакого смысла.

— Но вы же так любите Землю, мистер Мак-Нейл. В вашем доме полно земных вещей. Вы все время говорили со мной о Земле. Почему вы не воспользовались шансом вернуться домой?

Он снова покачал головой, не отрывая глаз от пола.

— Вы любите это место больше, чем Землю? — предположила Чара. На сей раз он посмотрел ей в глаза и сказал:

— Лучше Земли ничего нет.

— Тогда почему?

Он встал, подошел к столу и разлил в стеклянную посуду янтарную жидкость из бутылки. Вручив всем по стакану, он взял последний себе и залпом осушил.

Вздвигнув, я испытал такую кошмарную вспышку памяти, что заставил себя тут же обо всем позабыть. Однако чувство и место остались со мной; этим чувством была безнадежность, а местом — священный город Паллахакси.

— Мы, земляне, очень умный народ, — помолчав, начал мистер Мак-Нейл. — Доказательства нашего ума вы видели: это наши багги, и шаттлы, и Звездный Нос. Но кое-какие вещи вы видеть не можете, как, например, волны, которые мы посылаем по воздуху. Или способ, которым мы предсказываем будущее.

— Никто не может предсказать будущее, — возразила Чара. — Даже земляне. А если бы могли, то предсказали бы трудности, ко-

торые лорины создадут на шахте. И тогда вы не стали бы ее сооружать.

— Верно, мы не могли предвидеть эффект лоринов. Но кое-что мы умеем предсказывать, а именно такие события, которые подчиняются четкому порядку вещей. И если мы разобрались в этом порядке, то всегда можем сказать, что из этого последует. Таковы, например, передвижения звезд и планет. — Он внимательно посмотрел на нас. — Движение вашей собственной планеты в космическом пространстве весьма показательно.

— Я думаю, мы крутимся вокруг нашего солнца Фа, — сказала Чара. — Так говорит нам память предков.

— Наверное, вы преждевидели недостаточно глубоко.

Чара резко побледнела. Возможно, ее оглушила та же вспышка памяти, что и меня.

— И что же мы могли увидеть, но не сумели? — спросила она очень тихо.

— Вы уже знаете, что Фа и Ракс образуют бинарную систему. — Казалось, мистер Мак-Нейл тщательно подбирает слова. — Фа принадлежит к тому же звездному классу, что и наше Солнце, а Ракс — гигантская мертвая планета. Фа и Ракс вращаются друг вокруг друга, а ваша планета, в свою очередь, обращается вокруг Фа, как ты утверждаешь. Но так было не всегда. Какое-то время назад, очень давно, ваш мир обращался вокруг Ракса.

— Это нам известно, — выпалил я, отчего-то похолодев. — А потом Великий Локс вырвал наш мир из объятий Ракса и доставил его к теплому солнышку Фа.

— Совершенно верно. Если смотреть на события с такой точки зрения. — Лицо Мак-Нейла было непривычно хмурым. — Но в этой истории есть определенный порядок, и наши ученые проанализировали его и произвели вычисления. Вы не могли не заметить, конечно, что климат в последние годы становится все холоднее. Так вот, это значит...

Мистер Мак-Нейл запнулся, залпом глотнул из стакана и выговорил слова, упавшие льдом на наши души:

— ...что Ракс забирает вас обратно.

Не знаю, сколько времени прошло. Потом я спросил:

— Сколько же нам осталось?

— Вычисления показали, что наступающая стужа продлится сорок лет. У Ракса притяжение слишком мало по сравнению с Фа, и через сорок лет ваш мир вернется на гелиоцентрическую орбиту.

— Но никто не сможет пережить сорок лет стужи!

— Да, это невозможно без земной технологии, но ее больше нет.

Вот почему я остался. Чтобы помочь. Я должен был сказать вам правду, чтобы вы получили хотя бы шанс приготовиться. Больше никто не пожелал этого сделать.

— А почему? — гневно спросил я. — Почему вы, земляне, не сообщили нам об этом раньше?

— Наши лидеры попросту испугались. Они предвидели, что ваши люди станут тысячами пробиваться на станцию Девон, и жертвы будут исчисляться сотнями. Какая в том польза?

— Мы получили бы больше времени на подготовку.

— Но мы и сами узнали совсем недавно, когда заинтересовались падением среднегодовых температур.

— Так вот почему вы удрали так поспешно! — с горечью произнесла Чара. — Выходит, ни лорины, ни экономика тут ни при чем, все дело в стуже. Большой Стуже. Выходит, наша древняя религия права.

— Есть хоть какой-нибудь шанс на то, что ваши приборы ошиблись? — спросил я.

— Ни малейшего.

— Вы сказали, что хотите помочь. У вас есть предложения?

— Пока еще нет. Нужно встретиться с предводителями деревень, обсудить положение и выработать совместные идеи.

После первых минут паники мы держались удивительно стойко. Я был рад, что с нами нет Станса и Триггера. Чара даже выдвинула собственную идею.

— Все это наверняка происходило прежде, и некоторые из наших предков наверняка выжили. Иначе бы нас тут не было! Эти легенды о Великом Локсе, о Дроуве и Кареглазке... Они ведь должны были иметь какую-то реальную основу? — Она с надеждой посмотрела на мистера Мак-Нейла.

— Ваш народ уже был здесь, когда мы прилетели, — сказал он. — Но это не значит, что вы долго живете на этой планете. Как я уже говорил, вас создали кикихуахуа.

— Зачем им было стараться, если этот мир нас убьет?

— Они могли и не знать всей правды. Ведь у кикихуахуа нет таких приборов, как у нас.

Чара взяла меня за руку.

— Я знаю, что надо делать, Харди. Мы должны заняться преждевидением и попробовать уйти как можно глубже. Возможно, мы все-таки узнаем, что произошло на самом деле.

— Я поеду оповещать деревни, — сказал мистер Мак-Нейл. — У меня остался багги, и я сделаю это быстро. Иона с Еленой могут отправиться со мной, если захотят. А вам двоим лучше всего остаться здесь!

Для преждевидения нужны мир и покой, насколько мне известно.

Он отправился наверх переодеваться, но мы с Чарой не получили мира и покоя. Входная дверь распахнулась, и в дом ввалилась орда мужчин, вооруженных копьями.

Со Стансом во главе.

— Значит, ты здесь, — мрачно изрек дядя. — Я так и думал. Что ж, теперь ты пойдешь со мной.

— Зачем? — поинтересовался я, не вставая с места.

Это был простой вопрос, но он сбил с толку Станса, привыкшего к беспрекословному повиновению.

— Зачем? Что значит зачем? Ты покинул свой народ в лихую годину и спрашиваешь зачем?

— Вот именно.

— Клянусь пресветлым Фа, тебя следует научить повиновению! Эй, люди! Взять его!

Их было восемь человек, но они заколебались. Я был сыном Бруно и памятью предков превосходил каждого из них, а старые привычки живучи.

— Взять меня куда? — спросил я, усугубив всеобщее замешательство.

— Никуда! То есть пока. Просто возьмите его! — сердито закричал Станс.

— Лови его, ребята! — рявкнул Кворн, проясняя позицию предводителя.

— Но зачем же его ловить? — рассудил Патч. — Он ведь не убежит? Как можно ловить того, кто сидит?

— Почему бы вам тоже не присесть? — предложил я. — Мы могли бы спокойно все обсудить.

Охотничья команда, ужасно довольная тем, что ее сняли с крючка, с комфортом расположилась на полу, отложив в сторону копья. Рассерженный Станс остался стоять в гордом одиночестве. Тогда Чара подвинулась на скамейке и похлопала по сиденью в знак приглашения. Тут мой дядя окончательно рассвирепел.

— Ради Фа! — завопил он, наливаясь кровью. — Я никогда не сяду рядом с ящерицей! — Подняв копьё, он резко кольнул меня в грудь. — А ну вставай!

Копье задымилось и распалось на две половинки, и я увидел на лестнице мистера Мак-Нейла с лазерным пистолетом в руке.

— Довольно, Станс, — произнес он очень спокойно.

У дяди отвалилась челюсть. Он выронил на пол обломок копья.

— Мы... Мы думали, что ты улетел.

— Я здесь, как видишь. А теперь садись и веди себя прилично. Мне

придется объяснять ситуацию в каждой деревне, так что я начну с тебя и твоих людей.

Не отрывая глаз от мистера Мак-Нейла, Станс плюхнулся на скамью рядом с Чарой. Она дружелюбно улыбнулась.

— Это действительно очень важно, Иам-Станс.

— Я сам разберусь, что к чему, — буркнул дядя и уставился на лазерный пистолет.

Неожиданная аудитория мистера Мак-Нейла, в отличие от меня, была очень неважно знакома с земной культурой и технологией, а некоторые до того ни разу не общались с землянами. Электрическое освещение было им в новинку и привлекало внимание даже больше, чем невероятные земные артефакты. Но мистер Мак-Нейл терпеливо отвечал на дурацкие вопросы, наглядно разъяснял элементарные понятия, упорно гнул свою линию, невзирая на фырканье и брюзжание дяди.

В конце концов он смог их убедить.

Мы были убеждены, что наши предки некогда пережили Великую Стужу. Но мы не представляли, как им это удалось.

— Я знаю как! — заявил Станс.

— Расскажи, — предложил землянин.

— С помощью молитвы, разумеется!

Охотники согласно закивали головами:

— Мы молились, и Великий Локс избавил нас от Ракса. Это всем известно.

— Допустим, так оно и было, — согласился мистер Мак-Нейл. — Но это не объясняет, как вы сорок лет обходились без источника тепла при сильнейшем морозе.

— Ответ мы найдем в пещерах Паллахакси! — пылко воскликнул дядя. — Это там наши предки спасались от Великой Стужи, согревая себя молитвой, покуда Дроув и Кареглазка не вывели их на солнечный свет!

Мистер Мак-Нейл ни разу не побывал в храме, чтобы послушать проповедь Станса. Если на то пошло, мистер Мак-Нейл вообще плохо знал дядю. Он видел перед собой лишь маленького смешного стилка. Землянин не мог оценить его харизмы и не предвидел опасности, которую она несет.

Я понял, что выбора у меня не остается, и спросил:

— Откуда тебе это известно?

Чара резко втянула воздух, а Станс на мгновение оцепенел.

— Откуда мне это известно? Что за вопрос? Откуда все знают? Из нашей культуры и религии, разумеется! Уж не хочешь ли ты бросить вызов самому Великому Локсу, юнец?!

— Нет, не хочу. Я спрашиваю только, как ты узнал, что наши предки спасались в Паллахакси. — Я чувствовал себя так, словно стоял на краешке обрыва над бурлящей ледяной водой. — Ты это прежде видел?

— Ты сомневаешься в моей памяти? — Станс вскочил на ноги и выпятил грудь. — Ты сомневаешься в моей памяти?!

Охотники взбудоражились и схватились за копыя. Кворн рявкнул:

— Извинись!

— Харди не сомневается в памяти Иам-Станса, — выступила Чара. — Он просто спросил, на чем основано его знание. На преждевидении или на религиозных преданиях?

— Чара права. Об этом я и спрашивал, Станс. Тут нет ничего дурного.

— Чара права, Чара права! — ехидно передразнил меня дядя. — А что у тебя за отношения с этой водяной ящерицей? Должен ли я добавить геносмешение к списку твоих многочисленных преступлений?

Это было уже слишком. Я вскочил на ноги и яростно заорал:

— Да, да, и еще раз да! Внеси это в свой дурацкий список! И пошел ты к Раксу вместе с ним!

На Станса отразилось глубокое отвращение.

— Увы, я никак не мог поверить, что член моей семьи способен на такое. Ракс, это все равно что спать с лорином!

— Почему бы и нет? — Я полностью потерял контроль над собой. — Ведь мы и лорины — одно и то же!

Когда я вспоминаю эту сцену, то ясно вижу, что вел себя чрезвычайно глупо. Дилемма Станса была мгновенно позабита после моего непристойного заявления. Стилки и лорины слеплены из одного теста?! Мужчины пришли в ярость. Это было неслыханно, немыслимо, омерзительно.

— Я полагаю, мы слышали достаточно, — мрачно изрек Станс, делая знак своей команде. — Ты потерял для нас, Харди. Для тебя больше нет места в Иаме.

Предводитель со свитой направились к выходу. Мы с Чарой, мистер Мак-Нейл и Елена с Ионой остались стоять у подножия лестницы. Станс обернулся и покачал головой с таким видом, словно эта компания ублюдков и геносмесителей превзошла его худшие ожидания.

— Народ Иама будет молиться Великому Локсу и тем избавится от зла Ледяного Дьявола Ракса. Но мы не станем молиться за вас. Все вы потеряны и прокляты, все до единого. Прокляты навеки!

Это была превосходная заключительная речь, но, к сожалению, Станс потерял счет времени, обманутый электрическим светом. За

распахнутой дверью его ждал дождь со снегом да темнота.

— Ракс! — пробормотал дядя, поспешно захлопнув дверь. Он поглядел на мистера Мак-Нейла и нервно слотнул. — Ты устроишь нас на ночь, — сказал он наконец не без вызова.

Дни становились все холоднее, и дождь со снегом превратился в снег с дождем. Мы с Чарой проводили много времени в глубоком преждевидении. Елена с Ионой остались с нами и взяли на себя всю домашнюю работу, но она была не слишком обременительной. Все в доме делалось при помощи электричества, которое производил небольшой реактор, и мистер Мак-Нейл как-то сказал мне, что этот реактор проработает всю его жизнь и еще столько же без всякого присмотра. Поэтому у Елены и Ионы было много свободного времени, и оба отдавали его преждевидению в надежде, что им удастся как-то помочь нам в исследовании прошлого.

Мы с Чарой устроились в спальне мистера Мак-Нейла. Я не стану входить в детали ее убранства, землянин не нашел бы их сколько-нибудь примечательными, но для нас эта комната была полна чудес.

Мы преждевидели, время от времени выходя из транса, чтобы перескучить и заняться любовью.

Я быстро проскочил периоды, где уже побывал, и начал спускаться глубже. Больше всего времени занимал поиск наилучшего перехода к предыдущему поколению. Чаше всего это была церемония первой трубки, где я мог использовать общие воспоминания, чтобы перейти от сына к отцу. Но прыжки через однообразные ситуации были крайне скучны и требовали повышенной концентрации, так что к полудню я обычно начинал ощущать переутомление. Чара держалась несколько дольше, хотя и не намного.

Я всегда считал, что Иам — довольно скучное местечко, и теперь мое впечатление только подтвердилось. В Иаме никогда не происходило ничего такого, чего бы уже не случилось в предыдущем поколении. Люди умирали, жили, занимались любовью и рождались, и тот же цикл повторяли их предки, поколение за поколением, и даже появление землян казалось малозначительным событием.

Все это выглядело невероятно бессмысленным и беспцельным.

— Послушай, — спросил я Чару. — Как по-твоему, зачем нас создали кикихуахуа? Просто для заселения этой планеты? Всего лишь для того, чтобы мы здесь существовали?

— Я все время думаю о том же и никак не могу понять. Какая-то бессмыслица! Все эти поколения просто поддерживают собственную жизнь и больше ничего не делают.

— Даже деревни почти не меняются. Мне казалось... — Я поискал

слова. — Ну, я думал, что все будет меньше, что ли, чем глубже мы уходим в прошлое. Меньше домов, меньше людей. Я полагал, наше общество развивается со временем, как у землян, но это совсем не так. Неудивительно, что стилки вовсе не стремятся преждевидеть поглубже! Самое интересное поколение, какое я только видел, это наше собственное.

Я в очередной раз задумался, насколько же глубоко смогу проникнуть в память предков. А вдруг мое преждевидение внезапно натолкнется на непреодолимый барьер дефектного гена? Именно так и случается с большинством стилков. Или я все-таки доберусь до мистического первоначала, как обещает традиция моей мужской линии? Возможно ли, что я увижу самого Козла-прародителя?..

Тем временем мистер Мак-Нейл путешествовал от деревни к деревне. Мы держали с ним связь по радио.

— Я объясняю им всем, что шахта на станции Девон является идеальным убежищем, — докладывал мне мистер Мак-Нейл. — Места там предостаточно, а кондиционеры проработают гораздо дольше сорока лет. Единственная проблема — это пища. Я говорю им, чтобы они забрали с собой все съестное, что у них есть, включая домашний скот.

— Сомневаюсь, чтобы в какой-нибудь деревне было припасено больше, чем на год, — заметил я.

— Понимаю, — ответил он безнадёжным тоном. — Мне кажется, они меня даже не слушают, возможно, как раз по этой самой причине. Но что еще я могу сделать?!

Я подумал, что дело не только в еде.

В позднее ненастье путешествовать очень опасно. Люди уже готовились к стуже, и вдруг им говорят, что она продлится сорок лет и всем надо срочно идти на станцию Девон, где много места, но нет еды. И что же они, по-вашему, сделают?.. На мой взгляд, они либо не поверят землянину, либо проигнорируют его предупреждение. В любом случае люди останутся в своей деревне, и мистеру Мак-Нейлу это известно не хуже, чем мне. Чего же ради он рискует своей жизнью в такую погоду? Нет, это может быть только неизбывное чувство вины...

День уходил за днем, а мы с Чарой все продолжали преждевидение. Счет тоскливым поколениям был потерян уже давно. У Чары, по крайней мере, хранились в памяти такие оживленные события, как грум, и я ей завидовал. Иногда я ради развлечения сопровождал своих предков на охоте, но один лоут почти ничем не отличается от другого.

И наконец, при жизни невесть какого по счету поколения погода оказалась заметно холоднее. Сомнений не оставалось: стужи были все длиннее, а лето все короче.

Неужели я действительно добрался до шлейфа Великой Стужи?..

— О, я-то ушла поглубже тебя, — весело объявила Чара. — Ты еле-еле волочишь ноги! Там, где я сейчас, гораздо меньше людей и намного холоднее. Почти так же холодно, как в прошлом году. — Она перекатилась ко мне в постели и крепко поцеловала. — Мы приближаемся, любовь моя!

А через два дня я внезапно обнаружил себя в Паллахакси.

Видения затуманились, но это не был запрет. Похоже, эти дальние-предальные предки имели слишком примитивную и нетренированную память. Я видел обрывками кучки людей, укрывающихся в разрушенных домах, приход и уход грума, рыбную ловлю. Очень тяжелые времена. И очень, очень холодная погода.

Вечером я и Чара поделились нашими впечатлениями с Ионой.

— Паллахакси?

— Да, мы уходили все глубже и глубже, и в конце концов очутились там. Возможно, в храмовых преданиях все-таки есть зерно истины.

— Мне очень не хочется так думать, — сказал он.

— Между прочим, — отозвалась Елена. — Вы заметили, что в последние несколько дней появились путешествующие? Их много, у них лохсы с повозками, и они направляются к северу.

— Нет, мы с Харди были слишком заняты в постели, — рассмеялась Чара. — Но это могут быть только люди из Носса! Выходит, до них наконец дошло, и они отправились в шахту, благодарение Фа.

— Какое-то время они продержатся, — заметил Иона. — А дальше как, без еды?

Мы горячо обсуждали эту тему, когда послышался очень высокий жалобный звук. Он приблизился к окну и стих. Елена радостно воскликнула:

— Мистер Мак-Нейл приехал!

Огромный землянин вошел тяжело и устало, дождевая вода стекала струйками с его блестящего пальто. Коротко кивнув, он направился прямо к буфету и налил себе стакан бренди. После этого мистер Мак-Нейл сбросил пальто на пол, опустился в свое любимое кресло и мрачно уставился на нас.

— Я зря потерял время, только и всего. День за днем я говорил с одними идиотами! — Спohватившись, он поспешно добавил: — Впрочем, не думаю, что земляне в подобных обстоятельствах вели бы себя намного лучше. Ладно, так или иначе, но большинство предводителей мне просто не поверили. А те, которые поверили, не захотели ничего предпринимать. Они сказали, что уже слишком поздно для путешественников, что вот-вот наступит стужа. Я напомнил им, что это не обычная

стужа, и знаете, что я получил в ответ? Да-да, сказали они, мы все слышали и все запомнили. Словно это какое-то третьестепенное дело! Если бы я не знал вашу культуру, то мог бы подумать, что мозги стилков были специально промыты, чтобы они игнорировали очевидные факты.

— Или запрограммированы, — задумчиво произнес Иона.

Оглядываясь назад, я понимаю, что нам следовало почаще вовлекать Иону в наши дискуссии. Он оказался единственным стилком, прожившим долгие годы бок о бок с землянами, и был способен, пуская и бессознательно, находить неожиданные параллели между нашими культурами.

— Я потерял не только последние дни, — признался мистер Мак-Нейл, вскипая внезапным гневом не хуже Станса. — Я потерял свое будущее! Что я тут делаю, если ничем не могу помочь? Сейчас я был бы уже на полпути к Земле... Боже правый, какого же дурака я сваял!

Я не мог вымолвить ни слова, чувствуя себя безмерно виноватым в непроходимой тупости собственного народа.

Но Чара порывисто подошла к мистеру Мак-Нейлу и схватила его огромную руку своими крошечными ладошками.

— Мы вовсе не считаем вас дураком, мистер Мак-Нейл! Мы думаем, что вы очень хороший и отважный человек, и наши потомки будут помнить вас всегда.

Он с удивлением посмотрел на свою руку, затем взглянул в лицо Чары, и что-то в нем неуловимо переменялось. Потом глубокие складки у его губ разгладились и тусклые глаза прояснились, словно мистер Мак-Нейл был каким-то образом исцелен.

— Спасибо, — поблагодарил он коротко. — Что пользы плакать над разлитым молоком? — У мистера Мак-Нейла была привычка изумлять нас земными идиомами. — В общем, все сводится к тому, что никто не проявляет интереса к шахте. Ну хорошо, мы признаем, что шахта не решает продовольственной проблемы. На станции Девон есть гидропоника, но она дает лишь немного свежих овощей. На всех все равно не хватит. — Он рассеянно запустил пальцы в шевелюру. — Не знаю, на что я надеялся! Наверное, на то, что Центральный сектор согласится вывезти вас отсюда, если все соберутся в одном месте. Или, по крайней мере, придет вам достаточно провизии. Но они не станут этого делать, разумеется. Земляне ушли навсегда, и дьявол с ними со всеми. — Складки на его лице опять углубились.

— Мы видели, что люди из Носса направились к шахте, — сообщила Чара.

Мистер Мак-Нейл презрительно фыркнул.

— Как бы не так! Разве вы не слышали? А впрочем, откуда. Твой дядя Станс, Харди, сделался настоящим камнем преткновения. Он выслушал меня и все понял, надо отдать ему справедливость. И он сам предложил известить Носса, чтобы не затруднять меня лишней поездкой. И что же я, по-вашему, обнаружил на обратном пути? — Он горько расхохотался. — Что этот тупоголовый кретин поставил факты с ног на голову! Он все рассказал в Иаме и Носсе, как и обещал, но от себя добавил, что религия и легенды, следовательно, являются собой непреложную истину. Что его распроклятый Великий Локс однажды вытащил ваш мир из объятий Ракса, и он сделает это еще раз. Нужно лишь чуток здравого смысла и очень, очень много молитвы.

— Не вижу, при чем тут вообще здравый смысл, — заметил я.

— Оказывается, в Паллахакси есть какие-то пещеры, и Станс уверяет, что это в них ваш народ пересидел предыдущую Великую Стужу. И если вы соберетесь в этих пещерах и станете молиться как полоумные, то Великий Локс охотно выполнит свою святую обязанность, и возможно, гораздо раньше, чем через сорок лет.

— Но вы убедили его, что сорок лет — это неизбежность, а людям нужна еда?

— Очевидно, Великий Локс кормил вас прежде, накормит и сейчас! Так или иначе, но Станс всех околдовал. Большая часть Носса уже расквартирована в Иаме, и все они вот-вот отправятся в поход на Паллахакси.

— И население Носса тоже? — ошеломленно спросила Чара.

— Дорогая моя, Станс превосходный оратор.

— И мама купилась на эту ерунду? И Кафф, и мой отец?

— Они-то, я думаю, не слишком верят Стансу, но тот прекрасно умеет убеждать простой народ. Должно быть, ваши предводители не захотели остаться в одиночестве и просто вынужденно последовали за ним. По крайней мере, у них будет возможность приглядеть за этим сумасшедшим.

— Когда они уходят?

— Завтра. Станс именует этот поход Великим Паломничеством. И он настолько упивается властью, что, по-моему, почти позабыл о грядущем бедствии.

— Мы преждевидели Паллахакси. — Чара взглянула на меня. — А теперь все наши люди уходят туда же. Любовь моя, ты понимаешь, о чем я думаю?

Мой желудок судорожно сжался. Прощай, тепло! И комфорт, и безопасность, и вкусная еда.

— Понимаю. Мы должны пойти в Паллахакси.

ПАЛЛАХАКСИ

Мистер Мак-Нейл присоединился к нам. Мы решили добраться на багги до самого Паллахакси.

Иона с Еленой остались в его резиденции.

— Я не верю в молитвы. Я не верю, что Паллахакси имеет какое-то значение, — сказал Ничей Человек. — И если нам все равно придется умереть от голода... Лучше уж здесь, в тепле и комфорте, а не в ледяной пещере среди чужих людей, которые нас презирают.

— Здесь хватит еды года на два, если не больше, — сказал мистер Мак-Нейл.

— Это гораздо больше, чем будет в Паллахакси. Почему ты не хочешь остаться?

— Сам не знаю. Я уже исчерпал свои земные идеи и теперь, должно быть, хватаюсь за соломинку. Так или иначе, но Чара и Харди чувствуют, что Паллахакси таит какую-то надежду... Пожалуй, я рискну вместе с ними.

— Что ж, желаю удачи.

Мы оставили их в доме и отправились в Иам. Это было тоскливое путешествие под проливным дождем и снегом. Анемоны скорчились и присели к земле, подобрав ветви и щупальца, чтобы сохранить тепло. Разбухшая река ревела под обрывом, ее мутные воды уносили трупы животных и отчаянно извивающиеся деревья.

В Иаме мы остановились у дома Весны. В комнатах было чисто и опрятно, как всегда, но все съестное из кладовой исчезло.

— Она ушла, — сообщил я остальным.

— Они все ушли, — отозвалась Чара.

Вскоре мы въехали в Лес Стрелы, но анемоновые деревья едва ли заметили наше присутствие. Я показал Чаре и мистеру Мак-Нейлу то место, где Вилт совершил свой отвлекающий маневр.

— Будь осмотрительней со Стансом, — забеспокоилась Чара. — Ему ничего не стоит натравить на тебя своих религиозных фанатиков.

— Я взял с собой пистолет, — мрачно сказал мистер Мак-Нейл.

Проехав Тотни, мы достигли Паллахакси около полудня и оставили багги в предместье, спрятав его в одном из полуразрушенных каркасов. Потом мы поплотнее закутались в меха и зашагали по главной улице к гавани.

— Это место ужасно изменилось, — заметила Чара. — Оно мало похоже на то, которое мы преждевидели. Кругом все такое старое, и мерзкое, и мертвое. Трудно поверить, что здесь и вправду жили Дроув с Кареглазкой. — Справа от нас за домами вздымался холм, и на нем виднелись остатки огромного здания. — Взгляни-ка, Харди, не

тот ли это храм, где родители Дроува и Кареглазки призывали на помощь Великого Локса?

— Что мне действительно хотелось бы знать, — сухо сказал мистер Мак-Нейл, — как ваши Дроув и Кареглазка добывали еду и тепло в ожидании его пришествия.

— Им не пришлось долго ждать, — сказала Чара. — Плохие люди вытолкали их на мороз, и тогда Дроув и Кареглазка собрали других людей, очень хороших, и отвели их в пещеры. И уже на следующий день Великий Локс проскакал по небу, волоча за собой солнышко Фа, и снова стало тепло и замечательно. По легенде, они совсем не молились, как ни странно.

— Должно быть, великий Локс явился к ним по зову собственного сердца, — заметил я.

— А ты сам бывал в пещерах, Харди?

— Мой отец и Станс ходили туда с дедом. Это место называется консервным заводом, и перед Великой Стужей там раскладывали пойманную рыбу в металлические горшочки. Один из моих предков запомнил это.

— По крайней мере, тебе известно, что такое место существует, — сказал мистер Мак-Нейл.

— Лучшее всех Паллахакси знает Смит. Интересно, где он сейчас? Однажды Смит сказал, что в Паллахакси много пещер и других помещений, обустроенных для жизни, и что тысяча человек может пересидеть в них стужу.

Мы с Чарой держались за руки, и когда она резко остановилась, я тоже встал как вкопанный.

— Что с тобой?

— Не знаю... Вспышка памяти. И очень сильная. — Она не отрываясь смотрела на здание, которое сохранилось лучше других.

— В этом доме родилась Кареглазка, — объяснил я.

— Да... Я знаю.

— Наверное, ты преждевидела это вчера?

— Наверное, — произнесла она с сомнением.

— Но где же все люди? — спросил мистер Мак-Нейл.

Мы нашли их к середине дня на консервном заводе.

Он оказался непредставимо огромным, неестественно прямоугольным, с неправдоподобно правильными углами. Он был построен из массивных каменных блоков, которые наши отдаленные предки с невероятным трудолюбием вырубили из окрестных холмов и с неподражаемым усердием аккуратно уложили друг на друга.

— И мы должны пересидеть стужу вот в этом самом месте? — спросила Чара с глубоким недоверием.

- По крайней мере, так гласят предания.
- Думаю, они просто лгут.
- Согласен, — отозвался мистер Мак-Нейл.

Мы приблизились к большой двери в слепой стене, и навстречу нам шагнула фигура, закутанная в меха так, что казалась почти шарообразной.

- Стой! Кто идет? Что вам здесь нужно?

Но тут часовой узнал меня, а я узнал одного из Стансовых охотников.

— Так это ты, Иам-Харди? И с тобой Носс-Чара. Пришли сдаваться, не так ли? Давно пора. — Тут он заметил мистера Мак-Нейла, который разглядывал останки машины, валявшейся во дворе. — Вы привели с собой землянина! Возмутителя спокойствия!

- Заткнись и проводи нас к Стансу, — резко распорядился я.

Ошарашенный и явно оробевший при виде мистера Мак-Нейла охотник поспешно кивнул и впустил нас внутрь. Здесь тоже все изменилось со времени отцовского визита. Алтари пилигримов были разобраны, на скамьях лежали меха и одеяла, а мелкие предметы культа были свалены в кучу у стены. Наш проводник перехватил мой взгляд и торопливо сказал:

— Я знаю, что ты думаешь, но это временный беспорядок! Мы все восстановим, как только рассортируем и раздадим одежду и меха.

— Боюсь, чтобы сделать это место святым, одних алтарей недостаточно, — вполголоса заметил я.

— Зачем это нужно? — спросила Чара. — Почему каждый не может сохранить то, что принес с собой?

- Здесь не будет неравенства. Так сказал Станс.

Проводник отворил тяжелую дверь, и мы вошли в боковое помещение, где несколько человек сидели на скамейках вокруг чадающего костра.

— Чара!

Это была Лонесса, глядевшая на нас с открытым ртом. Потом она вскочила и бросилась обнимать дочь, а Чара смущенно пробормотала:

— Ну ладно, ладно, мама, успокойся.

— Мы думали, что вы погибли!

Из соседней комнаты тихо появилась Весна, тронула меня за плечо и с улыбкой сказала:

— Как приятно снова видеть тебя, Харди.

В ее голубых глазах сверкали слезы.

— Но разве Станс не передал вам, что мы с Чарой были у мистера Мак-Нейла?

Лонесса резко обернулась к Стансу, который смотрел на меня пустыми глазами.

— Ты! Ты знал, что они не погибли!

— Они погибли для Великого Локса. А значит, они мертвы и для нас. Я не видел смысла воскрешать их в вашей памяти.

Лонессу потрясло это высказывание.

— Ради Фа! Ты что, не видишь разницы между религией и жизнью? Они ничуть не мертвее нас, старый дурак!

— Не смей называть моего отца дураком! — выкнул Триггер, но его слабый протест утонул в громоподобной риторике Станса.

— Факты говорят сами за себя, Лонесса! Мы здесь, в этом святом месте, и оно неопровержимо доказывает правоту нашей великой религии и справедливость метафоры Великого Локса.

— Ага! Значит, ты все-таки признаешь, что это всего лишь метафора?

У меня сложилось впечатление, что мы наблюдаем очередное обострение перманентной вялотекущей дискуссии.

— Разумеется, это только метафора! Уж не думаешь ли ты, Лонесса, что я и впрямь ожидаю увидеть на небе гигантское животное, запряженное в повозку Фа? Однако это чрезвычайно многозначительная метафора, и наш народ нуждается в ней, чтобы с благоговением воспринять ослепительный свет истины.

— Неужто? И в чем же состоит эта истина?

Мистер Мак-Нейл заговорил в первый раз.

— Истина в том, что вы не готовы к сорокалетней стуже.

— Истина в том, — завопил дядя, захлебываясь от ярости, — что ты не знаешь, о чем говоришь! Следовало бы тебе сперва поглядеть на чудеса этого места. Бросить хотя бы взгляд на диковинные машины там снаружи и здесь внутри. Их построил наш народ для неведомых нам ныне целей. Великая технология! Она существовала у нас задолго до того, как вы, земляне, обосновались на нашей планете. И ты спрашиваешь, что есть истина? Она вокруг тебя! Только взгляни на это здание, на эти двери, на эти стены... Книги! — Безумно сверкнув глазами, он наклонился и зачерпнул с пола пригоршню пепла. — Мой отец привел меня сюда, когда я был ребенком, и показал мне этот пепел, и поведал правдивое предание. Солнечный бог Фа даровал нам совершенную память в этом святом месте, и в знак глубочайшей благодарности наши предки пожертвовали ему свои книги, добровольно подвергнув их сожжению. И теперь, когда мы снова пришли сюда, кто может знать, какие чудеса нас здесь ожидают?.. Да пребудет с нами Фа! — выкрикнул он, брызгая слюной.

Все отступили назад, оставив его разглагольствовать. Квадратное лицо Станса в неверном свете костра приобрело истинно демоническое выражение.

— И мы станем упорно учиться, о да, мы будем учиться! Когда закончится стужа, мы научимся всему у машин, которые наши предки...

— Послушай, Станс, — устало прервал безумца мистер Мак-Нейл. — Ты веришь мне, когда я говорю, что эта стужа продлится сорок лет? Или все-таки не веришь? Скажи мне, да или нет?

— Длительность стужи совершенно несущественна. Мы победили прежде, победим и сейчас! Мы все уже стоим на пороге...

На звук его голоса стали собираться беженцы из соседних помешений. Они не желали пропустить ни единого слова своего предводителя. Все они находились под гипнотическим влиянием его речи.

— Пошли отсюда, — спокойно сказала Чара.

— Не уходите далеко! — встревоженно зашептала Лонесса. — Мы с Каффом и Вандой стараемся не выпускать фанатика из виду. Эти несчастные просто едят из его рук, и мы опасаемся, что он толкнет их на очередное безумие.

— Нам необходимо продолжить преждевидение, — сказал я Лонессе. — Мы уже приблизились к ответам на многие вопросы.

— Если мистер Мак-Нейл прав, нам нужны эти ответы как можно скорее.

— Он прав, — заверил я. — К сожалению.

— Береги Чару! — сказала она.

Похоже, подумал я, Лонесса наконец-то меня приняла.

Мы вышли на улицу, под снег и дождь, и мистер Мак-Нейл сказал:

— Не понимаю, почему ты не можешь просто рассказать людям о неполноценности Станса? Все поймут, что он не годится на роль предводителя. Боже правый, это же так просто!

— Нет, не просто. Никто не имеет права публично усомниться в памяти предводителя. Или любого другого стилка, если на то пошло. Люди немедленно возмутятся и не станут слушать никаких доказательств.

— Но ты ведь можешь, как бы между прочим, попросить его припомнить нечто древнее?

— Станс не так прост. Он сразу спросит, не сомневаюсь ли я в его способностях.

— Рано или поздно, но тебе придется сделать это, — отрезал мистер Мак-Нейл.

Мы решили устроиться в доме с Золотым Грумметом: помимо консервного завода, это было единственное мало-мальски пригодное для жилья строение в Паллахакси. Я толкнул дверь, и мы оказались в большой пустой комнате с длинной полкой, пристроенной вдоль одной стены; пилигримы захламили ее множеством приноше-

ний, по большей части женскими фигурками с преувеличенными половыми характеристиками. Я поднял одну, грубо вылепленную из глины, с донельзя безобразным лицом и гигантскими шаровидными грудями.

— Если это Кареглазка, то я не представляю, как Дроув вообще рискнул к ней подойти!

— На безрыбье и рак рыба, — заметил мистер Мак-Нейл.

Чара оглядела идола и расхохоталась.

— У нас в Носсе тоже есть такое присловье! Но ведь Дроува окружали и другие люди. Так что у него наверняка был какой-то выбор. Скорее всего, статуэтку делал какой-то неумеха.

Мы обследовали дом и убедились, что пилигримы поддерживали его в приличном состоянии. В конце концов мы выбрали комнату наверху, с видом на древнюю гавань. Мистер Мак-Нейл пригнал свой багги, мы выгрузили из него меха и съестные припасы. Уже темнело, когда мы разожгли походную печь-спиртовку, и скоро в комнате стало почти тепло.

Разобрав вещи, мы наскоро перекусили, и мистер Мак-Нейл сел развлекаться с табличкой, по которой бегали картинки. А мы с Чарой приготовились к преждевидению.

...Я добрался наконец до тех времен, когда Паллахакси был еще большой деревней. Я увидел грум глазами предка по имени Ватч и поддерживал вместе с ним сражение с хищными груммерами. Выходит, в роду у меня были рыбаки, и в те времена наш народ не делили на червяков и ящериц?

Я вышел из транса и увидел, что Чара улыбается мне, грациозно опираясь на локоть.

— Любовь моя! Если б ты предполагал...

— Что?!

— Ты и сам все узнаешь. — Глаза ее сияли. — Я не стану портить тебе удовольствие.

— Что-то очень хорошее?

— Не скажу. Ты в Паллахакси?

— Да, но дело продвигается туго.

— Лучше не спеши. Не пытайся прыгнуть сразу, побудь с людьми.

Мы уже очень, очень близко.

— А куда подевался мистер Мак-Нейл?

— Он уехал на багги обследовать город.

Я побыл немного в жизни Ватча и его современников, а дальше, как ни странно, пошло полегче. Еще один грум, не такой изобильный, и погода заметно холоднее. Я отыскал первую трубку Ватча и непридуманно перепрыгнул в память его отца. Еще несколько поколений

— и еще один рыбак, на сей раз, как я почувствовал, высокого статуса.

...Я/неизвестный лежал на пляже почти без сил, впитывая всей кожей слабенькие лучи солнца. Я только что перегрузил рыбу в корзины и скоро опять оттолкну свой скиммер от берега. Сейчас у нас мало лодок, но будущей весной мы построим еще, и несколько мальчишек в деревне достаточно подрастут, чтобы управляться с ними. Я ощутил прилив оптимизма. Нет, дела в Паллахакси идут совсем недурно!

ДРОУВ? ТЫ ГДЕ? Голос прозвучал неподалеку. (Дроув? Легендарный герой Великой Стужи? Он где-то рядом, я достиг его поколения!) ТЫ СПИШЬ? На меня упала тень. ДРОУВ?! ВСТАВАЙ, ЛЕЖЕБОКА, Я ПРИНЕСЛА ПОЛДНИК! (Она обращается ко мне? Я в памяти легендарного Дроува? Не может быть... Я быстро перебрал его воспоминания: тот самый Дроув, собственной персоной!)

Я ПРОСТО ОТДЫХАЮ, сказал я, открыв глаза. Надо мной склонилась девушка, темные волосы упали на ее лицо. Она наклонилась еще ниже, поцеловала меня, и я увидел ее близко-близко... (Чара?! Нет, не она... Но то же лицо сердечком, те же карие глаза, сияющие теплом и любовью. И у нее Чарин кристалл — ее талисман, ее очарование!)

Я вывалился из транса в полном замешательстве. Чара наблюдала за мной и мягко улыбнулась, увидев мое ошарашенное лицо.

— Теперь ты тоже знаешь, любовь моя. А я всегда знала, что и в тебе, и во мне есть что-то особенное!

Я все еще не мог оправиться от потрясения.

— Никак не могу поверить. Все эти бесчисленные поколения... и ни одного дефектного гена! Ни у тебя, ни у меня.

— Такова наша семейная традиция.

— О нашей мужской линии тоже так говорили. Но боюсь, я не воспринимал этого серьезно... А знаешь что? Мы ведь можем прожить детство Дроува и Кареглазки. Мы можем увидеть их первую встречу.

— Мы можем заняться любовью вместе с ними, — мечтательно проговорила Чара. — Наверное, это инцест или что-нибудь в этом роде, но кому какое дело?

Эта идея заинтересовала меня, и я подвинулся к ней еще ближе, но...

— Это случайно не багги мистера Мак-Нейла? Послушай!

— Ракс! — воскликнула она. — Надо же, как подгадал.

Мы выкатились из постели и быстро оделись.

— Знаешь, на Кареглазке был твой кристалл.

— Он передается от матери к дочери как талисман. По-твоему, она

красивее, чем я? — В голосе Чары послышалась нотка беспокойства.

— Она очень похожа на тебя. У меня было довольно странное чувство, сперва я подумал, что это ты.

— И Дроув очень похож на тебя. Но он не такой симпатичный.

— И Кареглазка совсем не такая хорошенькая, как ты, — с честным видом солгал я.

Когда Чара меня поцеловала, в комнату вошел мистер Мак-Нейл.

— Ну-ну, — проворчал он ухмыляясь. — Вы отыскиали что-то интересное или все это время валяли дурака?

— Чара и я... Мы прямые потомки Дроува и Кареглазки.

— Даже так? — задумчиво откликнулся мистер Мак-Нейл. — Тогда вы должны знать, как ваш народ пережил Великую Стужу.

— Мы пока еще не знаем. Но это должно быть в нашей памяти. — Я взглянул на Чару. — Ты ушла глубже меня. Тебе не попало что-нибудь?..

— Нет, я ничего не обнаружила, и это странно. Казалось бы, такое великое воспоминание... — Она внезапно побледнела. — И знаешь что, Харди...

До меня дошло в тот же миг.

— Они слишком молоды! Я был в памяти Дроува после Великой Стужи, как раз в это время наши предки отстраивали Паллахакси. Обоим было лет по двадцать, и получается, что эта пара никак не могла пережить сорокалетнюю стужу. Должно быть, это другие Дроув и Кареглазка?

— О Ракс! Нет, они те самые, Харди. Я навестила детство Кареглазки, и она жила в доме под Золотым Грумметом, как утверждают легенды. Кроме того... Ее воспоминания начинаются именно здесь, в этом доме.

— Ты хочешь сказать, что Кареглазка не унаследовала воспоминаний матери?

— Да, это так. И я совершенно уверена, что Дроув тоже не унаследовал воспоминаний отца.

— И это значит, что вы не можете продвинуться глубже? — спросил мистер Мак-Нейл.

— Именно так. Похоже, это было первое поколение, которое передало свою память потомкам.

— Мы зашли в тупик. — Мистер Мак-Нейл тяжело опустился на грудь мехов. — Выходит, Великая Стужа закончилась до их рождения.

— Легенды утверждают обратное, — возразил я. — И более того... Согласно преданиям, стилки получили дар памяти во время Великой Стужи. Но это как раз и согласуется с тем, что у Дроува и Кареглазки

нет родительской памяти, не так ли? Они должны были родиться до, а не после стужи.

— Теоретически есть одна возможность, но я буквально притягиваю ее за уши, — сказал мистер Мак-Нейл. — Допустим, ваш народ был эвакуирован с планеты на все время стужи... А потом космический корабль разогнался до скорости света. В таком случае, согласно закону относительности, люди не постареют и вернутся назад молодыми.

Мистер Мак-Нейл уже объяснял мне эту научную концепцию, однако ему не удалось меня убедить. На мой взгляд, она полностью противоречит здравому смыслу, но я не стал с ним спорить и спросил:

— И кто же, по-вашему, нас эвакуировал?

— Я уже говорил, что в этом секторе галактики только две расы космических путешественников. У землян есть такая техническая возможность, но... Насколько мне известно, мы прибыли сюда намного позже Великой Стужи. С другой стороны, можно предположить, что к вам прилетала более ранняя экспедиция, но все сведения о ней утеряны. Такое случается в наших архивах. Это весьма маловероятно, но все-таки вполне возможно. — Он помолчал. — Что же до кикихуахуа... Они ни при каких обстоятельствах не могут приблизиться к скорости света. Их космические летуны около тысячи километров в поперечнике и движутся благодаря энергии солнечного ветра.

Многое из этого я уже слышал от мистера Мак-Нейла, но для Чары все было в новинку.

— Значит, у кикихуахуа должно смениться множество поколений, прежде чем они долетят куда-нибудь?

— На самом деле нет. Космический летун питает их чем-то вроде снотворной жидкости, и кикихуахуа впадают в анабиоз на все время путешествия.

Мистер Мак-Нейл замолк, а Чара задумчиво повторила:

— Анабиоз. Жаль, что у нас нет под рукой космического летуна.

— А может быть, и есть, — внезапно сказал я.

Я рассказал, что произошло со мной в пещере-кормилице.

— И мне показалось, что прошел всего лишь день или два. Но это был почти целый сезон, а я ничего такого даже не почувствовал.

— Ну вот вам и ответ, — заключил мистер Мак-Нейл. — Кикихуахуа вывели пещеру-кормилицу на базе генов космического летуна, как я уже говорил. Во время обычной стужи в ней укрываются лорины, но в бедственном случае, я думаю, они принимают всех.

— Да, если только люди по глупости не пытаются выжить собственными силами... На станции Девон у меня была вспышка памяти, и теперь я уверен, что это воспоминание Дроува. Дроув находился на

консервном заводе, и часть людей была внутри изгороди, а другие стояли снаружи. Шел сильный снег, у изгороди горели костры, и люди снаружи очень хотели войти внутрь. Но те, что были внутри, не хотели их впускать. Они сказали, что там нет места.

— А что случилось потом?

— Не знаю. Но в этом воспоминании много ненависти и очень много страха.

— Ты должен найти эту сцену в памяти Дроува, — решительно заявила Чара. — И я поищу ее в памяти Кареглазки, это выведет нас на Великую Стужу. Если они спали в пещере-кормилице, для них прошел всего лишь день, или два, или три. Но мы с тобой искали сорокалетнюю стужу, и эти дни мы просто проскочили.

Мистер Мак-Нейл улегся на свои спальные меха и сказал, что подежурит у печки, пока мы с Чарой будем заниматься преждевидением.

И к следующему полудню все стало предельно ясно.

Мы по очереди рассказывали мистеру Мак-Нейлу эту трагическую историю. Внутри изгороди, окружающей консервный завод, находились бюрократы и члены их семейств, по большей части из центральных областей материка. А снаружи остались жители Паллахакси и соседних деревень, а также беженцы из других городов. Родители Дроува из Алики были внутри, а родня Кареглазки — снаружи.

— Дроува и Кареглазку разлучили, — рассказала Чара. — Они держались за руки через прутья изгороди.

— Консервный завод был разделен на уровни, — продолжил я. — Регент и его приближенные заняли самый нижний, пятый подземный этаж. На каждом следующем помещались менее важные особы, а вооруженная охрана расположилась на уровне земли. Люди Дроува находились всего этажом ниже. Мы тогда не поняли сразу, что эти уровни могут быть наглухо отрезаны друг от друга, а самые большие запасы пищи и топлива находились в самом низу.

Мистер Мак-Нейл мрачно усмехнулся.

— Культуры могут быть разными, но природа человеческая не меняется никогда.

— И настал день, когда все двери оказались запертыми.

— К тому времени уже появились лорины, — пояснила Чара. — И они увели с собой всех, кто остался снаружи.

— И люди пошли за лоринами? — удивился мистер Мак-Нейл. — Мне думалось, они будут торчать у изгороди до самого конца, надеясь прорваться внутрь.

— О, лорины способны убедить кого угодно. Они повели людей в свою пещеру-кормилицу.

— В Лес Стрелы?

— Нет, не туда. Эта пещера где-то поблизости, потому что холод был убийственный, и люди не смогли бы уйти далеко. Но я не знаю, где это. Был сильный снегопад, и Кареглазка следовала за лоринами вслепую.

— Дроуву удалось найти незапертую дверь, — продолжил я. — Она вывела его прямо во двор, и так он покинул консервный завод. Он решил разделить судьбу с Кареглажкой, которая осталась на морозе. Пришел лорин и забрал его с собой. На следующий день сбежали охранные, и лорины забрали их всех.

— Итак, на консервном заводе остались люди на четырех нижних уровнях, — подвел итог мистер Мак-Нейл. — И что же случилось с ними?

— Этого никто не знает.

— А вдруг там все еще живут их потомки? — предположила Чара.

— Без еды?

— А может быть, и туда доходит пещера-кормилица?

Я промолчал. У меня были свои соображения по поводу того, что случилось с этими людьми. Мистер Мак-Нейл тоже хранил молчание, и я знал, о чем он думает.

— Значит, мы сейчас пойдем на консервный завод и всем все расскажем, да? — спросила Чара.

Если бы все было так просто!

— Они нам не поверят, любовь моя. Люди уже обустроились, мой дядя внушил им уверенность в своем всемогуществе. И тут приходим мы и объявляем, что надо все бросить, выйти на трескучий мороз и срочно разыскивать лоринов? Да они рассмеются нам в лицо! К тому же нас с тобой не очень-то жалуют односельчане.

— Но ведь они теперь вместе, Харди, и береговики, и сухопутники. Возможно, люди стали смотреть на жизнь более разумно.

— Даже если это так, Станс все повернет по-своему.

— Но тогда... — Чара поколебалась. — Тогда, любовь моя, тебе придется разоблачить Станса. Другого выхода у нас нет! По крайней мере, мы сможем увести отсюда хотя бы часть людей. Я думаю, кое-кто из Носса прислушается к нашим словам.

— Она права, — согласился мистер Мак-Нейл. — Другого выхода у нас нет. Или это, или на нашей совести останется несколько сотен загубленных жизней.

— Значит, вы все-таки приползли обратно! Ладно, вот что я скажу. Если хотите остаться здесь, вам придется соблюдать наши правила.

— Конечно, Станс, — кивнул я.

Дядя смотрел на меня с подозрением. Мы стояли в той же комнате, где я виделся с ним в прошлый раз; судя по всему, Станс превра-

тил ее в свою штаб-квартиру. Обстановка была крайне скудной: несколько кучек мехов здесь и там, перевернутая тележка вместо стола, пара скамеек, на которых прежде были разложены приношения пилигримов. Будь у него возможность, Станс наверняка предпочел бы нечто более претенциозное. В одном из углов я узрел большую бесформенную кучу, прикрытую шкурами: без сомнения, персональный продовольственный запас! Намного больший, чем у любого другого стилка на консервном заводе, но явно недостаточный для сорокалетней стужи.

— Вы уже обследовали нижние уровни? — спросил я.

Станс моргнул. Потом он повернулся к своей команде — Лонессе, Ванде и Каффу — и выбрал мишень для вопроса, на который сам ответить не мог.

— Ты уже приступил к обследованию нижних уровней, Кафф?

Кафф, возмужавший после смерти отца, неплохо выдержал удар.

— О каких нижних уровнях ты толкуешь, Станс? — спросил он ледяным голосом.

Дяде ничего не оставалось, кроме как переадресовать вопрос ко мне:

— Какие нижние уровни?

Ситуация была неподходящей, чтобы бросить ему вызов, тут присутствовало слишком мало народу.

— Нижние уровни? Они внизу, под этим, — невинно ответил я.

— Но это наземный уровень. Каким образом под ним могут располагаться другие?

Я решил немного подразнить его.

— Наверное, ты был слишком занят, Станс, чтобы добраться сюда в своем преждевидении?

Глаза дяди вспыхнули убийственным огнем.

— Преждевидение?! У нас нет времени для таких пустяков! Мы готовимся к будущему!

— Конечно, конечно. Выходит, ты ничего не знаешь о нижних уровнях? Какая жалость. Думаю, нам следует осмотреть их, не так ли?

Я опять не оставил ему выбора. Станс молча слушал, как его команда оживленно обсуждает эту новость. В ходе дискуссии выяснилось, что дверь в конце дальнего коридора устояла против всех попыток ее открыть.

— Я преждевидел это место, — сообщил я им. — Здесь четыре подземных этажа, и там укрывались люди во время Великой Стужи. Мой предок Дроув какое-то время находился вместе с ними.

Чаша терпения Станса переполнилась.

— Святоотатство! Ты объявляешь преподобного Дроува своим предком? Что же будет дальше, самонадеянный отморозок?

— Чара ведет свое происхождение от Кареглазки.

— Вот как? Я полагаю, она тоже преждевидела это место?

— Нет, она стояла за изгородью... — Я запнулся, не желая сболтнуть лишнего.

— Неужели это правда, Чара? — взволнованно спросила Лонесса.

— И мы с тобой — потомки Кареглазки?..

— Да, мама. Я прошла весь путь назад, до конца. Мы также потомки Дроува. У них с Кареглазкой было двое детей, мальчик и девочка.

Только Чара могла подумать об этом. Лонесса в изумлении моргнула, не в силах представить себя потомком мужчины. Память предков настолько важна для нас, что мы склонны забывать о генах, которые передаются ребенку от обоих родителей независимо от его пола. Гены же, согласно мистеру Мак-Нейлу, определяют многие аспекты нашего поведения и даже нашу внешность. Но Лонесса отмела Дроува как несущественную подробность.

— Кареглазка, наша великая праматьер... — восторженно прошептала она.

— Успокойся, мама. Она была самая обыкновенная женщина.

Станс издал негодующий возглас. Еще одно святотатство!

— Она была нашей всеобщей матерью! — прогремел он.

— Вовсе нет, — сказала Чара. — Нашей всеобщей матерью был Козел-прародитель. И отцом тоже. Но это было очень-очень давно, задолго до Великой Стужи. Мистер Мак-Нейл нам все объяснил. Возможно, когда-нибудь он найдет время рассказать это всему народу.

— Во имя Великого Локса! Что мистер Мак-Нейл может знать о стилках?!

— Судя по всему, он знает о нас больше, чем мы сами, — сказал я.

— Почему бы нам не пойти и не посмотреть, что за той дверью?

Станс презрительно фыркнул.

— Тебе было сказано, дверь не открывается. Ты уже позабыл?

— Мистер Мак-Нейл ее откроет, будьте уверены.

Землянин улыбнулся и достал лазерный пистолет.

Станс держал зажженную лампу, мистер Мак-Нейл обеспечивал дополнительное освещение маленьким ручным фонарем, работающим на электричестве. Пока мы шагали по коридорам, к нам пристроилась целая процессия: люди из Иама и Носса, забывшие о своих разногласиях и сплотившиеся перед лицом общей беды. Это зрелище могло бы стать впечатляющим, если бы не тот факт, что сплотившись они совсем не в том месте, где следовало.

Однако коридоры консервного завода великолепны, подумал я: с гладкими прямоугольными стенами, с резкими углами, не то что буг-

ристые стенки в наших домах. Да, древние люди хорошо знали, как надо строить.

— Что тут происходит? — Отец Чары присоединился к нам и хлопал дочь по плечу.

Я объяснил. Примкнувшие к нам люди взволнованно загудели. Нижние уровни? Просто замечательно! Из-под наших ног с сердитым писком шарахались грызуны, владевшие консервным заводом бесчисленное множество поколений.

Наконец мы прибыли к металлической двери. Краска с нее осыпалась, поверхность покрылась пятнами ржавчины, но в целом она была в отличном состоянии, учитывая ее древность. На гладком полотне не было ни ручки, ни задвижки, чтобы потянуть на себя, и оно даже не дрогнуло, когда мистер Мак-Нейл ударился о дверь всем своим немалым весом.

— Сделано так, чтобы никого не впускать, — заметил он и направил на дверь свой лазерный пистолет. Светящаяся нить расплавленного металла медленно вычерчивала окружность, и люди отступили, нервно перешептываясь. Почти никто из них в жизни своей не видел ничего подобного.

— Святотатство, — с опаской в голосе проговорил Станс. В последние дни мой дядя наловчился в изысканиях святотатства. — Эта дверь простояла множество поколений! Совершенно очевидно, что наши предки не желали, чтобы она отворилась. И вот теперь ее оскверняет землянин!

— Заткнись, старый дурень, — прошипела Ванда.

Лазерный луч завершил круг, и вырезанная секция с грохотом упала на пол по ту сторону двери. Воцарилось мертвое молчание. Некоторым из зрителей наверняка пришло в голову, что за таинственной дверью еще со времен Великой Стужи может скрываться какой-нибудь приспешник Ракса.

Но жуткие щупальца не высунулись из круглой дыры.

Вместо этого мы услышали странное жужжание.

Мистер Мак-Нейл посветил фонариком в дыру. Луч пробежал по стенам короткого коридора, уходящего в темноту: стены были светлые и странно шевелились.

— Во имя Фа, что... — пробормотал Кафф, но голос его утонул в криках ужаса: со стен внезапно снялась целая туча крылатых насекомых и ринулась на нас. Люди заматались, размахивая руками. Кто-то выбил у Станса лампу, спирт вытек из расколотого резервуара и тут же занялся синим пламенем. Насекомые всей тучей ринулись в огонь, вспыхивая и падая на пол, и мы поспешно отступили. Запах стоял омерзительный.

— Да это мухи-жужжалки, — произнес кто-то с изрядным облегчением.

— Где ты видел белую жужжалку?

— Ну, эти мухи того же размера и формы.

— Они многие годы эволюционировали в темноте, — сказал мистер Мак-Нейл. — Без солнечных лучей цвет не нужен.

— Чем же они питались?

Землянин помешкал с ответом.

— Полагаю, они уже долгое время питаются друг другом.

Последние мухи вылетели наружу, и мистер Мак-Нейл, пригнувшись, шагнул в дыру. Мы увидели кружок света на стене, теперь темно-серой и лишенной жизни. Потом свет пропал, оставив лишь слабый отблеск. Мы услышали, как землянин кричит издалека:

— Входите же, это надо видеть!

Я пошел вперед и обнаружил, что мистер Мак-Нейл стоит у входа в обширное помещение и светит фонариком в темноту. Подошли еще люди и сгрудились за моей спиной.

— Где Станс? — спросил мистер Мак-Нейл.

— Разумеется, здесь! — последовал ответ.

— Тогда тебе нужно взглянуть на это. — Луч его фонарика метнулся вниз.

Я наложил запрет на это воспоминание.

Думаю, и все остальные тоже.

Огромная куча пепла лежала на полу в центре комнаты, а вокруг нее, как мне сперва показалось, валялись беспорядочно раскиданные кучки одежды. Но потом я разглядел бледное мерцание костей, скалящий зубы череп под капюшоном, тонкие костяные ноги, торчащие из штанин.

В этой одежде когда-то были люди.

Мистер Мак-Нейл предполагал нечто подобное. Он не зря колебался, отвечая на вопрос о пище для мух. Мистер Мак-Нейл путешествовал по галактике. Он понимал, что может сделать течение времени, и знал, что люди склонны изобретать мифы, дабы в конечном итоге обмануть самих себя.

— Они жгли книги, чтобы согреться, — спокойно сказал он мне. — Книги, мебель и все остальное, что оказалось под рукой. А когда все сгорело, им пришлось умереть.

Новость распространилась мгновенно, и в самое большое помещение консервного завода набилась огромная толпа. Испуганные люди обменивались предположениями и с нетерпением ожидали успокоительных слов от лидеров, собравшихся в соседней комнате на совет.

Станс отмел все предложенные версии.

— Ну да, кое-кто умер, но разве это что-нибудь меняет? Факт в том, что все остальные выжили, и это доказано самим нашим существованием.

— Тогда пойди и объясни это людям, пока они в панике не выскочили на мороз, — заявила Лонесса. — Для них это место навсегда пропало смертью.

— Главный вопрос в том, кто из них выжил, — уточнил я.

— Вот именно, — подхватила Лонесса.

— А ты, Харди, заткнись! — рявнул Станс. — У нас и без тебя достаточно проблем!

Шум за дверью все усиливался и наконец перешел в ритмические вскрики: СТАНС! СТАНС! СТАНС!

Лонесса посмотрела на меня и, к моему изумлению, улыбнулась.

— Кажется, пора действовать, — сказала она.

Развешенные на стенах лампы освещали взволнованные лица собравшихся. Станс вскочил на скамью, чтобы обратиться к толпе, и был встречен, словно сам Великий Локс, лесом поднятых рук с двумя выставленными пальцами. Мы с мистером Мак-Нейлом, Лонессой, Вандой, Каффом и Чарой встали позади скамьи.

Станс, как всегда, был в ударе.

— Мой добрый и благочестивый народ! — воскликнул он. — Мужчины и женщины Иама и Носса! Сегодня мы получили очень полезный и поучительный урок. Теперь мы знаем, что случилось с безбожниками, которые отринули веру предков ради тупого материализма и несостоятельной технологии. Разве мы видели хотя бы одно-единственное изображение Великого Локса в той ужасной пещере? О нет! И разве мы заметили там хотя бы один-единственный символ солнечного бога Фа? Нет и еще раз нет! Мы видели только трусливых нечестивцев, возложивших свои надежды на толстые стены и крепкие замки. И они заплатили свою цену, о да, они ее заплатили! Все они бесславно погибли там, в подземелье, а люди, которые были на верхнем уровне, спаслись.

— Откуда ты знаешь, что они спаслись, Иам-Станс? — крикнул кто-то из толпы.

— Разве мы нашли на этом уровне тела погибших? — Предводитель медленно обвел взглядом толпу. — Разве здесь летают ужасные белые мухи? Нет и еще раз нет!

— А куда они ушли? — крикнул тот же голос.

Если дядя был раздражен каверзным вопросом, то ничем не показав этого. Расставив пошире ноги, Станс наклонился вперед, гипнотизируя аудиторию, и я прочел в обращенных к нему лицах неистребимую веру, надежду и любовь.

Но Ванда, Лонесса, Кафф и Чара слишком хорошо знали Станса, чтобы поддаться его чарам.

— Они никуда не ушли, — произнес дядя мягко. — Они остались здесь, и они молились, день и ночь, и Великий Локс прислушался к их молитвам. Мы тоже будем молиться, точно так же, как...

— Все сорок лет подряд? — не унимался единственный скептик. И это была, разумеется, Дурочка Мэй. Поймав мой взгляд, она стала пробираться к нашей группе.

Станс снисходительно улыбнулся ей, как улыбаются малому ребенку.

— Сорок лет? А кто о них говорит? Так говорят земляне, а что они смыслят в этом? Нет, это обычная стужа, возможно, лишь немного длиннее других. И продолжительность ее в руках Великого Локса, а не какого-нибудь земного прорицателя! Великий Локс прислушается к нашей мольбе, и наступит весна, и расцветут цветы, и мы выйдем отсюда в тот мир, каким он был всегда...

— Он снова околдовал их, — пробормотала Ванда. — Хитромудрый отморозок.

— Сделай это, Харди, — прошептал мистер Мак-Нейл.

Неужели теперь все зависит от меня?..

Я взглянул снизу вверх на плотную фигуру дяди, состоящую в этом ракурсе преимущественно из мощных ног и крепких ягодич. Он загипнотизировал их всех. Никто не будет меня слушать, что бы я там ни говорил.

Но на Дурочку Мэй снизошло вдохновение. Покуда я безнадежно вертел и складывал в уме слова, эта девушка узрела самый корень проблемы Станса. Она ухватила за угол скамейки и начала ее трясти.

— Давайте помолимся! — патетически воскликнул дядя, когда внезапно утратил равновесие, и гневно обернулся, потешно хватаясь за воздух. Мистер Мак-Нейл и Чара мигом присоединили свои усилия, и я не слишком удивился, когда Лонесса и Кафф последовали их примеру. Нечего и говорить, что я тоже тряс скамейку от души, в то время как Станс отплясывал на ней довольно изящный танец.

Колдовство рассеялось, заклятие было нарушено. В толпе слышались непочтительные смешки.

— Пора, Харди, — сказал мистер Мак-Нейл и поставил меня на скамью, которая тут же обрела устойчивость. Зато затряслись мои колени. Станс наградил меня убийственным взглядом, а толпа взволнованно загудела.

Я откашлялся и громко сказал:

— Мы зря теряем время. Все люди, которые укрылись на консервном заводе, погибли. И мы тоже все умрем, если останемся здесь.

— Вот как? — Станс разглядывал меня с неподдельным интересом.
— И куда же ты предлагаешь пойти, юный Харди?

— В пещеру лоринов.

— В пещеру ЛОРИНОВ. Ты сказал ЛОРИНОВ, не так ли? Да, мы знаем твою любовь к этим тварям. И что мы там будем делать, Харди?

— У лоринов есть усыпляющее молоко.

— Ну конечно, конечно. А теперь слезай и дай мне поговорить с моим народом, будь хорошим мальчиком.

— Лорины — наша единственная надежда! — отчаянно воскликнул я.

— Я так не думаю. Нет, Харди, мы останемся здесь, в Паллахакси, нашем Святом Источнике. Это самое подходящее место, чтобы дожидаться возрождения солнечного бога Фа, не правда ли? — Улыбаясь, он дружески обнял меня за плечи и внезапно прошипел прямо в ухо: — Живо убирайся отсюда, маленький поганец, или кто-нибудь из охотников проткнет тебя копьем!

И эти слова неожиданно придали мне сил. Станс явно опасался меня, и я громко заявил:

— Мы думали, наши предки сожгли свои книги потому, что получили в дар совершенную память. Но ведь не в этом настоящая причина, не так ли, Станс?

— Что?.. — Он явно не предполагал такого поворота событий.

— Люди на нижнем уровне жгли книги, чтобы согреться. И когда книги кончились, все они замерзли.

— Но мы ведь не на нижнем уровне, Харди?

— На этом уровне тоже хватает пепла.

— Что и доказывает правоту моих слов! Люди наверху усердно молились, получили дар памяти, сожгли свои книги и стали жить дальше. Люди внизу были безбожниками, и поэтому все они умерли.

Вот он, мой шанс, подумал я.

— Скажи мне, Станс... Куда именно ушли люди с верхнего уровня, после того как сожгли все свои книги?

— В теплый мир, разумеется!

Во рту у меня внезапно пересохло.

— Ты на самом деле преждевидел это, Станс?

— Со всей определенностью могу сказать, что да.

— Очень странно, Станс. Я тоже преждевидел это событие, и все было совсем не так.

Аудитория взывала. Это единственное слово, каким я могу описать этот животный, угрожающий звук, направленный на меня. Я очень, очень далеко заступил за границы дозволенного.

— Ты сомневаешься в моей памяти? — взревел Станс.

— Да! Я заявляю, что ты все выдумал. Ты изобрел эту религиозную

чепуху, потому что у тебя нет памяти предков, которая сказала бы тебе истинную правду. Ты не знаешь даже, что случилось в предыдущем поколении. Ты подвергаешь риску своих людей только для того, чтобы упиваться властью. Ты не можешь быть предводителем, потому что ты неполноценный от рождения... Да-да, я преждевидел твою церемонию первой трубки! И ты скрывал дефект своих генов все эти годы, и ты убивал тех, кто...

Но в ужасном шуме уже никто не слышал моих слов. Протянулись руки и вцепились в меня. Я увидел в толпе Весну и прочел по ее губам: «Харди прав! Послушайте его!», но никто не услышал ее голоса.

Потом Станс поднял руку, и все замолчали, будь они прокляты, и отступили, покорные как локсы. Он улыбнулся мне с презрительной жалостью, но я быстро заговорил, опередив его.

— Истина есть враг религии, разве вы не поняли? Доверяйте собственной памяти, и только ей!

— Значит, ты преждевидел первоначало вещей, Харди? Ну и ну. Если верить нашей семейной традиции, только ты и я способны на это. Только ты и я, Харди. Твое слово против моего.

— Еще один стилк преждевидел Великую Стужу, Станс.

— В самом деле? — Его брови поднялись в насмешливом изумлении, но в глазах затаился страх. — И кто же?

Чара вскарабкалась на скамью.

— Это я.

Аудитория глухо зароптала.

— Ты! Ты! Это ты шлюха Харди, если я не ошибаюсь? Водяная ящерица, которая живет с земляным червяком?

— Довольно оскорблений!

Теперь и Лонесса взгромоздилась на скамью, где уже стало тесновато. Вид Носского Дракона сразу утихомирил толпу.

Станс взглянул на Лонессу не слишком уверенно.

— Я понимаю, что Чара твоя дочь, однако...

— Замолкни, Станс. Я здесь не для того, чтобы оспаривать истинность твоей памяти. Это все несущественно.

— А что же, по-твоему, существенно?

— То, что ты убил своего брата, Станс. И я могу доказать это!

Когда мистер Мак-Нейл рассказывал увлекательные истории о космических путешествиях, он часто употреблял выражение «и кровь отхлынула от его лица...». Мы, стилки, во многом подобны землянам (не без причины), и глядя на дядю, я увидел воочию, как кровь покидает его лицо, должно быть, для поддержки усиленной работы мозга. Мертво-бледный, как омерзительные трупные мухи на нижнем уровне, Станс хрипло каркнул:

— Оговор!

— Кафф! — нетерпеливо бросила Лонесса.

Предводитель Носса швырнул на перегруженную скамью большой кожаный мешок и сам утвердился на краешке рядом с ним. Что-то длинное и тонкое выпирало из мешка. Кафф оставил его лежать и посмотрел на толпу, которая внезапно стала очень смирной.

— Иам-Бруно был очень уважаемым человеком. Люди Носса любили его, и с ним всегда было легко договориться... кроме... — Кафф прикусил губу, несомненно припомнив, как мой бедный, наивный старикан шмякнул его о стену. Но сейчас было не время беречь старые раны. — Его смерть была тяжелым ударом для обеих деревень, и хуже всего, что он был убит в Носсе. Тело Бруно с колотой раной в спине обнаружили в эстуарии, и его сын Харди, который его нашел...

Кафф снова заколебался и взглянул на меня. Он прекрасно помнил, как я обвинил его в убийстве. Но Кафф сильно возмужал с тех пор, как взял на себя ответственность предводителя. Он проглотил свою обиду и продолжил речь.

— Было самое начало груга. Люди не ведали, кто совершил это ужасное злодеяние. Но мы знаем, как это произошло! Иам-Станс, родной брат Бруно, подошел к нему сзади, когда тот стоял на краю обрыва, и ударил в спину своим охотничьим копьем. Бруно потерял равновесие и упал в глубокую воду, едва не прихватив своего брата с собой.

— Гнусная ложь! — завопил дядя. — Ты будешь утверждать, что сам это видел?

Но Кафф не уделил ему внимания.

— Станс резко дернул копье, и оно вышло из тела, но кисточки запутались в плаще Бруно, и тело выпало из плаща. Убийца тоже потерял равновесие и вынужден был выпустить копье, а у этого копья железный наконечник. Станс земляной червяк и не умеет плавать, поэтому он мог только смотреть, как копье падает в воду и тонет вместе с плащом. Но потом он подумал, что теперь все в порядке, улики лежат на дне, и это конец всему.

Теперь Кафф повернулся и в упор посмотрел на дядю. Тот не выдержал и опустил глаза.

— Но ты сухопутник, Станс, и ты позабыл о груге.

— О груге? Груге? — тупо повторил Станс.

— Тогда груг еще не был в полной силе. Но шли дни, и вода становилась все плотнее и плотнее. Ты понимаешь, что это значит, Станс? Когда вода плотная, разные вещи всплывают на поверхность. — Он поднял свой мешок. — Например, глубоководные рыбы, или за-

тонувшие лодки, или... — Кафф вытащил из мешка экспонаты и высоко поднял их над головой. — ...плащи, в которых запутались копыя. Удивительно знакомые копыя и очень знакомые плащи. Церемониальный плащ Бруно. И твое церемониальное копьё, предводитель!

И это был конец Станса.

Он взирал на улики в тупом изумлении, несомненно пытаясь сообщить, что же он упустил в своих молитвах и почему Великий Локс его оставил.

Я видел теперь, что у дяди не было даже понятия о морали, которую закладывают в нас бесчисленные поколения наших предков. Или, в случае дефекта памяти, мораль прививается правильным обучением, как это было с Дурочкой Мэй. Но Станса никто и никогда ничему не учил, поскольку мой дед, Иам-Эрнест, не желал признавать своего младшего сына ущербным.

Было ли это преступлением со стороны деда? Вероятно. Так или иначе, но Эрнеста нашли мертвым, с колотой раной в спине, что весьма примечательно.

Станс то ли спрыгнул, то ли свалился с постамента, и толпа торопливо расступилась, открывая ему дорогу. Люди отводили глаза, когда он ковылял к выходу — маленький, сутулый, никчемный человек, чье недавнее, пусть и фальшивое, величие навсегда перешло в разряд воспоминаний. У двери к нему кинулся Триггер, но Станс отшвырнул сына, в последний раз продемонстрировав силу. Он распахнул дверь, и внутрь ворвался свирепый снежный вихрь.

Великая Стужа началась.

И Станс шагнул в нее.

Кто-то быстро захлопнул дверь.

Лонесса обернулась ко мне.

— Теперь все в твоих руках, Харди. Настала стужа. Надеюсь, ты не ошибаешься насчет лоринов.

Кафф вперил в меня нехороший взгляд, совсем как в былые времена.

— Если ты знал, что Станс ущербный, то обязан был открыть эту тайну своему народу! Ты позволил нам подчиниться шарлатану. Это непростительно!

— Я не мог сказать. Кто-нибудь наверняка проболтался бы, а Станс, узнав об этом, успел бы подготовиться. Я ждал подходящего момента. Надо было застать его врасплох при большом стечении народа. Кстати, а почему ты не сообщил мне, что это Станс убил моего отца?

Мелочи вдруг сложились воедино. Внезапное обветшание Стансо-

ва церемониального копья. Слова Уэйли на берегу эстуария, где лежали найденные улики. Предсмертные слова Уэйли, шепотом сказанные сыну. Станные взгляды, которые Кафф начал бросать на меня после того.

Как ни странно, выражение лица Каффа смягчилось, и он усмехнулся.

— Не хотел рисковать. Ты мог бы проболтаться в самый неподходящий момент.

Через секунду я почувствовал, что и сам улыбаюсь.

— Возможно, ты был прав.

— И запомни, — сказал он серьезно. — Это Иам-Мэй нас всех спасла. Какая гениальная идея — вот так взять и начать трясти скамью!

Он бросил восхищенный взгляд на Мэй, и я тут же смекнул, что к чему. Статус Каффа достаточно высок, чтобы предотвратить пересуды, если они с Мэй сойдутся. Что ж, прекрасно, так может пасть еще один барьер.

Мы спустились со скамьи. Нам следовало посоветоваться, прежде чем снова обратиться к народу. К нашему народу.

— И все равно я не могу понять, — сказал Кафф задумчиво. — Почему твой отец не открыл Иаму правду о Стансе и не занял его место? Лично я так бы и поступил.

— Верность, — сказала Весна, которая присоединилась к нам. — Бруно всегда был верен всем и каждому. Включая меня.

— И хорошо же Станс ему отплатил, — напомнил Кафф.

— Станс не мог такого понять, он никому не доверял. Он не верил брату, не верил Харди, с подозрением относился к собственному отцу. Что за жизнь! Бруно говорил мне, что в обществе Станса всегда держится начеку. Но он не ожидал опасности в Носсе.

— Мне никогда не нравился этот подлый отморозок, — мрачно сказал Кафф.

В этот момент к нам присоединился заплаканный Триггер.

— А вы знаете, что значит быть другим, не таким, как все? И всю жизнь скрывать это? Мой отец знал. И он тоже хранил верность. Мне, своему сыну.

— Человек всегда может принять себя таким, какой он есть, — включилась Дурочка Мэй. — И извлечь максимальную пользу из того, что имеет.

— Но люди не дадут этого сделать, — огрызнулся Триггер. — Кому это знать, как не тебе?

Странно, как быстро выветривается эйфория...

Я стоял в огромном, мрачном, промозглом помещении среди мно-

жества людей, и многие из них ожидали, что я незамедлительно займусь спасением их жизней. Я преждевидел Великую Стужу, и был их законным предводителем, и должен был объяснить народу, что надо делать в подобной ситуации.

Мистер Мак-Нейл закашлялся, отгоняя дым от лица.

— Готов поклясться, ваши предки на нижних уровнях погибли не от холода и голода, а от нехватки кислорода. Нельзя ли что-то сделать с этими кострами?

— Люди впадут в панику, если не будет тепла, — возразила Лонесса.

— Чем мы сейчас займемся? — спросил Кафф.

— Пойдем в комнату Станса и там поговорим, — предложил я. — Я не могу думать под тысячей взглядов.

Мы обосновались в соседней комнате и закрыли дверь. Мэй пришла с нами, что меня не удивило, но я был изумлен при виде Триггера.

— Ну ладно. У кого есть идеи?

— Ты обещал, что нас спасут лорины, — съязвил Триггер. — Ты должен выполнить обещание, а как, это твое дело.

— Здесь нет ни твоего, ни моего дела, Триггер, — напомнила Чара. — Если не хочешь сотрудничать, по крайней мере не мешай.

Триггер пробормотал что-то невнятное и отошел в сторону.

— Ты говорил, что в Лесу Стрелы есть убежище лоринов, — начала Лонесса. — Но мы не можем дойти туда пешком, так как стужа уже началась. Почему бы мистеру Мак-Нейлу не перевезти людей в своем багги?

Землянин покачал головой.

— Это слишком далеко. Несколько дней назад я мог бы попытаться. Но сейчас идет снег, багги увязнет после пары поездок. И больше трех-четырех пассажиров за раз я все равно взять не могу.

— Нас семеро, — оживился Триггер. — Ты мог бы перевезти нас за две ездки!

— Забудь об этом, — приказал я.

— Не думаю, что лорины придут за нами сюда, — сказала Чара. — В прошлый раз они взяли тех, кого оставили снаружи, как Кареглазку. И тех, кто сам ушел отсюда, как Дроув.

— Может, поблизости есть другие пещеры лоринов? — предположила Лонесса. — Но я совсем не знаю этой местности. А ты что преждевидела, Чара?

— Я преждевидела только одну пещеру-кормилицу, где проснулась Кареглазка. Но она была без чувств, когда пришли лорины, они могли отнести ее куда угодно. — Чара посмотрела на меня с рас-

строенным видом. — Мне очень жаль, Харди, но толку от меня не-много.

— В окрестностях Паллахакси наверняка есть пещеры-кормилицы, — сказал я. — Я преждевидел в этой местности множество лоринов. Но Дроув тоже был без сознания, когда они его забрали. Хотя... По-годите! Мистер Мак-Нейл утверждает, что пещера-кормилица живет за счет деревьев, чьи соки стекают вниз, к корням. Это чашечные деревья и анемоны. Значит, пещера-кормилица обязательно должна быть в лесу.

— Вокруг Паллахакси много лесов, — напомнил Кафф. — Мы ведь не можем обшарить все, тем более под снегопадом. — Вид у него был унылый.

— Деревья, питающие пещеру лоринов, должны чем-то отличаться от других, — предположила Мэй.

— Одно чашечное дерево почти ничем не отличается от другого, — мрачно заметил Кафф. — Уж я-то знаю, я посадил их целую кучу.

Глаза Мэй расширились.

— Я тоже! — воскликнула она с непонятным волнением. — А почему ты их сажал, Кафф?

— По приказу отца. В последние годы он был слишком болен, чтобы участвовать в паломничестве. Мне пришлось высаживать деревца и за себя, и за него.

— Да, это понятно. Но почему?

Лонесса никак не могла уразуметь, к чему клонит дурочка.

— Мы должны поддерживать священные леса, это тебе, наверное, известно. Иначе они вымрут, ведь анемоны и чашечные деревья не размножаются семенами, как обычная растительность. Поэтому мы срезаем с них черенки и выращиваем молодые деревца. Ты же стригальщица Иама, ты должна это знать!

— Но почему так важно, чтобы священные леса не вымерли? — спросила Мэй. — Кругом полно и других лесов.

— Да потому что мы говорим о СВЯЩЕННЫХ лесах, дурочка! — Терпение Лонессы было на исходе.

— А почему они священные?

— Почему они священные?.. — Такого вопроса Лонесса явно не ожидала. — Они священные, вот и все. И всегда ими были. У тебя нет памяти, и ты не можешь знать, но люди Носса из поколения в поколение поддерживали свой священный лес. Это и называется благодарением! Когда мы возмещаем добром благословенные дары, которые получили.

— Ну да, ну да. Разумеется. — Теперь уже Мэй стала терять терпение. — Но пожалуйста, послушайте меня еще минуту. Давайте попро-

бuem допустить, что лес считается священным по какой-то особой причине. А теперь сделаем следующий шаг и предположим, что он священный потому, что питает пещеру-кормилицу.

Мы молчали, как оглушенные.

Наконец Весна слабым голосом произнесла:

— Но ведь это значит... что нас каким-то образом **ВЫНУДИЛИ** сажать деревья?

— Запрограммировали, — уточнил мистер Мак-Нейл. — Снабдили врожденным инстинктом. Это можно сделать.

— Но я совсем не чувствую, что меня принуждают принимать участие в благодарственном паломничестве, — сказала Лонесса.

— Но никто и не должен этого чувствовать, в том-то весь и фокус, — пояснил мистер Мак-Нейл. — Это просто заложено внутри вас. Как ваша наследственная память. Как желание иметь детей.

— Но зачем?..

— Чтобы питать пещеры-кормилицы! Да, все сходится. Мэй совершенно права.

— Что сходится? С чем?

— Неважно! — раздраженно воскликнула Мэй. — Мы можем поговорить об этом в другое время. А сейчас я хочу сказать, что Лес Стрелы — священный лес Тотни, и Харди нашел там пещеру лоринов. И мы найдем другую пещеру в священном лесу Паллахакси. Кто-нибудь знает, где находится этот лес?

— Он давным-давно вымер, — мрачно сказал Кафф. — В Паллахакси никто не живет, это мертвый город.

— Город, может быть, и мертв, — возразила Чара. — Но паломники поддерживали его священный лес. И я знаю, где это, я преждевела, как они сажали деревца.

ИСХОД

Некоторые ушли с нами, а некоторые остались, чтобы умереть.

Стансовы охотники устроились у костра, помешивая угли длинными копиями. Патч несколько раз нерешительно глянул на меня, однако не сдвинулся с места. Многие жители Иама предпочли остаться, возможно, все еще доверяя Стансу, но скорее всего, страшись неизвестности. Каунтер тоже не захотел уходить, несчастный недоумок. Когда мы были готовы отправиться в путь, к нам присоединилась Фоун.

— Я хочу пойти с вами, — спокойно сказала она. — А мама остается.

Предводительница Ванда — крошечный пучок нервов и морщин — подскочила к дочери с истошным криком:

— Ты никуда не пойдешь, Фоун! Я запрещаю тебе!

— Извини, мама.

— Ты и вправду собираешься уйти? — Голос Ванды стал умоляющим. — Да ты помешалась, дочка! Вы все потеряете разум и умрете!

Мы оставили ее лелеять иллюзии в обществе потерянных душ.

Я больше никогда не посещал консервный завод Паллахакси, я и без того видел достаточно смертей. Закутавшись в меха, нагрузившись горячими кирпичами, мы отворили двери и вышли на жгучий мороз. Снегу намело уже по колено. Мы долго и с опаской пробирались между угловатыми сугробами, откуда торчали во все стороны черные металлические стержни древних машин.

Потом мы с Чарой повели людей по направлению к югу.

Кирпичи еще хранили тепло, когда мы встретили первого лорина: тот выбрался из-под спящего анемона, как будто специально сидел там, поджидая нас. А может, так оно и было? Лорин ухватился мохнатой лапкой за бесформенную варежку Чары и подвел ее к дереву с вертикальной щелью в стволе.

Мы все по очереди протиснулись в щель и спустились вниз.

Потом мы лежали впятером на теплом полу пещеры-кормилицы: мистер Мак-Нейл, Чара, Крейн, Весна и я. Остальные рассеялись группками по всей пещере; в мерцании плесени я различал лишь темные формы на более светлом полу. Кое-кто уже сосал молоко, начиная засыпать, другие просто задремали, и лорины деловито вставляли им в рот соски.

Настало время для раздумий, и я сказал мистеру Мак-Нейлу:

— Вы говорите, что нас, стилков, создали кикихуахуа. Я думаю, им не слишком понравилось то, что из нас получилось. Вы говорите, кикихуахуа не признают убийств и не работают с металлом, а мы делали и то, и другое. Так что, может быть, они увидели в предыдущей Великой Стуже шанс усовершенствовать свое создание. И пока мы спали в пещерах-кормилицах, они дали нам генетическую память в надежде, что мы будем учиться на собственных ошибках. Однако очень похоже, что все опять пошло не так... Мы по-прежнему убивали животных и друг друга, и мы использовали металл, а некоторые из нас возжелали земных технологий. И мы не слишком часто навешали воспоминания предков и подменили факты религиозными предрассудками. Мы не оправдали затраченных усилий.

— Это не так, поверь, — попытался успокоить меня мистер Мак-Нейл. — Просто вы не знаете своей истории целиком, вот в чем дело.

— Разве вы не собираетесь поведать нам эту историю?

Он заколебался, но потом пришел к решению.

— Может случиться так, что я не переживу Великую Стужу. Впол-

не вероятно, что молоко лоринов не годится для моего метаболизма, поэтому... Пожалуй, я лучше расскажу тебе все, что знаю, прежде чем мы уснем. Но думаю, тебя это может расстроить. Вот почему я до сих пор молчал, чтобы не подрывать вашу силу духа... Ну ладно. Представь себе кикихуахуа, которые открыли ваш мир. Это планета земного типа, но для кикихуахуа требуется несколько иная среда, и кто-то должен ее для них подготовить. А между тем существует одна разумная форма жизни, которая подходит именно для землеподобных миров, и это человеческое существо. Ну что же, очень удобно. Нет никакой нужды работать методом проб и ошибок! И кикихуахуа заставляют Козла-прародителя произвести на свет создание, чрезвычайно близкое к земному человеку. Подозреваю, что они даже ввели человеческие гены в ту болтушку, которую ему скормили. И таким образом кикихуахуа получили стилка, запрограммированного на то, чтобы сделать этот мир более удобным.

— Удобным... для кого? — Мое сердце вдруг учащенно забилося.

— Для другой, предпочтительной формы жизни. Кикихуахуа, несомненно, пришли к выводу, что в таких случаях цель оправдывает средства, и они не запретили своему первому созданию убивать и работать с металлом. Зато второе должно было полностью соответствовать их идеалам. Кроткое, миролюбивое, дружелюбное существо, живущее плодами земли, снабженное инстинктом коллективизма и приносящее потомство партеногенетически, что исключает опасность перенаселения.

— Лорины, — прошептала Чара. — Они придут нам на смену.

— Боюсь, что да. Вы никогда не испытывали любопытства по поводу лоринов, верно?

— Конечно, нет.

— Потому что вы так запрограммированы.

— Откуда вы все это знаете, мистер Мак-Нейл? — спросила Чара.

— Мы хорошо знаем кикихуахуа и их типичный *modus operandi*. Вы, стилки, — колонисты первой волны, как у нас говорят, и ваша работа состоит в том, чтобы выжить в потенциально опасной среде, причем любыми средствами. Охота, рыбная ловля, земледелие, что угодно! Вот почему они сделали вас сильными и жестокими... по стандартам кикихуахуа, разумеется. И пока вы заняты выживанием, вы сажаете анемоны и чашечные деревья, чтобы снабжать едой и питьем подрастающие пещеры-кормилицы, которые были заложены самым первым вашим поколением.

Крейн мрачно хохотнул.

— Значит, вот кто мы такие. Целая планета стригальщиков! През-

ренная работа, которую мы поручаем самым бестолковым членам общества. Ладно, пускай будет так. Грум приходит, грум уходит, и ничто не может этого изменить.

Прежде я часто задумывался, в чем же истинный смысл нашей жизни. Что же, теперь я знал. Ничей Человек был совершенно прав: знание не принесло мне ни радости, ни утешения. Мы, стилки, пребывали в этом мире временно и только в качестве расходного материала.

— Значит, единственная цель нашей жизни — сажать деревья?

— Да, Харди. Пока пещеры-кормилицы не вырастут настолько, что смогут поддерживать оптимальную популяцию лоринов.

— И что тогда будет?

Я не мог не окинуть взглядом пещеру. Она казалась огромной. Лорины суетливо сновали взад-вперед, вкладывая соски в губы задремавших.

— Честно говоря, не знаю.

— Но возможно, мы уже выполнили свою миссию? Похоже, что пещеры-кормилицы достигли полного развития.

— Мы не имеем возможности судить, только лорины знают это.

— И все-таки что они сделают?

— Лорины не уничтожат вас, если ты это имеешь в виду. Убийство противоречит их принципам. Полагаю, они просто оставят вас спать вечным сном.

Наступило молчание. Я ощутил глубокую печаль. Мне всегда нравились лорины, они были такими спокойными и добрыми, и они помогали нам время от времени, потому что мы тоже нравились им. И вот теперь оказалось, что нашим мохнатым друзьям просто нужна крепкая рабочая сила.

Я подумал, что понадобится немало времени, прежде чем я свыкнусь с новым положением вещей. Я был рад, что у нас нет возможности преждевидеть первоначало нашей цивилизации. Узнай мы с Чарой слишком много — и мы действительно могли бы пасть духом.

Чара тесно прижалась ко мне. Взглянув через ее плечо, я увидел, что Крейн уже дремлет у изгиба стены. Явился лорин и мягко вложил сосок ему в губы.

— Проснись, Харди, проснись!

Чара, опершись на локоть, легонько тыкала меня пальцем под ребра. Должно быть, я задремал? Я быстро сел и понял, что больше не чувствую никакой усталости.

Кругом зашевелились стилки. В пещере стало немного светлее: на полу лежали кучки люминесцирующего лишайника. Лорины сно-

вали еще поспешней, чем обычно, извлекая соски изо ртов лежащих.

— И это все? — едва осмелился спросить я. — Все кончилось, да? Все сорок лет?

— Я никак не могу поверить. — Чара плакала тихими, обильными слезами радости, они стекали по лицу и капали с округлого подбородка.

Крейн прошептал:

— Мы снова увидим грум, благодарение Фа!

Я перекатился на бок, чтобы разбудить мистера Мак-Нейла, и что-то хрупнуло и рассыпалось под моим плечом. Я смотрел на это несколько секунд, размышляя о запрете, но передумал.

Мои потомки должны помнить все о мистере Мак-Нейле. Все, что он сказал. Все, что он сделал. И даже это. Он будет жить в памяти моих потомков, покуда лорины не отправят их на вечный покой. Но это будет еще нескоро.

Лорины помогли нам подняться на ноги и провели к выходу из пещеры. Вскоре все мы моргали и шурились на яркий солнечный свет.

Фа вернулся, Ракс ушел! Весь мир был таким новым, светлым и прекрасным, что вокруг меня раздались крики восторга и благодарности.

— Теперь ты видишь, Харди, почему так легко поверить в Великого Локса и прочую чепуху, — тихонько сказала Чара.

— Ну нет, такого не будет! Я хочу, чтобы новый мир был основан на истине. — Я посмотрел на свой народ из Носса и Иама. — Я буду учить его всему, чему научил меня мистер Мак-Нейл.

— Все в наших руках, любовь моя. Но не впадут ли они в уныние, узнав всю истину?

— Наверное, это зависит от личности. У каждого из нас только одна жизнь, но я хочу, чтобы люди знали: все мы являемся частью грандиозного плана. И когда мы пойдем сажать деревья, все будет знать, зачем мы это делаем, а не следовать на поводу инстинкта, словно безмозглые локсы. Да, мы часть великого процесса. И мы должны гордиться этим!

— Нет ничего плохого в том, что у нас есть цель, — согласилась Чара.

— Знаешь, мне даже немного жаль землян с их неосмысленным распространением и размножением.

Она улыбнулась, и я понял, что все будет хорошо.

— Итак, что мы сейчас будем делать, Харди? Между прочим, я уже проголодалась. И неудивительно, — она искоса взглянула на меня. — Я уверена, что в ближайшее время мне придется есть за двоих.

— Ты уверена?.. — обомлел я. Да, этот день был наполнен великой радостью!

— Ну... почти. — Она чмокнула меня в щеку. — Но мы поговорим об этом позже, не на людях. А сейчас нам пора продемонстрировать наши деловые качества. Что ты предлагаешь?

— Я думаю, мы должны отстроить Паллахакси и обосноваться там на несколько поколений. Это сработало прежде, должно сработать и сейчас. Особенно если мы уговорим Смита и Смитку к нам присоединиться! Вилт наверняка позаботился о том, чтобы они были в полном порядке. — Взглянув на солнце, я оценил его высоту над горизонтом и сказал: — Скоро начнется грум, и у нас будет много еды. Мы все будем рыбачить, а весной сообщу займемся севом, и у нас больше не будет никаких водяных ящериц и земляных червяков.

К нам подошли Мэй и Кафф. Мэй задумчиво посмотрела на меня.

— Ты сказал, **МЫ** будем рыбачить и **МЫ** будем сеять. Слово ты имел в виду и мужчин, и женщин, а не только червяков и ящериц. Очень интересная концепция, Харди. А ты что скажешь, Кафф?

Кафф пришел в замешательство.

— Я намерен углубить эту концепцию, — заявил я. — Мы также будем жить все вместе! Разные линии памяти не означают разные культуры и не дают оснований расселять мужчин и женщин по разным деревням. Я, как известно, люблю Чару и хочу жить вместе с ней. И если уж мы с Чарой взяли на себя ответственность... Должны мы с этого хоть что-нибудь иметь?!

— В добрый час! — откликнулся Кафф. — Желаю удачи. — Он весело рассмеялся.

Битвы за власть не будет. Весна была рядом, и Лонесса, и они это слышали. Триггер и Фоун весело болтали. Освободившись от власти отца, мой братец выглядел почти нормальным.

Возможно, дело было в прекрасной погоде и в том, что мистер Мак-Нейл называл *joie de vivre*, но я заметил, что все кругом дружески подталкивают друг друга и хлопают по плечам, невзирая на происхождение и пол. Ну что ж, весьма обнадеживающее начало...

— Мы идем в Паллахакси! — воскликнул я, пьянея от власти. — Нам предстоит построить цивилизацию!

И мой народ ответил дружными криками одобрения.

*Перевела с английского
Людмила ЩЕКOTOVA*

**Печатается с разрешения автора и литературного агентства
Александра Корженевского.**

Вл. ГАКОВ

ЗАТМЕНИЕ СВЕТИЛ

**Чем ближе конец века,
тем большим
общественным спросом
начинают пользоваться
разного рода
прорицатели и пророки.
А в нашем случае
— еще и конец тысячелетия
— подобная публика
и вовсе нарасхват!
Одновременное
наступление
двух круглых
календарных дат — испытание
не для слабонервных:
бум предсказаний
достигает своего пика,
а количество откровенной ахиней,
излагаемой с самой серьезной
миной с телеэкранов
и со страниц газет,
превосходит
все мыслимые пределы.**

У каждого из нас перед глазами стоят душераздирающие строки с рекламных щитов и телеэкранов: «до нового века осталось...» Между тем десяти секунд на трезвую голову достаточно, чтобы разобраться: поднимать шампанское за «светские» новые век и тысячелетие стоит все-таки годом позже — в полночь на 1 января 2001-го. Да и с Рождеством выходит неувязка: католики и протестанты обязаны праздновать свою круглую дату 25 декабря 2000 года, а православные и того позже, 7 января 2001-го. А ведь христиане составляют едва ли не треть населения планеты; что до остальных двух третей — так те вообще молятся своим богам, и наши «магические» три нуля им по барабану. Или по бубну, кимвалу, ситару — как кому сподручнее...

Но так уж устроен человек, что даже собственную историю все норовит разлиновать на равные отрезки — пятилетки, семилетки, декады — и обязательно «подвести итоги» ушедшему году, веку, тысячелетию. А где дебет, там и кредит: итоговая черта немедленно вызывает противоположный зуд — строить планов громадьи! Если бы не эта наша страсть планировать и загадывать наперед — не разлетались бы, как мороженое в июле, разного рода «ежедневники» — склерозники, астрологи лишились бы гарантированного навару, церковь — самой эффективной палки для грешников (под приближающийся конец света особо не забалуешь), а политики — повода для очередной демагогической кампании типа «В новый век

— с чистой совестью». Да и средства массовой информации изрядно поскучнеют без накатанного верняка: всех этих гороскопов, рейтингов, хит-парадов века и баек о Нострадамусе.

САМИЗДАТ В XIII ВЕКЕ

Долгое время монополию на предсказания держала публика пестрая и, в основном, безответственная: ясновидящие, гадалки, волхвы, астрологи. О них язвительно высказался еще Марк Твен:

«Пророку не нужны мозги. В его повседневной жизни они, конечно, могут пригодиться, но в профессиональной без них вполне можно обойтись. Пророчество — самая спокойная профессия на свете. Когда на вас накатывает дух прорицания, вы берете свой рассудок, кладете его куда-нибудь в прохладное место, чтобы не испортился, и принимаетесь работать языком; язык работает вхолостую, без участия рассудка; в результате получается пророчество».

Но предложение рождается спонтанно. Можно исписать десятки статей на тему о том, что при желании легко вычитать у Нострадамуса (оказывается, все, что только пожелаешь) или почему всегда оказываются правы прорицатели — в большей мере знатоки человеческой психологии, а во все не светил на небосводе. Но все равно плетью (здравого смысла) обуха (общественной потребности услышать желанное) не перешибешь. Да и платят составителям гороскопов обычно лучше, чем авторам скептических статей, объясняющих, почему

все гороскопы на свете верны — даже взаимоисключающие...

Тем не менее наука во все времена почитала долгом разоблачать «футурологическое» шарлатанство всеми доступными средствами — даже бесплатно. Однако дурной пример заразителен: со временем и саму служанку истины охватил зуд прорицательства. Единственное, что попытались сделать ученые мужи, так это поставить предвидение на строго научную основу: все же на дворе — век технического прогресса! Хотя в завтрашний день отдельные проницательные умы заглядывали, разумеется, и раньше.

О технических озарениях Леонардо да Винчи нам известно со школы. Однако за два столетия до великого и разностороннего итальянца жил другой ученый пророк, о котором известно до обидного мало. Первый из двоих английских провидцев, носивших фамилию Бэкон, — Роджер.

Был он монахом-францисканцем, но баловался алхимией, книжки почитывал и даже кое-что пописывал. Одним словом, ученый. Не забудем: в XIII столетии самой «научной» книгой считалась «Сумма теологии» Фомы Аквинского, а примером живой академической мысли были споры о количестве ангелов, способных уместиться на острие булавки! Сам же корифей науки Фома на ехидный вопрос одного весьма продвинутого оппонента: «А чем был занят Господь до сотворения мира?» — ответил: «Создавал ад для тех, кто задает подобные вопросы!»

Словом, научная жизнь кипела... Настолько, что острый ум подсказал брату Роджеру спасительную идею ничего не публиковать — легко было обжечься.

Судите сами: «Можно сделать такие приборы, с помощью которых самые большие корабли, ведомые всего одним человеком, будут двигаться с большей скоростью, чем суда, полные мореплавателей. Можно построить колесницы, которые будут передвигаться с невероятной быстротой... без помощи животных. Можно создать летающие машины, в которых человек, спокойно сидя и размышляя о чем угодно, будет бить по воздуху своими искусственными крыльями, наподобие птиц... а также машины, которые позволят человеку ходить по дну морскому».

На костер тогда отправляли и за меньшее. А прозорливый монах-ученый прожил фантастически долгую по тем временам жизнь — почти 80 лет. И трактат его, названный «Послание брата Роджера Бэкона о тайных действиях искусства и природы и о ничтожестве магии», в конце концов увидел свет. Правда, спустя четыре столетия — в 1618 году, аккурат ко времени расцвета другого Бэкона — Фрэнсиса.

Ему скрывать свои поразительные научные познания нужды не было. Крупнейшему ученому и философу своего времени, основателю научного материализма повезло и «по жизни»: положение друга-конфидента короля принесло не только пышные титулы и пост лорда-канц-

лера, но и возможность спокойно фантазировать в свое удовольствие.

Фрэнсис Бэкон оставил нам неоконченную утопию — «Новая Атлантида» (1627), выпустив ее на всякий случай анонимно (монаршая милость преходяща, а голова-то одна!). В этой тонкой книжице автор неспешно размышляет о подводных лодках, аэропланах, неведомых современникам средствах связи (кино, телефон, телевидение?), а также о многом другом, включая получение металлов с заранее заданными свойствами, печах, в которых достигается жар Солнца, и управление погодой. Для справки: ньютоновских законов механики ждать еще полсотни лет, а первого полета воздушного шара братьев Монгольфье — сто пятьдесят.

Подобные примеры можно приводить страницами — гениально угадавших провидцев в науке хватало во все времена, вплоть до нашего века. Однако для полноты картины следует обратить внимание на иной исторический ряд: ученых-слепцов, не видевших, не желавших видеть вполне реальные предвидения своих коллег.

КРАСНАЯ КНИГА НАУКИ

К сожалению, она еще не написана — хронология тех изобретений и открытий, которые власти предержащие либо само научное сообщество сочли неосуществимыми. Зачастую уничтожающий вердикт снабжался ехидными комментариями в адрес неучей, посмевших предлагать

светилам и корифеям свои бредовые проекты... Поучительная вышла бы книжка.

Радио, электричество, звукозапись, фотография, кино, телевидение, автомобиль, комбайн, космические полеты, компьютер. Проще привести список изобретений последних двух столетий от начала до конца — ни одному из них не была уготована легкая жизнь. Ученые мужи, когда на них накатывал дух прорицаний, эффектнее выдавали антипрогнозы: то, чего «не будет, потому что не может быть никогда» — или на худой счет «будет, но не в этой жизни»...

Мне уже приходилось писать о крайне вредной болезни неофобии (боязни всякой новизны). Эта хворь поражает всех без разбору — во все эпохи и независимо от уровня цивилизованности государства. С одинаковой легкостью заражаются и чиновники, и академики, в странах слабообразованных и в самых что ни на есть оплотах научно-технического прогресса.

История отечественных пионерских изобретений стала хрестоматийным примером «высочайшего равнодушия» власти к новаторам и возмутителям спокойствия. Ползунов, Кулибин, Попов, Циолковский... — сколько об этом было написано! А «просвещенный Запад»? Вот уникальный документ — докладная записка директора американского Национального патентного бюро президенту, в коей главный научный эксперт страны предлагает вообще закрыть свою контору, поскольку—

«все, что можно было изобрести, уже изобретено»! Любопытно, правда? Особенно хороша дата: 1899 год.

После этого не удивляет и драматическая история непризнания космонавтики: отдельные упрямцы отказывали ей в праве на существование буквально под грохот стартующих ракет.

«Мещанина Никифора Никитина за крамольные речи о полете на Луну сослать в отдаленное поселение Байконур». Это напечатано в отделе хроники газеты «Московские губернские ведомости» за 1848 год. Вот и не верь после этого в совпадения!

Энтузиастам межпланетных сообщений приходилось несладко везде — не только в промышленно отсталой России, но и развитых Германии, США, Англии и Франции. По крайней мере, американский инженер Роберт Годдард об идеях русского коллеги Циолковского не слыхивал вплоть до первых десятилетий нашего века. К идее ракеты как средства межпланетных путешествий он пришел после знакомства с трудами немцев (а те, как выяснилось, о работах «мечтателя» из Калуги знавали, и неплохо!) и сразу же перевел вопрос в практическую плоскость: стал эти ракеты строить.

Первые эксперименты были проведены на пустыре рядом с колледжем, где Годдард преподавал физику и аэродинамику. Интерес вся его «пиротехника» вызвала лишь у полиции (обыватели жаловались на взрывы и рев по ночам) да у местных репортеров, которые с удовольствием

оттягивались на «городском сумасшедшем». Надо же додуматься: ракета на жидком топливе летит на Луну!.. Потом слухи дошли до самого неофициально-«столичного» Нью-Йорка, и пришел черед порезвиться мэтрам из солиднейшей «Нью-Йорк таймс»: «Этот профессор Годдард вместе со своей группой в колледже Кларка... по-видимому, не слыхал о законе равенства действия и противодействия. Ему, несомненно, придется подыскать себе что-то посolidнее вакуума, чтобы его ракете было от чего отталкиваться» (из статьи научного обозревателя, номер от 13 января 1920 года). Сколько яда, сколько сарказма!

Спустя 6 лет, 17 марта 1926 года Годдард успешно запустил первую в мире ракету на жидком топливе. Но даже после своего триумфа не стал поднимать шум в прессе, которая к тому же все равно не поверила сообщениям очевидцев. Лишь послал коротенькое сообщение в вашингтонский Смитсоновский институт, где записку благополучно потеряли... Короче, о первом старте ракеты мир узнал только десять лет спустя — из статьи самого Годдарда. К тому времени у него уже были последователи во многих странах — во Франции, Германии, России...

Кстати, о Германии. В разгар работ над реактивными снарядами «Фау» руководителя проекта — «стопроцентного арийца» и активного члена НСДАП Вернера фон Брауна — пригласили в гестапо, где провели с ним профилактическую беседу. Суть

ее состояла в следующем: нечего забивать голову «мечтательскими бреднями об орбитальных спутниках, лунных ракетах и овладении атомной энергией для полетов к звездам». Делом нужно заниматься, делом...

Позже фон Брауну дадут строить его лунную ракету, но это произойдет уже в другой стране. Победившей, кстати, ту, что недооценила своего новатора.

Но до того продолжалось «лунное затмение» специалистов. Именно в год старта первой ракеты Годдарда вышла статья еще одного светила науки, американского профессора А.У.Бикертонна, который в пух и прах разнес неучей, рассуждавших о полете на Луну: «Глупейшая идея... Пример того предельного абсурда, до которого доходят ученые, работающие в «мыслепроницаемых» отсеках, в полной изоляции друг от друга».

Ну ладно, ошибся почтенный профессор — все-таки 1926 год, космонавтика еще не выбралась из колыбели. Однако и в 1948 году популярный журнал «Сайнс дайджест» утверждал: «Посадка на Луну или ее облет предполагают такое количество серьезнейших проблем, что науке может понадобиться еще 200 лет, чтобы справиться с ними». Почти угадали — если убрать лишний ноль.

Что касается американских журналистов, то надо отдать им должное: 16 июля 1969 года, когда начался предстартовый отсчет для «Аполлона-11», в газете «Нью-Йорк таймс» вспомнили о той злополучной

статье про Годдарда. И обыватели, развернувшие номер газеты утром исторического дня, смогли прочесть буквально следующее: «Теперь надо признать за абсолютно установленный факт, что ракеты могут передвигаться в космическом вакууме. Газета приносит своим читателям извинения за допущенную ошибку».

Как говорится, лучше поздно...

ОРАКУЛ НА ДОГОВОРЕ

В середине нашего столетия научные предсказания из досужего хобби одиночек превратились в общественную необходимость*. Заказ на надежные прогнозы, освященные именем науки, был обусловлен тем, что мир перестал быть инерционным. Конкретное изобретение или новация могли все перевернуть в расчетах, во вложении капитала, в ставках на бирже и развитии экономики и политики.

Один конкретный пример — Интернет, который, кстати, возник почти из ничего и, по меркам истории, мгновенно. И разом же изменил все наши представления о свободе информации, правах человека, системе образования, торговле, свободном времени, проблемах молодежи, частном и общественном, цензуре, политике, даже способах ведения вой-

ны (которая из «полевой» все более переходит в сферу информационную).

Только родившись, наука футурология быстренько взяла на вооружение компьютеры, новейший математический и социологический научный аппарат. Ряд ее ведущих мозговых центров — таких, как Гудзоновский институт, корпорация РЭНД или Римский клуб — не одно десятилетие служили местом паломничества высокопоставленных заказчиков: политиков и бизнесменов. И многие конкретные прогнозы, выработанные специалистами этих центров по изучению будущего, оправдывались**. По крайней мере, служили надежным указателем, во что вкладывать средства или что делать, чтобы предотвратить опасные тенденции в той или иной частной области.

Но, по большому счету, футурологи не ошибались лишь тогда, когда все шло по их плану: события развивались линейно, «просчитываемо», без революционных взрывов и парадоксальных завитков. В этих случаях верный результат давала простая экстраполяция: зная, как дела обстоят сейчас, а также скорость изменений, можно было легко подсчитать, как все будет обстоять завтра.

** Речь, разумеется, об обществе западном — какой же рынок без просчета альтернатив, будущих курсов, тенденций! В мире по другую сторону «железного занавеса» альтернатива в те времена отсутствовала как класс, а ключ к единственно верному будущему хранился в работах классиков марксизма. Как писали Стругацкие, «есть такое мнение, господа, и не будем, граждане, спорить!». (Прим. автора.)*

*** Есть мнение, что эти «прогнозы» на самом деле были планами переустройства мира. (Прим. ред.)*

В целом же наш век поставил жирный крест на спокойном, линейном развитии. И каждое «неучтенное» изобретение или открытие — а имя им легион — все переворачивает вверх дном. После чего футурологический прогноз ждет примерно та же судьба, что и забавные «печенья-предсказания», традиционно подаваемые на десерт в китайских ресторанах. Разломить печенье, вынуть полоску бумаги, прочитать свою «судьбу» — и выкинуть в урну.

Метод Дельфи (помните, где находился офис легендарного Оракула античных мифов?), метод «экспертных оценок», «веерный метод», построение «вероятностных деревьев», метод «возвратных оценок»... Будущее исследовали количественно, вероятностно, динамически — а оно все никак не поддавалось точному анализу. И не успевала выстроиться стройная конструкция — не какие-то там шаманские камлания или карточный пасьянс гадалки, а графики и таблицы на дисплее компьютера! — как с ней приходилось распрощаться навсегда.

Я часто привожу в пример один показательный случай — его достаточно для понимания блеска и нищеты экстраполяций. Вся суть этого метода содержится в выводе английского журнала «Экономист» (номер от 11 марта 1972 года — в самый разгар экологического бума): любое комплексное исследование лондонского транспорта, проведенное в 1872 году, неминуемо привело бы исследователей к выводу, что спустя

сто лет город будет погребен под горами навоза!

Технократическое мышление по определению линейно, поскольку основано на технологическом подходе к жизни (что такое технология, как не перевод единичного и новаторского на коммерческий поток). А жизнь — увы, социальная, — если и описывается какими-то уравнениями (что тоже маловероятно), то во всяком случае — не линейными.

В поисках более свежего примера я наткнулся на подборку прогнозов «2000 год и далее», составленных в 1989 году ведущими мировыми экспертами из уже упомянутых мозговых центров. А опубликовал их совокупное резюме — образ мира следующего столетия — в ту пору ведущий научно-популярный журнал «Омни».

С тех пор он, к сожалению, почил в бозе. А прогнозы...

Многое было высказано разумно и точно — и либо уже подтвердилось, либо вот-вот реализуется. Но зато другие блистательные прогнозы, сделанные, повторяю, ведущими мировыми экспертами, являют собой блистательную посадку в лужу!

Угроза ядерной войны, действительно, отодвинута. Мир в значительной мере перестанет быть ареной противостояния двух сверхдержав (Запад — Восток), уступив место, увы, не многополюсной схеме (как предсказывали политологи в 1989 году), а фактически однополюсной — пока! Налицо и тенденция к другому противостоянию: «богатый, зажравшийся Север» — «бедный, раздирае-

мый противоречиями Юг». (Как об­разно сказал один из опрошенных: «В то время, как меньшинство чело­вечества будет проживать в высоко­технологичном мире, похожем на сказку, большинство останется про­зябать в перенаселенных, загажен­ных промышленными отходами мега­полисах, похожих на кошмар»).

Сверхзвуковые поезда, пересе­кающие Европу в считанные часы. Двух–трехдневная рабочая неделя в большинстве промышленно развитых стран Старого Света. Всепроникаю­щая механизация, все более отдаля­ющая (имеется в виду физический контакт) индивидуума от родствен­ников, соседей и коллег по работе. Флотилии такси, управляемых робо­тами, на улицах городов. Успехи на­нотехнологии, позволяющие ввести миникомпьютеры в кровеносные со­суды, после чего электронные докто­ра сами поставят диагноз и проведут сеанс лечения на клеточном уровне. Дома, «оживленные» электроникой, и школьные классы, превращенные из площадок дрессуры и зубрежки в центры досуга и раскрытия творче­ских резервов личности. Мультиме­диа, «информационное сверхшоссе» (superhighway) и «виртуальная реаль­ность», сделавшие легкодоступным освоение какого угодно объема зна­ний, связавшие домашние компьюте­ры со всемирными базами данных; и одновременно катастрофически уве­личившими пропасть между «мен­тальным образом» мира и собствен­ной физической активностью инди­видуума в этом мире. Африканские

пустыни, преобразованные в гигант­ские солнечные энергокомплексы с помощью новых технологий, позво­ляющих существенно снизить потери электроэнергии. Искусственные ор­ганы и кибердиагностика на дому. Американская лунная колония, насе­ление которой к 2033 году достигло 2,1 миллиона человек (после чего Сенат официально признает их но­вым штатом Америки).

Все это должно стать привычным в первые три десятилетия XXI века. Молодым читателям судить, что сбь­дется, что — нет.

Но вот еще два конкретных про­гноза, органично и теснейшим обра­зом связанных с предыдущими.

В 2033 году советско–американ­ская экспедиция, стартовав с космо­дрома на Луне, высадилась на Марсе. (Сначала проект финансировался обеими Академиями наук, но забуксо­вал из–за отсутствия средств, после чего требуемый один триллион дол­ларов инвестировали американская компания «Орбитад Индастриз» и со­ветская частная венчурная фирма «Гласность, Инкорпорейтед».) А после завершения строительства дополни­тельных транссибирских газопрово­дов Советский Союз станет основным энергетическим донором Европы.

Стоп–стоп! Какой–токой Совет­ский Союз?!

Вот и все. Напрогнозируешься тут, когда все рушится, лопается, как мыльный пузырь, из–за неучета од­ной–единственной детали, качест­венно изменившей всю configura­цию электронной кофейной гущи, на

которой гадают современные оракулы.

Между прочим, английское словосочетание *think tank*, традиционно преподносимое нам как «мозговой центр», точнее переводится, как «чан, в котором кипят мысли». Так и хочется добавить: когда мысль закипает, убавьте огонь — убежит!

На научной идее, овладевшей массами, можно ставить крест.

Вообще-то причины не отрицаемого сейчас никем фиаско футурологии очевидны. Пророки, маги, волхвы имеют дело с таинственным и непостижимым, а ученые связаны законами природы, которые сами же и открыли.

Первым вольно молоть языком все, что заблагорассудится. Сбудется предсказание — хорошо, не сбудется — пророк «отмахнется» ссылками на тайны светил (темна, мол, вода во облацех), после чего оперативно примется уточнять свое предсказание. Ученому сложнее, он убежден и убедил других, что работает «по науке» и что все тайное со временем станет явным для тех, кто изучает законы природы. Поэтому, угадай ученый с прогнозом — повысится его рейтинг в глазах обывателя; а промажет — не миновать ехидных подковырок: тоже мне — наука! Гадание на кофейной гуще...

За примером ходить далеко не надо: точность работы всех метеоцентров мира стала темой анекдотов — при том, что часто они предсказывают погоду абсолютно верно.

Только этой оглядкой на статус «безошибочной науки», сложившийся

не без активной саморекламы самих ученых, можно объяснить ту робость, с которой они приступают к предсказаниям. Кроме того, кому-кому, а ученым-то хорошо известно: во всякой попытке заглянуть в завтрашний день заложен парадокс, по-научному называемый нарушением принципа причинности.

Если Будущее можно «подсмотреть» в какую-то щелку, значит, его в принципе можно изменить. А тогда это будет уже «не то» будущее из первоначального прогноза.

Итак, либо вы угадаете точно, но тогда ваша догадка окажется бесполезной для современников: это все те самые «затерянные чертежи», «неизданные книги» и тому подобное, о чем уже шла речь. А если читающая публика примет ваше предсказание всерьез, то — см. выше.

Поэтому поистине революционные предсказания ученых столь редки, в сравнении с океаном «добропорядочных», то есть в рамках известного, привычного, общепринятого, статей, диссертаций, монографий. Последние бесполезны, потому что медленно, но верно двигают науку. Однако рывком ее толкают вперед как раз те, кто идет «не в ногу».

Все вышесказанное хорошо резюмируют два точно подмеченных закона.

Один из авторов — хорошо знакомый любителям фантастики Артур Кларк. Закон Кларка гласит: «Когда заслуженный, но старый ученый заявляет, что что-то возможно, он почти наверняка прав. Когда он утвер-

ждает, что что-то невозможно, то почти наверняка ошибается».

Впрочем, это совсем не означает, что абсолютно все, чему официальная наука выносит приговор, обязательно верно или сбудется. «Вечный двигатель», нарушающий фундаментальный закон сохранения энергии, не построить даже легиону новаторов, выступающих против упрямых ортодоксов-догматиков. Как невозможно и принести в настоящее достоверную весть из будущего — до тех пор, пока ученые не откроют путь в обход закона причинности.

Лакмусовой бумажкой, позволяющей хотя бы на глазок отличить научный прогноз от лженаучной «туфты», обычно служит уровень рекламной шумихи. Если разворачивается бурное обсуждение в средствах массовой информации, а толпы дилетантов в миг становятся адептами и пропагандистами «нетрадиционной» науки, клеймя ретроградов в ученых мантиях, можно быть почти уверенным: это все мимо науки.

Широким массам, в общем-то, все равно, излучают ли «черные дыры» гравитационные волны и какова структура ДНК. И правильно — пусть этим занимаются ученые. Но зато обещание вечной молодости, «халявного» (то есть без усилий) обре-

тения знаний и мудрости, инопланетной «заграницы, которая нам поможет» или дешевого рецепта быстрого экономического процветания государства не пройдут мимо внимания масс.

И вот тут вступает в силу другой закон, сформулированный не менее известной личностью — Айзеком Азимовым. Закон Азимова звучит так: «Однако когда обыватель возбужден идеей, которая опровергнута заслуженным, но старым ученым, и поддерживает ее с горячим энтузиазмом и почти священным восторгом, — тогда заслуженный, но старый ученый, в конце концов, окажется почти наверняка прав».

Вот и все по поводу предсказаний ученых.

И все-таки память подсказывает: как же так, научные прогнозы нередко сбывались! Полеты на Луну, роботы и компьютеры, клонирование, атомная бомба, экологический кризис... Разве обо всем этом не написали задолго до того, как упомянутые явления стали приметами нашей повседневной жизни?

Верно, писали. Но только не в научных журналах и не в тезисах научных конференций. Об этих в большинстве своем сбывшихся предвидениях — в следующий раз.

Всякая доктрина проходит 3 этапа: сначала ее атакуют, объявляя абсурдной, потом допускают, что она, очевидно, справедлива, но незначительна. Признают, наконец, ее истинную важность, и тогда ее противники оспаривают честь ее открытия.

Уильям Джеймс, английский психолог и философ

Леонид ШКУРОВИЧ

«МЫ — ОПТИМИСТЫ!»

Продолжаем знакомить наших читателей с делами издательскими. Сегодня вашему вниманию предлагается беседа нашего корреспондента с заведующим редакцией фантастики издательства ЭКСМО Леонидом Шкуровичем.

— Леонид Владиленович, ЭКСМО — один из лидеров книжного рынка как в сфере традиционной литературы, так и в области фантастики. Как давно вы обратились к фантастике, чем это было вызвано?

— Официальная точка отсчета — апрель 1996 года, когда мы выпустили в серии «Абсолютное оружие» новые романы Е.Гуляковского «Красное смещение» и В.Михайлова «Посольский десант». Официальная, потому что мы все-таки выпускали фантастику до того в иных, «нефантастических» сериях. А интерес к ней был вполне естественным, любое издательство, стремящееся к развитию, неизбежно обращает внимание и на фантастику. И тогда ЭКСМО, изначально выпускающее классическую литературу, а также и детективы в знаменитой серии «Черная кошка», вторглось в сферу фантастики. Это было неизбежно, поскольку анализ тенденций мирового книгоиздания показывает, что спрос на такую литературу имеет устойчивый характер. Поэтому решение об издании фантастики было мотивировано не вкусовыми или эмоциональными аспектами, а сугубо экономическими. Разумеется, сработал и личностный фактор. Поскольку я к фантастике был неравнодушен, то всячески лоббировал проекты. В этом был некий риск, необходимо было доказать жизнестойкость проектов, и ответственность за успешную их реализацию иногда даже подавляла творческую инициативу.

— Ну и как, удалось доказать? Какие серии выжили, какие нет?

— У нас исчезла всего лишь одна серия — «Абсолютная магия», начатая осенью 1996 года. Причем, на самом деле эта серия трансформировалась в два издательских проекта. Один из них можно связать с именем Ника Перумова, хотя там выходили книги и Святослава Логинова, и Перумова в соавторстве с Сергеем Лукьяненко. Концептуально расширения этой серии не предвидится, круг авторов здесь ограничен Перумовым или теми, кто работает в его мирах. Второй опирается на книги харьковчан, работающих под псевдонимом Г.Л.Олди, а также «примкнувших к ним авторов». Вышла, например, работа в соавторстве с Валентиновым; на очереди книга, где выступят киевляне Марина и Сергей Дяченко. Рассматривается возможность издания в серии и сольных книг этих авторов.

— Иными словами, вы не авторов подбираете под серии, а серии — под авторов?

— Да, можно сказать и так. Но здесь есть свои издержки. Порой приходится отвергать интересные рукописи лишь потому, что они не укладываются в уже имеющиеся фэнтезийные проекты, реализуемые, действительно, под конкретных авторов. Это очень грустно, и пока я не вижу, как найти новую модель. К сожалению, мы иногда упускаем многих талантливых авторов лишь потому, что этого требует издательская дисциплина. В противном случае произойдет эрозия серии, а это может привести к ее коммерческому провалу. Но, возвращаясь к разговору о сериях, новых проектов у нас возникло множество. Мы сохраняем установку на издание российской остросюжетной фантастики, однако не жестко «боевой» и не жестко остросюжетной. Умные, философские произведения серьезных авторов у нас выходили неоднократно. Можно назвать Вершинина, Громова...

— Так сколько же у вас серий?

— Кроме вышеупомянутых, это серия «Абсолютное оружие», а из переводных — «Стальная крыса» и фэнтезийная — «Знак единорога». К фантастике можно отнести проект под названием «Холодный огонь». Сюда вошли книги Дина Кунца и подобных ему авторов. Но это не просто «ужастики», а произведения с весьма значительным компонентом фантастики. С нового романа Гуляковского мы запускаем еще одну серию под названием «Нить времен». Стало традицией начинать серию книгой Гуляковского.

— Но тогда, следуя этой логике...

— Правильно, за ней идет новый роман Михайлова «Беглецы ниоткуда». Эта серия опирается не на дебютантов, а на авторов, состоявшихся в рамках нашего издательства. Мы исходим в этом случае не из оценок прессы или критики, а насколько была успешной та или иная книга в контексте проекта.

— Ведется ли работа с молодыми писателями?

— Работа с молодыми безусловно ведется. Много ныне известных фантастов дебютировали именно у нас. Например, в серии «Абсолютное оружие» впервые были опубликованы Дивов, Бессонов, Ильин... Список можно продолжить. Многие из этих авторов имеют свой круг почитателей, критика не остается к ним равнодушной — одни хвалят, другие ругают, а значит — это на самом деле интересно, раз возникает слух об интересе. К нам присылают много рукописей, и если мы находим что-то интересное — сразу же заключаем с автором договор. Могу сказать, что скоро вы услышите о трех или даже четырех новых именах. Это нормальный результат. По зарубежным авторам ситуация сложнее, мы здесь ориентируемся на известных писателей. Приоритет на апробированные варианты, в этой сфере мы не претендуем на звание законодателей мод.

— Как соотносятся книги отечественных и зарубежных авторов?

— Примерный паритет. Но пока мы не видим серьезных перспектив по резкому увеличению выпуска книг российских авторов. И дело не в насыщении рынка, а в том, что для каждого нового проекта нужна своя изюминка. А

пока нет оригинальной концепции. Что же касается зарубежных авторов, то мы прорабатываем два проекта, но о них пока рано говорить.

— **Кстати, не ваше ли издательство стало пионером совместного творчества наших и западных фантастов?**

— ЭКСМО можно назвать пионером в том смысле, что наше издательство честно и во всеуслышание заявило об этом, а также правильным образом оформило взаимоотношения между соавторами. В принципе, это достаточно распространенная мировая практика. У нас же ко всему еще были хорошие отношения с Гарри Гаррисоном, потому и возникла идея написать продолжение его известной трилогии «Мир смерти». Гаррисону тоже было интересно, что из этого получится. Получилось, судя по тиражам, неплохо.

— **Ходят слухи, что понижение после августовских событий прошлого года авторских гонораров, и до того не очень высоких, есть на самом деле итог некоего тайного сговора между издателями.**

— Ни о каком сговоре речь идти не может! Другое дело, что мы живем в одном мире, между издательствами существуют вполне нормальные взаимоотношения, и любому издателю всегда интересно знать, на какие экономические принципы опираются коллеги-конкуренты. Консультации, естественно, были, но говорить о сговоре, всяких там клятвах на крови и прочих ужасах просто смешно! Никаких догматических установок не было и быть не могло. Мы наблюдаем, как идет перемещение авторов по издательствам, а был бы сговор, рынок бы заморозился.

— **Значит, не было ни передела рынка, ни «раздела» авторов?**

— Не передел, а подбор и привлечение к сотрудничеству перспективных авторов. Это первоочередная задача любого серьезного издательства, и она имеет долговременный характер. Процесс «конвертации» авторов шел и до 17 августа, идет сейчас и будет идти всегда в условиях свободного книгоиздания. Не надо называть это переманиванием. Вот, например, сейчас наиболее крупными издателями российской фантастики являются АСТ и ЭКСМО. Так вот, за последнее время у нас не было никаких конфликтных ситуаций в связи с тем, что вы называете переделом.

— **Ваше личное отношение к фантастике, влияют ли ваши предпочтения на издательскую политику?**

— Я пытаюсь быть предельно объективным. Мои вкусы не оказывают влияния на отбор произведений. Я стараюсь никогда не декларировать свои предпочтения, чтобы не обидеть того или иного автора. Тем более, что порой приходится ориентировать авторов, исходя из интересов серии, а не собственных вкусов. Мне нельзя делить авторов на любимчиков и прочих. Впрочем, от некоторых писателей ждешь новых вещей с особым нетерпением.

— **Как вы полагаете, некоторый, пусть даже уместный цинизм современного книгоиздания — все эти бригадные подряды, сомнительные соавторства, бесконечные продолжения — не приведут ли они (если**

уже не привели) к выпадению фантастики из традиций российской художественной словесности?

— Здесь мы чисты как слеза! Кроме единственного коммерческого проекта (речь идет о соавторстве Гаррисона и Скаландиса), мы не издавали ни одной заказной книги. Все остальные авторы — люди свободные в своем творчестве, и никакого насилия над ними мы себе не позволяем. Даже для Скаландиса, который работает в коммерческом проекте, это достаточно мучительный в творческом плане процесс. Ему как писателю не очень интересно жить в чужом мире. А когда к нам приходят дебютанты, то я всегда пытаюсь их сориентировать не на подражание образцам, пусть даже вполне достойным, а наоборот, на сохранение самобытности. Приятно, когда приходят авторы не «затусованные», а люди со свежими взглядами.

— Странно! Обычно в некоторых окололитературных кругах приходится слышать, что ваше издательство как раз ориентировано на ширпотреб, тогда как некоторые другие издатели иногда не боятся риска, издавая так называемую элитарную фантастическую прозу.

— Несмотря на то, что мы изначально не собирались издавать элитарную фантастику, все же ряд наших книг можно назвать элитарными в том смысле, что они выламываются из общего потока современной фантастики. К сожалению, многим начинающим авторам хорошее знание фантастической литературы сильно вредит, они топчутся там, где корифеи давно прошли. Отсюда бесконечные подражания, повторы, компиляции. Конечно, надо знать, что сделали твои предшественники, но это не повод перепевать их сюжеты! Злопыхатели могут называть нашу продукцию ширпотребом. Но мы никогда не скрываем нашу нацеленность на успех. Наша задача популяризации фантастики зависит от того, насколько успешно мы будем работать на книжном рынке. Все остальное — лицемерие.

— Есть ли будущее у российской фантастики в свете падения книжных тиражей?

— Несомненно, будущее есть! Вообще русскоязычная литература имеет большой потенциал, а фантастика — в особенности! Да и говорить о падении тиражей следует осторожно. Во времена не столь отдаленные фантастика почти не издавалась, зато тиражи были астрономические. А теперь в своей деятельности мы исходим не только из количественных параметров, но к тому же из богатства «ассортимента». Причем, я уверен, что суммарные тиражи книг не упали, а возросли, притом существенно. У нас нет горестных настроений, наоборот, мы — оптимисты!

— Что бы вы пожелали нашим читателям?

— Я высоко ценю ваш журнал, считаю его высокопрофессиональным изданием. Надеюсь, все читатели разделяют мое мнение. Призываю всех подписываться на него, а если кому-то трудно, то кооперироваться с друзьями. Все мы, по большому счету, делаем одно дело.

**Владимир
ВАСИЛЬЕВ**

**ВОЛЧЬЯ
НАТУРА**

*Москва: АСТ,
1999. — 432 с.*

*(Серия
«Звездный
лабиринт»).*
13 000 экз. (п)

Зайдите в любой книжный магазин где-нибудь в Дублине или Лондоне — вы непременно будете удивлены. Нет, не количеством томов в отделе фантастики и не призывными красками обложек — этого добра и у нас теперь предостаточно. Мистическое чувство вызовет толщина покетбуков. Тысячедвухсотстраничные «разноцветные Марсы» хьюгоносца Кима Стенли Робинсона, монстрические талмуды великого и ужасного Стивена Кинга, гигантский «Восход Эндимиона» Дэна Симмонса, немереные «Игры престолов» Джорджа Мартина, не говоря уже о фэнтезийных эпопеях Джордана или Эддингса. А сравните «Бесконечную войну» и «Бесконечный мир» новоявленного лауреата «Хьюго» и «Небьюлы» Джо Холдемана — Давид и Голиаф или, если хотите, Пат и Паташон. И если, заглянув в русские переводы вышеозначенных романов, вы надеетесь увидеть существенно большую глубину образов, скрупулезную проработку миров, то вас ждет разочарование. Глубины и проработки осталось столько же, а вот воды, бессмысленных описаний того, кто на чем приехал, во что был одет, что ел и с кем рядом стоял — выше крыши. Господ англоязычных авторов можно еще как-то понять (но не простить), гонорар-то им выплачивают за количество произведенных символов. Но с какой целью в эти игры ввязываются отечественные авторы, получающие фиксированный гонорар за готовый роман, понять очень сложно. Сия тайна велика есть.

Романы Владимира (Вохи) Васильева никогда не претендовали на некий особый психологизм или глобальность поднимаемых проблем, но его книги всегда было интересно читать. Чего не скажешь о последнем романе «Волчья натура».

Конец XX века. Земля. Населяют ее «люди, по дикому капризу реальности произошедшие не от обезьян, а от собак» и, соответственно, представляющие не три расы, а бесконечное количество морфем, от пекинесов до ньюфаундлендов. Двести лет назад на планете была произведена коррекция человеческого генома с целью подавления агрессии, доставшейся в наследство от предков-хищников, в результате чего мир все это время жил без войн и почти без убийств. А четыреста лет назад с «небетризованной» еще Земли инопланетные

агенты-вербовщики вывезли несколько особей с «волчьим геном», подготовили из них солдат и заставили воевать. Но вот война закончилась, и наемники вернулись домой. «Волчий ген» опять на планете. Он должен быть приручен или уничтожен.

Любопытная тема о бессилии громадной державы с «вырванным жалом» перед организацией террористов, а также возможность вкусно преподнести взаимоотношения между морфемами (у нас белые с черными держатся лишь на политкорректности, а тут такое разнообразие) тонет в бесконечном количестве описаний. Какой агент спецслужб добирался до Алзама (место приземления волков), каким транспортом, в какой гостинице жил, что пил и ел, как был одет и обут: вся эта «резина» в какой-то момент живо напомнила процесс прибытия представителей различных миров и религий на планету Тянь-Шань в «Восходе Эндимиона», тем более, что «Волчья натура», как в конечном итоге становится ясно, это лишь первая часть большого романа.

Итак, что мы имеем в сухом остатке? Как Гибсон, Васильев писал, как Брин — писал, вот уже добрался до Симмонса. Налицо творческий рост популярного автора.

Андрей Синицын

**Марина и Сергей
ДЯЧЕНКО**

КОРНИ КАМНЯ

*Москва —
Санкт-Петербург:
АСТ —
Terra Fantastica,
1999. — 480 с.
(Серия «Заклятые
миры»).*
10 000 экз. (n)

Повесть «Корни камня», давшая заглавие новому сборнику Марины и Сергея Дяченко, казалось бы, вполне традиционна для этих авторов. Поднимаются извечные, неразрешимые в принципе нравственные вопросы, ломаются устоявшиеся стереотипы, и все это — на фоне острого, динамичного сюжета, окрашенного неповторимой лирической интонацией... Но есть и кое-что новое. К примеру, отсутствуют малейшие элементы фэнтези, столь характерные для Дяченко. Весь антураж намеренно взят из традиционной научной фантастики. Космические корабли, антигравитация, компьютеры. Место действия — земная колония где-то в дальнем космосе. Оторванные от Прародины колонисты постепенно забывают о ней. Основанный первопоселенцами подземный Город представляется единственно возможным миром. Социально и культурно это общество деградирует, история подменяется мифами, колониальная администрация фактически превращается в монархическую власть, ко-

тору олицетворяет блистательный Командор Онов. Само собой, есть и оппозиционеры—бунтовщики, называющие себя «тигардами». Не желая подчиняться бездушным законам Города, они создают свое поселение на планете—спутнике. Между Городом и Поселком идет вялотекущая война.

Главный герой повести — ребенок, Ивар, одиннадцатилетний сын Командора, маленький принц этого мира. Все происходящее подается его глазами. Порывистый и нежный, гордый и нервный, Ивар точно сошел со страниц крапивинских книг. И, подобно Крапивину, авторы относятся к своему юному герою предельно серьезно, отнюдь не преклоняясь перед мифической «детской чистотой». Ивару предстоит стремительное, преждевременное взросление — благодаря им же заваренной каше. Пройдя через страдания, предательство, кровь, он расстается со многими иллюзиями (возможно, обретая взамен другие); примитивная черно—белая схема его мировосприятия рушится, и не так уж ясно, что придет ей на смену. Но главное — Ивару приходится понять: человечность выше всех стен, что мы возводим между собой, а граница между светом и тьмой проходит внутри каждого из нас.

Впрочем, пересказывать произведения супругов Дяченко — это все равно что пересказывать стихи. Занятие неблагодарное, куда лучше открыть книгу — чтобы «увидеть черное небо, полное пульсирующих, ясных, не знающих ночи фонариков».

Виталий Каплан

**Михаил
УСПЕНСКИЙ,
Андрей ЛАЗАРЧУК**

ГИПЕРБОРЕЙСКАЯ ЧУМА

*Санкт-Петербург:
Азбука,
1999. — 416 с.
(Серия «Fantasy»).*
20 000 экз. (n)

Всемирная история знает три вещи, написанные Михаилом Успенским и Андреем Лазарчуком в соавторстве: «Посмотри в глаза чудовищ», «Желтая подводная лодка «Комсомолец Мордовии», «Гиперборейская чума». Последняя книга, пожалуй, самая странная из всех. Кажется, что вся последняя треть романа представляет собой одну огромную недоделку. С полдюжины сюжетных линий, закрученных на идее альтернативной истории и переходов во времени, едва—едва, на живую нитку приметаны друг к другу. Концовка — какой—то куцый обрыв, как будто изначально планировалось продолжить роман еще на сотню—другую страниц, а потом пришлось все это вкратце пересказать... Персонажи, неве-

домо зачем вставленные в фабулу и впоследствии едва-едва «отыгранные». Главный герой — сильный, справедливый паранорм Крис, который то борется с темными силами, то лабает на саксе, то умело использует инструмент для темпоральных переходов...

Когда пытаешься расшифровать книгу на философском уровне, начинается какая-то скрытая полемика с неоязычеством, то ли с дугинцами, то ли с Рене Геноном и Эволой. Но полемика, если она и заложена авторами сознательно, вышла как-то сполохами, едва различимыми болотными огоньками, а больше все-таки другого. Текст расчерчен по канонам боевика, который одобрен смешилками так густо, как бывает «засеяно» противопехотными минами поле между передовыми позициями неприятелей.

Во многих случаях сложный вывих сюжета, появление нового персонажа и тому подобное нужно авторам лишь для того, чтобы организовать выигрышную ситуацию, красивый эпизод. Иными словами, оснастить текст ярким лоскутком. Таких прекрасных разноцветных лоскутков в романе немало. Это и быт могучих жителей поселка Чижма, отгороженного от России глухой тайгой. И очень «уютный» персонаж — хладнокровный, на всю катушку прошедший страшный опыт войны доктор Иван Стрельцов. И «железная леди», негиббемый боец партии Дора Хасановна Шварц. И аппетитная стилизация записок ссыльного о фантастическом сибирском народе нимуланов...

Так, может, и весь смысл романа — в лоскутках, в наборе маленьких удовольствий для читателя? Своего рода минимализм, но не классический, как, например, у Добродеева, когда минимум художественных средств сочетается с максимумом содержательной нагрузки, а какой-то вывернутый наизнанку: минимум содержания, за счет чего художественные средства обретают самоценность. Тогда это новый метод, новый стиль, «обратный минимализм», если угодно. Если это было сделано осознанно — bravo! Но... больше похоже все-таки на вещь, сделанную впопыхах, появившуюся на свет раньше естественного срока: посмотрите сами — одна ножка короче другой.

Дмитрий Володихин

Брюс БЕТКЕ

ИНТЕРФЕЙСОМ ОБ ТЕЙБЛ

Москва: АСТ,
1999. — 448 с.

Пер. с англ.
С. Силаковой —
(Серия

«Координаты
чудес»).

10 000 экз. (п)

Киберпанк в лучших своих проявлениях (да и в худших, пожалуй, тоже) всегда отличался исключительной серьезностью и даже некоторым, можно сказать, надрывом. Грязный и опасный мир, высокие и опасные технологии, полубезумные и очень опасные хакеры — все это как-то не располагает к юмору. Да и самих адептов киберпанка в пору его расцвета прямо-таки распирало от собственной значимости — трудно, но приятно быть пророками. Но вот пришел Брюс Бетке и все опошил...

Роман «Интерфейсом об тейбл» (так лихо в переводе звучит название «Headcrash») повествует о жизни и подвигах хакера Берроуза, который стал Суперюзером, а, стало быть, достиг всемогущества.

Читать роман — одно удовольствие! Во-первых, автор не опускается до мелкого зубоскальства или дешевого пародирования, повествование ведется от лица героя и как бы всерьез. Во-вторых, следует особо отметить работу переводчика — это не дотошное следование оригиналу, а фактически заново сотворенная вещь, поскольку множество хохм и приколов имеют специфически российское происхождение. Надо отметить, что подобный прием отнюдь не раздражает, а, напротив, представляется единственно адекватной формой перевода такого хитрого текста, как роман Бетке. Один из немногих проколов в переводе — упоминание о «дедушке Морозе» (у которого, как мы сразу же вспоминаем, борода из ваты: в устах американца это все же явный перебор). Один из немногих проколов редактора — на 82 странице металл бериллий почему-то назван минералом бериллом, которым при всем желании никак нельзя «оковать» клюшку. Это не буквоедство, просто в таком великолепном произведении малейшая шероховатость сразу же бросается в глаза — в отличие от бесчисленных поделок, напигованных ляпами и опечатками, на которые не обращаешь внимания, поскольку сам исходный материал достоин того, чтобы его засунули в место, куда бедный Берроуз вставляет устройство под названием «Проктопрод».

Особо досталось в романе любителям тешить свои комплексы в Интернете. История романа Ле-Мата и

Инге — это маленький шедевр, особенно в той части, когда они предаются любви одновременно «в натуре» и в Сети.

В финале — мрачноватом и тем не менее оптимистичном — изрядно достаётся как кичливым хакерам, так и пророкам их, от Гибсона до Симмонса.

Роман Брюса Бетке полезно иметь в своей библиотеке каждому уважающему себя любителю фантастики. А если он ко всему еще и пользователь Сети — тем более!

Олег Добров

Теодор СТАРДЖОН

УМРИ, МАЭСТРО!

*Москва: Мир,
1999. — 508 с.
Пер. с англ. —
(Серия
«Зарубежная
фантастика»).*
10 000 экз. (п)

Летнее безрыбье сменилось осенним уловом хороших книг. Сборник рассказов Старджона — несомненная удача издательства «Мир», одного из немногих уцелевших патриархов книжного дела нашей многострадальной отчизны.

Любители крепкоголовых суперменов или каких-либо завалящих боевых роботов будут разочарованы. Такое добро среди шестнадцати произведений они вряд ли сыщут. Хотя по динамизму, неожиданности коллизий и оригинальности идей научно-фантастические рассказы «Барьер Луаны» или «Тайна планеты Артна» дадут сто очков вперед многим современным писарчукам, подвизающимся в фантастике. А что говорить о рассказах «Любимый медвежонок профессора» или «Руки Бьянки»! Стивен Кинг отдыхает. Вы любите фэнтези — пожалуйста: «Быстрый, как молния, гладкий, как шелк...», предпочитаете фантастику лирическую — «Летающая тарелка одиночества» или «Шрамы». Кому по вкусу глубокий психологизм, проникновение в темные недра человеческой природы — читайте заглавную вещь сборника или безысходный рассказ «Это был не сизигий»...

Перечислять и пересказывать все произведения не имеет смысла. Скажем одно: на фоне многочисленных романов о бессмысленной доблести, бесконечных подвигах и сомнительной славе именно малая форма рассказа выглядит особо привлекательной, ибо наглядно показывает, чем отличается настоящий писатель от крепкого ремесленника.

Старджону принадлежит формулировка некоего за-

кона природы, который гласит: «90% всего — дерьмо». Сами произведения Старджона попали в остальные десять процентов.

Олег Добров

**Василий
ЗВЯГИНЦЕВ**

**БОИ
МЕСТНОГО
ЗНАЧЕНИЯ**

*Москва: ЭКСМО,
1999. — 528 с.
(Серия
«Абсолютное
оружие»).*
20 000 экз. (п)

Тридцать восьмой год. Москва. Народный комиссар Григорий Шестаков ждет, когда раздастся длинный звонок в дверь. За ним действительно *пришли...* Дальнейшая судьба наркома и его семьи вроде бы предreshена. Но что-то странное происходит с наркомом — только что готовый сдаться на милость НКВД, он начинает сопротивляться. Но его никак не покидает странное ощущение, что всеми поступками руководит поселившийся внутри него совсем другой человек... Проницательный читатель уже знает этого человека! Конечно же, все давно привыкли считать Василия Звягинцева «автором одного романа». И читатели предыдущих книг бесконечной «одиссеи» вспомнят этот, казалось бы, малозначительный эпизод с наркомом, произошедший в одном из прошлых романов цикла. Тогда инопланетный резидент Сильвия в целях экзекуции переносила матрицу сознания Сашки Шульгина (одного из главных героев всего сериала) в разные времена и страны и подсеяла в сознание людей физически или морально уничтожаемых. Однако в случае со сталинским наркомом вышла неувязка — Шульгин, человек активный и не запуганный чекистским террором, помогает наркому расправиться со сталинскими опричниками.

Безусловно, Звягинцеву надоело бесконечно наворачивать хождения своих героев. Теперь он действует иначе. Из эпизода родился роман, не продолжающий, но примыкающий к эпосе. Основное действие происходит в 1938 году, главные герои цикла почти не появляются, хотя приключений и фантастики хватает. И, наверное, это первый роман серии, который можно читать как самостоятельное произведение. Открытая концовка романа намекает на возможное продолжение автором новой сюжетной линии.

Илья Североморцев

КАК СТАТЬ ФАНТАСТОМ

(Окончание. Начало в «Если» № 8, 10)

12.

Я не думал, что попаду в кино.

Случилось это в 1976 году. Одновременно мне позвонили два режиссера. Роман Качанов с «Мультфильма» предложил поставить полнометражную ленту по повести «Путешествие Алисы». А Ричард Викторов после успеха его двухсерийного фильма об отроках во Вселенной решил вернуться к фантастике.

С Ричардом Викторовым мы встретились так. Он позвонил мне и позвал на премьеру его фильма. Помню, что премьера происходила в Доме литераторов, где я никогда раньше не был, меня схватили на входе вахтерши и долго не пускали, а Ричард, появившийся наконец, чтобы меня спасти, был потрясен тем, что существуют писатели, которые не бывали в таком месте.

Я тоже был удивлен видом Ричарда, так как представлял себе режиссеров совершенно иначе и даже имел опыт актерской работы в кино, что случилось незадолго до описываемой встречи с Викторовым.

Мои друзья — Слава Шалевич сотоварищи, молодые и весьма небогатые актеры, жили в одной громадной коммуналке в стареньком доме, прилепившемся к их театру Вахтангова. И когда ребят позвали играть в фильме «Хоккеисты», они взяли меня с собой. У меня только что отросла борода, так что за отсутствием актерских данных режиссер заставил меня изображать скульптора (конечно же, с сомнительной бородой) и держал в кадре на фоне портрета Хемингуэя, полагая, что это смешно. За это я сорвал ему съемки, используя приобретенный недавно в Бирме опыт хиromанта. Свободный от съемок, я сидел в сторонке, гадал актерам и членам группы по руке, что им было куда интереснее, чем работа. В конце концов, мне пришлось покинуть площадку, и актера из меня не вышло.

Так вот, на той картине был настоящий режиссер: он бегал, кричал, командовал и вел себя адекватно.

Ричард сильно хромал, у него было массивное тело, лицо доброе, но всегда серьезное и задумчивое; внешне он был сдержан, а внутри кипел от страстей, увлечений, мыслей и идей.

Жизнь обошлась с Викторовым сурово, но это никак не испортило ему характер.

Мальчиком он заболел костным туберкулезом, и летом сорок первого года его отправили в Крым лечиться в санаторий.

А вывезти не смогли.

Когда пришли немцы, Ричард отступал вместе с нашими войсками. В Керчи он лежал у пулемета — там уже не приходилось разбираться, кто взрослый, а кто ребенок. На одном из последних катеров его, тяжело раненного в ногу, вывезли в Новороссийск. Затем — в район Теберды, в больницу. Туда вскоре тоже прорвались немцы, и детей уводили по горным тропам.

Все эти месяцы мать искала его, не веря, что мальчик погиб. Она разыскала сына в Баку.

К тому времени, когда Ричард пригласил меня в Дом литераторов, он уже прославился двумя фантастическими фильмами для детей — «Москва — Кассиопея» и «Отроки во Вселенной». В те годы (впрочем и в последующие) они были лучшими фильмами подобного рода в нашей стране.

Мы подружились — с таким хорошим человеком нельзя было не подружиться. И сценарий двух фильмов написали хоть и не быстро, но без конфликтов.

Работа с Викторовым для меня связана с Ялтой. С разными временами года, с Чайной горкой — общежитием Ялтинской студии, гостиницами, от шикарной по тем временам «Ялты» до общежитий в блочных пятиэтажках на крутых склонах ялтинских окраин.

Самой запоминающейся поездкой была первая, когда мы писали киносценарий «Через тернии к звездам». Писали вчетвером: я, Виктор, художник Загорский и оператор Антипенко. Все чудесные люди, но мне с ними было тяжело.

И вот почему.

Они жили наверху, на Чайной горе, где находился студийный дом, вернее, общежитие. Я же остался внизу, на набережной, в моей родной «Орланде».

Беда заключалась в том, что Виктор в те недели питался только овощами. Очищал организм от мясной скверны. Костя Загорский проходил «сырьядский» этап в своей биографии, то есть ел только сырые овощи. Но всех перещеголял Антипенко, который голодал «по Бреггу».

К девяти я поднимался на крутую гору, цвела глициния, пахло морем, утром было прохладно, и подъем не казался трудным. Мы садились работать.

На столе стоял поднос с морковкой, салатом и редиской. Работали мы до трех, и желающие грызли морковку. К трем часам, когда кончали это занятие, я доходил до точки.

Попрощавшись, Загорский с Ричардом шли соображать себе скромную растительную пищу, а Антипенко брал большую бутылку, чтобы купить на

набережной в аптеке дистиллированной воды — единственное, что ему разрешил употреблять Брегг. Мы спускались до набережной минут десять — пятнадцать, и весь этот путь Саша рассказывал мне о работе своих внутренних органов — голодающих эти проблемы живо волнуют.

Пока мы брели вниз, я узнавал последние сводки с поля боя: и цвет испражнений, и оттенки мочи, и состояние шлаков — все волновало этот мощный ум!

На набережной мы прощались с Антипенко, он уходил к аптеке, а я мчался в ресторан, где в пустом зале меня уже ждал бифштекс и сто грамм водки.

И я приходил в себя.

Все это чуть не кончилось трагически.

Когда через месяц голодания Саша стал выходить из него, то он что-то не так сделал и угодил в реанимацию. К счастью, откачали...

Киногруппа почти всегда похожа на своего режиссера, как собака на старого хозяина. Викторовская группа была солидной, семейной, в ней не ломались тонвагены, не пропадали в запой осветители, а актеры не дрались в ресторанах. Вечером Ричард садился к телефону и подробно выяснял со своими детьми Аней и Колей, оставшимися в Москве, что сегодня было в школе, что задали и что предстоит завтра. Я сочувствовал его ребятам, но семейство, включая маму Ричарда, которая жила в том же доме и на том же этаже, было настолько дружным, что слезы, если и бывали, оставались невидимыми миру. А если случалось, что мы, примкнувшие к группе, загуливали и возвращались в гостиницу в час ночи, то всегда рисковали увидеть Ричарда на балконе. Молчаливого, глядящего на звезды и ни в чем нас не упрекающего. Мы переходили на бег трусцой и охваченные стыдом и ужасом разбегались по комнатам.

Через несколько лет мы возвратились в Ялту, чтобы дописывать сценарий и снимать новый фантастический фильм «Комета». Несчастливый, неладный, убивший Ричарда и оставшийся практически неизвестным. Хотя по тем временам мы с Ричардом старались сказать в нем куда больше, чем было положено, и если бы не болезнь Ричарда, наверное, фильм стал бы событием. Недаром Госкино сразу же потребовало фильм целиком переделать.

Никто не знает, что «Комета» оказалась чемпионом страны по числу режиссеров, которые в нем сыграли. В Крыму летом немало групп или вольных кинодеятелей. Ричард загорелся идеей всех их задействовать в нашем фильме. Так что там играли В.Басов, Ю.Чулюкин, П.Арсенов и так далее.

«Комета» интересна мне и сегодня как попытка осмыслить сюжет-катастрофу, не новый в фантастике, но на нашем российском материале;

увидеть, к какому идиотизму приведет эта ситуация в одном отдельно взятом Советском Союзе. Задано: к Земле летит комета (а задумали мы фильм, когда к Земле летела комета Галлея). Все ученые, комментаторы и знающие люди уговаривают наш народ, что комета ничем страшным не грозит.

А на берегу Крыма, в курортном городке всех охватывает паника. Доведенная нами до бескрайнего идиотизма. Оказывается, никакая комета не сравнится по опасности с нами самими...

Мы сделали «Комету», и в последний день съемок Ричарда поразил инсульт. Викторов прожил еще полгода, но так и не пришел в себя.

А на материал фильма накинuloсь Госкино. Дело в том, что режиссеры не любят показывать чужим людям, а тем более начальству, сырой, несмонтированный, неозвученный материал, потому что чужие люди, а тем более начальство, воспринимают «полработы» как окончательный продукт. Без Ричарда с его пробивной силой фильм оказался осиротевшим. Госкино накидало полную корзину убийственных замечаний, утверждая, что советским людям не свойственно паниковать и питаться слухами, и требуя снять реплику попавшего в кораблекрушение узбека: «Даже чаю нет!», — как намек на нехватку некоторых товаров в торговой сети.

С намеками всегда плохо. Они называются научным словом «аллюзия». Под аллюзию можно подвести что угодно.

Я позволю себе отвлечься и вспомнить о драме, имевшей место в журнале «Химия и жизнь» именно из-за очередной аллюзии.

Шла статья о биодобавках в корм скоту. Над заголовком был нарисован грузовик, едущий на читателя, в кабине сидели счастливые свинья и корова, а сам грузовик был с верхом гружен мешками с этими самыми добавками.

Когда журнал уже был в производстве, кто-то вспомнил, что надвигается очередной съезд нашей любимой партии. И тогда по требованию редактора над заголовками всех материалов номера появилась надпись: «Навстречу двадцать какому-то съезду КПСС!»

Все было хорошо, но чин в ЦК, который курировал популярные журналы и пролистывал их перед выпуском, посмотрел на картинку, где ехали свинья и корова, а над ними было написано: «Навстречу...», перепугался, побежал к заведующему сектором, тот бросился к заведующему отделом. Не знаю, рассматривали ли вопрос на Политбюро, но этот казус послужил одной из причин изгнания из журнала милейшего и умнейшего заместителя главного редактора Черненко (главный — академик Петрянов-Соколов — был существом олимпийским и появлялся в редакции в торжественные дни). Решение ЦК гласило: тираж отправить под нож! То есть все 400 тысяч экземпляров!

История зловеще повторялась — вспомните эпизод с «Искателем».

И тогда редакция, чтобы спасти журнал, обратилась ко всем авторам и друзьям журнала отправиться в город Чехов и там принять участие в операции: вырезать из номера злополучную страницу и вклеить на ее место другую, без свиньи и коровы.

Несколько дней, сменяя друг друга, мы работали в Чехове. Ударным трудом мы спасли журнал от участи худшей, чем смерть.

Кстати, в соседнем цехе то же самое происходило с журналом «Работница» (а может, «Коммунальное хозяйство» — не помню точно). Там на обложке были сфотографированы работницы передовой прачечной. В ЦК КПСС заметили, что на груди одной из прачек поблескивает нателный крестик. Обложку содрали. Подозреваю, что сотрудника ЦК, принявшего это решение, сегодня можно встретить в церкви.

Ни в одной антиутопии никто из фантастов ничего подобного придумать не смог. Возможно, это и послужило причиной современного кризиса фантастики: наша действительность всегда была фантастичнее вымысла!

А что касается «Кометы», то нам дали другого режиссера, которому за эту работу посулили заграничную командировку, может, даже съемки в Кении, если он перевернет фильм с ног на голову и сделает слабого, несчастного и неустroенного героя человеком сильным, справедливым и партийным.

Дальше начался шантаж. Оператора фильма Рыбина и меня вызвали куда надо и дали понять, что если мы откажемся участвовать в «поправках к фильму», то картину положат на полку, и семья Викторова, который был человеком бескорыстным и небогатым, вообще останется без средств к существованию — и его жена, и двое детей. И мы с Рыбиным сдались.

Я писал новые тексты и сидел целыми днями с Аленой Аникиной, умевшей подгонять тексты к движению губ, что важно при синхронном переводе фильма, и разминали фразы и слова, которые должен был произнести Александр Кузнецов вместо тех, что произносил ранее.

Надежда Семенцова, жена Ричарда, была на нас сердита, и справедливо сердита, потому что для нее важнейшей была память о муже.

В конце концов фильм закончили, он вышел в нескольких копиях, и его никто не видел. Правда, в последние год-два его показали по телевидению.

Второй режиссер, который появился в моей жизни одновременно с Викторовым, был Роман Качанов.

Это был шумный, веселый, говорливый жизнелюб с записной книжкой, куда он заносил собственные острые мысли и анекдоты. Он ловил тебя в коридоре и раскрывал книжечку. Тут тебе и приходил конец.

Роман решил сделать «Путешествие Алисы», позже названную «Тайна третьей планеты», — первую крупную повесть о девочке из XXI века.

Фильм был полнометражным, что на «Союзмультфильме» происходило нечасто.

К тому времени Качанов стал звездой «Мультфильма». Правда, в причинах мнения расходились. Сам Роман считал, что это из-за его гениального фильма «Варежка»; остальные жители нашей страны куда лучше знали фильмы о Чебурашке.

Работать с Качановым было интересно, даже весело, я любил его группу, художников, мультипликаторов. С ними мне пришлось потом работать и на других фильмах. Хотя он для совместного труда был не сахар. Упрям, как толстый избалованный малыш. Если Качанов в чем-то убежден, он никогда не станет с тобой спорить. Все равно сделает по-своему, несмотря на то, что все его близкие соратники категорически возражают и приводят разумнейшие аргументы.

Когда Качанов делал второй фильм по моей повести, он был уже болен и завершил картину с трудом. «Два билета в Индию» — мало кому известный фильм, может, потому что в нем не удалось придумать персонажей, подобных Алисе, Зеленому и Громозеке, в значительной части рожденных фантазией талантливейшего художника Наталии Орловой.

Из мультипликационных опытов, о которых стоит упомянуть, интересен фильм «Перевал» Владимира Тарасова. Громадный человек Тарасов, на мой взгляд, всегда был слишком велик для мультипликации. Он даже в узких коридорах и комнатухах «Мультфильма» умещался с трудом. Он много сделал для современной отечественной фантастики в ее анимационном варианте.* Но с тем, как он снял «Перевал», я не совсем согласен. Может быть, Тарасов слишком положился на необычный ход. «У меня в группе работают два доктора наук, — говорил он. — Кир Булычев пишет сценарий, а Анатолий Фоменко, математик, рисует». Фильм получился формальным, графика Фоменко живет в нем сама по себе, текст — сам по себе, а история путешествия к кораблю отступает на второй план.

Разговоры о «Перевале» шли с разными режиссерами, но так ничего больше и не вышло. Мне жалко, что именно этот фильм не состоялся. А кажется, что его можно было сделать.

...Если история с «Кометой» печальна и драматична, то судьба фильма «Золотые рыбки» Александра Майорова трагикомична.

Фильм был дебютным, получасовым и снимался по моему гусларскому рассказу «Поступили в продажу Золотые рыбки».

В том рассказе Золотую рыбку, исполняющую желания, можно было купить в зоомагазине. Таким образом, весь город получил возможность

* Статью о творчестве В. Тарасова см. в «Если» № 8 за этот год.
(Прим. ред.)

выразить свою волю, и некоторые из его жителей, чтобы не утруждать себя, превратили водопроводную воду в водку. По этому поводу в фильме возникло несколько забавных сцен. Хотя, клянусь, к алкоголизму он не призывал.

Фильм был готов и сдан как раз в день выхода судьбоносного постановления Политбюро о борьбе с алкоголизмом, того самого, лигачевского, по которому вырубали лозу в Крыму.

Разумеется, «Золотые рыбки» были немедленно запрещены. И не увидели экрана. А жалко. Неплохой был фильм.

Ближе всего к славе я приблизился после выхода на телеэкраны пятисерийной картины режиссера Арсенова «Гостя из будущего». Главную роль там играла очаровательная Наташа Гусева.

И получилось так, что ее полюбили сто тысяч мальчишек. Всем захотелось с ней познакомиться, ходить с ней в кино и делать уроки. Мальчишки писали письма, студия имени Горького была этими письмами завалена по уши, среди писем были перлы мальчишеской изобретательности, вроде такого: «Дорогой режиссер! Я люблю вашу картину, но еще больше я люблю Наташу Гусеву. Если вы сомневаетесь в моих чувствах, я могу и жениться. Коля К. 6 класс «Б».

Насколько мне известно, любовь такой оравы молодых людей — не лучшее приобретение. Если не отвечаешь взаимностью, поклонник может и снежком в тебя бросить, или того хуже. Чуть ли не до восьмого класса бабушке и маме приходилось провожать Наташу в школу и встречать ее. Потом она все же сдалась перед натиском самого упорного из воздыхателей. И вышла за него замуж, но не в шестом классе, а в институте. Но если мне самому приходилось выступать перед детской аудиторией, то стоило произнести слова о том, что я писал сценарий фильма «Гостя из будущего», как по залу прокатывался восхищенный гул. И я понимал, как мне повезло в жизни: я был знаком с Наташей Гусевой и в любой момент мог пригласить ее в кино или кафе-мороженое.

Самым экзотическим фильмом из всех, что были сняты по моим работам, оказались «Районные соревнования по домино». Это рок-опера. Я его видел только раз, когда режиссер со Свердловской студии сдавал картину. Дальнейшей судьбы фильма не знаю.

Стоит, наверное, сказать, что по крайней мере два фильма снимались по два раза. Сначала в Ленинграде был поставлен двухсерийный телефильм «Похищение чародея». Затем через десять лет его еще раз сняли на Свердловской киностудии. Режиссер первого бережно относился к тексту повести, что и повредило фильму. Второй режиссер половину фильма пустил на боевые сцены штурма средневекового города. Что тоже повредило.

Смешнее было с повестью «Умение кидать мяч». Сначала ее сняли на «Узбекфильме» под названием «Это случилось в субботу» (может, понедельник — не помню точно). В повести герой обладает абсолютным даром управлять своими движениями. Получает он такую способность, приняв таблетку. И вот герой, толстый, низенький сорокалетний инженер, начинает играть в баскетбол, поскольку попадает мячом в кольцо из любого места на площадке. Получается трагикомедия. О несоответствии способностей человека его желаниям... Когда сценарий, написанный Французовым и Шлепяновым (последний скрылся под псевдонимом), сдавали на студии, руководство запретило упоминать о таблетке, так как это — типичный допинг, с которым мы все боремся. Поэтому у толстячка, оказывается, был талант от Бога, а в конце фильма он делится своим опытом с подрастающим поколением.

Вторично этот фильм сделали в Москве, объединив с рассказом «Летнее утро».

Вот, пожалуй, и все, что можно рассказать о моих попытках создавать фильмы. Заметного следа в кинематографе я не оставил, но значительный кусок своей жизни, лет десять, провел в мире кино.

Если спросить меня, какие моменты в кинематографической карьере мне более всего запомнились, я ответил бы, что удивительных и очень романтических приключений у меня не состоялось, так как сценарист — человек как бы примыкающий к группе, но не равноправный ее член, его встречают на аэродроме, но редко провожают. Надо трезво оценивать свое место в этом процессе, тогда не будет разочарований. И не следует проклинать режиссеров за слабые фильмы по вашим сценариям. Почти всегда сам сценарист и виноват.

Пожалуй, могу вспомнить одно потрясение.

Майоров снимал «Золотых рыбок» в Калуге. Он попросил меня приехать, и когда я добрался до гостиницы, группа уже уехала на съемки. Мне объяснили, как пройти к реке.

Улица скатывалась к Оке круто и живописно. В конце улицы сверкала река, а у берега стояла пристань. Обыкновенная речная пристань. С обыкновенной вывеской «Великий Гусляр».

«Странно, — подумал я. — Откуда-то мне известно это название... Но почему Великий Гусляр? Я же в Калуге!» И тут я понял — я же придумал этот город! Его не существует.

А пристань существует. Потому что в том воля кинематографа!

13.

Мое сочинение на тему, как стать фантастом в нашей стране, завершается, потому что возникает опасность повторений.

Хотелось бы поговорить напоследок о том, что произошло с фантастикой и, соответственно, со мной в последние годы.

Начиная с момента создания современной фантастики, выкованной руками Стругацких и Ефремова, а затем и плеядой фантастов—шестидесятников — Варшавским, Громовой, Нудельманом, Полещуком, Михайловым, Альтовым и Журавлевой, Войскунским и Лукодьяновым, Гансовским, Биленкиным (простите, если кого-то пропустил), в ней бурлила, все открывеннее, идеологическая борьба. Явление шестидесятников, как в обществе в целом, так и в литературе и искусстве, яркое и революционное, начало размываться и исчезать под гнетом «советской контрреформации». Семидесятые годы — крушение надежд и окостенение идеологических идолов. Ведь фантастика, которую творили Стругацкие и их друзья, была ужасна тем, что ставила под сомнение волю партии. Только партии в нашей действующей модели антиутопии дозволено было знать, каким будет тот самый коммунизм, к которому мы стремились. А партия, если вы внимательно прочтете литературу советской эпохи, совершенно не представляла, что это за зверь — коммунизм и что мы будем с ним делать.

При определенном ослаблении диктата идеологических органов после XX съезда партии появились писатели нашего цеха, которые захотели сами разобраться в том, что же нас ждет.

А как только начинаешь разбираться, оказывается, что будущее невозможно изобразить одной розовой краской. Иван Ефремов честно старался заглянуть в коммунизм, победивший во всей Вселенной, и остаться оптимистом. «Туманность Андромеды» партийная критика носила на щите, но на самом-то деле — с оглядкой. И, отворачиваясь, идеологи сплевывали и ворочали рожи — у Ефремова получился сомнительный оптимизм.

Затем через год-два пришли Стругацкие. И что бы они ни говорили о светлом будущем, какие бы коммунистические реалии ни старались сначала изобразить, даже самому недалекому идеологу становилось ясно: наваливается угроза пострашнее американских опусов об атомной войне. Стругацкие писали о будущем нашей державы, на самом-то деле, по-моему, совершенно не веря в коммунизм и давая понять своим читателям, что те его не дождутся.

Недаром так скоро и безусловно Стругацкие стали кумирами младших научных сотрудников — мыслящей части нации.

До конца шестидесятых, все более стервенея, официальные критики делали вид, что ничего особенного не происходит. В это десятилетие Стругацких активно издавал не только умеренно-либеральный «Детгиз», но и «Молодая гвардия», в которой до поры до времени власть оставалась в руках Жемайтиса и его сотрудни-

Именно ЦК ВЛКСМ и понял, как только память о хрущевской оттепели скисла и растворилась в национал-коммунистических воплях, что надо перекрыть кислород «цинникам и нытикам», которые уничтожают веру в светлое будущее.

Редакцию Жемайтиса разогнали и набрали вместо старых редакторов комсомольских мальчиков, готовых на все ради карьеры: как правило, бездарных писателей, неумных интриганов, которых отличала хорошая комсомольская злоба, умение войти в роли союзников не только в ЦК комсомола, но и в Госкомиздат и главный ЦК. И там, где Стругацких не могли разоблачить и потоптать, в ход шла клевета и низкая сплетня, например, обвинение в том, что они «навели» чекистов на дом Ефремова после его смерти и стали инициаторами обыска в квартире Ивана Антоновича. Кстати, уже в наши дни стало известно, что Ефремова много лет числили в английских шпионах и «пасли» совершенно официально. Я помню, как мне «достоверно» рассказывали солидные люди, что Стругацкие уже собрали чемоданы и уезжают в Израиль — и эта сплетня использовалась в качестве оружия надежного рода: «Как можно их издавать, если всем известно, что они уже предали Родину?»

С годами Стругацким становилось все труднее печататься. Из-за попыток напечатать их повести уничтожили журналы «Ангара» и «Байкал». Но эффект, как и положено в нашей стране, был обратным. Сколько мне приходилось видеть машинописных копий их произведений!

Мое поколение фантастов я бы назвал вторым после «стругацкого призыва». Мы опоздали всего на пять — семь лет, но первые наши рассказы были напечатаны к концу шестидесятых годов, то есть на закате оттепели. А вскоре по нам ударила волна репрессий «мягкого типа». Или ты будешь писать как положено, или не будешь печататься.

Мы были менее талантливы, чем Стругацкие, но печататься хотелось так же, и поэтому поколение искало паллиатива.

Мы не замахивались на мировые проблемы и судьбы цивилизации. Но при том никто из нас не воспевал коммунистические идеалы. Жили в своих экологических нишах, но не подличали. Биленкин и Михайлов осваивали космос и искали там ответы на свои вопросы. Парнов с Емцевым большей частью ограничивали себя миром науки. Роман Подольный иронично шутил, Ларионова, Мирер и Шефнер решали моральные проблемы... Конечно, я упрощаю — все писатели второго поколения были сложнее, чем можно сказать в одной фразе. Но при том — локальнее, чем их предшественники.

Что любопытно, за все последующие десятилетия после 1960 года в среде «молодогвардейцев» не выросло ни одного *писателя*, если не считать Сергея Павлова, которого, за неимением прочих достижений, борцы

за истинный коммунизм превратили в свое литературное знамя. И это тем более удивительно, что на стороне правоверных комсомольцев были все типографские мощности державы, призванная кричать «ура» критика и издательские редакторы, готовые подправить, дописать, улучшить, как Николая Островского.

Я начал писать во второй половине шестидесятых годов, первая книга — «Последняя война» — вышла в 1970 году, первая книга рассказов (в том числе гуслярских) — в 1972, а первая книга о девочке Алисе — в 1974.

То есть я придумал себе (или они сами придумались) направления: это юмористическая, пародийная фантастика в новеллах о городке Великий Гусляр; фантастика обыкновенная, которая чаще именуется «научной фантастикой»; и, наконец, фантастика для детей — повести об Алисе Селезневой.

Постепенно я завоевал репутацию «доброго сказочника». Это была утомительная репутация, потому что в те годы я мог издаваться лишь в «Детской литературе», а если просил вставить в план книгу взрослой фантастики, заведующая редакцией Майя Брусиловская печально вздыхала:

— Игорь, пойми, в очереди на издание стоят десятки достойных фантастов, и все пишут для взрослых. А вот в детской фантастике у нас пробел — только Крапивин да ты. Напиши еще одну книжку про Алису, и мы ее в будущем году издадим.

Вот я и сдавался, потому что предпочитал опубликовать оптимистическую детскую книжку, чем не публиковать ничего.

Но в одном я был тверд — и если не верите, пролистайте мои книги семидесятых и восьмидесятых годов: я не верил в торжество коммунизма и в его блага. Я не только сам не хотел вступать в партию, но и мои герои, живущие в будущем, об этой партии не знали. Я не участвовал в кампаниях, семинарах и боевых действиях, не голосовал и не изгонял. Зато и меня нельзя было ниоткуда изгнать.

Правда, на рубеже девяностых годов, когда система рушилась, Эдуард Хруцкий, бывший тогда председателем совета по приключенческой и фантастической литературе Союза российских писателей, позвал меня участвовать в комиссии в качестве его заместителя по фантастике, чтобы какие-нибудь плохие люди не захватили этот пост. «Но я же не член СП! — пытался я отговориться. — Это все равно что стать секретарем райкома, не будучи членом партии». «Это ненадолго, — решительно ответил Хруцкий. — Я знаю, что делаю».

Моя общественная деятельность в роли беспартийного секретаря райкома завершилась скоро. Бывшие еще в силе молодогвардейцы тут же организовали мое уничтожение, и в Союз пошли письма и телеграммы из провинции с требованием навести порядок. Я помню элегантное пись-

мо от имени красноярских писателей, подписанное их главой, в котором, в частности, говорилось: «Кир Булычев — человек неизвестной национальности, окруживший себя лицами всем известной национальности».

...Мы все время от времени рвали на груди тельняшки и восклицали: «Вот наступит свобода, тогда мы будем писать, что хотим, будем печатать, что считаем нужным, а кроме того, в нашей стране откроются десятки замечательных фантастических журналов!».

Но в то же время, как я, так и мои коллеги, до конца восьмидесятых годов были уверены, что проживем жизнь и умрем при продвинутом социализме в Советской империи.

И вдруг все рухнуло.

И не стало империи.

И мы бросились к письменным столам?

Ничего подобного.

Возникли два фактора, которые стали совершенно неожиданными и решающими для будущих событий.

Во-первых, сами события в стране оказались настолько фантастичны, что превосходили даже ту антиутопию, в которой мы раньше проживали.

Во-вторых, открылись двери, и в страну хлынула могучим потоком американская массовая литература, американское массовое кино. И этот поток в мгновение ока смел с лица земли наши фанерные домики.

Мы-то думали, что наш, советский читатель — самый умный, благоразумный и интеллигентный в мире.

Оказалось, что постсоветский человек — существо, чуть-чуть обогнавшее в развитии неандертальца, и хочет читать лишь «крутые» триллеры.

Любопытно, что в нашем открытом, свободном мире в первые год-два его существования появилась лишь одна фантастическая повесть с попыткой заглянуть в будущее страны, но написана она была не «своим», фантастом, а человеком со стороны, журналистом Кабаковым. Называлась она «Невозвращенец».

А фантасты моего поколения пытались и пытаются по сей день создавать либо плохие копии американской массовой продукции, как фантастики, так и фэнтези, либо топтаться на позициях восьмидесятых годов. Их примеру, как правило, следует и молодежь.

Так что пока (временно, полагаю) отечественная фантастика обитает на заднем дворе. Журнал фантастики только один, тиражи книг упали до ничтожной отметки. По крайней мере, у меня, писателя достаточно типичного, они сегодня примерно в двадцать раз ниже, чем десять лет назад.

В чем-то — вернее, во многом — мы сами виноваты.

В шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые годы читатели обраща-

лись к отечественной фантастике в поисках ответов на вопросы насущные, болезненные, тщательно вычитывали между строк спрятанное от цензуры. Любая альтернативная реальность была враждебна коммунистической действительности.

Именно этот читатель ушел от фантастов, потому что сегодня он не ждет от них ответа и не верит в то, что фантасты его знают.

Русская фантастика всегда рассказывала о земных и близких проблемах. Она жила в традициях Гоголя и Булгакова. Потому и Булгакова не печатали, и Стругацкие были отвратительны власти.

Действительность оказалась куда удивительней и более непредсказуемой, чем фантастика. Талант, способный осознать этот процесс, еще не пришел. Вряд ли можно ждать решающего прорыва от уже написавших свое фантастов. Будущие Стругацкие и, может, даже Булгаков не востребованы, ибо пока не требуются. Поэтому таланты крупные, подобно Пелевину, уходят на боковые дороги постмодернизма или чепуховины.

Происходит торможение, потому что иные таланты поглощает коммерческая литература. Писать «под американцев», «под Толкина», «под кого-то еще» стараются люди молодые, некоторые даже небесталанные. Идут на это ради заработка и способные писатели старшего поколения.

Можно заработать пока больше на «крутой» литературе, но у меня есть ощущение, что маятник общественного вкуса, который резко качнулся к масс-культуре, сейчас пошел обратно. Некоторые издатели говорят, что интерес к «боевым роботам» и прочей американской дребедени падает. Зато растет интерес к фантастике как существенной составляющей русской литературы.

Причем этот интерес виден и за рубежом. Если после 1990 года как отрезало переводы русской фантастики в Польше или Чехии, то в последние два года в Восточной Европе (в первую очередь) вспомнили о существовании русских писателей. И снова начали нас переводить и издавать. Даже уж на что самостийная Прибалтика — но и она стала понемножку переводить русских авторов.

Так что я смотрю в будущее нашей фантастики со сдержанным оптимизмом. К сожалению, накопление фантастических, антиутопических синдромов в России и в мире в целом идет слишком интенсивно: что же раньше — возродится и пойдет дальше фантастическая литература в России или сама Россия погибнет, потянув за собой в пропасть весь остальной мир? И тогда литература никому не понадобится.

Я не верю в то, что красота спасет мир, или в преобразующую роль искусства и литературы. С каждым годом процент людей на Земле, на которых хотя бы теоретически может оказать благоприятное влияние литература, уменьшается.

И все же определенную лепту в спасение человечества литература внести может. Пусть небольшую. Но мы же не знаем, когда, чего и сколько нам понадобится. Предупредить, успокоить, показать пример...

В России литература всегда играла большую роль, чем в Европе, потому что в Европе она была личным делом и занятием писателя, а в России — актом героизма или подлости, вызовом Империи или подпоркой режиму. Даже европейские литературные герои оставались таковыми на Западе, а у нас приобретали черты гражданской действительности. Овод и Павка Корчагин — лица исторические и в то же время легендарные, подобно Павлику Морозову. И кто из них реальней? А кто реальней — Асоль, Аэлита или Зоя Космодемьянская?

14.

Очевидно, в конце этих заметок я должен в чем-то признаться.

Если редакция попросила меня их написать, значит, она рассчитывала, что среди читателей «Если» есть некто, готовый их прочесть.

То есть интересующийся моей работой.

Так как прочитанное вами не мемуары и не воспоминания о моем славном прошлом, а попытка оторваться от работы неизвестно ради чего, значит, я еще стараюсь писать.

И сегодня же, завершив эти страницы, примусь, подобно тому самому голландскому мальчику, бегать вдоль плотины и затыкать пальчиком дырки.

Что же я делаю и что мне хочется сотворить?

Мне хочется написать новый исправленный вариант Каталога польских военных знаков 1914 — 1939 гг.

Сделать справочник «Гражданская война в России как интернациональный конфликт».

Доделать и издать «Спринт-историю», или Энциклопедию для новых русских.

Сделать «Современный сонник».

Написать 8 томов «Реки Хронос» (написано пока четыре).

Переделать, дописать и издать «Западный ветер — Ясная погода» (Вторая мировая война в Юго-Восточной Азии).

Написать монографию «Бирма в XX веке».

Писать фантастику, включая детскую, стараясь делать это не намного хуже, чем двадцать лет назад.

И конечно же, доделать и издать наконец «Падчерицу эпохи», или Историю советской фантастики 1917 — 1941 годов.

Это на ближайшие полгода. А дальше — посмотрим.

Шутка...

В этом году «Хьюго» вручали

в Мельбурне. Там состоялась очередная, уже 57-я Всемирная Конвенция по НФ и фэнтези. И в сорок шестой раз на конвенции вручали знаменитые премии «Хьюго».

Лучшим романом 1998 года был назван «Не говоря уж о собаке» Конни Уиллис. Лучшей повестью — «Океаник» Грега Игана (это была самая ожидаемая победа, но не только потому, что Иган — австралиец). Лучшей короткой повестью стал «Такламакан» Брюса Стерлинга. Премию за лучший рассказ «Учащенный пульс машины» получил Майкл Суэзвик. В номинации по драматическим постановкам победу одержал известный фильм Питера Уира «Шоу Трумена». Из художников-фэнов лучшим был назван Иан Ганн, а из профессионалов — Боб Иглтон. Что касается победителей среди критико-информационных журналов, то здесь неожиданностей не случилось. Премию опять получил «Локус». Лучшим фэнзином признали «Ансибль», а его редактора Дэйва Лэнгфорда традиционно признали лучшим писателем-фэном.

Кроме того, во время работы конференции вручалось множество менее значительных призов. Например, премию за лучшие произведения в жанре «альтернативной истории» получили Стивен Фрай (роман «Творить историю») и Иан Маклеод (рассказ «Летние острова»).

Вернисаж

Геннадия Тищенко состоялся в Москве в начале сентября. Тищенко известен любителям фантастики не только как художник, но и как мультипликатор — один из немногих, кто всерьез работал в сфере фантастики и фантасмагории. Ряд анимаций сделан при участии писателя-фантаста Руслана Сагабалияна.

Шесть часов «Дюны»

— неплохой подарок любителям творчества Херберта! Этот проект для телевидения и видео задумал реализовать продюсер мини-сериалов Ричард Рубинштейн. Он известен нашему зрителю шестичасовыми экранизациями «Противостояния» и «Лангольеров» по произведениям Стивена Кинга. Видимо, продюсерское чутье подсказывает удачливому коммерсанту от видео, что современному американскому зрителю уже не потрафляют качество съемок и спецэффекты старого фильма «Дюна» (пусть его и делал культовый режиссер Дэвид Линч). Известно, что большая часть сериала будет сниматься в пражских замках и в туниской пустыне, хотя по нынешним временам сага о роде Атридесов могла бы иметь виртуальное воплощение. Премьера должна состояться во второй половине 2001 года.

Новый проект в Интернете

может заинтересовать переводчиков и издателей. Сетевая страничка TarraNova (tarranova.lib.ru) приглашает авторов и переводчиков любых жанров размещать списки своих работ и предложения для издателей. Подробности можно узнать у переводчика Андрея Новикова по адресу novana1@junik.lv

Еще две «Матрицы»

задумали братья Вачовски, окрыленные успехом первой. Как минимум, два сиквела предполагается снять при участии Ке-ану Ривза. Аналогичные предложения поступили также Кэри-Энн Мосс и Лоуренсу Фишберну, исполнявшим роли в «Матрице». Известно, что продолжения, как правило, бывают лишь бледной тенью своего «прародителя». Вот и посмотрим, сумеют ли лихие братья прыгнуть выше головы.

Нечаянная радость!

Как выяснилось, красноярский журнал «День и ночь», печатающий фантастику, получил финансовую поддержку из неких источников и, вполне вероятно, продолжит свое существование. Мы рады, что предыдущая недобрая весть («Курсор» № 8, 1999 г.), пришедшая из Красноярска, сменилась столь радостным известием.

Агентство F-прессе

С 23 по 26 сентября

в Санкт-Петербурге состоялся очередной, четвертый Конгресс российских фантастов, в рамках которого вручались литературная премия «Странник» и уже ставшие традиционными жанровые «Мечи». Многие известные писатели, работающие в области фантастики, собрались в эти дни, чтобы решить свои «цеховые» проблемы и выбрать лучших из лучших. Среди иностранных гостей были зачистивший в наши края Роберт Шекли, а также впервые приехавший Пол Андерсон со своей боевой подружкой-соавтором Карен Андерсон. Присутствовал также друг российских авторов японский переводчик Ооно Нарихиро. Европейских фантастов представлял итальянец Роберто Куалья. Ну а писатели из Белоруссии, Украины и Латвии воспринимались не в качестве иностранцев, а как сугубо «наши».

В этом году программа Конгресса была весьма насыщенной. Диспуты, семинары, выступления перед читателями, акция на оптовом книжном рынке, во время которой авторы продавали свои книги толпам поклонников, и многое другое... Кстати, на этом же оптовом рынке состоялось и вручение жанровых «Мечей».

Центральным событием Конгресса стало вручение «Странников» по итогам прошлого года.

В номинации *«крупная форма»* победителем стал **Сергей Лукьяненко** (роман «Ночной дозор»). Книга, состоящая из трех частей, вышла в издательстве АСТ; одна из повестей под названием «Инквизитор» была впервые опубликована в 9-м номере журнала «Если» за прошлый год.

В *«средней форме»* премию получил **Александр Етоев** (повесть «Бегство в Египет» из одноименного сборника, Санкт-Петербург, «Геликон Плюс»).

В *«малой форме»* лучшим оказался **Андрей Саломатов** (рассказ «Праздник», «Если» № 7).

В области *критики и публицистики* награда была присуждена (посмертно) **Игорю Халымбадзе** за статью «Фантастический самиздат», опубликованную в «Если» № 9.

В номинации *«перевод»* отличился молодой переводчик **Андрей Лактионов** за цикл повестей Люциуса Шепарда «Сага о драконе» (АСТ). Заметим, что впервые читатель мог ознакомиться с центральной повестью Шепарда «Красавица дочь добытчика чешуи» в «Если» № 9, 1993 г., правда, в версии другого переводчика.

Лучшим *редактором-составителем* был назван **Александр Ройфе**, бессменный ведущий странички «КЛФ» («Книжное обозрение»).

Лучшим *художником* года, как и ожидалось, стала **Яна Ашмарина** за иллюстрации к семикнижию Р.Джордана «Колесо времени».

Лучшим *издательством* признали московское ЭКСМО. Приз получил **Леонид Шкурович**.

Премии *«Паладин фантастики»* в этом году вручили старейшему писателю и поэту из Санкт-Петербурга **Вадиму Шефнеру**. В рамках Конгресса была утверждена новая премия — *«Легенда кинофантастики»*. Фильмом-легендой был назван «Солярис» Андрея Тарковского. Приз вручили **Донатасу Банионису**, исполнителю главной роли, который весьма трогательно выступил перед многочисленной аудиторией.

Наш курр.

In memoriam

25 сентября 1999 года в Беркли (Калифорния) скончалась Марион Зиммер Брэдли. Она родилась в Олбани (штат Нью-Йорк) в 1930 году. Ее первые произведения были опубликованы в 1953 году, и вскоре она стала одним из ведущих фантастов Америки. Нашим читателям писательница известна в качестве автора множества произведений как в области научной фантастики, так и фэнтези. В журнале также был опубликован один из ее романов — «Меч Алдонеса» («Если» № 2, 1994 г.).

Редакция

КОУНИ, Майкл

(См. библиографическую справку в № 4, 1994 г.)

«Я пишу исключительно ради душевной релаксации и ухода от реальности, хотя деньги тоже существенны, поскольку помогают мне расслабляться еще больше. Когда я пишу роман, то стараюсь строго следовать намеченной сюжетной канве — если работа над романом затягивается более чем на месяц, я явственно ощущаю, как теряю к нему всякий интерес и сосредоточенность куда-то улетучивается... Что вызвало у меня желание начать писать научную фантастику? Скорее всего, вызов — и ничто другое! Мне не нравилась та фантастика, которую я читал в журналах, и я постарался сделать это лучше. Сначала пришлось, подобно многим, коллекционировать стандартные редакционные «отказы», но потом я нащупал тот тип произведений, который нравился редакторам и читателям. После чего я окончательно решил писать то, что хочет прочесть читатель, — вместо того, чтобы коренным образом менять издательский рынок на потребу собственному самовыражению».

Майкл Коуни.

Из сборника «Современные авторы научной фантастики».

КОУЭН, Джим (COWAN, J.)

Молодой американский автор Джим Коуэн (род. в 1966 г.) делает лишь первые шаги в научной фантастике, выступая преимущественно в журнале «Analog». Однако его рассказ «Лопата разума» вошел в сборник «Лучшая американская фантастика» за 1996 год.

В 1998 году Джим Коуэн вместе с художником-фантастом Уэйном Барлоу создал оригинальную фирму с многообещающим названием «Xenophiles». До этого Уэйн Барлоу успел прославиться несколькими альбомами «фантастического происхождения видов» — «Справочник Барлоу по инопланетянам», а Коуэн пояснил, что партнерами давно владела идея создать своего рода «цех по производству самых разнообразных представителей внеземной жизни для нужд кинематографа, телевидения и индустрии интерактивных игр, большинство из которых ныне построено на базе научной фантастики и фэнтези. Невозможно без досады смотреть на всех этих убогих монстров, способных испугать лишь наших бабушек и дедушек, не видевших «Чужого» или «Звездных войн», — либо совсем уж загримированных человекообразных, которыми полны сериалы типа «Вавилона-5». Мы же постараемся подойти к делу строго научно, как это делал Дарвин, тем более, что остается почти не систематизированным огромный массив эмпирического материала — в нашем случае, книжек научной фантастики и фэнтези». Любопытно, что из этого получится. Во всяком случае скучать будущим зрителям и «игрокам», очевидно, не придется.

СИЛВЕРБЕРГ, Роберт

(См. биобиблиографическую справку в № 10, 1995 г.)

В интервью журналу «Vector» (август/сентябрь 1976 года) один из ведущих американских писателей-фантастов Роберт Силверберг вспоминал:

«Единственное, что я в ясном уме и трезвом рассудке решил сделать в конце шестидесятых, так это вернуться заново к классическим темам научной фантастики. Мне казалось, они использовались не так, как надо — я имею в виду именно литературное исполнение, а не замысел, не мысли. Мне захотелось попытаться выправить это положение, привнести в научную фантастику литературу (в ту пору подобная задача мало кого интересовала, иначе говоря, попытаться переосмотреть всю «классику» этой литературы под новым углом зрения».

Десятью годами позже, выступая на одной из конвенций, писатель вернулся к годам «славной английской революции» — движению «Новой волны» (одним из самых горячих американских сторонников которой оставался на протяжении всех 1970-х), — однако тон его выступления несколько изменился:

«Мне и моим друзьям по другую сторону Атлантики и в голову не приходило, что мы создаем какую-то новую литературу, совершаем жанровую революцию — мы просто хотели вернуть уже существующую литературу на ее магистральный путь, по которому она шла, начиная с «Одиссеи» и «Путешествий Гулливера».

СЛЕЙДЕК, Джон

(SLADEK, John)

Американец Джон Слейдек (род. в 1937 г.) — один из самых ярких представителей *британской* «Новой волны», и в этом нет никакого противоречия. После окончания университета (даже двух) Слейдек работал инженером, чертежником, стрелочником на железной дороге, а в 1966 году перебрался в Лондон, где жил все время расцвета «Новой волны» (в настоящее время проживает в США). В фантастике Слейдек дебютировал рассказом «Поэты Миллгроува, штат Айова» (1966) и с первых произведений заявил о себе как о ревностном стороннике новой стилистики. Среди его самых заметных произведений — романы «Система воспроизводства» (1968; выходил также под названием «Мехазм»), «Эффект Мёллер-Фоккера» (1970; название на английском созвучно ненормативному: «Motherfucker Effect»). В 1980-е годы Слейдек выступил с более умеренной, написанной в традициях «романа воспитания» XVIII века, диалогией о роботе Родерике — «Родерик, или Образование юной машины» (1980) и «Родерик на свободе, или Дальнейшее образование юной машины» (1983).

Среди прочих книг Слейдека — одно из самых обстоятельных, ясных и критических исследований различных суеверий, псевдонаук и новомодных культов, выпущенное под названием «Новые апокрифы» (1973).

Подготовил
Михаил АНДРЕЕВ

САМЫЙ ЛУЧШИЙ СЕРВИС, ОТЛИЧНЫЕ ЦЕНЫ!

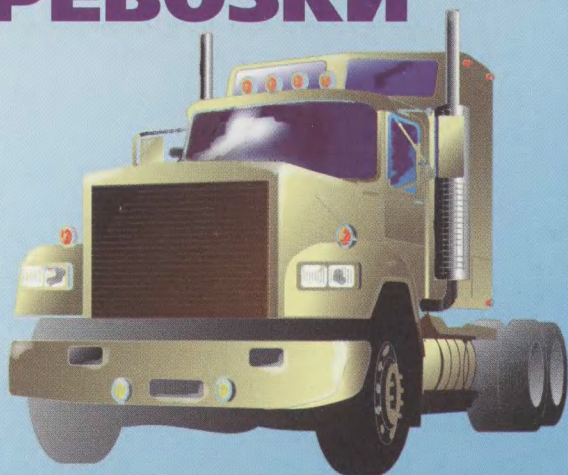
30 лет на рынке транспортных услуг

МАТО

**Можайское Акционерное
Транспортное Общество**

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ
И
ВНУТРЕННИЕ
АВТОГРУЗОВЫЕ
ПЕРЕВОЗКИ**

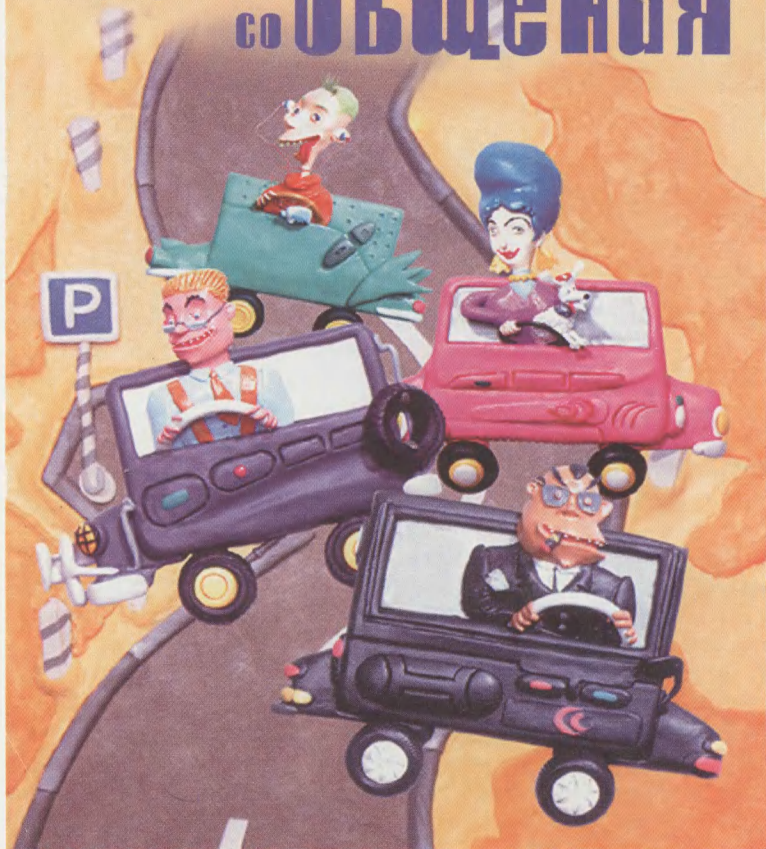
★ **Mercedes**
★ **Scania**

тел: (238)-23061, факс: (238)-20521

Пейджер – не роскошь, а средство сообщения

**MOBILE EXPRESS™
PAGING**

Мобайл Экспресс Пейджинг ПРЕДЛАГАЕТ ПЯТЬ МОДЕЛЕЙ ПЕЙДЖЕРОВ МОТОРОЛА

■ удобные формы оплаты	■ бесплатные секретарские услуги
■ различные варианты контрактов	■ информационные каналы

А ТАКЖЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ УСЛУГИ

- эксклюзивный информационный пакет агентства Рейтер
- возможность отправлять сообщения с компьютера, минуя бюро операторов
- получение электронной почты на пейджер
- автонавигационная система «Автокомпас»

Адрес: Ленинградский пр-т, 53. Телефон: 931-9686, 931-9688

Лицензия А01155 № 11876
выдана Госкомсвязи РФ